КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЯНВАРЬ

1901 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

26-го декабря 1900 года

въ 8 часовъ вечера

скончался въ Лубнахъ извѣстный малорусскій этнографъ

Матвѣй Терентьевичъ

Симоновъ (Номисъ).

Извѣщеніе о результатахъ конкурса, назначеннаго редакціей „Кіевской Старины".

Въ январѣ 1896 года редакціей нашего журнала былъ объявленъ конкурсъ для представленія ей въ теченіе двухъ лѣтъ обработаннаго курса Исторіи Малороссіи, объемомъ приблизительно около 25 листовъ печати. Подробныя условія конкурса и программа „Очерковъ Исторіи Малороссіи" напечатаны были въ № 2 журнала за 1896-й годъ. Такъ-какъ къ назначенному сроку не было представлено въ редакцію ни одного труда на этотъ конкурсъ, то срокъ представленія сочиненій на тѣхъ-же условіяхъ былъ продленъ сначала до 1-го января 1899 года, а потомъ до 1 января 1900 года. Въ прошломъ году, въ № 1-мъ, было заявлено, что на означенный конкурсъ доставленъ въ редакцію *одинъ только трудъ*, который, въ случаѣ признанія его удовлетворяющимъ требованіямъ объявленной программы, будетъ удостоенъ преміи въ *1000 рублей* и начнется печатаніемъ въ нашемъ журналѣ.

Въ настоящее время редакція считаетъ себя обязанной извѣстить, что означенный трудъ не признанъ удовлетворяющимъ требованіямъ объявленной программы, а потому редакція на ассигнованные ею для преміи *1000 рублей* разсчитываетъ пригласить отдѣльныхъ лицъ заняться составленіемъ „Очерковъ Исторіи Малороссіи" по указанной программѣ и, послѣ окончанія такого труда, напечатаетъ его на страницахъ журнала.

Правленіе „*Благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ*“ симъ объявляетъ *конкурсъ* на составленіе популярныхъ брошюръ на малорусскомъ языкѣ:

1) по сельскому хозяйству или естествознанію вообще, примѣнительно къ практическимъ потребностямъ и вопросамъ крестьянскаго быта южно-русскихъ губерній; 2) по гигіенѣ или медицинѣ, также въ формѣ практическихъ указаній, вытекающихъ изъ условій сельской жизни и приноровленныхъ къ наиболѣе настоятельнымъ нуждамъ малорусскаго крестьянства.

Необходимымъ условіемъ присужденія премій является общедоступность и простота изложенія; желательна беллетристическая форма. Предпочтеніе отдается произведеніямъ, пополняющимъ наиболѣе ощутительные пробѣлы популярно-научной малорусской литературы.

Размѣръ брошюръ опредѣляется отъ 1 до 3 листовъ, формата послѣднихъ изданій общества ($^1/_{32}$).

Премій назначается двѣ: 1) за лучшую брошюру, удовлетворяющую условіямъ конкурса и посвященную сельскому хозяйству или естествознанію, выдается сто пятьдесятъ руб.; 2) за лучшую брошюру по медицинѣ или гигіенѣ уплачивается отъ двадцати пяти до пятидесяти руб. съ печатнаго листа, смотря по достоинству произведенія.

Премированныя рукописи поступаютъ для перваго изданія въ распоряженіе „Благотворительнаго общества“.

Послѣдній срокъ представленія рукописей—1 января 1902 г.

Рукописи высылаются на имя Предсѣдателя общества—Д. Л. Мордовцева (С.-Петербургъ, Столярный пер. 6).

Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ исторіи каждой страны нѣтъ болѣе важнаго и интереснаго предмета, какъ жизнь даннаго народа, проявляется ли она въ видѣ опредѣленнаго массового движенія, взрыва и настроенія, или течетъ вяло, безцвѣтно, дробясь на тысячи мелкихъ индивидуальныхъ стремленій, интересовъ, столкновеній. Бурныя проявленія народной жизни, какъ все яркое и эффектное, всегда привлекали вниманіе историковъ,—благо, для изображенія такихъ моментовъ даже сухія и скудныя въ другихъ отношеніяхъ лѣтописи даютъ болѣе или менѣе обильный матеріалъ. Но какъ отдѣльный человѣкъ остается самимъ собою, совершаетъ ли онъ геройскіе подвиги, или погружается въ обыденные, житейскіе интересы, такъ и народная жизнь, вспыхиваетъ ли она яркой полосой, или погружается въ тусклыя сумерки будничнаго прозябанія, должна представлять для историка одинаковый интересъ, ибо въ томъ и другомъ случаѣ въ ней непрерывно совершаются эволюціонные процессы, пристальное наблюденіе надъ которыми только и можетъ привести къ познанію исторической закономѣрности. Но это пока—идеалъ будущаго; ближайшей же задачей историческаго изученія является по возможности все-

стороннее, живое и полное представленіе минувшей жизни въ ея повседневныхъ, будничныхъ проявленіяхъ.

Но гдѣ-же взять матеріалы для такого детальнаго изученія минувшихъ эпохъ? Обычные историческіе источники—лѣтописи, дипломатическіе акты, законодательные памятники и т. под. окажутся уже недостаточными. Наиболѣе пригоднымъ матеріаломъ для этого была бы литература изучаемой эпохи или, еще лучше, повседневная пресса, и нѣтъ сомнѣнія, что историки будущихъ вѣковъ, при изученіи нашей, напримѣръ, эпохи, главнымъ образомъ и будутъ пользоваться этимъ матеріаломъ. Но мы имѣемъ дѣло обыкновенно съ такими эпохами, литература которыхъ слишкомъ скудна и безжизненна, а періодической прессы и вовсе не было. Взамѣнъ той и другой приходится довольствоваться мемуарами. Но если и мемуаровъ нѣтъ или они плохи, тогда историку остается разсчитывать на единственный цѣнный матеріалъ, къ сожалѣнію не существующій для исторіи отдаленныхъ вѣковъ, но болѣе или менѣе сохранившійся отъ эпохъ болѣе къ намъ близкихъ: разумѣемъ судебные акты. Нѣтъ нужды въ подробномъ разъясненіи цѣнности этого матеріала для указанной цѣли; достаточно напомнить, что и въ наше время, при возможности непосредственнаго наблюденія надъ общественною или народною жизнью, нѣтъ болѣе удобнаго мѣста для подобныхъ наблюденій, какъ судебныя засѣданія, и не даромъ судебные отчеты занимаютъ такое видное мѣсто въ повременной печати. Нерѣдко уголовные процессы вскрываютъ такіе тайники души народной или же такія глубоко скрытыя язвы въ общественномъ организмѣ, которыя при обыкновенныхъ условіяхъ жизни не поддаются наблюденію.

Исторія Малороссіи болѣе, чѣмъ какая-либо иная, есть исторія народная. Самымъ блестящимъ и самымъ интереснымъ ея періодомъ справедливо считается XVII вѣкъ, когда украинскій народъ проявилъ высшее напряженіе своихъ духовныхъ силъ и, хотя на короткое время, устроилъ свою жизнь по своимъ извѣчнымъ идеаламъ; когда, по образному выраженію поэта,

Братерська наша воля,
Безъ холопа и безъ пана,
Сама соби, у жупани,
Розвернулася весела.

Ни литература того вѣка, скудная и безжизненная, ни записки иностранныхъ путешественниковъ, очень цѣнныя въ другихъ отношеніяхъ, не даютъ сколько-нибудь полнаго представленія о тогдашней народной жизни; своихъ же мемуаровъ изъ той эпохи мы и вовсе не имѣемъ. Остается разсчитывать на единственный источникъ—судебные акты; но прежде чѣмъ говорить объ этомъ источникѣ, необходимы нѣкоторыя предварительныя объясненія.

Въ то время, какъ для исторіи западной Малороссіи, т. е. Волыни, Подолья и отчасти Кіевской Украины, мы имѣемъ около шести тысячъ актовыхъ книгъ бывшихъ здѣсь въ XVI—XVIII вв. судовъ гродскихъ, земскихъ и магистратскихъ,—книгъ, представляющихъ неисчерпаемый матеріалъ для всесторонняго изученія протекшей жизни этого края,—объ актовыхъ книгахъ лѣвобережной Малороссіи ни въ одномъ историческомъ сочиненіи нѣтъ и упоминанія, да и самый вопросъ о существованіи такихъ книгъ еще не разъясненъ. Правда, въ Черниговскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1852 и 1857 гг. были напечатаны отрывки изъ Стародубскихъ магистратскихъ книгъ за 1683 и 1690 годы, но эти отрывки такъ незначительны по объему, что странно было и говорить о нихъ, какъ объ историческомъ матеріалѣ; о другихъ же актовыхъ книгахъ малороссійскихъ судовъ XVII—XVIII ст. составилось общее убѣжденіе, что онѣ погибли безъ остатка. Вотъ почему и о судоустройствѣ въ старой Малороссіи нельзя было сказать ничего опредѣлительнаго, и вопросъ объ этомъ важномъ предметѣ до послѣдняго времени не подвергался обстоятельному изслѣдованію. Лишь недавно стали извѣстны новые актовые матеріалы бывшихъ малороссійскихъ судовъ: въ Черниговскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1887 г. напечатаны отрывки изъ Нѣжинскихъ магистратскихъ книгъ за 1657 и 1673—74 годы; въ 1892 г. въ

приложеніи къ нашему журналу была издана цѣлая актовая книга Бориспольскаго ратушнаго суда за годы 1612—1698; наконецъ, намъ лично извѣстно, что въ библіотетѣ почтеннаго изслѣдователя старой Малороссіи А. М. Лазаревскаго хранятся отрывки актовой книги Борзенскаго сотеннаго суда 1664—1720 г. и четыре полныя книги Полтавскаго полкового суда второй половины XVII и XVIII вв., да двѣ книги того же суда (XVII в.) имѣются въ библіотекѣ покойнаго В. В. Тарновскаго, завѣщанной имъ, вмѣстѣ съ его музеемъ, Черниговскому губ. земству [1]). Итакъ, вотъ сколько актоваго матеріала прибыло въ теченіе послѣднихъ лѣтъ! Конечно, это лишь ничтожныя крупинки изъ того богатаго запаса актовыхъ книгъ, какой долженъ былъ скопиться въ Малороссіи въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтняго существованія въ ней своихъ судовъ, и мы твердо увѣрены, что со временемъ отыщутся и другія актовыя малороссійскія книги; но и тѣ, что уже открыты, представляютъ въ общей сложности настолько обильный и важный матеріалъ, что отнынѣ ни одинъ изслѣдователь малорусской старины не въ правѣ болѣе игнорировать его. Въ рукахъ г. Лазаревскаго этотъ матеріалъ отчасти уже послужилъ для интереснаго и пока единственнаго въ нашей литературѣ очерка судоустройства въ старой Малороссіи [2]), въ такой-же степени онъ пригоденъ и для освѣщенія многихъ бытовыхъ сторонъ ея прошедшей жизни.

Настоящіе „Очерки“ также составлены по актовымъ книгамъ преимущественно Полтавскаго полкового и отчасти другихъ козацкихъ судовъ, и нужно сказать, что лучшаго матеріала мы и пожелать не могли бы: едва-ли найдутся другіе судебные

---

[1]) Извѣстно, сверхъ того, что въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ Музеѣ, хранится актовая книга Прилуцкаго полкового суда за 1660 годъ, куда поступила изъ библіотеки П. Лукашевича.

[2]) См. его брошюру: «Замѣчанія на историческія монографіи Д. П. Миллера о малор. дворянствѣ и о статутовыхъ судахъ». Харьковъ, 1898 г.

акты, такъ ярко и полно отражающіе въ себѣ жизнь народную, какъ именно акты малороссійскіе. Это объясняется двумя причинами: а) судъ въ Малороссіи во второй половинѣ XVII в. былъ народнымъ, слѣдовательно всесословнымъ и вполнѣ свободнымъ отъ мертвящаго формализма, и б) юридическая практика еще не успѣла выработать тѣхъ мертвящихъ канцелярскихъ формъ, благодаря которымъ самыя яркія проявленія жизни, пройдя черезъ протоколъ, на половину обезличиваются, поэтому протоколы малороссійскихъ судовъ, писанные народнымъ языкомъ, отличаются жизненностью.

До переворота Хмельницкаго въ Малороссіи, какъ и въ другихъ областяхъ южно-русскаго края, существовали суды: статутовые—гродскіе и земскіе (въ Кіевѣ, Черниговѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ и Стародубѣ) и магдебургскіе—магистратскіе и ратушные въ городахъ и мѣстечкахъ. Всѣ они были построены на сословномъ началѣ: суды статутовые существовали почти исключительно для шляхтичей, магдебургскіе—для мѣщанъ. Существовалъ, кажется, и у козаковъ свой особый судъ, но о немъ пока еще ничего опредѣленнаго мы не знаемъ. Что же касается народной массы, то для нея не существовало спеціально организованнаго суда: посполитые, жившіе въ королевскихъ старостваxъ, судились у старостъ или ихъ намѣстниковъ, (такъ было въ староствахъ: Черкасскомъ, Любецкомъ, Остерскомъ, Нѣжинскомъ и мн. др.), а тѣ, что жили на частно-владѣльческихъ земляхъ, были подчинены присуду своихъ „дѣдичей“ или ихъ старостъ и намѣстниковъ. Правда, сельское и деревенское населеніе въ маловажныхъ дѣлахъ судилось собственнымъ, народнымъ—„громадскимъ“ судомъ, соотвѣтствовавшимъ древнему „копному“ суду, еще и въ то время существовавшему на Волыни и въ Кіевской Украинѣ, но государственная власть совершенно игнорировала „громадскій“ судъ, хотя „копный“ отчасти признавала. Когда Малороссія была освобождена и должна была вновь создавать себѣ формы гражданскаго быта, то ей нужно было прежде всего организовать судъ, такъ какъ старыя его формы не отвѣчали новымъ условіямъ обще-

ственной и политической жизни страны. Когда именно и какимъ законодательнымъ актомъ совершена была эта важная реформа—не извѣстно, но реформированные суды несомнѣнно функціонировали въ Малороссіи еще при жизни Хмельницкаго. Въ общихъ чертахъ реформа состояла въ слѣдующемъ: а) гродскіе и земскіе суды, а равно старостинскіе и частновладѣльческіе, были уничтожены, а вмѣсто нихъ учреждены были суды козацкіе: въ сотняхъ—сотенные, въ полковыхъ городахъ—полковые, и въ качествѣ высшей инстанціи, при гетманскомъ управленіи—судъ генеральный; б) существовавшіе до того времени въ Малороссіи магистратскіе и ратушные суды не только не подверглись той же участи, но получили еще бо́льшее распространеніе: теперь они встрѣчаются во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ только населеніе занималось торговлей и ремеслами; но такъ какъ сословный—мѣщанскій характеръ магистратскихъ и ратушныхъ судовъ не имѣлъ смысла въ безсословной Малороссіи, то эти суды не могли удержать прежней обособленности и скоро слились съ козацкими судами: въ сотняхъ—съ сотенными, въ полковыхъ городахъ—съ полковыми, хотя старинные магистраты въ маловажныхъ дѣлахъ часто дѣйствовали и безъ участія козацкой старшины; в) собственный юридическій кодексъ для малороссійскихъ судовъ, естественно, не могъ быть тотчасъ составленъ,—мысль о его составленіи возникла лишь въ началѣ XVIII ст., послѣ чего и было приступлено къ составленію свода „Малороссійскихъ правъ“; до тогоже времени (да и впослѣдствіи) малороссійскіе суды, какъ собственно козацкіе, такъ и магистратскіе и ратушные, въ равной мѣрѣ руководствовались Литовскимъ Статутомъ и Магдебургскимъ правомъ, но по большей части видоизмѣняли ихъ предписанія подъ вліяніемъ мѣстнаго обычнаго права или внутреннихъ понятій о справедливости. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что Литовскій Статутъ и Магдебургское право были удержаны единственно въ качествѣ юридической нормы при опредѣленіи рода наказаній за уголовные проступки и взысканій по тяжбамъ гражданскимъ; всѣ же прочія предписанія названныхъ кодек-

совъ, касавшіяся организаціи суда, порядка и формъ судопроизводства, вопросовъ о подсудности, правѣ апелляціи и т. под., не имѣли силы и были замѣнены новыми обычаями, нигдѣ, однако, не записанными. Судебныя засѣданія, какъ и въ прежнихъ судахъ, были всегда публичны и, какъ видно изъ протоколовъ, охотно были посѣщаемы; но это не была „публика“ въ современномъ значеніи, влекомая въ судъ лишь простымъ любопытствомъ: тогдашніе посѣтители шли въ судъ потому, что считали правосудіе актомъ общенароднымъ, и по мѣрѣ силъ старались оказывать ему содѣйствіе. Болѣе почетныя лица („зацныя персоны“) изъ числа присутствовавшихъ козаковъ и мѣщанъ были приглашаемы въ составъ суда и вмѣстѣ съ „урядовыми персонами“, т. е. присяжными судьями, участвовали въ совѣщаніяхъ при составленіи декретовъ. Но кромѣ того, каждый изъ присутствовавшихъ могъ безъ вызова заявить суду, что ему извѣстно по данному дѣлу. Если присутствовавшіе находили приговоръ слишкомъ суровымъ, они тутъ же ходатайствовали о его смягченіи, и такія ходатайства по большей части немедленно судомъ были удовлетворяемы. Порядокъ и формы судопроизводства отличались крайней простотой и патріархальностью. Все, что въ предписаніяхъ Статута и Магдебургскаго права отзывалось формализмомъ или создавало почву для казуистики, было отвергнуто: ни возныхъ, ни письменныхъ позвовъ, ни повѣренныхъ—ничего этого и въ поминѣ не было въ козацкихъ судахъ. За то въ нихъ практиковалось немало такихъ обычаевъ, о которыхъ не знаютъ ни Статутъ, ни Магдебургское право.

Такимъ же характеромъ простоты и отсутствіемъ канцелярскаго формализма отличаются и протоколы козацкихъ судовъ XVII ст. По формѣ ближе всего они подходятъ къ протоколамъ тогдашнихъ ратушныхъ судовъ, напримѣръ, Олыки, Ковля, Выжвы, та же въ нихъ и терминологія; но благодаря тому, что малороссійскія актовыя книги писались народнымъ языкомъ, онѣ тѣмъ самымъ выигрываютъ со стороны жизненности. Въ общемъ—это рядъ какъ бы стенографическихъ отче-

товъ, только болѣе короткихъ. Писарь не передаетъ своими словами содержанія жалобы или свидѣтельскаго показанія, а буквально воспроизводитъ рѣчи участниковъ процесса, сохраняя всѣ характерныя особенности живого слова, съ разными подчасъ наивностями, записывая даже разнообразныя формы обращенія къ суду истца, отвѣтчика или свидѣтелей. Благодаря такому пріему изложенія, актовыя книги козацкихъ судовъ обладаютъ необыкновенною силою увлекательности: ими положительно можно зачитываться, какъ реально-художественнымъ произведеніемъ. Передъ вами проходятъ словно живые люди XVII ст.; точно изъ фонографа, вы слышите ихъ подлинныя рѣчи, ощущаете какъ-бы дыханіе давно минувшей старины. И кого только нѣтъ въ этой волшебной панорамѣ! Благодаря единству суда, передъ вами мелькаютъ живыя тѣни изъ разныхъ слоевъ тогдашняго безсословнаго общества. Здѣсь вся Малороссія временъ Самойловича и Мазепы,—правда, преимущественно въ лицѣ порочныхъ своихъ гражданъ; но и самые ихъ пороки и преступленія нерѣдко такъ своеобразны, такъ рѣзко запечатлѣны характеромъ того оригинальнаго быта и вѣка!

И намъ казалось, что ничто не въ состояніи такъ непосредственно ввести читателя въ ту эпоху, какъ простой, безхитростный пересказъ болѣе характерныхъ процессовъ, сопровождаемый лишь необходимыми историко-бытовыми поясненіями. Мы старались выбрать такія дѣла, въ которыхъ раскрываются по возможности разнообразныя стороны и проявленія тогдашней жизни. Чтобы сохранить въ нашемъ пересказѣ то впечатлѣніе живой непосредственности, какое получается при чтеніи подлинныхъ книгъ, мы, слѣдуя пріему тогдашнихъ писарей, приводимъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ текстуально, какъ онѣ протоколированы, но чтобы не затруднить читателей-нефилологовъ, позволяемъ незначительныя текстуальныя измѣненія, именно—устраняемъ немногія, явно книжныя выраженія и формы (въ томъ убѣжденіи, что они принадлежатъ писарю, а не записаны изъ народныхъ устъ) и замѣняемъ тогдашнее безсистемное правописаніе близкимъ къ современному. Поэтому приво-

димые нами во множествѣ образцы тогдашняго языка со стороны формъ и начертанія не удовлетворятъ строгимъ требованіямъ филолога, которому рекомендуемъ обратиться къ подлиннымъ актамъ, но въ отношеніи лексическомъ они вполнѣ вѣрны подлинникамъ.

---

1. Убійство и грабежъ въ Самарскомъ монастырѣ.

Самарскій Николаевскій монастырь [1]), исторія котораго столь неразрывно связана съ исторіей Запорожья, получилъ начало не ранѣе 1672 года; но точныхъ свѣдѣній о начальныхъ годахъ его существованія не имѣется. Довольно сказать, что первое документальное о немъ упоминаніе (въ письмахъ кошевыхъ) относится лишь къ 1691 году. Вообще же можно утверждать, что въ началѣ существованіе этого монастыря было эфемерно: монахи (преимущественно изъ бывшихъ сѣчевиковъ) то сходились въ него, то по разнымъ причинамъ разбѣгались. Прежде всего, имъ не было житья отъ татаръ; монастырь находился одинаково далеко какъ отъ южной границы гетманщины, такъ и отъ Сѣчи, и потому ничтожный татарскій загонъ всегда могъ разорить его раньше, чѣмъ прибудетъ помощь съ той или съ другой стороны. Правда, въ 1687 г. московскимъ правительствомъ былъ заложенъ на р. Самари, близъ монастыря, Богородицкій городокъ; но это была ничтожная крѣпостца, съ незначительнымъ гарнизономъ, и на ея помощь нельзя было серьезно разсчитывать. При томъ же, надо вспомнить, какимъ бѣльмомъ на глазу у запорожцевъ служила Богородицкая крѣпость и какъ непріязненно они относились къ ея гарнизону; а Самарскіе иноки были плотью отъ плоти запорожцевъ и на все смотрѣли ихъ глазами. Но, кромѣ татарскихъ набѣговъ, монастырь постигали и другія бѣдствія. Въ 1690 г.

---

[1]) Близъ г. Новомосковска, Екатериносл. губ.; существуетъ и нынѣ.

въ іюлѣ появилась на Самари саранча, все истребила и своимъ трупомъ отравила воздухъ, отчего здѣсь открылся моръ, жертвою котораго сталъ игуменъ и многіе изъ братіи, остальные же въ страхѣ разбѣжались, такъ что къ осени въ монастырѣ осталось всего лишь три монаха, но и изъ нихъ два уѣхали зачѣмъ-то въ Ичню, оставивъ монастырь на попеченіе единственнаго брата, отца Авксентія, и при немъ стараго сѣчевика въ званіи послушника. Кромѣ этихъ двухъ лицъ, ни въ самомъ монастырѣ, ни близъ него не было ни одной живой души. Лишь изрѣдка сюда навѣдывались изъ ближнихъ зимовниковъ сѣчевики, остававшіеся для промысловъ, но и они опасались вступать въ зараженную обитель.

Къ этому именно времени относится кровавый эпизодъ, живыя подробности котораго сохранились въ актахъ полтавскаго полкового суда.

Въ Нехворощанскомъ монастырѣ [1]) проживали въ числѣ послушниковъ нѣкто Иванъ Петренко и Петро Винникъ. Первый былъ раньше „кравцемъ“ (портнымъ) въ Соколкѣ, а другой, безродный „нетяга“, съ молодыхъ лѣтъ служилъ по „винницяхъ“ (на винокурняхъ), отчего и получилъ свое прозвище, такъ какъ фамильнаго у него не было. При всей простотѣ и несложности экономической жизни тогдашней Малороссіи, въ ней было всегда много субъектовъ, по разнымъ причинамъ не умѣвшихъ пристроиться ни къ какому опредѣленному дѣлу или же легко выбивавшихся изъ жизненной колеи. Ихъ такъ и именовали: „*неробочіе*“, „*гультяи*“. Изъ такихъ неудачниковъ въ военное время легко рекрутировались охотницкіе полки и и запорожскія „ватаги“, а когда войны не было, они „тягались“ по винокуреннымъ, пивовареннымъ и селитреннымъ заво-

---

[1]) Нехвороща—тогда сотенный городъ Полтавскаго полка, нынѣ мѣстечко Константиноград. у. Тамъ находился Успенскій монастырь, основанный одновременно съ Самарскимъ и закрытый въ 1786 г.

дамъ, а болѣе отважные пускались на легкую, хотя опасную „дòбычъ“ въ качествѣ „прыбышовъ“ (разбойниковъ). Наши новые знакомцы Петренко и Винникъ пока избрали средній терминъ—поступили въ монастырь, гдѣ ихъ охотно приняли, какъ мастеровыхъ людей, возложивъ на нихъ и „послушаніе“, соотвѣтственно ихъ прежнимъ занятіямъ: Петренко обшивалъ братію, а Петро Винникъ работалъ на монастырской винокурнѣ. „Но скученъ міръ однообразный сердцамъ, рожденнымъ для войны“, такъ и нашимъ „нетягамъ“ не могло прійтись по вкусу иноческое безмолвіе, ночныя бдѣнія, а паче всего воздержаніе и обязательный трудъ. Имъ мерещилась иная жизнь—сытая, пьяная и привольная; но для такой жизни нужно много денегъ, а ихъ не заработаешь столько честнымъ трудомъ. Вотъ если бъ подвернулся счастливый случай, легкая „дòбычъ“!

И вотъ имъ показалось, что такой случай представился. Въ ихъ монастырь пришли два брата изъ Самари и повѣдали горестную вѣсть, что тамъ свирѣпствуетъ ужасный моръ, игуменъ и многіе изъ братій умерли, остальные разбѣжались, а самая обитель со всѣмъ ея имуществомъ и казной оставлена впустѣ, и никто не смѣетъ войти въ нее изъ страха заразы. Петренкомъ и Винникомъ разомъ овладѣла преступная мысль.—„А много ли казны осталось въ монастырѣ“? разспрашивали они пришельцевъ. Тѣ въ точности этого не знали, но полагали, что очень много, а добра всякаго—серебряной посуды, шолковыхъ матерій, турецкихъ платковъ, поясовъ и не перечесть: запорожцы любили свою обитель и щедро одѣляли ее всѣмъ, что ни посылалъ имъ Господь на сушѣ и на морѣ, въ татарскихъ и турецкихъ земляхъ. И вотъ Петро Винникъ, какъ болѣе опытный въ такихъ дѣлахъ, сталъ подговаривать товарища отправиться на легкую и богатую „добычъ“ въ Самарскій монастырь. Петренко не долго колебался, и въ ближайшую ночь, въ началѣ октября 1690 г. оба они исчезли изъ Нехворощи. Предпріятіе казалось имъ очень легкимъ и безопаснымъ: вѣдь монастырь совершенно пустъ, къ нему боятся даже приблизиться,—кто же помѣшаетъ имъ похозяйничать тамъ, какъ дома? Когда они

пришли на Самарь, тамъ дѣйствительно на всемъ лежала печать заброшенности и запустѣнія, но монастырь не былъ все-таки совершенно оставленъ: въ немъ обитали старецъ Авксентій и при немъ послушникъ, престарѣлый сѣчевикъ Ѳедоръ. Это значительно разстраивало планы нашихъ добычниковъ, но отступать было уже поздно. Они сдѣлали видъ, будто пришли съ намѣреніемъ вступить въ число братіи опустѣлаго монастыря; конечно, ихъ приняли очень охотно. А на четвертый день послѣ этого Петренко и Винникъ вѣроломно убили пріютившихъ ихъ старцевъ, ограбили монастырскую казну, взяли немалую сумму наличныхъ денегъ и какія нашли цѣнныя вещи и оставили монастырь на этотъ разъ совершенною „пусткою“, съ двумя непогребенными трупами. Убійцы были столь безпечны, что возвратились снова въ Нехворощу, гдѣ ихъ, конечно, тотчасъ и накрыли. Имъ не удалось воспользоваться ни одной полушкой изъ своей „добычи“, такъ какъ путь изъ Самари до самой Нехворощи проходилъ совершенной пустыней, и они съ деньгами умирали отъ голода. Отобранныя у нихъ вещи ясно указывали на то, гдѣ они ихъ добыли; да они, впрочемъ, и не думали таиться и при первомъ допросѣ во всемъ повинились. Мѣстный сотникъ арестовалъ ихъ и подъ конвоемъ отослалъ въ Полтаву.

18 октября происходило первое засѣданіе полкового суда по дѣлу объ этихъ „кгвалтовникахъ и запамяталыхъ забойцяхъ“, привлекшее въ зданіе ратуши многочисленную публику. Съ нихъ стали снимать допросъ, при чемъ они „сами доброволне злость свою вызнавалы, повидаючы: „Грихъ то насъ, панове, смертелный такъ спиткавъ, що мы невынныхъ душъ позабывалысьмо въ монастыри святого Ныколы Самарскимъ“. Первымъ былъ допрошенъ Иванъ Петренко, давшій такое показаніе:

— Булы мы въ товарыстви въ монастыри Нехворощанскому, я бувъ послушныкомъ, а Петро выннымъ. И ставъ мене Петро намовляты: „Ходимъ, мовытъ, на добычъ на Самарь, до монастыра тамошнёго“. Я кильокротне зборонявся, не прыступаючы на тіи ёго слова, а напотимъ, давшыся намовыты,

пишлысьмо обыдва до монастыра Самарского и прожылысьмо тамъ днивъ чотыри; я жъ зостававъ пры козаку, который въ тимъ же монастыри бувъ послушныкъ, а Петро пры черници, въ едній целіи (кельи). А такъ мени Петро мовывъ: „наперед ты козака вбый, а вбывшы прыйды до мене, скажешъ мени висть о смерты ёго, а я того-жъ часу убью черница". Съ которои Петровои порады вбывъ я ночнои поры того козака, вже спячого, обухомъ въ голову, и свичка свитылася, а по вбытю, взявшы свичку, пійшовъ до Петра, ажъ Петро стоитъ зъ черницемъ у пекарни. Такъ тоди Петро тымъ же обухомъ стоячого черница вдарывшы въ голову, обвалывъ на землю и ставъ вязаты, пытаючысь грошей. А той небожчыкъ чернець сказавъ: „гроши у скрыни, въ трапези". Тоди одбывшы тую скриню, найшлысьмо въ ній готовыхъ грошей трыста золотыхъ, кубокъ срибный церковный, жупанивъ чотыри, шапокъ кунихъ такожъ чтыри, поясивъ шовковыхъ малыхъ два, и третій блакытный бильшій, хустокъ турецькыхъ пять, кытайкы жовтои штука и запаска червоная кытайчаная. Зъ тымы всимы ричамы пійшлысьмо зъ Самарского монастыра, и прыйшовшы до Кильчени [1]), подилылысьмося въ ривный дилъ, и въ Нехворощу прыбулы, де насъ панъ сотныкъ піймавшы, тіи вси помененныи ричи и гроши одибравъ одъ насъ".

Другой „забойця", Петро Винникъ началъ такъ:

— Панове, власне було, якъ повидаетъ Иванъ, товарышъ мій",—и затѣмъ буквально повторилъ его разсказъ, прибавивъ лишь слѣдующую подробность объ убійствѣ имъ старца Авксентія: „Винъ же, небожчыкъ, рукы и ногы мои цилуючы, для мылостывого Бога просывся, абы я ёго не забывавъ; однакъ я, не глядячы на ёго прозьбу, згладывъ ёго своимы рукамы зъ сёго свита". Свое показаніе Петро такъ закончилъ: „Шоты моеи повисты; хочъ и на той свитъ пійду, бильше мене не пытайте: остатнюю правду вамъ повидаю".

---

[1]) Рѣка въ Новомосковскомъ у., правый притокъ Самары.

Судъ велѣлъ записать „доброволнее прызнатя тыхъ зброднивъ“, а ихъ самихъ отвести въ тюрьму, „покиль хто за почынення того забойства не одзовется стороною акторскою“, т. е. пока явится обвинитель или же лице, потерпѣвшее отъ даннаго преступленія.

Но черезъ два дня судъ снова вызвалъ обвиняемыхъ и, не довольствуясь ихъ добровольнымъ сознаніемъ, велѣлъ ихъ „на квестію (иначе: „на пробу“, „на спытку“) даты, допытуючысь“, не взяли-ли они въ Самарскомъ монастырѣ еще какихъ-либо вещей, „або товарыства зъ собою больше чы не малы“. Иванъ Петренко былъ пытанъ троекратнымъ приложеніемъ раскаленнаго желѣза, а Петро Винникъ „звычайною мистровскою пробою трикротною“, т. е. дыбою. Оба они утверждали прежнее показаніе: ничего больше изъ монастыря не брали и въ „товарыстви“ съ ними никого не было. „Вже мени—прибавлялъ Цетро—прыходытъ часъ на той свитъ иты: самую правду вамъ повидаю“.

Лишь въ началѣ ноября „отозвалася акторская сторона“ въ лицѣ прибывшаго въ Полтаву „честного отца Веніамина, законника монастыра Самарского“. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ изъ Сѣчи козакъ Васько съ „товарыствомъ“, присланный въ качествѣ представителя Войска Запорожскаго низового, считавшаго себя патрономъ и ктиторомъ Самарской обители. Когда открылось засѣданіе полкового суда и были введены подсудимые, отецъ Веніаминъ, какъ главный истецъ и обвинитель, держалъ такую рѣчь:

— Панове! Оныи запамяталыи и Бога небоячіися люде монастыръ нашъ кривью невынною осквернылы, брата мого отця Авксентія убывшы и послушныка зъ нымъ Ѳедора, побралы гроши, що тамъ було, и иншіи речи. Нехай бы незбожныкы, худобу тую забравшы, жывыхъ ихъ въ монастыру оставылы,—меншая бъ то скорбъ була; а то знялыся имъ рукы, безбожныкамъ, погубыты невынныи души. По моровій плядзи (бѣдствіи, карѣ), якъ по Божимъ допущеніи черезъ той же моръ превелебный въ Богу отець игуменъ нашъ зъ братіею зъ

сёго свита пійты мусилы, тоди мы осталыся тры насъ тилько въ монастыри. Я жъ для нужнои потребы поихавъ бувъ зъ монастыра до Ични, а ё о, отца Авксентія небожчыка, зоставывъ въ монастыри съ послушныкомъ Ѳедоромъ, въ которій дорози одно часъ не по тому бувъ, а друге—все на мысль прыпадае вертатыся до монастыра Самарского назадъ; такъ я и вернувся зъ другымъ братомъ, который теперъ въ Сичи. Прыихалысьмо въ Самарь, до монастыра, ажъ выйшовъ до насъ козакъ той, що монастырскіи посудкы (снасти) на ловъ рыбный беретъ, и ставъ до насъ мовыты: „Отцеве честныи! Прыйшовъ я тилько що зъ куреня въ монастыръ, ажъ померъ, знаты, зъ мору отець Авксентій, и послушныка Хведора нема. Да тутъ було и два чоловикы, казалыся съ Полтавы, а нема ихъ теперъ: десь-то небожчыкъ ихъ послався". Чуючы одъ козака такую мову, звонтпылемся (я не рѣшился) зъ другымъ братомъ и въ монастыръ иты, а потимъ тее не въ певносты стало: тыи люде, що зъ Полтавы меновалыся, де бъ милы буты посланыи? Тыхо прыйшовшы я въ монастыръ, викно видсунувъ въ целіи; виконыця впала на землю. Гляну—ажъ послушныкъ, небожчыкъ Ѳедоръ, лежыть, голова ёму напивъ перетята. Потимъ прыйшлы мы до целіи, де чернець бувъ, ажъ небожчыка убыто и голову у пологъ увернено, той пологъ увесь кривавый, у голови дви раны велыкыхъ, сокырою протятыхъ, було, а плечи и груды одъ обуха вси збыти зосталы. Обачывшы мы тее забойство, одъихалы въ Новобогородычынъ, а съ потребу возивъ нанявшы, прыихалы въ монастыръ и все, що було, въ городъ Новобогородычынъ позабиралы. Правда, въ церкви святій церковныхъ ричей ничого не брано, тилько, якъ чую есть записано, скрыню одбыто въ трапези и гроши, и що було при грошихъ, все побрано. О которыхъ квалтовныкахъ и забойцяхъ вже въ Новобогородычнимъ вчувъ я, що воны есть тутъ, въ полтавскимъ вязеню, зъ якыхъ запамяталыхъ людей прошу мылостей вашыхъ святои справедлывосты".

Козакъ Васько и его товарищи, делегаты Запорожья, заявили, что они съ своей стороны „попырають (поддерживають)

тую жъ справу", и именемъ кошевого и всего Войска Запорожскаго низового просили „скутечнои справедлывосты зъ тыхъ домови Божому кгвалтовныкивъ и душъ людскыхъ забойцивъ".

Слово еще разъ было предоставлено обвиняемымъ, не сообщатъ ли они еще чего-либо, касающагося совершеннаго ими преступленія, но отъ нихъ послѣдовала лишь слѣдующая „отповидь":

— Вже, панове, покилькокротне до того свого злого учынку прызнавалысьмося, такъ и теперъ тее жъ повидаемъ: я, Иванъ Петренко, вбывъ послушныка Хведора обухомъ, а я, Петро, чернця до смерты прыправывъ; а якъ въ той монастыръ Самарскій прыйшлысьмо, есть мылостямъ вашымъ достатечне видомо зъ прызнатя нашого".

Судъ нашелъ, что „вси слушныи доводы", т. е. уличающія обстоятельства, достаточно разъяснены, и приступилъ къ составленію декрета. Этому предшествовала „судовая порада" (совѣтъ), на которой „вси згодне одынъ къ другому склонывшыся", судьи „удалыся до кныгъ Статуту Литовского" и нашли въ раздѣлѣ одиннадцатомъ артикулъ третій „о кгвалтѣ церковъ Божіихъ набоженства христіянского", гласящій: „если бы хто, кгвалтовне на церковъ Божую найшовшы, кого забилъ, тотъ горло тратитъ". Это наказаніе показалось судьямъ недостаточно строгимъ для даннаго случая, и они остановились на 18 артикулѣ того же раздѣла: „хто кого молчкомъ потаемне ножемъ и якою иншою бронью на улицѣ, въ дому албо въ коморцѣ забьетъ, таковый срокгою карностю, четвертованьемъ зъ свѣта маетъ быти зглаженъ". Къ такой именно казни судьи и приговорили Петренка и Винника.

Но въ это время отецъ Веніаминъ заявилъ домогательство, чтобы осужденные еще разъ были даны „на квестію": онъ не зналъ навѣрное, „чы много тыхъ всихъ грошей було въ скрыни у трапези", и хотѣлъ, чтобы это было ему выяснено. Судьи хотя и находили вторичную пытку излишней послѣ произнесенія декрета, и безъ того опредѣлившаго осужденнымъ очень „срокгую карность", но не захотѣли отказать „акторской сторонѣ"

въ ея домогательствѣ. Преступники были отведены въ тюрьму и тамъ снова подвергнуты „спытцѣ“ при помощи „сродзе роспаленого“ желѣза, въ присутствіи отца Веніамина, который, по принятому обычаю, обязанъ былъ лично задавать пытаемымъ вопросы. Отвѣты получились прежніе: „не бильшъ, тилько таляривъ сто (иначе 300 золотыхъ) було, тыхъ грошей, которымы въ ривный дилъ на Кильчени подилылысьмо. На той вже свитъ идемо, остатнюю повидаемъ правду“.

„По спытцѣ оной (заключаетъ протоколъ) тие кгвалтовники и забойци отъ мистровыхъ рукъ четвертованямъ зъ сего свѣта пойшли“. Протоколъ не упоминаетъ о мѣстѣ совершенія казни, но она обычно происходила на площади базарной, въ присутствіи толпы народа.

Отобранныя отъ преступниковъ деньги и вещи были отданы отцу Веніамину, „яко сторонѣ акторской“, съ тѣмъ, чтобы онъ то и другое „мѣсцу святому, до монастыра Самарского вернулъ“. При отдачѣ денегъ вышелъ немалый конфузъ: преступники и добровольно, и на пыткѣ твердили, что у нихъ было отобрано сто таляровъ, или триста золотыхъ, а въ наличности ихъ оказалось всего двѣсти золотыхъ и то еще „безъ пяти копъ“. Судьи объясняли этотъ недочетъ тѣмъ, „що тыи гроши черезъ розніе руки ишли“, при томъ же о. Веніаминъ и самъ навѣрное не зналъ, „чи много ихъ всѣхъ було, нѣмъ (пока) пану сотникови подано“. Впрочемъ, заключилъ судъ, это обстоятельство „на увазѣ панской (т. е. полковника) належати маетъ“.

---

2. Прыбыши.

Герои Самарской „трагедіи“ Петренко и Винникъ, какъ мы видѣли, принадлежали къ категоріи тѣхъ „неробочыхъ“ людей, или „гультяевъ“, которымъ тягостенъ былъ скромный повседневный трудъ пахаря или ремесленника; имъ все мерещилась легкая „добыча“, которая доставляла бы неизсякаемыя средства для беззаботной, разгульной жизни. Къ такому „добычничеству“

малороссъ XVII ст. легко могъ пріучиться самымъ ходомъ политическихъ событій на своей родинѣ: не говоря уже о запорожцахъ, постоянно предпринимавшихъ морскіе и сухопутные походы за добычей, стоитъ вспомнить безконечныя войны, долго не прекращавшіяся въ Малороссіи, когда козакъ возвращался съ похода, обремененный богатою добычею, и беззаботно пропивалъ талеры и дукаты и за безцѣнокъ сбывалъ дорогую утварь, платье и оружіе, увѣренный, что скоро предстоитъ новый походъ, и онъ снова легко добудетъ этого добра, сколько пожелаетъ. Когда войны сдѣлались рѣже, а походы въ чужія государства, какъ раньше въ Молдавію и Польшу, и вовсе прекратились, пріобрѣтенная долгими годами страсть къ добычничеству или спорадически проявлялась въ такихъ дикихъ взрывахъ, какъ массовые „рабунки“ богатыхъ и значныхъ въ 1687 г., послѣ низложенія Самойловича, или же принимали хроническую форму „прыбышства“, т. е. разбоевъ. Любители легкой наживы, „прыбыши“ соединялись въ небольшія шайки, укрывались въ лѣсахъ, при большихъ дорогахъ и рѣчныхъ переправахъ, и грабили и убивали проѣзжихъ. Почему-то преимущественно жертвами ихъ свирѣпства являлись „московскіе люди“, торговцы и даже военные, приходившіе въ Малороссію съ своими воеводами. „Прыбыши“ имѣли своихъ пристанодержателей, укрывателей и сбытчиковъ награбленной добычи. Для отвода глазъ они нерѣдко накупали рыбы или дегтя и пускались въ торговлю, въ прасольство или на другіе промыслы, но главнымъ, профессіональнымъ ихъ занятіемъ все-таки было воровство и разбой. Легко добывая деньги, они такъ же легкомысленно и растрачивали ихъ: на базарахъ, на ярмаркахъ водили за собою музыкантовъ, поили и угощали перваго встрѣчнаго и съ напускнымъ равнодушіемъ не берегли ни мало своихъ кармазиновыхъ жупановъ и цвѣтной обуви, чѣмъ нерѣдко и выдавали свое профессіональное занятіе. Казалось бы, что, при отсутствіи организованной полиціи, при безусловной свободѣ занятій и передвиженія населенія, при отсутствіи даже намека на что-нибудь въ родѣ паспортовъ, приписки къ обществу и другихъ мѣръ современнаго полицей-

скаго контроля, трудно, даже невозможно было властямъ успѣшно бороться съ этимъ ужаснымъ зломъ—разбоемъ; но, просматривая декреты тогдашнихъ малороссійскихъ судовъ, мы поражаемся сравнительною малочисленностью дѣлъ о разбояхъ и на каждомъ шагу находимъ доказательства, что власть отлично справлялась съ „прыбышами“ и, какъ говорится, держала ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Безъ сомнѣнія, этому отчасти должны были способствовать тѣ жестокія мѣры наказанія, какія тогда примѣнялись къ разбойникамъ, попадавшимъ въ руки правосудія: ихъ немилосердно вѣшали, а не то—отсѣкали по одной рукѣ и ногѣ или пятнали урѣзываніемъ носа, ушей, а при допросахъ жестокими пытками заставляли выдавать товарищей и соучастниковъ. Но лучшей и наиболѣе дѣйствительной гарантіей противъ чрезмѣрнаго размноженія разбоевъ, какъ и другихъ преступленій, служилъ живой, дѣятельный и неусыпный контроль самого общества надъ каждымъ изъ своихъ членовъ и та полная, завидная и для нашего времени солидарность между обществомъ и властью, какая неизмѣнно проявлялась, по крайней мѣрѣ въ области правосудія, въ дѣлѣ открытія и преслѣдованія преступниковъ. При малолюдности тогдашнихъ даже городскихъ поселеній, почти всѣ односельцы знали лично другъ друга, жизнь каждаго протекала у всѣхъ на виду, и не было возможности укрыться дурному поступку. Пословица же: „моя хата съ краю“, очевидно, сложилась впослѣдствіи, при другихъ общественныхъ и административныхъ порядкахъ; во всякомъ случаѣ въ то время, о которомъ мы говоримъ, она рѣшительно не примѣнялась въ жизни. Не только тотъ, кто непосредственно терпѣлъ отъ даннаго преступленія, но и всякій, кто о немъ вѣдалъ или могъ навести на его слѣдъ, не стѣснялся обращаться къ содѣйствію власти или даже возбуждать противъ виновнаго судебное преслѣдованіе. Простота и патріархальность тогдашней юстиціи, отсутствіе тонкихъ, недоступныхъ простому разумѣнію юридическихъ формальностей, благопріятствовали этому въ полной мѣрѣ. Никто не опасался столь страшной впослѣдствіи судебной волокиты, ибо таковой вовсе еще не было. Въ судебныхъ актахъ того времени можно указать

сотни дѣлъ по разнымъ уголовнымъ проступкамъ, возбужденныхъ совершенно посторонними, нимало отъ нихъ не потерпѣвшими лицами. Мало того, благодаря гласности и публичности тогдашняго суда, при самомъ разборѣ даннаго дѣла изъ среды присутствующей въ судѣ публики то и дѣло выступали частныя лица и безъ всякаго стѣсненія уличали подсудимыхъ, если тѣ показывали неправду, и нерѣдко при этомъ сообщали суду очень важныя свѣдѣнія по данному дѣлу. Вотъ чѣмъ была сильна и страшна для преступниковъ тогдашняя юстиція въ Малороссіи; вотъ почему ея малочисленная администрація, даже не имѣвшая въ своемъ составѣ спеціально полицейскихъ органовъ, съ успѣхомъ обуздывала и во время накрывала любителей легкой „добычи“! Поэтому и самые разбои въ то время были довольно мелки и не такъ ужъ часты. Такія крупныя фигуры на этомъ поприщѣ, какъ знаменитый Гаркуша, формировались въ другое время, при другихъ условіяхъ.

Нижеслѣдующій пересказъ одного судебнаго процесса „о розныхъ прыбышахъ“ долженъ послужить живою иллюстраціею къ сказанному.

Въ августѣ 1688 года нѣкто Прокопъ Столчанинъ, житель полтавскій, бывши въ Решетиловкѣ, обратилъ вниманіе мѣстной старшины на одного франтоватаго гуляку, который „марне копійкамы и иншымы гришмы шафуетъ и подъчасъ въ кали въ сапьяновыхъ чоботихъ въ грязи ходытъ“, и предложилъ задержать этого молодца „на выводъ, що бы винъ мивъ буты?“ Задержанный оказался Процыкомъ Стадниченкомъ, небезъизвѣстнымъ сотенной старшинѣ, такъ какъ онъ одно время проживалъ даже въ Решетиловкѣ, занимаясь шинкарствомъ, потомъ неизвѣстно куда исчезъ, оставивъ по себѣ довольно темную память, какъ человѣкъ „неневный“. На вопросъ, чѣмъ онъ теперь промышляетъ и откуда добылъ тѣ значительныя деньги, которыми такъ „марне шафуетъ“, Процыкъ не далъ удовлетворительнаго объясненія, и потому сотникъ рѣшилъ отправить его, какъ подозрительнаго

человѣка, въ Полтаву, гдѣ въ то время происходилъ большой розыскъ о пойманныхъ въ разныхъ мѣстахъ „прыбышахъ“, авось и Процыкъ окажется изъ этой же компаніи. Тамъ дѣйствительно нашлись между арестантами его давніе знакомцы, признавшіе въ Процыкѣ своего стараго компаньона; но самъ онъ упорно отрицалъ это и ни въ чемъ не хотѣлъ сознаться.

Насталъ день разбора этого дѣла въ полковомъ судѣ. Въ числѣ другихъ подсудимыхъ, призванъ былъ къ допросу Процыкъ; онъ и на судѣ продолжалъ отрицать свою виновность не только въ разбоѣ, но и въ какомъ бы то ни было преступленіи. Но въ это время изъ публики выступилъ „значный товарышъ“ панъ Тимошъ Гаевскій и сказалъ:

— Панове! Я заразъ пизнавъ того неробочого, прыбыша Процыка. Хиба-жъ я—продолжалъ онъ, уже обращаясь къ подсудимому—не видаю досконале о твоихъ нецнотахъ? Якъ бувъ я высланымъ (командированнымъ) одъ бувшого полковныка Семеновыча въ Новимъ-Санджарови, а ты самочвартъ съ прыбышамы въ купця Краснокуцкого орихы зъ воза выкралы-сте и и орихы тыи волоскіи михомъ носылы-сте въ Старый-Санджаривъ, продаючы чумакови, и того чумака, якъ злодія, за тыи орихы карано, и шкуру возовую поризалы-сте, явный злодію. Я жъ тебе хотивъ за те караты, а ты просывся и подыймовався добрымъ буты, и за упрошенямъ твоимъ давь я тоби кобенякъ, убраня и шапку. И ты, нецното, зрадывъ мене: побравшы мою одежу, знову въ тимъ же есы прыбыстви. Де жъ ты, нецното, грошей тилько мивъ набраты? Ты явный злодій!

Процыкъ ничего не отвѣтилъ на эту обвинительную рѣчь пана Гаевскаго.

А тутъ поднялся полтавскій мѣщанинъ Марко Тесля, „зацная персона“, и такъ „повидавъ:“

— Панове! Того запамяталого ризуна людского, прыбыша Процыка Стадныченка новосанджаривского зъ грихомъ вамъ ёго жывыты (оставлять въ живыхъ) для велыкыхъ шкодъ, яки винъ плодыть, по ризныхъ мисцяхъ, по рикахъ, въ лисахъ людей мордуючы. Отъ и прошлого року, пидъ часъ походу війскового,

въ стороживъ, въ пасици чернецькій, множство винъ съ прыбышамы людей руськыхъ [1]) поризалы, тилько копійкы и оружя доброе одбираючы. А въ манастыру часто бываютъ зимою, бо зъ Паськомъ шынкаремъ товарыство міють. А якъ Процыкъ зъ вязеня полтавского втикъ, много винъ въ ровняхъ (въ степяхъ), въ рикахъ людей невынныхъ помучылы зъ Кыктемъ и зъ Чутомъ, которыи Кыкоть и Чуть и теперъ зъ прыбышамы самочвартъ въ стинци [2]) Билыцькій зостають, а сей Процыкъ, товарышъ Кыктивъ и Чутивъ, для славы будто въ торговлю кынувся, шафуючы скарбомъ людскымъ, которого скарбу прыбыствомъ, людей невынныхъ рижучы, добулы. Увесь Подолъ нашъ, пидъ монастыремъ, досконале о тимъ свидомъ. Той же Процыкъ уже тры разы въ мистра (палача) въ рукахъ бувавъ, а все зъ вязеня втикаетъ. Билшыхъ злостей Процыковыхъ не можно выповисты. Тое вамъ истотне повидаю. Знаетъ же Процыка и братъ Паськивъ ридный Самойло (одинъ изъ подсудимыхъ), бо воны зъ тымъ Самойломъ изъ вязеня полтавского втеклы, а напотимъ чоловика заризавшы, кони и возы побралы. Я жъ самъ и піймавъ сёго Процыка, злодія, зъ конемъ и зъ возомъ и зъ хомутомъ и давъ въ двиръ ёго мылосты панови полковныкови въ Полтави. А посли того знову воны въ ричкахъ, по розныхъ мисцяхъ, людей розбываючы, шкоды строилы".

Далѣе „обизвався" Левко Хлибенко, козакъ полтавскій, и обращаясь къ Процыку, такъ „мовилъ":

— „Азажъ (развѣ) ты, злодію, съ прыбышамы не прыходывъ пидъ мою кимнату, хтячы кимнатное окно открутыты? А мене сторожъ дворовый остеригъ, такъ я выбигъ на мій двиръ, ажъ ты и твое товарыство, втикаючы черезъ перелазъ, одбиглы со-

---

[1]) Рѣчь идетъ о первомъ Голыцынскомъ походѣ въ Крымъ въ 1687 г. Монастырь разумѣется полтавскій. Любопытно, что великороссовъ и въ то время, какъ и нынѣ, именовали въ Малороссіи «руськими». И въ «протокулѣ» Стародубскаго магистрата 1690 г. великороссіяне именуются нерѣдко «людьми руськои породы».

[2]) *Стинка*—гора, поросшая лѣсомъ.

кырку, которая и теперъ при менн зостаетъ, а тебе, злодію, піймавъ я въ тини мисячній пидъ кимнатою, и ты зъ рукъ моихъ втикъ. Оповищавъ я твою злость сусидомъ и прыятелемъ моимъ Иваномъ Краснопырычомъ».

Наконецъ отозвалась нѣкая Палажка Кунтушивна и „доброволне сама на себе тое вызнала“:

— А що жъ, панове, якъ шынковала я въ пана Якова Перехрысты, добре ся знала съ прыбышамы, а зъ сымъ Процыкомъ прыбышомъ и дытыну соби прыплодыла, которое дытя и вмерло“.

Имѣя противъ себя цѣлый сонмъ свидѣтелей и уличителей, поколебался въ своемъ упорствѣ Процыкъ „неробочый“ и такъ „доброволне самъ на себе вызналъ“:

— А що жъ, панове, рикъ тому будетъ о святій Покрови, якъ я на ярмарку въ Нижыни вкравъ въ купця московского шисть сотъ золотыхъ и тыи гроши марне пошафовавъ, пустывшися до чумацтва, хтивъ горилкою шынковаты, и домъ купывъ бувъ соби у Решетыловци; а що ся грошенятъ зостало, позычывъ Савци Лытвынови Орлянскому [1]) копіёкъ десять золотыхъ, чехивъ симъ копъ, ножны на сафъяни пидъ срeбромъ и зъ ланцушкомъ срибнымъ давъ Савци до спряту; але Савка о моихъ злостяхъ не видаетъ. До того купывъ я дёгтю пивторы бочкы и рыбы вялои пивъ-пяты головы, и еще въ Савкы моихъ тры михы борошна пшенычного и жытного михивъ два. Остатнюю вамъ правду повидаю, хочъ уже и на той свитъ пійду“.

Перешли къ другимъ обвиняемымъ. Стали допрашивать Самойла, пріятеля Процыка. Противъ него выступилъ обвинителемъ братъ его Пасько, говоря такъ:

— Панове! Маю певныи видомосты, що Самойло, рожоный братъ мій, съ прыбышамы туляючыся по рознихъ мисцяхъ, чыгаетъ (подстерегаетъ) прыправыты мене о смерть и всю домивку мою росшарпаты. Оповищавъ я тое непоеднократне

---

[1]) Т. е. жителю г. Орла, что нынѣ мѣст. Орликъ, кобеляцкаго уѣзда.

паномъ Иваномъ Красноперычомъ[1]) що на мое здоровъя рожоный братъ мій непріятельско наступуетъ. Въ день и въ ночи завжды зостаю въ осторожносты. А въ тимъ мене остерігъ Борысъ, такый же прыбышъ, товарышъ Самойливъ".

Самойло отрицалъ это, но противъ него „обозвался" одинъ изъ подсудимыхъ, тотъ самый Борисъ, на котораго ссылался Пасько:

— Чого ся, Самойло, таишъ? А же ты вправди тую злость хтивъ надъ братомъ твоимъ пополныты! Я твій товарышъ, и съ тобою вкралысьмо коней трое на броду Буцкого, на Коломаку, и съ того броду прывелысьмо тыи кони на Рудное тры насъ".

Слѣдующіе три „злочынци", Нычыпоръ Мырошнякъ, Яковъ Шабатура и Павло „прыбышъ" „самы злость свою доброволне вызналы". Нычыпоръ за всѣхъ держалъ рѣчь:

— А що жъ, панове, бувъ и я при товарыству, якъ матку Матвіеву мучено, допытуючыся сукна и грошей; я до тои злосты и прычынцею бувъ. А направляла насъ на тое Каська шынкарка: „теперъ, мовытъ, батька Матвіевого нема, пишовъ до Кыива, а самъ Матвій у війську,—тамъ теперъ добудетеся", и на еи повисть тую злость справылысьмо. Вправди, ничого-сьмо въ неи не пропылы".

По справкѣ оказалось, что двое изъ этой компаніи побывали уже въ „рукахъ мистровыхъ". У одного недоставало уха. Его спросили: гдѣ онъ уха „позбувся?" Онъ откровенно отвѣтилъ:

— Я вуха ливого позбувъ за московскіи кони.

Судьи признали, что виновность „тыхъ явныхъ збродневъ, розбойниковъ и прыбышевъ" вполнѣ доказана «и болшихъ доводовъ не потребуетъ", и „по радѣ товарыской вгляпувши у право", постановили декретъ: „не допускаючы злымъ на свити жыты и запобигаючы тому, абы ся тая злость въ городи и по селахъ

---

[1]) Иванъ Красноперычъ былъ тогда атаманомъ городовымъ въ Полтавѣ.

не дiяла", примѣнить къ подсудимымъ артикулъ Магдебургскаго права, гласящій: „по квестіи злодій маетъ быти обвѣшонъ".

Когда осужденныхъ подвергли пыткѣ (черезъ троекратное приложеніе „сродзе роспаленого" желѣза), они стали выдавать своихъ пристанодержателей и укрывателей добычи. Процыкъ „волалъ: у отця мого есть дви бляси срибра и глекъ грошей, подилылысьмося зъ нымъ; въ Кобеляци, въ Мыколая Мирного жупанъ фалендышовый и бочка борошна; зъ Афанасiемъ черницемъ въ Коломаку зховалысьмо пидъ коморнымъ помостомъ, по правимъ боку отъ пекарни, саблю пидъ срибромъ янычарскую. въ Яська Бабенченка шабля пидъ ящуромъ. Хочъ и на той свитъ пiйду, останю вамъ правду повидаю".

Нѣкоторые изъ осужденныхъ подъ пыткой старались очистить тѣхъ, кого они напрасно раньше оговаривали: „Дмытро Кузубенко („волали" они) зацный чоловикъ: винъ того злого дила ничого не видаетъ, дармо на нёго безчестя наволоклы булы, а теперъ ёго не хочемъ дармо каляты".

Когда, послѣ пытки, осужденныхъ стали вести уже на висѣлицу, судъ двумъ изъ нихъ уменьшилъ кару: вмѣсто шибеницы, велѣлъ «тымъ розбойныкомъ кождому по одной руцѣ и по нозѣ втяты (отсѣчь), абы ся тая злость не множыла».

Сомнительно, чтобы они были особенно рады такой милости.

Изъ этого пересказа можно убѣдиться, какъ мелки и незначительны были разбои въ то время. Какой-нибудь Процыкъ Стадниченко, въ сущности, является едва-ли не самою крупною фигурою въ ряду тогдашнихъ „прыбышевъ". Но вотъ передъ нами судебный декретъ о пяти „прыбышахъ", приговоренныхъ въ 1700 г. къ четвертованію. Судя по крайней строгости кары, можно бы думать, что ей подверглись какіе-нибудь страшные кровопійцы; а между тѣмъ ихъ преступленія состояли вотъ въ чемъ. Трое изъ нихъ забрались на пасѣку, на Коломакѣ, и стали мучить раскаленнымъ заступомъ старика-пасѣчника, допытываясь денегъ. Пасѣчникъ немедленно указалъ имъ все, что имѣлъ цѣннаго, и

разбойники взяли у него 70 золотыхъ, двѣ „ручницы“, нѣсколько круговъ воску, сермягу и ушли, оставивъ его въ живыхъ. Въ другой разъ они же забрались ночью въ хуторъ полтавскаго козака Стецька Сергіенка, о которомъ „чувалы, що у нёго грошей много“. Его также подвергли пыткѣ, но сколько ни „пеклы“, онъ твердилъ одно: „мои гроши по людяхъ: люде моимы гришмы орудують“. Такъ ничего и не добились, хотя замучили его на смерть, а уходя, взяли воловью шкуру и порѣзали себѣ на „постолы“. Судъ нашелъ это преступленіе неслыханнымъ и такъ мотивировалъ свой суровый приговоръ: „Поневажъ воны, не памятаючы на Господа Бога, на право посполитое и на карность срокгую, и не маючы литосты (жалости) надъ чоловикомъ невыннымъ, безъ увагы оного мордовалы и до смерты спеклы, не мають ныни и самы у суду мылосердія миты“,—и приговорилъ ихъ къ высшей мѣрѣ наказанія. Лишь одного изъ нихъ судъ помиловалъ въ послѣднюю минуту и то снисходя „на плачливую прозьбу честнои госпожи игуменіи монастыра дивочого полтавского“, почему-то принявшей въ немъ близкое участіе.

Преступленіе двухъ другихъ прыбышовъ, приговоренныхъ къ тому же ужасному наказанію, было совсѣмъ уже обыкновеннымъ. Ѣхали они зачѣмъ-то въ Чигринъ-Дуброву и остановились ночевать въ чужомъ пустомъ хуторѣ. На свою бѣду, туда же заѣхалъ для ночлега проѣзжій человѣкъ. Они его сонного застрѣлили изъ ружья, сняли съ него жупанъ „тузинковый“ (недорогого сукна), кожухъ, шаблю, взяли коня съ сѣдломъ, немного денегъ, а тѣло убитаго, „за хоромамы положывшы, очеретовымы двермы накрылы“.

---

3. Нетяги.

Осенью 1699 года въ Велико-Будищской сотнѣ участились случаи кражъ и грабежей. Ни убійствъ, ни крупнаго разбоя еще не было, но только и слышно было—тамъ остановили въ лѣсу и ограбили проѣзжаго, тамъ обокрали комору, а тамъ за-

брались въ уединенный хуторъ и унесли съѣстные запасы. Всѣ говорили, что это пошаливаютъ не настоящіе „прыбыши“, а голодные „нетяги“. Такъ назывались бездомные бродяги, которые обыкновенно нанимались въ чернорабочіе, а потерявши службу, не знали чѣмъ жить и кормиться, уходили въ лѣса, искали товарищей и начинали промышлять на дорогахъ и въ чужихъ амбарахъ. На крупный разбой „нетяги“ обыкновенно не отваживались, но если во главѣ шайки становился опытный и смѣлый „ватажокъ“, то подъ его руководствомъ нетяги быстро могли переродиться въ настоящихъ „прыбышей“.

Въ концѣ октября мѣстному сотнику удалось накрыть шайку „нетягъ“ въ хуторѣ Будищскаго женскаго монастыря, и гдѣ-же? въ „господѣ“ атамана, гдѣ у нихъ была „складка“ добычи. Шайка состояла изъ шести человѣкъ, но поймано было только трое, а остальные вмѣстѣ съ „ватажкомъ“ ускользнули. Изъ имущества была захвачена лишь лошадь, „ручныця“ и кожухъ, принадлежавшіе „ватажку“.

Пойманныхъ „нетягъ“ препроводили въ Полтаву и предали полковому суду. Здѣсь выступила противъ нихъ и „акторская“, или „укривжоная сторона“. Нѣкій Панасъ, коваль изъ с. Петровки, жаловался, что ему отъ тѣхъ нетягъ „вчынывся погромъ на шляху доброволномъ Будянскомъ“: его обобрали дочиста и сняли съ чересомъ золотыхъ сорокъ „и въ капшуци“ на шеѣ золотыхъ „полсема“ ($6^1/_2$). Козакъ Хведоръ Шаравка, изъ с. Рыбцовъ, „скаржывся о выкраденю зъ коморы всеи зложеной худобы“. Велебный отецъ игуменъ Полтавскаго монастыря прислалъ двухъ законниковъ „зъ скаргою, що въ хутори ихъ, на Говтви, одъ тыхъ нетягъ многіи накости почынылыся въ худоби, и що тамъ було для роботникивъ солонины, сала и пшона, все забрано, и еще на законныка, будучого тамъ на послушаніи, засидаютъ, хотятъ ёго вбыты“.

Выслушавъ эти жалобы, судъ подвергъ подсудимыхъ допросу, и первому изъ нихъ, Хведору Василенку, былъ предложенъ вопросъ:

— Зъ якого ты города и якее есть дило твое и жытіе?

И тотъ „безъ жадного прымусу и страху и караня“ показалъ:

— Я зъ Багачкы. Сёго лита до черныць прыставъ: казалы мени, що по Дымытріи (26 октября) будешъ овець пасты, ажъ стало такъ, що овець не дано пасты. Тоди я, зъ нетягамы знайшовшыся, добувалыся на шляху, и сёго коваля потрусылы и щось грошей въ нёго въ капшуци було—подилылыся и иншыи ричи зъ воза и зъ нёго позабыралы; а о тыхъ грошихъ, якіи, онъ говорытъ, булы въ чересі, не знаю. А потимъ и другого чоловика на тій же дорози, йихавъ зъ крейдою, розгромылы и борошна чотыри михы взялы, а ёго самого пустылы. Поты моеи повисты“.

По той „испытци“ спрошенъ былъ о томъ же другой „нетяга Васыль“, безъ прозвища, давшій такое показаніе:

— Родомъ я зъ Харькова. До Будыщъ прыйшовъ того року, якъ саранча ишла [1]), а жытіе мое таке: въ людей служывъ, а теперъ, недавно, знявшыся зъ нетягамы, тому маетъ буты недилъ дви, якъ пробуваемо въ лиси, и то шышуючы (sic), знайшовъ на шляху якогось Максыма зъ Тахтавулова, зъ возомъ драбынчастымъ и зъ конемъ рыжымъ, а въ вози було уздъ чотыри и хомутъ зайвый и дижечка лыповая зъ вичкомъ зъ водою, и тамъ той Максымъ на дорози безпечне огонь роскладавъ, которого я запытавъ: „Чому ты тутъ на шкодлывимъ мистци ставъ? Десь ты не маешъ буты певный, бо добрый бы чоловикъ не стававъ тутъ“. И винъ мени одказавъ такъ: „Бачышъ, пане брате, якый я? Такый-же якъ и ты нетяга. Мене Иванъ Черняченко, сотныкъ полтавскій, у вязеню килько недиль державъ и бывъ, и я ледва выкрутывся одъ нёго. Уже мени у Полтаву и въ Тахтавуливъ невыдно, бо зловлятъ и вже не видаю, якъ попаду, чы й выйду знову видтиль. Отъ уже буду зъ нетягамы пробуваты, бо и теперъ я въ попа якогось яблукъ накравъ и то возывъ въ Рубливку и въ Будыща про-

---

[1]) Т. въ 1690 году.

даваты". И ставъ раиты мени, щобъ я зъ товарыствомъ своимъ прыйшовъ до ёго на шляхъ, „бо я, мовытъ, йидучы зъ города, глядивъ, хто будетъ за мною йихаты: матымемъ добычу добрую". Я, послухавшы его, пишовъ и прывивъ зъ собою чотырохъ чоловикъ нетягъ: сыхъ двохъ, що тутъ ніймани, и другыхъ двохъ, що повтикалы зъ тымъ ватажкомъ Максымомъ,—я и йменя ихъ не знаю, бо не казалы свого йменя; и не забарывшысь, того жъ часу сёго коваля за ёго (Максымовымъ) прыводомъ погромылы и другого затымъ, у которого борошна чотыри михы взялы; тилько жъ до грошей, що, мовытъ коваль, въ чересі малы буты, не знаю и не бачывъ. И до сей шкоды, що чернци жалуются, я прызнаюся: мы взялы въ ихъ хутори сало, полоть солонины и сорочку чорную, въ якую сорочку пшоно завязалы,—було изъ пидсытокъ, и тее все въ схованю остается у атамана чернычого въ Будыщахъ, у погреби, а о иншыхъ речахъ не знаю. Воля, панове, ваша зо мною, куды хотиты повернуты".

Третій нетяга, Васыль Кгрудзыченко сдѣлалъ такое „прызнатя":

— Я зъ Будыщъ, у чернычого плуга всю осинь погонывъ, и одставшы одъ плуга, прыставъ до сыхъ же гултяивъ тако-жъ недавно, передъ Дымытріемъ. Я, панове, безъ быття прызнаюся вамъ по правди, що того ватажка Тахтавуливского мы вси слухалы и за ёго прыводомъ у вечиръ, на Дмытрія святого, сёго коваля розбылы, и що въ ёго було на вози и на нюмъ, побралы, объ чимъ вси знаютъ, о всихъ речахъ, де що подилося, тилко тыхъ грошей, яки на ковалеви булы, воны не знаютъ, бо я самъ зъ нёго, якъ шарпалы одежу, ухватывъ чересъ зъ гришмы и тамъ свою пайку и тую, що зъ капшука подилылыся, укынувъ и закопавъ потай товарыства пидъ пня, недалеко одъ монастыра. Я ти гроши изнайду, колы извелыте туда мене повесты,—вси цили; та и казанокъ ёго жъ покынувъ въ келарни. По тій шкоди другого чоловика шарпалы, и я прытомнымъ бувъ, въ которого борошно отнялы, а бильше не видаю. Надъ сымъ насъ поймано трохъ, а тры зъ того погрому

втеклы. А того нашого ватажка кинь въ сотныка Будыського и ручныця, а кожухъ у асаула; а складка наша у атамана маетности чернычои. Поты моеи повисты".

Судъ призналъ „таковыхъ неробочыхъ людей" виновными въ кражѣ и разбоѣ и, принимая мѣры къ тому, „абы такіи злости не шырылыся межи народомъ хрыстіянскымъ", рѣшилъ покарать ихъ по заслугѣ. „А вглянувшы въ „Порядокъ" права Магдебурского, который вказуетъ на лысти 221 за таковую роботу плату такымъ подобенствомъ: „зрайцу, розбойныка, лупежцу (грабителя) въ коло вплесты" (колесовать),—судьи признали такую кару слишкомъ суровой и предпочли мѣру наказанія, предписанную въ Литовскомъ Статутѣ: „злодій, приведеный зъ лыцемъ и правомъ переконаный, по квестіи маетъ быти повѣшенъ". Но и эту кару примѣнили не ко всѣмъ осужденнымъ: Васыля Кгрудзыченка, „который свою добычъ до рукъ господареви тому, въ кого розбылы, отдавъ" судьи „пустили на покаяніе"; „а тыхъ двохъ, по квестіи (пыткѣ), велено на шыбеныцю выдаты, поручаючы ихъ души судови Божому".

---

4. „Злодійская складка".

Въ концѣ 1690 года въ с. Мачохахъ, недалеко отъ Полтавы, у бѣдной вдовы пономарки Гапки Яцыхи, „злодіи" обокрали комору и забрали все ея достояніе. Виновныхъ не удалось открыть, и дѣло грозило кануть въ вѣчность; но вскорости послѣ того въ с. Супруновкѣ былъ пойманъ на кражѣ чужихъ овецъ Климъ овчаръ, у котораго при обыскѣ оказалась плахта, похищенная въ числѣ другого имущества у Гапки пономарки. Естественно, его заподозрили и въ этой кражѣ, но онъ упорно отрицалъ свое участіе въ ней, хотя не скрывалъ, что ему вѣдомо, кто обокралъ Гапку: по его словамъ, это было дѣломъ рукъ воровской компаніи, состоявшей изъ членовъ семьи вдовы-козачки Марьи Педорчыхи: ея сына Харька, зятя Йосыпа Хведченка, и нѣкоего Гаврыла овчара, незадолго передъ тѣмъ повѣшеннаго за овцекрадство; у

этого Гаврыла Климъ и купилъ будто-бы пономарчину плахту. Тамъ, въ сельцѣ Хведоркахъ (близъ Мачохъ), на пасѣкѣ Марьи Педорчыхи, была „злодійская складка“ и тайное убѣжище „прыбышивъ“, съ которыми ея сынъ и зять вмѣстѣ ходили на добычу.

По этому оговору позваны были въ полковой судъ Марья Педорчыха и ея сынъ Харько (зять не былъ разысканъ) и подвергнуты допросу. Оба они отрицали оговоръ, а Климъ такъ уличалъ ихъ:

— Чого ся, Хведорчыхо, таишъ? Досконале о тимъ видаешъ, що я тоби очне повидаю, що въ пасици вашій сынъ твій Харько, міючы складку злодійскую, передержовавъ прыбышивъ. Южъ того не можешъ ся втаиты!

На это Педорчыха „жаднои одповиди не дала, тилько таилася, що яко-бы о тимъ не видаетъ“. А неугомонный „Климъ неробочій подруге и потретье Педорчыси очне мовывъ:“

— Хиба жъ то неправда, Педорчыхо, що зять твій въ твоихъ же добрахъ добычъ злодійскую и самыхъ прыбышивъ передержувавъ, о чимъ есы добре видала, бо зъ твого дому й исты имъ ношено.

Но Педорчыха твердила одно:

— Не знаю о тимъ ничого, не видаю.

Тогда Климъ принялся за ея сына.

— Запамяталый Харьку, чого ся таишъ? Передержувавъ ты въ пасици своій прыбышивъ и вси складкы злодійскіи, о чимъ и матка твоя видаетъ. Хочъ на той свитъ пиду, остатнюю вамъ правду повидаю.

Если бы Марья Педорчиха впрямь сознавала себя невинно оклеветанною, то она, „зносячы зъ себе потваръ“, должна была бы положить на столъ шостакъ—плату палачу—и потребовать, чтобы Климъ, какъ явный „злодій“, не заслуживающій никакого довѣрія, немедленно подвергнутъ былъ пыткѣ и на дыбѣ повторилъ клеветническія рѣчи. Но Педорчиха этого не сдѣлала. Тогда судъ, по собственной иниціативѣ, велѣлъ Клима „на квестію даты“, желая допытаться, „якъ власне (какъ именно) тыхъ покраденыхъ ричей лыце—плахта ёму до рукъ досталася“. По-

званъ былъ палачъ и началъ связывать Климу руки, чтобы вести его на пытку. Тутъ Климъ сталъ „волаты, мовячы:“

— Що хочете зо мною, панове, чините, а я вамъ одно повидаю, що Харько, Педорчышынъ сынъ, Йосыпъ Хведченко, зять Педорчышынъ, и Гаврыло вивчаръ, которого за Будыськи вивци обвишено,—а мене тоди зъ вязеня пущено и горломъ даровано,—тіи до паламаркы выкрадаты комору ходылы. О тимъ я видаю добре, бо колы я, купуючы у Гаврыла тую плахту за висимъ шагивъ, пытавъ ёго, де вона есть добута, тоди мени Гаврыло вивчаръ казавъ: „выкралысьмо, прави, въ Гапкы паламаркы комору тры насъ: я, Харько Педорчышынъ сынъ и Юсыпъ Хведченко. Самую вамъ правду, панове, повидаю, хочъ и на той свитъ пійду, бильше мя не пытайте!

Судьи велѣли записать Климово „прызнатя“, а его самого, „яко прылычного злодія“, все-таки приказали „на пробу попровадыты“, Педорчиха же и ея сынъ, какъ лица оговоренныя Климомъ, должны были присутствовать при его истязаніи, чтобы онъ и на пыткѣ могъ имъ „очне“ (въ глаза) повторить оговоръ или же отречься отъ него. Тутъ Марья Педорчыха, какъ видно, очень нервная женщина, не выдержала роли и взволнованно заговорила:

— Не хочу я, панове, того, абы Клымъ бувъ мученъ: есть у мене чымъ покраденыи ричи съ худобы нагородыты Гапци паламарци. Якъ першъ просыла-мъ, щобъ той злодій Клымъ не бувъ на муку выданый, такъ и теперъ о тое прошу, и не хочу за нымъ туды иты, де винъ буде мученъ. А що-сьмо зъ сыномъ проступылы, повынна я тое съ худобы своеи одбуваты, и що въ хутори нашому прыбышивъ передержувалы-сьмо съ краденымы ричамы—не таюся я: есть то самая правда, съ которымы прыбышамы сынъ мій Харько и Юсыпъ, зять, хоховалы красты въ людей ризныхъ ричей.

Послѣ такого откровеннаго признанія судъ не сталъ продолжать слѣдствія и прямо приступилъ къ составленію приговора. Судьи признали „явное проступство Марьи Педорчыхы, що вона, видомость міючы о злодіяхъ, у своимъ хутори жыю-

чыхъ, не тилько щобъ могла объ оныхъ урядови даты знаты, але ще зъ дому еи, якъ прызнаетъ Клымъ, йисты имъ ношено, и сына свого Харька одъ тои крадижи не завстягала" (удерживала). Поэтому Харько, обокравшій вмѣстѣ съ другими „комору" Гапки пономарки, согласно Статуту (разд. XIV, арт. 14), „годенъ есть обвишенъ буты на шыбеныци"; но судъ, „на молодыи лита ёго респектъ міючы", даровалъ его „горломъ и назначенямъ члонковъ", обязавъ однако его съ матерью „за такъ значное проступство" уплатить „вину панскую и врядовую" и потерпѣвшую отъ его воровства Гапку пономарку „слушне нагородити и во всемъ успокоити". Клима же овчара, какъ „приличного злодія", судъ велѣлъ „одризанямъ носа скаравшы, зъ миста посторонкамы (веревками) выбыты"

Мѣсяцъ спустя въ тотъ же полковой судъ явилась Гапка Яцыха, пономарька, и заявила:

— Мила я, панове, значныи шкоды въ выкраденю худобы моеи и вывидалася по самій слушности, що Харько Педорченко тоею жъ крадежею бавывся; за тое мя Марья Педорчыха передъ людьмы зацнымы, тамъ же, на сели Мачухахъ, угодыла и во всемъ перепросыла и поеднала, давшы мени готовыхъ грошей сорокъ золотыхъ, о чимъ и атестацію передъ мылостямы вашымы презентую.

А Марья Педорчиха къ этому прибавила:

— Такъ есть, панове: угодыла я на всимъ Яцыху паламарку за проступство сына мого Харька, що мылостямъ вашымъ нехай видомо буде, ижъ бысьмо (чтобы мы) въ симъ заводи правнимъ больше не турбовалыся".

Судъ велѣлъ прочесть „еднальный листъ", составленный сторонами передъ Мачошскимъ атаманомъ, священниками и др. „зацными людьми". Тамъ было оговорено между прочимъ, что Яцыха пономарька впредь „не буде турбоваты Марушкы Педорчыхы" и ея сына Харька, „а оная Педорчыха не буде жадныхъ похвалокъ и посвару зъ Гапкою паламаркою чыныты", а если одна изъ сторонъ вздумаетъ „заводъ сей правный взновляты,

должна будетъ за то на урядъ городовый полтавскій заплатить „заруку“ десять таляровъ.

Полковой судъ, съ своей стороны, наказалъ сторонамъ строго соблюдать условія мировой, а ихъ заявленія объ „угодѣ“ и „листъ еднальный“ велѣлъ внести въ актовую книгу. Но впослѣдствіи эта запись въ книгѣ была зачеркнута, въ объясненіе чего писарь сдѣлалъ приписку: „Сия справа затерта есть по указу его мылосты пана Захарыя Шийкевича, зосланого отъ е. м. вельможного пана гетмана у Полтаву для ферованя (рѣшенія) розныхъ справъ на тотъ часъ прилучающихся“. Очевидно, генеральный писарь, посылавшійся въ полковые суды для ревизій, призналъ мировую сдѣлку Педорчихи съ Гапкой противозаконной. Сопровождалось ли это привлеченіемъ Харька къ уголовной отвѣтственности за кражу—не знаемъ. Извѣстно только, что этотъ Харько, какъ и его младшій братъ Семенъ, и впослѣдствіи ловился на кражахъ, но корыстолюбивый полковникъ Иванъ Искра обыкновенно „даровалъ ихъ карностью“, получая всякій разъ въ „вѣчную посессію“, въ видѣ „вины“ или „за добровольнымъ пущеньемъ“, то лѣсокъ, то грунтикъ, то иное угодье изъ числа ихъ „отцевскихъ добръ“.

Ор. Левицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ДОЛЯ.

(Риздвяне оповидання).

Гей! а хто тамъ каже: „доли немае“? Хто каже: „доля—выгадкы“?... Ты, Охриме? Та й чудный-же ты чоловикъ! Якъ-то „доли немае“? Якъ-то „доля—выгадкы?..“ Поспытайся краще мене, колы хочешъ дизнатыся правды. Люде чы бачылы, чы ни, а я не разъ бачывъ іи своимы очыма, добре знаю, яка вона зъ себе и на зристъ, и на масть, яка въ неи вдача, де вона и пробувае. Не вирыте? Я доли не бачывъ? Овва! Та я іи на рукахъ, якъ свою ридну дытыну, носывъ, пидъ одніею оселею жывъ, на своёму вози возывъ. А! та й неймовирный-же народъ! То-бъ-то я брешу? Горилкою очи залыло? Эге-жъ, горилкою! Отакъ и Хивря каже: „горилкою“, а спробуйте лышень выпыть барыло горилкы, чы побачыте долю? Ось спробуйте! Песыголовци, мыши червони, пивни безголови, сыройиды оти...—наше мисце свято!—ажъ кышитымуть передъ очыма: й по подушкахъ, и по стинкахъ, и по сорочци плыгатымуть, а доля... доля й пальцемъ не кывне, й не навернется, бо не такого вона заводу,—онъ що!

Та й те подуматы: ну, якый зъ мене пьяныця? Чарку-дви иноди и выпью по трудахъ, та й то бильше черезъ клопоты, бо того клопоту собачого не збудешся, не перебудешъ до-вику... Ось, скажемо, шкапына... дарма, що 12 карбованцивъ

коштуе—жыва товарюка, йисты хоче. Треба якось розкынуты головою, прыбырать ума, якъ ій содержуваты, чымъ прогодуваты. Або диткы! Дочка пишла десь замижъ у чуже село, до чужыхъ людей, Хведиръ—у москаляхъ, Андрій—у наймахъ, Степанъ—разъ-у-разъ дома на роботи—хиба-жъ то все легко зносыты батькови! Ось и теперъ: йидемо, гомонымо, а на серци наче та гадюка вьется, въ голови—гуде, нудно, досадно, а все черезъ ти клопоты. Выпывъ-бъ зъ горя осьмыну, выпывъ-бы ажъ-ажъ,—та не дала проклятуща баба и шага! повирыте? Скрыню, гаспыдська, замкнула.—Отъ горе!—Ага! Вы такы изнову про долю? Зацикавылыся небись? Одже, якъ не чвертка, то й не розскажу. Вамъ по пьятаку зъ кышени вытягты, а мени може легше було-бъ на гору каминь котыты, нижъ згадуваты про ту долю. Здатни на чвертку? Гаразд! Хай кони идуть тюпкы—не на весилля поспишаемося; попокыдаемо ще тыхъ лантухивъ за свій викъ! Охриме! годи-бо сирныкы нивечыты—беры ось кресало. Запалюй люльку и ты, Степане, щобъ дома не журылыся! Андрію, сидай и ты на визъ!.. Слухайте-жъ теперъ, братця, якъ я вперше ту долю побачывъ!

Кажуть люде, що ій проты нового року можна побачыты—воно таки й правда. [1]) Разъ якось на Меланкы трапылася намъ добра хура—повезлы мы ячминь до вокзалу. Прыйихалы туды зарани; гадалы за сонцяи до-дому повернутыся, адже покы скынулы лантухы, покы росплатывся хазяинъ, стало намеркаты. Пидвечерялы, де-хто може й выпывъ яку осьмыну (заведено—зима!),—рушылы до-дому.

Выйихавъ и я у-слидъ за валкою. Йихавъ я, йихавъ та й заснувъ якось ненарокомъ. Прокынувся—стоить коняка моя надъ якымсь проваллямъ, а навколо ни души, ни лялечкы... ривный билый степъ—та й годи. Сумно, наче ажъ якось моторошно мени. Звивъ я очи до неба, а тамъ мисяць ясный та повновыдый до когось моргае та усмихается.

---

[1]) Долю можна побачыты передъ Ризднвомъ, передъ Водохрыщамы, на Меланкы и у четвергъ на страстнимъ тыжни.

„Эге!“—подумавъ я соби,—„це винъ до мене такъ: зрадивъ-бо, що не самотній середъ степу, та хоче, сердешный, до мене забалакать“. Скынувъ я шапку, усмихнувся прыязненько, але-жъ тилько що хотивъ бувъ проказать: „здоровъ бувъ, мисяцю-брате“, а щось: „хи—хи—хи“ биля самыхъ саней. Обернувся, глянувъ—та й охоловъ: не дали, якъ оце ты, Охриме, видъ мене, бижыть та пидстрыбуе на одній нижци дивча якесь. Легенька сорочына иззаду розидрана видъ комира ажъ до самыхъ пьятъ, збоку телипается клапоть, ноженята по кисточкы у снигу... Стрыба вона, рученькою мотузокъ якыйсь колесомъ крутыть, а мисяць своимъ проминнямъ ій ажъ наскризь пронызуе, наче черезъ той крышталь просвичуе. Злякався я спершу, братця, злякався—ниде правды диты, хотивъ мерщій на сани сидаты та безвисти тикаты, а дали роздумався: отака негидь, холодъ та снигъ, а воно, нещасне, босонижъ стрыбае.

— Гей,—кажу ій—сидай, дочко, на сани—довезу до-дому.

А вона мени тонисенько такъ, та ще зъ прыдавцемъ:

— Не хочу.

— Чому-жъ то такъ, що не хочешъ?

— Ты мене не слухатымешъ.

— Ахъ, ты-жъ, кошеня,—кажу,—хто-жъ бы тебе, задрипанко, слухавъ?

— Давыдъ Мойсеевычъ, Авраамъ Дувыдовычъ мене слухалы.

— Такъ ты жыдивка, чы що?

— Мене и Памхвылъ Тимохвіевычъ и Никыхворъ Семеновычъ слухалы...—та й пострыбала дали...

— Що-жъ ты таке?—гукнувъ я ій навздогинъ.

— Доля!—донисъ мени витеръ.

— Эге!—думаю соби,—колы ты справди доля, то не втечешъ моихъ рукъ; за тобою давно побываюся, тебе звидусиль выглядаю, на тебе всю надію покладаю—не втечешъ видъ мене!

Стёбнувъ коня разъ, вдруге—догнавъ ій якось.

— Гей-бо!—кажу,—доленько, не тикай, не стрыбай по снигу—ниженькы потрудышъ, сидай-бо на визъ!

Вона не хоче.

Стрыбнувъ я зъ саней, ухопывъ за сорочыну:

— Не пущу,—кажу,—докы не скажешъ, куды бижышъ, чому до мене не хочешъ?

Сипнула вона разъ, вдруге свое дрантя, бачыть—не ій сыла.

— Мисця, каже, шукаты.

— Такъ ты наймычка?

Вона—у-смихъ:

— Наймычка! Ачь, що выгадавъ! *Воны* мои наймыты. Я *имъ* плачу.

— Хто жъ-то *воны*? Кому ты платыла, де пробувала?..

— Давыду Моисеевычу, Памхвылу Тымохвіевычу, але воны теперъ померлы!

— Отъ и гараздъ!—кажу.—Вична имъ памьять, земля перомъ!.. Иды теперъ до мене, платы мени.

— Не хочу.

— Чому?

— Ты такый самый, якъ и швець.

— Якый швець?

— Той, що сорочку порвавъ.

— Хто-жъ жъ винъ такый?

— Крывый Хведиръ.

— Знаю я того шевця—добрячи чоботы шые. Не пручайся—однаково не пущу, докы не скажешъ, за вищо тоби Хведиръ сорочку розидравъ?

— „За папирчани пидошвы"—каже.

— За яки пидошвы?

— Кажу: за папирчани!—зъ серцемъ видказала вона мени та й сипнула сорочку зъ моихъ рукъ.

Я не пустывъ.

— Не пущу,—кажу,—докы до дила не розскажешъ про пидошвы!

Не хотилося ій розсказуваты—страхъ якъ не хотилося, та шкода мабудь сорочыны стало: нахмурыла бровенята та й каже:

— Забигла я до Хведора, а винъ саме до чобитъ пидошвы прыбывае. Сила я поручъ зъ нымъ, та й кажу стыхенька: „пры-

бый краще пидошвы зъ товстого паперу: Тымохвій Тымохвіевычъ на такыхъ пидошвахъ дви крамныци збудувавъ",—а винъ мене за комиръ та на двиръ...

— Отъ дурный, отой Хведиръ—кажу—колы-бъ це мени...

Але вона вже и зныкла, наче кризь землю провалылася, мовъ парою розійшлася. Охъ! и досадно-жъ мени стало. Де-жъ: держаты долю у рукахъ та упустыты!

Втретте стёбнувъ по коняци—потаскавъ винъ мене, ажъ духъ мени зайняло, ажъ серце ниміе, а винъ все таска... Летымо мы, якъ той витеръ, а навколо по всёму степу щедривка лунае: „у Юрусалыми рано задзвонылы"—спивають у одному, „у пана Даныла та на ёго двори"—щедруе челядь у другому. А кинь одно несе мене, несе и на хвылыну не спыняется. Перескочылы мы черезъ яръ якыйсь, помынулы лисъ, пробиглы скилькись гонивъ по самому лёду—та й ставъ мій кинь, якъ вкопаный, передъ чіеюсь хатыною.

Злизъ я зъ саней, глянувъ... Боже мій! Та це-жъ я биля Максымовои хаты. Якымы шляхамы таскавъ мене кинь, зъ якого боку пидйихалы мы до сіен хаты, хочъ вбыйте, не скажу. Де воно той яръ, той лисъ, та ричка взялася—и доси не зрозумію.

Злизъ я зъ саней, зазырнувъ у виконце—тамъ саме Меланка гуляе: музыкы грають, дидъ-машкара штукы преставляе, москаль та Меланка тропака выбывають.

— Слава тоби, Господы!—добывся, думаю, до знакомого чоловика, хочъ у чужій хати зазнаю свято. Та отъ горе, братця: дверей не знайду. Кругляю биля хаты, мацаю, мацаю по стинкахъ, облапавъ всю хату видъ самои стрихы ажъ до земли—нема ниде дверей,—хочъ у верхъ стрыбай. Надійшовъ я до виконця,—стукнувъ разъ—не чують; вдруге—не чують (заведено: гоминъ, спивы, та танкы!). Ухопывъ я тоди ципокъ. Ну, вже, думаю, хочъ скло выгачу, та такы подамъ про себе звистку!

Ухопывъ ципокъ, нацилывся—не влучывъ, знову нацилывся—не попавъ. Быйтебе силаБожа! Що воно за знакъ?

Колы це видчыняются двери—Меланка зъ хаты йде. Угледивъ я двери—та туды. Шкода—зъ мисця не зійду: держыть

мене щось за плечи, не пускае. Обернувся я—„вона"; за кожухъ иззаду учепылася—ніякъ не одирву.

— Пусты-бо!—ставъ я іи прохаты.

— То й пущу—каже, а сама мерщій у хату...

Изновy такы не бачу дверей. Зрозумивъ я, чого це мене обмарюе: вона не хоче мене до Максыма впустыть.

— То вже,—кажу—брешешъ! Ты розумна, а я старишый: не обдурышъ мене. Хочъ отутъ и одубну, а дизнаюся, яки въ тебе намиры, яки думкы.

Ставъ надъ виконцемъ, дывлюся—сыдыть Максымъ самъ,—жинкы не выдко,—на колинкахъ старшенького хлопчыка держыть. Трое меньченькыхъ на полу пидъ ряденцемъ сплять, а „вона" прытаилася за кочергамы й не ворухнется.

— Чы вы-жъ, тату, купыте на ярмарку бычкивъ?—пытается сынокъ.

— Не куплю,—каже Максымъ.

— Чому?

— Грошей немае,—не виддала Бондарыха.

— А чому-жъ у дядька Спырыдона и бычкы, и коривкы, и гроши завжды йе? Воны-жъ такый ткачъ, якъ и вы...

— Мабуть, сыну, винъ хочъ ткачъ кращый за мене, хочъ доля ёго краща,—ажъ зитхнувъ Максымъ.

— Яка-жъ у дядька доля?—пытается изновy сынокъ.

— Роботяща.

— А ваша-жъ яка?

— Ледаща.

— Здобудьте, каже сынокъ, и соби роботящу.

— Радый-бы здобуты, та не знаю, де іи шукать, а сама вона,—клычу, клычу—не йде.

— А дайте, я гукну іи у-верхъ, чы не прыйде?

— А гукны, гукны—сёгодня саме и день той, шо вона блука!—сміется Максымъ.

Скочывъ хлопчыкъ зъ колинъ, стрыбнувъ на ослинчикъ, всунувъ свою голивку у прыпичокъ: „Гей", гукае, „доле роботяща, йды до насъ жыты!"

А тутъ саме й Лукына на поригъ.

— Оце-жъ наша и доля!—сміется Максымъ, показуючы на жинку.

— Прямо доля, бодай-бы такои доли и лыхи ворогы не зазналы! Чы воно намъ заказано, чы мы таки гришни передъ Богомъ—немае намъ доли та й край!—каже Лукына, а сама трохы не плаче.

— Що тамъ таке?—пытается Максымъ.—Де ты була?

— Була тилько шо у Хрысти; набралася досады—на вси святкы и годовыи, и роковыи постачыть.

— Та що таке скоилося?—пытается Максымъ.

— Домаха прыйихала; нарочыто—каже—за полотномъ забылася. Прынисъ Спырыдонъ ii полотно,—гыдко-жъ, гыдко выткавъ,—а вона не добачае, заплатыла до копійкы та ще й подякувала. „Завтра—каже—ще до Максыма навидаюсь; якъ що почавъ, то и вси впередъ гроши заплачу".

— Невже!—наче ажъ злякався Максымъ.

— Далеби, правда!—каже Лукына.

— Що-жъ ты ій сказала?

— Зъ досады—каже Лукына—ничого ій не видказала.

— А! бидно голивонько! Це-бъ якъ разъ на бычкы постачыло—каже Максымъ.

— Бидкайся, не бидкайся—не пособыть. Було-бъ мене послухать, якъ тоби казала: покынь Бондаренкове полотно, почынай Домашыне.

— Хотилося, бачъ,—каже Максымъ—по правди, по черзи: хто ранійшъ пряжу прынисъ, тому ранійшъ и полотно выткаты.

— Отъ теперъ и знатымешъ, яка-то правда, яка то черга: зостанешся и на цей рикъ безъ бычкивъ—каже Лукына.

— Ай, доле-жъ моя проклята! Миркуешъ, думаешъ, якъ-бы краще зробыты, а воно тоби все на зло!—ажъ скыпивъ Максымъ...—Працюешъ, працюешъ, рукъ не покладаючы, а не бачышъ и кинця тій лыхій годыни. Чы вже-жъ такы намъ черезъ

те, що Свято заступыло сёгодни, а не завтра, що я не встыгъ полотна тій Домаси початы,—залышытыся ще на рикъ бычкивъ?..

— Колы-бъ—каже Лукына—ты хочъ почавъ те полотно, абы Домаха побачыла основу, то й булы-бъ гроши.

Замыслывся Максымъ, такъ замыслывся, наче ажъ зблидъ на выду.

Лукына помолылася Богу, поклала сынка на пилъ, а сама полизла на пичъ спаты. Перевивъ я очи до кочергъ, до „неи". Ой Боже-жъ мій! И доси, якъ иноди згадаю, ажъ за бокы беруся. Колы-бъ же вы, братця, побачылы, яки „вона" кумедіи почала преставляты!

Сыдыть Максымъ за столомъ, голову на рукы схылывъ, а „вона" поступытся видъ кочергъ на одынъ крокъ наперед та изнову стрыбъ у кутокъ; оце надійде до ёго блыжче, зазырне у вичи та скилько духу назадъ, а сама ажъ зъ лыця миняется: то зрадіе—почервоніе, то наче зъ ляку пополотніе... Колы це бачу: ворушатся—ворушатся клубкы на жердци. О! вже у Максыма у рукахъ одынъ клубокъ; крутыть винъ той клубокъ, розмотуе, изнову змотуе, а вона ёму стыхесенька та обережно такъ:

— Заводь на основу—до-свита оснуешъ, и бычкы будуть.

— Отаке Велыке Свято...—каже про себе Максымъ.

— Богъ простыть, жинка спыть, и бычкы будуть—каже „вона" вже смилывійше, та все блыжче, блыжче до Максыма поступается.

Глянувъ я на Максыма—ажъ зчорнивъ на выду видъ досады; мовчыть та на той клубокъ зъ-пидъ лоба дывытся...

— А що?—думаю соби—наскочыла? Пожды! дасть и цей тоби по потылыци.

Колы це... пидводытся мій Максымъ, пидводытся... простуе прямо до верстата. А! бый тебе сыла Божа! Вже заводыть и пряжу на основу... Ось щобъ я вечора не диждавъ, колы брешу! Своимы очыма бачывъ: заводыть...

Винъ заводыть, а пряжа,—одно рвется, одно—рвется, такъ и лизе...

— Та це, здается, наша генъ-позаторишня пряжа; у Домахы мицна—догадувався Максымъ, та почавъ изразу ій назадъ на клубокъ змотуваты.

А „вона“ ухопыла ёго за руку:

— Заводь—каже—заводь смилыво: Домаха не добачае, а ты ще бильше за Спырыдона на пряжи выгадаешъ.

Що-жъ-бы вы думалы? И словечка не видмовывъ винъ ій... Закыпила, братця, робота! Зроду-вику не бачывъ, щобъ хто такъ швыдко ткавъ. Винъ снуе, а „вона“ клубокъ розмотуе та вузлыкы на основи звьязуе.

— Гляды—думаю самъ соби—не дурно кажуть: багатому чортъ колыску гойдае,—справыться и Максымъ за такымъ пособныкомъ на дукареву стежку.

Колы це якъ не схопыться мій Максымъ! Якъ не сипне основу—на шматкы порвавъ, понивечывъ основу.

— Не прызведешъ мене, проклята, не прызведешъ до гриха!—крычыть, а самъ ажъ до стели вырисъ. Бачывъ я здоровыхъ людей, ось скажемо й Охримъ, хай здоровъ буде, не зъ маненькыхъ, а такои людыны, якъ Степанъ у той вечиръ, не бачывъ я й зроду. Рукы сталы у маховый сажень, кулакы—зъ мою голову, очи—у яблуко завбильшкы, волосся пиднялося вгору, якъ та щетына... Крыкнувъ винъ, махнувъ рукою... и доля вкупи зъ основою ажъ за воритьмы опынылася.

Стала вона за воритьмы, затуманылася на хвылыну, але-жъ тилько на хвылыну: не встыгъ я и словечка промовыты до неи, якъ вона побигла... Я изнову такы за нею...

Опынывся я ажъ у якомусь сели—не то Матяшивци не то Мыколаивци.—Глянувъ... ажъ „вона“ вже пидъ виконцямы якоись хатыны шмыгае. Зазырнула туды—одійшла геть; зазырнула у другу хату—те-жъ щось здалося не до-вподобы; побигла до третёи—четвертои,—всю вулыцю прострыбала та ажъ до царыны добигла.

— Куды-жъ ты теперъ бижышъ, навиженна?—запытавъ я ій.

— До пана Надіенка!—кынула вона мени, а сама, якъ той витеръ, якъ та завирюха, пустылась бигты.

— Оце гаразд—подумавъ я самъ соби,—що ты таке прырозумила: це-жъ ты простуешъ прямисенько до моеи хаты.

Вы-жъ свидоми, де моя хата? Эге-жъ, поручъ зъ панськымъ дворыщемъ.

Дывлюсь—ажъ я вже коло своеи хаты. Покынувъ коня посередъ двору, а самъ мерщій черезъ перелазъ до панського будынку. Зыркнувъ—„вона“ вже тамъ: по-пидъ викнамы блукае... Поблукала, поблукала та й зопьялася до того виконця, де блыщало свитло.

Зопьялася, держыться самымы пальчыкамы объ прызьбу, а сама такъ и влыпла до скла.

Ставъ я поручъ зъ нею: дывлюся, слухаю...

Охъ, братця, трохы бувъ забувъ про шкалыкъ, а це изнову згадавъ, изнову за серце ухопыло. Выпывъ-бы я теперъ осьмыну! Охъ, выпывъ-бы мабуть и панъ ще охитнійше за мене, колы-бъ раныше пересвидчывся, якъ той шкалыкъ добре видъ жиночои лайкы пособляе. Доводылося мени чымало видъ жинкы горя прыняты, доводылося за свій викъ чымало перетерпиты, одже не дошкулыла вона ни разочку такъ, якъ пани у ту ничъ сердешному панови. Що вона ёму, спытаете, робыла? А ничогисинько не робыла—стояла тилько передъ нымъ та одно—лопотила, одно—лопотила...

Винъ вже и встававъ, и сидавъ, и грымавъ, и благавъ... ни, не стыхала, не спынялася ани-же ни на хвылыну. Ажъ пбтомъ пройняло ёго, ажъ плямы на выду повыступалы, а вона все свое—не стыхае.

Що вона ёму, пытаете, казала? Ой, Боже нашъ, Боже нашъ! Чы то-жъ запамьятуваты все, що скаже жинка за такый довгый часъ, та ще, крый Бигъ, вчена? По облыччю пановому бачывъ, що не соловейка, не горлыцю слухае... Ото тилько и розибравъ, що недостаткамы ёго докоряла. Отъ горе! 1000 десятынъ, гаи, лисы, и таке хозяйствечко, стилько добра—та ще недостача! „Проби“—каже—„у злыдняхъ та недостаткахъ, у журби разъ-у-разъ черезъ тебе“, а сама шовковымъ хвостомъ хату замитае. „Проби, теперъ саме у Петербруси балы усяки, музыкы выграють, кумедіи преставляють, а мене зануда жывцемъ йисть

черезъ те, що у тебе грошей немае на мою подорожъ у той Петербрюхъ. Проби, не вміешъ ты своимъ добромъ корыстуватысь, не вміешъ, не знаешъ, якъ де грошей здобуваты."

— Потерпы трохы—благавъ ін панъ:—сама знаешъ, я ще й зъ строковцямы не оплатывся и у збанокъ не посылавъ, а чымъ я выненъ? У позыку не дають, хлиба не можу продаты, бо легковисный дуже цей рикъ вдався.

— И у Ивана Ивановыча не важче за твое жыто—про те винъ змигъ продаты ёго,—скыпила пани.

— Не знаю, якъ винъ позбувсь свого жыта. Пощастыло якось ёму"—зитхнувъ панъ.

— Тымъ мабуть и пощастыло, що ты ёго за дурня вважаешъ. Ось не пныся и ты краще у велыкоумныкы, то й твоя доля не сказытся!

— „Охъ, доле моя, доле!"—ажъ застогнавъ панъ.

А „вона" ажъ затремтила вся... Не встыгъ панъ и духу перевесты, якъ вона вже биля ёго опынылася. Прыпадае, братця, до ёго, голубыть, цилуе... тилько, тилько не скаже: „ось и я".

— „Дострыбалася—думаю соби—знайшла такы людыну соби до вподобы, тутъ мабуть и зимуватымешъ. Пиду соби спаты".

Адже ще я и до хаты не дійшовъ—чую: щось пфурхъ! та на городъ. Я видразу и пизнавъ „ін". Невже, думаю, и тутъ тоби незгода?

Ажъ зыркъ! Зупынывся я... де-жъ бы вы думалы, братця??? У самисенького Шмулевого лижка. Хай мене сыла Божа побье, колы брешу. Такъ такы биля самисенькыхъ подушокъ и спынывся мій кинь.

Стала вона надъ Шмулевымъ вухомъ та й прошопотила щось. Немовъ опеченый схопывся Шмуль.

— Сурко, а Сурко! Це ты мени велышъ йихаты до пана Надіенка та купыты въ ёго жыто?

— Видчепыся—я сплю!—гыркнула на ёго жинка.

— „Вставай, выймай гроши—иды зразу до пана!"—все мени якыйсь голосъ учувается,"—каже Шмуль.

— Чы ты не здуривъ? Якый голосъ? Адже вже трычи дывывся ты на те жыто та й трычи казавъ, що не гоже.

— Дывысь, казавъ, а теперъ—голосъ... Мабудь телеграмъ прыйшовъ, що жыто подорожчало. Вставай!....

Ажъ ось зновъ нибы мы у панському двори; вже и Шмуль тамъ, а „вона“ наче ажъ поздоровшала: бижыть, пидстрыбуе та грудочкамы пидкыдается...

Отъ колы, братця, отъ колы побачывъ я суму! Увесь стилъ закыдавъ Шмуль червинцямы та бумажкамы. Зроду-вику не бачывъ такого грошей та й не доведется мабудь и побачыты николы. Не то я—пани ажъ рукамы сплеснула, якъ глянула на стилъ. Сила вона биля пана, обняла за шыю, цилуе та одно туркоче: „пощастыло тоби, пощастыло, мій голубе“... „Охъ!“ думаю соби „куды не глянь—скризь однаково: що у мужыкивъ, що у панивъ—одно заведеніе. Якъ пощастыть людыни, якъ усмихнется ёму доля, то усимъ стане любъязнымъ. Я самъ колысь, якъ продавъ пивъ-копы розбовткивъ, такъ цилисенькый день—чы повирыте?—не чувъ видъ жинкы и худого слова. Прямо такы и накрыво за увесь день не сказала, косо не глянула, а самъ я... Ачъ! яки нетерплячи! Погодить-бо трохы! Зразу казатыму и про долю...

Сивъ панъ биля столу, розиклавъ „бамажкы“ на купкы та й прыказуе: „оце жинци на Петербрюхъ“, „оце тежъ жинци“, „оце строкивцямъ“. Скынчывъ бамажкы—прыступывъ до золота. Одличывъ одынъ стовпець: „на земськи оплатки“—каже; одиклавъ решту, поличывъ: „а! бидна голивонько“, каже: „не постачыть у земельный“.

— „Прысыпъ сёгоришній вивсюгъ, торишнимъ вивсомъ, то й на земельный буде“, пидскочыла „вона“ до пана.

— „Якъ? вивсюгъ вивсомъ прысыпаты? Купця дурыты? Та я швыдче серце вырву зъ грудей своихъ, нижъ допущу себе до такои гыдоты... скыпивъ панъ.

— „За жыто послухавъ, а за овесъ и ни“,—заголосыла „вона“ на всю хату та й подалася геть зъ кимнаты.

— „Доленько!“ кажу я ій тоди „ось иды бо до мене! Я тебе слухатыму, я тоби догождатыму, я тоби корытымуся, якъ ридній матери...“

Стала вона на ганку, озырнулася навкругы, вытерла оченята:

— Беры, каже, лантухъ пшеныци та несы до-дому.

Зроду-вику, братця, не кравъ, не було въ нашому роду злодіивъ и въ заводи, а це... хай Богъ простыть—пидійшовъ до коморы, взявъ одынъ лантухъ зъ тыхъ, що наготовылы до млына, и потаскавъ до-дому.

Иду, а самъ все назадъ позыраю; ни, такы не збрехала—бижыть за мною.

Увійшлы мы у хыжу, зсыпавъ я ту пшеныцю у засичокъ, а „вона“ якъ не розсміется... Та такъ-же весело, такъ-же любо, ажъ у хыжи повеселишало, самъ я наче ажъ зминывся, помолодшавъ, поздоровшавъ, наче николы не знавъ и горя на своёму вику. Та не страшно мени стало а ни голоду, а ни холоду, а ни оплаткивъ—наче того и на свити немае.

Та й не даремно: добре, справди, зъ того часу жыття почалося. Стало, братця, щастыты мени скризь: ставъ я у-двое меньше сіяты—ораты, а кипъ стало у-двое бильше прыбуваты. Чого, пытаете, такъ? Хиба я знаю? Выйидемо, було, у-ночи на степъ: „де“, пытаю, „доленько, моя сгайка хлиба“?

— „Зъ панськои—каже—почынай“!

Я и почынаю... Добре жыття було, що й казаты? Ото тилько хиба и кепське дило було, що доводылося ночей не досыпляты. Усе село спыть, ажъ хропе, а я у доленькы на поради.

— Куды—пытаю—доленько, йихаты, що чыныты?

А вона вже и прыдумала, на всю довго ничку роботы прырозумила.

Запряжу конячку, посажу „іи“ поручъ изъ собою та й гайда до панськыхъ комйръ, ожередивъ, у лисъ—куды трапытся...

У-ранци люде тилько-тилько зъ лижка рушають, а я вже въ города повернувся, грошей зъ торгу прывизъ, де-що купывъ—справывсь.

„Щастыть бисовому Степанови,—не спыть ёго доля: и нывка родыть добре, и конячка сыта, и диты не голодни“—гомонять навколо люде.

— „Доля, братця, кажу: доля повернулася". Та й не брехавъ...

Вона мене оберегала, вона мене захыщала, вона мене направляла, вона мене розуму наставляла. Я було чы засну, чы ни, а вона вже не задримае.

Але ось прыйшовъ велыкый пистъ. Пойихавъ я якось у городъ, уторгувавъ добри гроши, купывъ жинци платокъ, шкапови чоботы, выпывъ зъ осьмыну—повернувся до дому веселый... та не въ добрый часъ,—напьяла мене, братця, жинка мокрымъ рядномъ:

— И докы и покы ты, харцызе, злодію, пьяныце, по ночахъ блукатымешъ? Докы ты злодійкуватымешъ? Якъ ты и говитымешъ? Якъ тебе Господь до святого прычастя допустыть?

— А хиба я—кажу—що роблю?

— Схаменыся, опамьятайся, пьянюго!

— Чы ты мени заборонышъ слухаты доли?

— Якои доли? Чы тоби очи горилкою позалывало, чы ты збожеволивъ?

— Отіеи, кажу, доли, що пособляе крамныци будуваты, срибломъ та злотомъ скарбныци накладаты. Пожды рикъ-другый,—якый зъ мене дукарь буде!

— Брешешъ, злодію! Брешешъ, пьянюго! Чы зъ тобою схотила-бъ злыгатыся доля?

— Хиба, кажу, вона перебирае? Ій—абы слухняный.

Такъ хиба-жъ вы не знаете Хиври? Налаяла мене, заплювала мени очи, не схотила и дослухаты до кинця. Плюнувъ и я на неи, божевильну бабу, пишовъ геть...

Адже хочъ я пишовъ геть видъ неи,—слова іи палы на серце мое, наче те насиння зъ собачои лободы. Лаю іи, аспыдську бабу, а самъ чую, прямо таки чую, якъ те насиння роскореняется, росточкы пускае—ажъ боляче робыться, ажъ щемыть, ій-же Богу! А въ голови, якъ на похмилля, все обертомъ иде: почну личыть покрадени за зиму лантухы, сино або курей—панъ-отець зъ прычастямъ уявляется; стану вторговани гроши личыты—страшный судъ на думку спадае—одно слово: хочъ пропадай!

Блукавъ я, блукавъ по надвирью, та й пишовъ до Гершка (тоди ще монопольки не було). Выпывъ осьмыну, выпывъ ще шкалыкъ—не бере: не йде зъ думкы Св. прычастя та страшный судъ. Людямъ тежъ стало не тее... дывытыся у вичи...

Пишовъ я до-дому та прямисенько до „неи“.

— Доленько!—кажу,—чы не годи-бъ намъ по чужыхъ степахъ та коморяхъ блукаты? Адже була десь, кажуть, така доля, що по степу за хазяиномъ ходыла та погублени колоскы докупы збирала—робы и ты такъ. Йе въ мене трохы пшеныци—посій ты іи своима рученькамы, походы по ныви своимы ниженькамы, зберы колосочокъ до колосочка—гляды, рокивъ черезъ десятокъ и „копыталы“ у насъ поведутся.

Вона якъ не вызвирытся:

— Зъ колоскивъ копыталы! Вже видъ тіеи пращуркы, що колоскы збирала, и попилъ потливъ, а ты мени очи нею выйидаешъ! Одвернулася, губу закопылыла, розсердылася, а дали пидгорнула кулакы пидъ голову, заплющыла очи... та й заснула.

Прожывъ я такъ-сякъ не бильше, якъ зъ тыждень. На понедилокъ не постачыло сина. Метнувся я до доли—спыть. Пишовъ я до людей—позычывъ оберемокъ. На четвергъ вже и борошна позычывъ: у суботу печи нема чымъ затопыты...

— Де твоя доля, Степане?—дратують мене люде.

— Де? Спыть—кажу.

Сміются, глузують...

— Смійтеся, смійтеся!.. Ось якъ диждемо, дасть Бигъ,—думаю соби,—весны та якъ посіемо пшеныцю, та якъ прокынется „вона“...

Протягъ я ще якось зъ допомогою людей якый тыждень, а дали навспрявжкы замыслывся: що ёго робыты? Жинка докоряе, диты плачуть, у конячкы ребра свитятся—бачу, не перелывкы—нанявся у экономію.

Колы це якось видпрохався я до-дому, прыхожу—ажъ у мене гостей, гостей! Цинують, братця, и коня, и усе якъ есть, що тилько можно цинуваты, за неоплатку у гамазей. Повытягалы на двиръ де не бувъ якый зайвый скарбъ, де не було

якои празныковои або такъ зайвои одягы. Повытягалы все, поскладалы на купу, а Хивря ухопыла дитей на оберемокъ та тежъ туды: „цинуйте!“—крычыть—„и дитей“! Диты плачуть, люде крычать, жинка лютуе—горенько тяжке! Сумно и згадаты! Ухопывся я за голову—не знаю, чы дитей увищаты, чы жинку спыняты, чы людей благаты; метнувся и до „неи“—спыть.

Выбигъ я назадъ до людей.

— Господа, кажу, обчество! не займайте коня, не займайте того дрантя! Ось я продамъ пшеныцю, то й оплачуся безъ клопоту.

Розійшлыся, спасыби Богови, люде; угомонылася жинка, заспокоилыся диты—ставъ я пшеныцю набираты.

Выбравъ всю пшеныцю до зернечка—бачу: не постачыть на оплатку.—Зажурывся я, тяжко зажурывся. Докоряю самъ себе, лаю себе: „бодай тоби, старому дурневи, и толку не стало: кравъ, кравъ, а на оплатку и не розстарався.

Ажъ дывлюсь—„вона“; вже и догадалася: повнисиньку пазушчыну писку прытаскала.

Повагавсь я трохы, подумавъ, подумавъ, а дали махнувъ рукою: сыпъ, кажу. Всыпала вона той писокъ у пшеныцю. Завьязавъ я мишечку, скынувъ на визъ; сила вона зверху—пойихалы. Сталы мы вже до города дойиздыты, саме на писокъ зйихалы, колы йде навпроты насъ старець—зъ манастыря повертается. Поривнявся винъ зъ намы, прывитався; давъ я ёму шагъ. Вытягъ старець свій гаманець, сховавъ той шагъ, хотивъ гаманець назадъ у кышеню вкынуты, а винъ замисть у кышеню—та на землю. Що-жъ бы вы думалы? Не встыгъ той гаманець и объ писокъ черкнутыся, якъ „вона“ вже и пидхопыла ёго, вже и до рукъ мени тыче.

Сивъ я на писку, роскрывъ гаманець—бачу, гроши. Колы це иде Максымъ Бараболя.

— Здоровъ бувъ,—каже. — Що-то якъ доля: и на писку гроши ростуть. А скилько ихъ тамъ?

— Два карбованци та ще шагивъ скилькось.

— Буде каже опохмелытыся,—та й пойихавъ...

Доличывъ я грошей: 2 карбованци 27 копіекъ наличывъ, закрывъ гаманець,—не знаю, куды ёго сховаты. Колы тутъ саме: бомъ! бомъ! у церкви святои Варвары, а дали бомъ-бомъ-бомъ-бомъ! у вси дзвоны.

Ухопывъ я той гаманець, та скилько духу, скилько сылы за старцемъ: на, кажу, дидусю, твій гаманъ, та гляды не губы вдруге, а самъ не знаю, и доси не зрозумію, чого—чы то зуглядившы хрестъ на святому храми, чы то зъ радосты, що не попустывъ своеи души до гриха утаиты гроши,—знявъ шапку, та одно, бью поклоны...

Охъ! колы-бъ же вы угледилы пидъ отой часъ долю! Колыбъ вже вы та зазырнулы у іи лыченько! Мовъ наче хмарою заволоклося, мовъ наче ажъ почорнила. Блыкнула вона на мене оченятамы, мовъ наче тіею блыскавкою, затремтила уся, одвернулася та й ни пары зъ вустъ.

Зважывъ я Шмулеви пшеныцю, спорожнывъ мишкы, заплатывъ мени Шмуль, що слидъ; прывьязавъ я коня до стовпця, а самъ забигъ на хвылыну туды... у шынкъ. Выйшовъ я, або—ниде правды диты—вытягъ мене якыйсь супостатъ зъ шынку та й кынувъ пидъ тыномъ. Прокынувсь я—ни коня, ни шапкы, ни шага за душею. Э-жъ, смійтеся! смишкы, бачъ, зъ чужои кишкы, а въ мене и душа перетлила, покы я доплентавъ до дому.

Дійшовъ я до свого тыну, хожу навколо, у двиръ заглядаю, а самъ боюся и до хаты наблызыться: де-жъ? коня прогавывъ.

Колы це чую, спасыби Богови—крычыть Степанъ:—„стій, буланый!“

— Слава тоби Господы! кинь дома.—Це вона, доленька похазяйнувала: до-дому шкапыну довела, дарма що розгнивалася на мене; думаю соби: пиду-но, подякую іи!

Увійшовъ у хыжу, метнувся туды, сюды по всихъ куточкахъ, по всихъ засичкахъ—нема іи.

И вечиръ прыйшовъ—нема, и ранокъ прыйшовъ—немае.—

На другый день, такъ якъ у обидню пору, запригъ я коня—пойихавъ до Шмуля. Ажъ ёго уже и блызько немае: пойихавъ, кажуть, до того подрядчыка, що поставляе нашымъ москалямъ у Туреччыну харчи, чоботы, то що.

— А доля, пытаю, де?

— Хиба я знаю?—здывувалася Сурка.

Пишовъ я у ту комору, куды учора пшеныцю зсыпавъ, гукавъ, гукавъ іи—не видклыкнулася.

Двадцять два рокы не бачывъ я іи, не знавъ, куды вона подилась, до кого подалася. А це... Вы-жъ свидоми, якъ мени цей рикъ у Велыкый пистъ прыйшлося? Вже на першому тыжни почала Хивря хлиба позычаты, а на останвёму люде вже годи и даваты. Православни хрыстіяне Святкамъ радіють, мажуть, билять, шыють та готуются, а мене видъ самого страстного понедилка такый смутокъ обгортае, що не знаю, де-бъ и дився, що-бъ и робывъ. Разъ—досадно, що доведется на останнимъ тыжни вкупи зъ пьяныцямы говиты, вдруге—ни за вищо говиты, втретте—знаю, що й пылынкы борошна на паску не прыпасено, а до того ще й жинка лютуе.—Отъ и пережывай, мовлявъ, якъ знаешъ, стилько заразомъ клопотывъ!!! У четвергъ, ще на свитъ не благословылося, а жинка вже й репетуе: пойидь та й пойидь на вокзалъ—може хочъ на паску заробышъ. Не хотилося мени йихаты,—Господы! не хотилося: разъ—сусида хрестыны справлявъ, а вдруге й те на думку спадало: якый зъ того прыбутокъ буде, що я зароблю 50,—хай одъ сылы 60 копіёкъ на тому вокзали? Поверну ти гроши на говиння—паскы ни за вищо буде справыты; паску куплю—ни у чымъ буде до Святого храму питы ту паску посвятыты, бо у правому чоботи катъ-ма закаблукывъ, а зъ ливого вси 5 на добры-день кывають. Адже не вблагаешъ ніякымъ побутомъ клятои бабы, не умовышъ іи ніякъ—у одну шкуру: „йидь“!

Пойихавъ я.

Ще здалека чую: шыпыть, свыстыть, стугонить чугунка.

— Колы-бъ же, думаю, не спизныться. Поспишаюся швыдче до ганку. Куды тоби! До ганку и не потыкайся. Не те що! яблукови ниде впасты—такого людей. Биля самого ганку стоить карета, у коморю завбильшкы, золотымы вызырункамы та цвяшкамы уся якъ есть поцяцькована. Шестеро, волосъ-у-волосъ, коней басуе, землю копытамы пидкыдае... За каретою ажъ тры хваетоны,—по четверо коней у кожному. Ось выходыть зъ вокзалу двое у золотыхъ гудзыкахъ,—сказать-бы охвыцерыкы, такъ погонивъ немае,—и ведуть воны, братця мои, пидъ рукы старого-старого, у довгому, мало не до пьятъ, жупани, пана. Оже-жъ, думаю соби, архырей.

— Пропустить, люде добри, пидъ благословеніе!

А люде мени:

— Шмуль, Шмуль прыйихавъ! Шмуль зъ Туреччыны повернувся.—Вже збудувавъ десь одну сахароварню, а це—будуватыме другу у насъ, поблызу.

Глянувъ я—такъ и йе: Шмуль. Боже же мій! це мій знаёмый.

— Господынъ купець, господынъ купець—метнувся до ёго.

Адже не вспивъ: посадылы вже у карету, фурманъ ляснувъ по коняхъ—побиглы. Побигъ и я соби у слидъ... Дигнавъ, стрибнувъ на зализну пиднижку, ухопывся за золоте держальце у дверцяхъ, зазырнувъ у виконце... зазырнувъ, та й отерпъ, обомливъ, братця: сыдыть Шмуль на оксамытовій подушци и очи заплющывъ, а повзъ ёго... хто-жъ бы вы думалы?,.. доля! Та сама доля, у тій самій и сорочци, що розидравъ колысь Хведиръ. Сыдыть вона биля Шмуля та червинцямы грается.

— Доленько! голубонько!—гукнувъ я ій наче ажъ не своимъ гласомъ, бо такы зрадивъ ій. А вона мене—штовхъ у груды:

— Не бачышъ, хиба, мазепо, що *винъ* спыть?

Упавъ я та якъ-разъ у калюжу. Упавъ, лежу, не зведуся ніякъ, а вона высунулася зъ кареты, сміется та ще й языкъ вытрища,—то-бъ-то на глумъ мени.

Охъ! скыпивъ я! Скрутывъ ій зась, пидвивъ руку въ-гору:

— На, зйижъ!—гукнувъ, ажъ залунало.—Хочъ и въ калюжи лежу, та не твій, пошарпана задрипанко, наймытъ!

Онъ бачыте, якого цеглы навозылы? Ото-жъ нашъ Шмуль сахароварню будуватыме—отамъ и „вона“ жыве.

Л. Яновская.

ЕВРЕИ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ.

(Историческая справка). *)

Въ Чуфутъ-Кале — вблизи Бахчисарая, въ Карасубазарѣ, въ Ѳеодосіи и въ другихъ мѣстахъ Таврическаго полуострова открыто было въ сороковыхъ годахъ XIX столѣтія много надгробныхъ памятниковъ и рукописей, которые указываютъ, что въ VI в. по Р. Х. въ предѣлахъ Крымскаго полуострова, занятого греческими колоніями, уже обитали евреи. Можно думать, что около того же времени они находились и въ греческихъ колоніяхъ на сѣверномъ побережьѣ Азовскаго, а, можетъ быть и Чернаго моря. Черезъ три вѣка послѣ этого историческіе памятники указываютъ на присутствіе евреевъ далеко уже за пре-

---

*) Источниками служили, кромѣ отдѣльныхъ статей и замѣтокъ въ журналахъ, главнымъ образомъ:

1) Лѣтопись по Ипатскому списку. Изд. Археографич. Коммиссіи. 1871 г. Спб.

2) Писцовыя книги бывшаго Пинскаго староства. Ч 1 и 2. Вильна, 1874 г.

3) Ревизія Кобринской экономіи, составл. въ 1563 г. Вильна, 1863 г.

4) Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Зап. Россіи, изд. при Управленіи Виленск. учебн. Округа. 1867 г. т.т. I—IX.

дѣлами Крыма, на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Въ IX в. ихъ вліянію подпадаетъ обширное Хозарское царство, въ которомъ еврейское племя выступаетъ, какъ органическій элементъ государства, а религія Моисея становится господствующей въ странѣ: по крайней мѣрѣ ее исповѣдывали хозарскій ханъ и городское хозарское населеніе. Тогда же евреи проникаютъ и въ землю русскихъ славянъ, между прочимъ и въ Кіевъ, гдѣ они встрѣчаются вмѣстѣ съ греками и, вѣроятно, шведами и датчанами, нѣмцами, поляками и печенѣгами. Первобытно-свободная Русь въ X-мъ вѣкѣ была открыта для всѣхъ мирныхъ

---

5) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильна, Ковно, Трокъ. Вильна, 1843.

6) Акты, относящіеся къ исторіи Западнаго края, собр. и изд. Археографич. коммиссіей. Т. 1—3.

7) Акты, издаваемые ком. Высочайше утвержденной для разбора древнихъ актовъ въ Вильнѣ. т. т. I—VI.

8) *Шараневичъ.* Исторія Галицко-Владимірской Руси.

9) *Szaraniewicz.* Rys wewnętrznych stosuncow Galycyi Wschodniej w drugiej polowie XV wieku. Lwow, 1861.

10) *Бершадскій.* Литовскіе евреи, исторія ихъ юридич. и обществ. положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской уніи.

11) Д ръ *Адольфъ Іелинекъ.* Еврейское племя. Этн. этюды. Спб. 1870 г.

12) *Исидоръ Коимъ.* Столѣтіе эманципаціи евреевъ и ея христіанскіе защитники 1870 г.

13) Судьба евреевъ въ средніе вѣка и обычаи ихъ по настоящее время. Москва, 1860 г.

14) *Головацкій.* Карпатская Русь. Географ. статист. и историко-этногр. очерки Галиціи, сѣверо-вост. Угріи и Буковины (Славянск. Сборникъ 1877 т. т. I и II).

14) *Чубинскій.* Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край. Т. т. 5 и 7.

16) Военно-статистическое обозрѣніе Россійской имперіи. Таврическая губ. 1849.

17) Pr. Pilata. Wiadomosci statystyczne. 1881 г.

иностранцевъ, и потому понятно, почему въ этотъ періодъ евреи могли выступать и у насъ съ культурно-религіозными стремленіями, слѣды чего отмѣчены занесенною въ лѣтопись легендою о принятіи крещенія св. Владиміромъ. Судя по религіозно-культурной роли евреевъ въ Хозарскомъ царствѣ, а равно и у насъ въ Кіевѣ въ первое время, въ связи съ топографіей обитанія евреевъ, можно думать, что евреи, отмѣченные въ памятникахъ до X вѣка, были по преимуществу *библеисты*, выходцы непосредственные изъ Азіи, отдаленныхъ потомковъ которыхъ, асси-

---

18) *Риттихъ*. Племенной составъ контингента въ русской арміи и мужск. населенія Европ. Россіи. Спб. 1876.

19) *Де-Ливронъ*. Статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи. Спб. 1874 г.

20) Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба: Черниговская губ.—Домонтовича (1865), Бессар. обл.—Защукъ (1863), Гродненская губ.—Оброскій (1863 г.), Минская губ.—Зеленскій (1863) и Херсонская губ.—Шмидтъ (1863).

21) Календарь юго-зап. края, сост. Борисовъ и Чубинскій. Кіевъ, 1872.

22) *Ніановъ*. Статистическіе очерки Россіи (Дѣло, 1873 г. №№ 1, 4, 7 и 10).

23) *Скальковскій*. Опытъ Статистич. описанія Новороссійскаго края. Ч. 1.

24) Статистическій временникъ Россійской Имперіи, 1865. Вып. 1, вып. 17.

25) *Диттерици*. Народонаселеніе земного шара по количеству, племеннымъ различіямъ и вѣроисповѣданіямъ.

26) Мѣсяцесловъ на 1860 и 1864 г.

27) *Лебедкинъ*. О племенномъ составѣ народонаселенія зап. края Росс. Имп. (Записки Русск. геогр. Общ. 1861 г. № 3).

28) Статистическія свѣдѣнія о государствахъ 1866 г. (Приложенія къ Современнику 1860 г. № 1).

29) Ир. Житецкій. Смѣна народностей въ Южной Россіи («Кіевск. Старина», 1883 г.).

милировавшихся позже съ іудействующими татарами, мы знаемъ теперь подъ именемъ караимовъ. Но рядомъ съ евреями библеистами уже въ это отдаленное время можно предполагать появленіе въ Южной Россіи и евреевъ талмудистовъ. Какъ извѣстно, евреи послѣдняго вида начали поселяться въ Европѣ прежде всего на Аппенинскомъ полуостровѣ; отсюда они, разселяясь по торгово-промышленнымъ мотивамъ въ предѣлахъ Римской Имперіи, перешли на Пиринейскій полуостровъ, на которомъ, особенно въ мусульманскій періодъ, играли видную роль въ торгово-промышленномъ мірѣ, а затѣмъ и въ другія провинціи имперіи.

На своей родинѣ, въ Малой Азіи, евреи представляли земледѣльческое населеніе. Даже послѣ Р. Х. они не утратили этой черты. Такъ, въ Талмудѣ Вавилонскомъ (сост. около 600 г. по Р. Хр.) почти нѣтъ еще постановленій, относящихся къ торговлѣ. Рѣчь идетъ только о куплѣ, продажѣ земледѣльческихъ орудій, рабочаго скота, домашнихъ животныхъ, удобренія и т. п. Очевидно, тамошніе евреи въ то время занимались не торговлей, а сельскимъ хозяйствомъ, какъ, впрочемъ, было отчасти и въ Европѣ до XI столѣтія. Имѣются положительныя свѣдѣнія, что въ Греціи, въ Ломбардіи, въ сѣверн. Италіи, въ южн. Франціи евреи занимались земледѣліемъ. Но на ряду съ этимъ въ Европѣ евреи занимались уже промыслами и вели торговлю, которая принимала въ нѣкоторыхъ странахъ значительные размѣры. О грандіозныхъ торговыхъ предпріятіяхъ евреевъ въ Испаніи и Франціи сообщаетъ одинъ арабскій писатель подъ 880 г. по Р. Хр. замѣчательныя подробности. „Владѣя различными языками“, говоритъ онъ, „и находя почти повсюду единовѣрцевъ, евреи достигали на своихъ корабляхъ Индіи и Китая, а иногда они отправлялись черезъ славянскія земли на Волгу, въ Хозарское царство и далѣе въ Туркестанъ“. Изъ еврейскихъ источниковъ извѣстно также, что еврейскіе купцы доставляли цѣлые караваны товаровъ изъ прирейнскихъ странъ въ русскія, т. е., вѣроятно, въ сѣверную Галицію. Очень возможно, что евреи западной Европы (талмудисты) проникли „въ южно-русскіе пре-

дѣлы уже въ IX вѣкѣ и раньше, преимущественно съ торговыми цѣлями. На это указываетъ проживаніе евреевъ въ хозарскихъ и славяно-русскихъ городахъ, ведшихъ торговлю съ Азіей и Европой, и посредничество евреевъ въ продажѣ плѣнныхъ въ восточныя мусульманскія страны. Но около этого же времени судьбу европейскихъ евреевъ стали сопровождать уже и такія событія и обстоятельства, которыя еврейское населеніе стали направлять все болѣе и болѣе въ славянскія страны. Мало по малу папскій Римъ втянулъ европейскую жизнь въ сферу церковнаго вліянія, и евреи послѣдовательно стали исключаться отъ всякаго участія въ этой жизни. Сначала католицизмъ пытался привлечь евреевъ къ христіанству мирнымъ путемъ, а при неудачахъ въ этомъ направленіи сталъ все болѣе и болѣе ограничивать евреевъ въ ихъ гражданскихъ правахъ.

При Юстиніанѣ старые ограничительные законы Константина и Ѳеодосія II были еще усилены, и особенно тягостно съ ними поступали иконоборствующіе императоры. Въ Западной Имперіи уже при Карлѣ Великомъ постепенно шли измѣненія въ гражданскихъ занятіяхъ евреевъ, которымъ предоставлена была торговля и промыслы, да ростовщичество. Къ этому же времени относятся и первыя прямыя гоненія на евреевъ. По распаденіи имперіи Карла Великаго, государи Франціи и Германіи, а также владѣтели разрозненныхъ частей Италіи, предоставили церкви по отношенію къ евреямъ полную свободу дѣйствія. Уже въ 855 г. Людовикъ II пытался совершенно изгнать евреевъ изъ Италіи, а начиная съ X стол., во Франціи и Германіи страстная недѣля часто становилась для евреевъ временемъ страшныхъ погромовъ. При первомъ крестовомъ походѣ (1096 г.) цѣлыя еврейскія общины въ Трирѣ, Шпейерѣ, Вормсѣ, Майнцѣ и Кельнѣ, послѣ жестокихъ мученій, были истреблены, не пожелавъ креститься. Во время второго крестоваго похода пришлось сильно пострадать евреямъ во Франціи, а затѣмъ корыстолюбивый Филиппъ II Августъ (1180—1223) изгонялъ и призывалъ обратно евреевъ неоднократно, смотря по тому, что представлялось выгоднымъ для его казны. Приготовленія къ третьему

крестовому походу оказались печальными для англійскихъ евреевъ, и ихъ преслѣдуемое положеніе длилось до тѣхъ поръ, пока въ 1240 г. всѣ евреи не были совсѣмъ изгнаны изъ Англіи. Преслѣдуемые евреи съ перваго же времени стали бѣжать на востокъ, въ новыя славянскія государства, гдѣ царствовала вѣротерпимость, но они уже въ это время приносили туда и свои, воспитанныя вѣковымъ преслѣдованіемъ, антиобщественныя свойства, особенно въ формѣ ростовщичества. Западная христіанская церковь въ этотъ періодъ строжайше преслѣдовала своихъ послѣдователей за денежный ростъ, и потому по неизбѣжности пришлось разрѣшить вѣрующимъ займы у „невѣрныхъ“.

Благодаря этой мѣрѣ, евреи могли пріобрѣсть замѣтное вліяніе, хотя этимъ же денежнымъ дѣламъ евреи также обязаны были тѣмъ, что часто становились жертвами страшнѣйшихъ гоненій. Существуетъ основаніе полагать, что съ этого же времени въ южно-русскія области стали вселяться, кромѣ евреевъ библеистовъ, западные евреи талмудисты, спеціализировавшіе свою дѣятельность, благодаря исключительнымъ условіямъ своей европейской исторіи, на торговлѣ и ростовщичествѣ. Кстати, общественно-экономическія свойства тогдашней южнорусской страны, не имѣвшей организованнаго національнаго коммерческаго населенія и страдавшей отъ внутреннихъ неурядицъ, представляли благопріятныя условія для дѣятельности западныхъ евреевъ. По крайней мѣрѣ тѣми же признаками, какими отличаются евреи талмудисты въ теченіе всей южнорусской исторіи и до нашего времени, характеризуются уже кіевскіе евреи временъ Святополка II и Владиміра Мономаха. Такъ, по смерти Святополка II кіевляне взяли евреевъ „на потокъ“ и „разграбиша я“ въ отместку за ростовщичество и захватъ мѣстной торговли. Съ тѣми же особенностями евреевъ ведетъ борьбу и Владиміръ Мономахъ, издавая постановленіе о „рѣзахъ“ и изгоняя евреевъ изъ Кіева. Въ этотъ періодъ евреи составляли уже далеко не временныхъ, а постоянныхъ жителей города Кіева. Такъ, извѣстно, что при пожарѣ 1124 г. въ Кіевѣ

погорѣли и „жидове“. Вѣроятно, они жили даже въ отдѣльной части города, на сѣверо-восточной сторонѣ Кіева, куда вели „жидовскія ворота“. Поселенія евреевъ, конечно, не ограничивались городомъ Кіевомъ, и вѣроятно они были и въ другихъ торговыхъ мѣстахъ южной Руси, какъ Любечъ, Черниговъ, и проникли даже вмѣстѣ съ князьями и въ сѣверную Русь. Такъ они оказываются даже во Владимірѣ на Клязьмѣ, гдѣ по случаю смерти Андрея Боголюбскаго въ 1175 г. „жидове“ плакали по немъ. Особенно можно предполагать значительное еврейское населеніе въ галицко-владимірской землѣ, какъ области, ближайшей къ западной Европѣ и притомъ выдѣлявшейся въ то время своей внѣшней торговлей, гдѣ евреевъ особенно цѣнили, о чемъ и свидѣтельствуетъ сказаніе Волынской лѣтописи о томъ, что въ Галицкомъ княжествѣ въ половинѣ XIII в. они оплакивали смерть Володимірскаго князя Василька.

Изгнанія евреевъ, подобно кіевскому при Владимірѣ Мономахѣ, были, конечно, явленія мѣстныя и временныя, и таковыя, въ связи со взятіемъ ихъ имуществъ „на потокъ“, лишь указываютъ на то, что и въ эту раннюю эпоху южно-русской исторіи, именно въ XI—XIII вѣкахъ, уже отчетливо вырисовываются особенности южно-русскаго еврейства и тѣ ненормальныя экономическія отношенія евреевъ къ туземному населенію, какія потомъ уже рѣзко выступаютъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Упадокъ общей жизни въ странѣ въ эпоху татарщины пропорціонально ослабилъ и еврейское населеніе, хотя есть основаніе утверждать, что въ періодъ грозной татарщины евреи не исчезли совершенно на территоріи южной Руси, такъ какъ они, между прочимъ, оказываются въ числѣ сборщиковъ дани, которая собиралась для монгольскихъ хановъ съ туземнаго населенія

Новое и болѣе обильное населеніе евреями южной Руси произошло уже въ періодъ литовско-польскій, и особенно сопровождало переходъ этого края подъ власть Польши.

Въ составѣ еврейскаго населенія различаются ясно двѣ этнографическія группы: евреи-караимы (или библеисты) и и евреи-талмудисты (или раввинисты). Первые переселялись

обыкновенно отдѣльными семьями въ южную Русь изъ Крыма въ XIII, XIV в. в., но въ отдѣльныхъ случаяхъ переселеніе принимало и болѣе массовой характеръ. Такъ, въ 1363 г., послѣ похода Ольгерда въ Крымъ, караимы въ значительномъ числѣ семей вышли изъ Крыма, были гостепріимно приняты литовскими князьями и поселились сначала въ Трокахъ, а оттуда уже перешли въ волынскіе города, главнымъ образомъ въ Луцкъ, откуда еще позже разселились на западъ—въ Галицію и на востокъ—въ Приднѣпровье. Главное занятіе евреевъ-караимовъ была торговля; но ни своею численностью, ни своимъ вліяніемъ караимы не имѣли для страны того значенія, какое пріобрѣли евреи-талмудисты. Послѣдніе передвигались въ южнорусскую страну изъ западной Европы, по преимуществу черезъ Польшу, гдѣ появленіе евреевъ относится къ незапамятнымъ временамъ, хотя несомнѣнныя свидѣтельства о евреяхъ въ польскихъ провинціяхъ восходятъ лишь къ XI в. Козьма Пражскій подъ 1093 г. сообщаетъ, что богемскіе евреи, спасаясь отъ преслѣдованій, выѣзжали изъ Богеміи и высылали свое имущество въ сосѣднюю Польшу и Венгрію *къ своимъ единовѣрцамъ*. Въ 1264 г великопольскимъ евреямъ отъ Калишскаго князя Болеслава Благочестиваго особою грамотою предоставляются права торговать всѣми предметами, наравнѣ съ мѣщанами, право ссуды денегъ подъ закладъ и залогъ; религіозная свобода евреевъ охраняется угрозою конфискаціи имущества. Подобныя же привилегіи позже нѣсколько подтверждаетъ для малопольскихъ евреевъ грамота короля Казиміра Великаго (1367). Около этого же времени, именно съ XIV в., еврейское переселеніе увеличивается замѣтно и совпадаетъ съ усиленіемъ и расширеніемъ польскаго государства. Польскіе короли сами стали заботиться о переселеніи прирейнскихъ евреевъ, какъ населенія, отмѣченнаго уже и тогда своимъ коммерческимъ складомъ, въ малолюдные въ то время города и мѣстечки Польской короны. На такія зазыванія послѣдовали массовыя передвиженія нѣмецкихъ евреевъ, и къ XV в. еврейское населеніе въ польскихъ владѣніяхъ считалось

уже тысячами. Изъ Польши евреи переходили и въ сосѣднія литовскія владѣнія.

Въ Литовской Руси лѣтописи упоминаютъ евреевъ въ качествѣ постоянныхъ жителей уже въ половинѣ XII ст., и еврейскій элементъ въ Литвѣ растетъ по мѣрѣ распространенія Литовскаго государства на востокъ. Въ половинѣ XIV ст. они отмѣчаются уже старинными жителями Бреста Лит., Трокъ и Луцка, какъ это удостовѣряетъ жалованная грамота вел. князя Витовта отъ 1388 и 1389 годовъ, такъ какъ первая грамота лишь систематически излагаетъ тѣ привилегіи, которыми уже раньше обладали евреи. Особеннымъ покровительствомъ еврейской колонизаціи отмѣчены въ Польскомъ королевствѣ Казиміръ Великій, а въ Литовскомъ— Витовтъ и Ягелло. Въ силу Люблинской уніи (1569 г.) открывается возможность широкому передвиженію евреевъ изъ Польши въ Литву. Польскіе евреи немедленно пользуются этимъ, и въ вольныхъ новыхъ польскихъ переселенцахъ исчезаютъ старые русскіе евреи. Мало по-малу и здѣсь еврейская жизнь складывается по-польски: евреи обращаются быстро въ замкнутое сословіе, какъ въ Польшѣ. Общее направленіе колонизаціи въ южно-русскихъ земляхъ— съ запада на востокъ: чѣмъ восточнѣе область южной Руси, тѣмъ позже появляются въ ней евреи, такъ что, напримѣръ, во Владимірѣ Галицкомъ евреи уже были въ значительномъ количествѣ въ 1288 г., тогда какъ въ Пинскѣ они появляются въ лишь началѣ XVI ст.

Въ XIV в. евреи указываются историческими источниками во многихъ городахъ Галицкой Руси: во Львовѣ, Галичѣ и пр.; на Волыни—въ Брестѣ, Володимірѣ, Луцкѣ Кобринѣ и др. Въ XV в. встрѣчаемся съ ними въ Подоліи: въ Каменцѣ, Смотричѣ и пр., а также въ Кіевщинѣ—именно въ Кіевѣ, а въ XVI и въ Пинскѣ, Клецкѣ и др., и къ началу XVII в. еврейскія поселенія указываются и по лѣвой сторонѣ Днѣпра, напр. въ Путивлѣ.

Сначала евреи поселялись только въ городахъ, особенно замѣтныхъ въ торгово-промышленной дѣятельности, изъ нихъ потомъ переходили въ менѣе населенныя и богатыя поселенія, пока наконецъ не достигали и деревень. Что касается общей

численности евреевъ въ эту эпоху, то въ предѣлахъ Литовскаго княжества, сравнительно съ послѣдующими вѣками, она не была особенно еще велика. Напр., въ г. Кобринѣ, принадлежавшемъ къ берестейскому воеводству, особенно обильному тогда евреями, послѣднихъ въ 1563 г. было всего 30 семействъ, да за р. Муховцомъ еще 4 семьи, въ мѣстечкѣ Дуботинѣ 19 семей, въ м. Городцѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Кобрина, 3 семьи; около того-же времени въ г. Пинскѣ мужчинъ евреевъ числилось всего 39 человѣкъ. По разсчету г. Бершадскаго, въ предѣлахъ Литовскаго княжества во второй половинѣ XV в. было евреевъ обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ отъ 10 до 12 тысячъ человѣкъ; относительно гуще было еврейское населеніе въ южно-русскихъ провинціяхъ Польши.

Евреи Литовско-польскаго періода по своимъ занятіямъ и общественному строю представляютъ значительно измѣнившійся типъ, сравнительно съ тѣмъ, какой они имѣли въ періодъ дотатарскій, хотя и тѣ и другіе евреи переселились въ южную Русь изъ западно-европейскихъ государствъ.

Съ конца XI столѣтія въ Западной Европѣ обстоятельства сильно измѣнились къ невыгодѣ евреевъ. Вслѣдствіе крестовыхъ походовъ европейскіе христіане вступили въ близкія сношенія съ востокомъ, образовались христіанскіе цехи, въ которые евреи не могли имѣть доступа, и для нихъ въ этой области осталась только мелочная торговля. Въ средніе вѣка, съ развитіемъ цеховъ, евреи были вытѣснены изъ всѣхъ промысловъ, и имъ дозволена была лишь починка стараго платья. Кромѣ мелочей торговли и домашней ручной работы, евреямъ для поддержанія жизни оставалось еще занятіе врачебнымъ искусствомъ, въ чемъ они, несмотря на запрещеніе, сдѣлались необходимыми, и наконецъ денежныя дѣла въ видѣ ростовщичества. Послѣднее занятіе то создавало для евреевъ вліяніе, то еще чаще было источникомъ бѣдствій. Заимодавца еврея, при господствовавшемъ тогда церковномъ вліяніи, можно было безнаказанно при удобномъ случаѣ убить, или изгнать всю еврейскую общину изъ города и тѣмъ освободиться отъ всѣхъ долговъ, или исходатайствовать у

главы государства эдиктъ, объявляющій всѣ выданныя евреямъ долговыя обязательства потерявшими силу. Исключенные отъ всякаго участія въ жизни государства, евреи могли находить успокоеніе въ собственной семьѣ и въ обычаяхъ предковъ, а это вело къ послѣдовательному замыканію евреевъ въ сферу узкихъ личныхъ и національныхъ интересовъ. Къ этому вели, какъ требованія отъ евреевъ жить въ особыхъ кварталахъ, носить особые знаки на одеждахъ, такъ еще въ большей мѣрѣ и разроставшіяся гоненія на нихъ. Съ XI вѣка въ Западной Европѣ каждая община ежеминутно должна была страшиться нападенія или изгнанія. Въ 1391 г. во всѣхъ почти городахъ Испаніи произошла страшная рѣзня, въ которой погибли тысячи евреевъ, а черезъ столѣтіе (2-го августа 1492 г.) около 300,000 евреевъ вынуждены были оставить страну, которая въ теченіе 1500 лѣтъ была ихъ родиной. Въ XV в. во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ Германіи, евреи были поголовно истреблены, а изъ другихъ бѣжали. Германскіе евреи находили себѣ сносное положеніе въ славянскихъ земляхъ, и особенно въ Польшѣ, а оттуда въ Литвѣ и южно русскихъ предѣлахъ. Сюда они естественно принесли съ собою и всѣ антиобщественныя особенности, какія копили среди гоненій въ западной Европѣ. Михаилъ Литвинъ (Michalon) въ половинѣ XVI вѣка пишетъ, что „въ страну нашу собрался отовсюду самый дурной изъ всѣхъ народовъ—іудейскій, распространившійся по всѣмъ городамъ Подоліи, Волыни и другихъ плодоносныхъ областей, народъ вѣроломный, хитрый, вредный, который портитъ наши товары, поддѣлываетъ подписи, печати, на рынкахъ отнимаетъ у христіанъ средства къ жизни, не зная другого искусства кромѣ обмана и клеветы". Аналогичные отзывы раздавались и на люблинскомъ сеймѣ (1569 г.), гдѣ литовскіе депутаты жаловались на отдачу евреямъ въ аренду разнаго рода оброчныхъ статей: мельницъ, солодовенъ, торговыхъ пошлинъ, мыта, на то, что въ рукахъ евреевъ находятся всѣ корчмы, куда они, пользуясь страстью славянъ къ водкѣ, завлекаютъ крестьянъ всѣми способами, развиваютъ въ ихъ средѣ

порчу нравовъ и потворствуютъ разнымъ порокамъ. На своей новой родинѣ евреи, хотя и не сдѣлались полноправными гражданами, но какъ въ Польскомъ государствѣ, такъ и въ Литовскомъ, они составляли существенную часть населенія главнѣйшихъ городовъ, пользовались въ значительной мѣрѣ гарантированнымъ положеніемъ и разными льготами, подтвержденными правительственными актами. Благополучіе евреевъ устраивалось, какъ въ интересахъ фиска, такъ еще болѣе въ личныхъ разсчетахъ польскихъ королей, нуждавшихся въ богатыхъ и надежныхъ кредиторахъ, какими оказывались евреи, примкнувшіе къ власти королей, пока еще имѣвшихъ силу и фактическое значеніе въ странѣ. Порабощеніе поспольства и отсутствіе организованнаго и развитого промышленно-торговаго класса въ странѣ представляли просторъ для дѣятельности евреевъ, и „эти бездомные скитальцы и отверженцы общеевропейской цивилизаціи“, въ сравнительно короткое время, своими дѣйствіями успѣли возбудить и здѣсь, во всѣхъ мѣстахъ своихъ поселеній, противъ себя недовольство коренного населенія. Это обстоятельство не могло не отражаться и на судьбѣ самихъ евреевъ. Положеніе ихъ, сравнительно съ прежнимъ, постепенно дѣлается юридически менѣе выгоднымъ и болѣе неопредѣленнымъ: въ польско-литвинскомъ законодательствѣ вводятся ограниченія и составляются отдѣльныя сеймовыя постановленія, особенно въ XVI в. Королевскою грамотою 1619 г. евреи утратили право на осѣдлость и торговлю въ Кіевѣ, куда имъ разрѣшалось пріѣзжать только на одинъ день и останавливаться на особомъ подворьѣ; еще строже поступлено было съ евреями относительно Каменца, окрестности котораго даже на разстояніи трехъ миль были закрыты для евреевъ; въ Кременцѣ евреи потеряли право на производство вина, пива, меда и на торговлю ими. Грамотою королевича Владислава 1623 г. запрещено было евреямъ жить въ повѣтахъ Черниговскомъ и Сѣверскомъ. Помимо мѣстныхъ ограниченій, отъ времени до времени сеймовыя постановленія стѣсняли евреевъ и общими мѣрами: взиманіемъ податей въ

двойномъ количествѣ, единовременными подушными налогами, запретомъ торговли лошадьми, отбираніемъ на монетный дворъ по низкой цѣнѣ принадлежащаго евреямъ серебра. Можно въ южно-русской исторіи того времени отмѣтить и случаи поголовнаго изгнанія евреевъ, хотя послѣдніе скоро возвращались на старыя мѣста, съ правомъ брать во владѣніе свои прежніе дома и земли, которыми въ промежутокъ изгнанія пользовались христіане. Основаніемъ указанныхъ явленій въ положеніи евреевъ служило, какъ стремленіе королей и сеймовъ парализовать вредное вліяніе послѣднихъ на экономическое положеніе массы, торговлѣ и ремесламъ которыхъ еврейская монополія нанесла явный ущербъ, такъ и интересы привилегированныхъ сословій государства—шляхетства. Въ завладѣніи евреями денежнымъ рынкомъ правящее сословіе не могло не видѣть нарушенія своихъ интересовъ и имѣвшеюся въ ихъ рукахъ властью естественно стремилось ограничить обогащеніе евреевъ. Сеймовыя стѣсненія указали, на чью сторону въ польскомъ королевствѣ переходила фактическая сила, и евреи, вѣрные талмудическому афоризму „когда лисица въ силѣ, и ей должно кланяться“, примкнули къ польскому панству: открыли кредитъ и сдѣлались вольными слугами и агентами могучаго панства. Въ жизни и законодательствѣ такое соціальное явленіе выразилось въ томъ, что евреи изъ королевскихъ имѣній, на которыхъ они сначала и имѣли только право постоянной осѣдлости на правахъ подвластныхъ королямъ, начали экстенсивно наполнять собою владѣнія магнатовъ.

Слабѣйшая сторона тогдашняго южно-русскаго общественнаго строя состояла въ разрывѣ между панствомъ и „хлопами“ и въ безграничной власти перваго надъ послѣднимъ. Евреи заполнили собою этотъ огромный промежутокъ, отдѣлявшій въ Рѣчи Посполитой полновластную шляхту отъ безправныхъ хлоповъ, и сдѣлались factotum'омъ пановъ. Сближеніе произошло не только въ жизни, но и въ соціально-юридическомъ положеніи. По своимъ правамъ евреи въ Польско-Литовскомъ госу-

дарствѣ стояли вообще ближе къ дворянству, чѣмъ къ посполь-ству и даже мѣщанству: права евреевъ на жизнь, честь и сво-боду по закону удовлетворялись наравнѣ съ шляхтичами; они пользовались привилегированнымъ правомъ меча (jus gladii), въ силу котораго носили саблю; въ городахъ съ 1578 г. они осво-бождены отъ суда по Магдебургскому праву; какъ панскіе арендаторы, получили право судить крестьянъ и наказывать ихъ даже смертію и получили своеобразное устройство, дѣлав-шее ихъ юридически независимыми и самобытными. Уже въ концѣ XV в. главный городъ каждаго воеводства содержитъ въ себѣ и главную еврейскую общину, представляющую въ глазахъ государственной власти всѣхъ евреевъ административнаго округа. Отдѣльный еврей мало-по-малу закрывается для государства еврейскимъ обществомъ, внѣ котораго онъ безсиленъ и безпо-мощенъ. Опираясь на свои привилегіи, польскіе евреи къ концу XVI ст. вырабатываютъ, примѣнительно къ государственному устройству Рѣчи Посполитой слѣдующую организацію. Все ев-рейское населеніе раздѣляется между четырмя провинціями, имѣющими совершенно самостоятельное управленіе: Великою Польшей, Малою Польшей, Русью (Червонною) и Волынью. Всѣ евреи провинціи составляютъ „синагогу“. Всякая провин-ція или „синагога“ распадается на меньшіе округа, называе-мые „кагалами“, а территорія каждаго кагала дѣлится еще на „прикагалки“. Во главѣ каждаго кагала или прикагалка нахо-дились избираемые евреями на опредѣленный срокъ раввинъ и старшины; на нихъ лежали всѣ судебныя и административныя функціи по завѣдыванію дѣлами евреевъ округа. Основаніемъ для разрѣшенія всѣхъ споровъ между самыми евреями служилъ Талмудъ и до извѣстной степени мѣстные еврейскіе обычаи. Кагалъ являлся оффиціально признаннымъ органомъ, къ кото-рому обращалась государственная власть со своими требова-ніями и предписаніями. Изъ кагальныхъ старшинъ и особо избираемыхъ депутатовъ отъ каждаго кагала составлялись про-винціальные сеймики. По дѣламъ всѣхъ евреевъ польскихъ еже-

годно, одинъ разъ въ Ярославѣ Галицкомъ, а другой—въ Люблинѣ, собирались старшины всѣхъ польскихъ кагаловъ и депутаты отъ всѣхъ четырехъ провинцій на генеральный сеймъ польскихъ евреевъ, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ „синода четырехъ странъ“. Опираясь на такую стройную организацію, подчиняясь безусловно авторитету еврейскаго права, польскіе евреи сложились окончательно въ замкнутое торгово-промышленное сословіе, овладѣли большею частью промысловъ и всею торговлею королевства. Поддерживаемые покровительствомъ воеводъ и ихъ намѣстниковъ и католическимъ духовенствомъ, которому они платили искусственно большіе проценты на занимаемые у нихъ капиталы, евреи быстро ослабили торговцевъ христіанъ, находившихся между собою въ постоянныхъ столкновеніяхъ, благодаря соперничеству цеховому и пр. Ставъ на мѣсто мѣщанъ, евреи, однако, не въ состояніи были выйти изъ своего замкнутаго положенія. Лишенные возможности получать иное образованіе, кромѣ талмудическаго, евреи остались безучастными къ внутренней жизни польскаго общества, остались иностранцами, проживающими въ чуждомъ имъ государствѣ. Съ другой стороны, въ результатѣ сближенія денежнаго еврейства съ властнымъ шляхетствомъ, повторилась въ исторіи Польскаго королевства XVI—XVII в.в. старая исторія, какую евреи пережили въ Александріи, въ Испаніи, въ Римѣ и, вообще, во всѣхъ странахъ, куда ихъ заносила судьба: они и здѣсь примѣнили отмѣченное въ Талмудѣ Рабби Іохананомъ „замѣчательное искусство евреевъ быть господами своихъ тирановъ“. Прежде всего расширилась территорія поселеній евреевъ: подъ видомъ польскихъ арендаторовъ, управителей и агентовъ, евреи получили фактическое право жить въ тѣхъ мѣстахъ, которыя по закону имъ были недоступны. Такимъ путемъ они проникли, вопреки грамотѣ Владислава 1627 г., въ лѣвобережную Украйну, вкоренились во всей области, появились въ селахъ и не только въ видѣ шинкарей, но и какъ фактическіе землевладѣльцы, и уже въ началѣ XVII ст. евреи были въ *городахъ и селахъ* Га-

лиціи, Подоліи, на Волыни, въ Кіевщинѣ, въ предѣлахъ теперешнихъ Полтавской и Черниговской губерній, пробрались даже въ Новороссійскія степи, въ сосѣдство съ запорожцами, гдѣ они вели различную торговлю, были откупщиками соли у крымскихъ хановъ и ростовщиками. Численность еврейскаго населенія возрастала пропорціонально расширенію области, увеличиваясь не однимъ естественнымъ ростомъ, но и продолжавшимся переселеніемъ евреевъ изъ западной Европы. На всемъ пространствѣ южно-русскихъ поселеній, какъ въ польской, такъ и въ литовской половинѣ, евреи раскинули сѣти своихъ коммерческихъ предпріятій и овладѣли городами и селами. Въ городахъ и мѣстечкахъ коренное населеніе, вытѣсненное изъ сферы торговли и промышленности, обратилось къ земледѣльческимъ работамъ, и въ результатѣ города оказались истощенными, съ полукрѣпостнымъ населеніемъ, оторванные объ общей жизни страны и переполненные иноплеменнымъ еврейскимъ населеніемъ, и южная Русь въ это время лишилась возможности на образованіе національнаго средняго сословія. Побѣда евреевъ въ городахъ была тѣмъ успѣшнѣе, что, помимо разныхъ привилегій, евреи явились въ южную Русь съ болѣе значительною степенью общаго и экономическаго развитія, чѣмъ туземные горожане; они были къ тому же сильны солидарностью въ дѣйствіяхъ и, наконецъ, сознавая себя постоянно племенемъ пришлымъ, чуждымъ туземцамъ и ихъ интересамъ, евреи въ своей дѣятельности не стѣснялись никакими моральными требованіями, кромѣ экономической выгоды. Не въ лучшемъ положеніи находились и села: паны довѣряли евреямъ свои доходы, свои шинки, мельницы, заводы, свои имѣнія и своихъ подданныхъ, и еврейскіе арендаторы, корчмари и экономы благопріятствовали истощенію богатствъ земли и помогали панству въ порабощеніи народа, и въ то же время обращали въ свою пользу значительную выгоду, какую бы получило панство, или, говоря словами лѣтописи, „мазали пановъ по тѣлу ихъ собственнымъ саломъ“.

Народъ сознавалъ тяжесть еврейскаго хозяйничанья въ странѣ и, не находя дѣйствительной себѣ поддержки въ борьбѣ съ еврействомъ въ правительствѣ, которое ограничивалось грамотами и разными ограничительными постановленіями, принялся помогать себѣ средствами массъ, какъ при Святополкѣ II,— грабежемъ и убійствами. Кровавая расправа въ періодъ козацкихъ войнъ постигла на ряду со шляхетствомъ и его двойника— еврейское населеніе. Еврейскій элементъ ослабѣлъ въ южнорусскихъ областяхъ, а въ ближайшихъ къ военному району мѣстахъ и совершенно исчезъ, но, однако, не на долго. Волны народнаго возбужденія постепенно улеглись, опасности отъ ярости массы не оказывалось для евреевъ, и соціально-экономическія условія страны не измѣнились, особенно въ правобережной Украинѣ: къ XVIII в. въ краѣ по прежнему не существовало такого свободнаго національнаго сословія, которое моглобы заполнить вновь образовавшійся промежутокъ между панствомъ и хлопствомъ, а правящіе классы относительно евреевъ держались прежнихъ основаній. Однимъ словомъ, все благопріятствовало возврату евреевъ въ край. И дѣйствительно, съ раздѣленіемъ Южной Руси по Андрусовскому договору, въ заселенную часть правобережной Украйны, рядомъ съ польскими порядками, приходили и евреи, и гдѣ только поселялись, дѣлались по прежнему придаткомъ панства, посредствомъ котораго паны не безъ ущерба, впрочемъ, для себя, владѣли своими хлопами. Въ лѣвобережной Украинѣ, откуда болѣе всего евреи были вытѣснены козацкимъ движеніемъ, во весь гетманскій періодъ евреямъ дозволялось жить только временно, ради торговыхъ операцій; но по мѣрѣ заселенія праваго побережья Днѣпра, они незамѣтно, мало-по-малу, водворялись и на лѣвомъ берегу. Въ 1764 г. малорусское гетманство уничтожилось, а русское правительство, въ интересахъ уничтоженія автономныхъ традицій Малороссіи, не стало ставить преградъ для еврейской осѣдлости въ ней. Результаты получились сходные съ XVII ст.; на защиту интересовъ малорусскаго населенія возникло гайдамацкое

движеніе, жестоко расправившееся, на ряду съ поляками, и съ евреями.

Къ концу XVIII ст. политическія обстоятельства значительно измѣнились: въ 1773 г. послѣдовалъ первый раздѣлъ Польскаго королевства, а въ 1792 г. и второй, и судьба жгучаго тогда еврейскаго вопроса въ южно-русскихъ областяхъ ставится въ полную зависимость отъ внутренней политики двухъ сильныхъ европейскихъ государствъ—Русскаго и Австрійскаго. Польское правительство съ XIV вѣка и до конца своего существованія держалось по отношенію Евреевъ принциповъ утилизаціи: евреи не были признаны полноправными гражданами, но они, какъ полезный элементъ, составляли покровительствуемое племя, и имъ было предоставлено въ законодательныхъ установленіяхъ столько свободы, сколько, при односторонности шляхетскаго воззрѣнія, того требовала государственная польза и интересъ правящихъ классовъ. Съ переходомъ власти отъ Польши къ Австріи и Россіи, какъ то, такъ и другое государства нѣкоторое время въ еврейскомъ вопросѣ слѣдовали тѣмъ же принципамъ утилитаризма не безъ нѣкоторой, впрочемъ, примѣси гуманныхъ началъ, модныхъ тогда при дворахъ Іосифа II и Екатерины II. Подъ вліяніемъ именно гуманнаго настроенія въ 1782 г. въ Австріи былъ опубликованъ такъ называемый „эдиктъ терпимости“ (Toleranza Edict) Іосифа II, по которому евреямъ дозволялось постоянно жить во всѣхъ городахъ и, за нѣкоторыми исключеніями, и въ деревняхъ, заниматься ремеслами и торговлей, но безъ права владѣнія недвижимыми имуществами; они получали право основывать нормальныя школы и нести обязанности военной службы. Почти одновременно, именно въ 1786 г., современницей Іосифа II, Екатериной II-ой, подписанъ былъ сенатскій указъ, отмѣнявшій неравноправность евреевъ въ имущественныхъ и судебныхъ дѣлахъ и религіозную нетерпимость, въ чемъ и выразилось фактическое стремленіе русскаго правительства къ уравненію правъ евреевъ. Параллелизмъ въ этомъ отношеніи Австріи и Россіи

продолжается приблизительно до конца XVIII вѣка. Въ этотъ періодъ евреи, разогнанные передъ тѣмъ гайдамацкими расправами, вновь заселяютъ Юго-Западный край; съ присоединеніемъ къ Россіи въ 1772 году Бѣлоруссіи, еврейское населеніе нахлынуло въ теперешнія Полтавскую и Черниговскую губ., гдѣ они и были укрѣплены въ 1794 г. въ городахъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ; фактически тогда водворилось еврейство и въ „Екатерининскомъ намѣстничествѣ“ и въ „Таврической области“, хотя указъ, разрѣшавшій евреямъ водвореніе на жительство въ „Новороссійской“ губ., послѣдовалъ лишь въ 1829 г., 16-го ноября; въ концѣ же XVIII в. евреи поселились въ Буковинѣ и Угорской Руси, куда они перешли изъ Галиціи и Польши. Слѣдовательно, къ началу XIX в. изъ малорусскихъ областей только Харьковская и малорусскія части Курской, Воронежской и Земли Войска Донск., а равно и земля Черноморскаго войска были свободны отъ еврейскаго населенія.

Въ XIX вѣкѣ Австрія, служа невольнымъ отраженіемъ политическихъ движеній въ Европѣ, шла постепенно, хотя и не безъ колебаній, къ полной эмансипаціи евреевъ, а юридическое положеніе евреевъ въ малорусскихъ областяхъ, въ силу государственной необходимости, подвергалось такимъ же колебаніямъ, какъ и все вообще конституціонное устройство государства. Существенныя улучшенія, въ смыслѣ дѣйствительнаго уравненія правъ, австрійскіе евреи получили, однако, лишь по конституціи 4-го марта 1849 г. Наступившая потомъ реакція породила снова разныя ограниченія: такъ, указомъ отъ 2-го октября 1853 г., право евреевъ на поземельное владѣніе во всѣхъ коренныхъ земляхъ было снова временно ограничено, а указомъ 18-го февраля 1860 г. пріобрѣтеніе евреями недвижимой собственности въ Галиціи и Буковинѣ поставлено было въ зависимость отъ диплома высшихъ учебныхъ заведеній или отъ офицерскаго званія; только конституціей отъ 24 декабря 1867 г. евреи окончательно были уравнены съ остальными гражданами, что было потомъ еще гарантировано особымъ закономъ

о вѣроисповѣданіяхъ (25 мая 1868 г.), которымъ признавалось полное равенство и свобода всѣхъ вѣроисповѣданій въ религіозныхъ и гражданскихъ правахъ.

Нѣсколько менѣе послѣдовательно и постепенно совершалась эманципація въ Венгріи. Въ 1847 г. въ литературѣ поставленъ былъ вопросъ о равноправности евреевъ въ государственныхъ сферахъ и энергично поддерживался Кошутомъ, но обѣ палаты по этому вопросу ограничились рѣшеніемъ, что еврейскіе церковнослужители должны были получать содержаніе отъ правительства. Послѣдовавшее вскорѣ усмиреніе венгерскаго движенія печально отразилось на судьбѣ венгерскихъ евреевъ: имъ въ этотъ періодъ разрѣшено было пріобрѣтать поземельную собственность, но отъ исключительныхъ законовъ все не отказывались еще долго, не смотря на жаркую борьбу по этому вопросу въ мартовскомъ сеймѣ 1861 г., и законъ объ уравненіи евреевъ съ христіанами во всѣхъ гражданскихъ и политическихъ правахъ и объ отмѣнѣ всѣхъ противныхъ этому постановленій утвержденъ былъ обѣими палатами лишь 20 декабря 1867 года.

Такимъ образомъ, евреи въ малорусскихъ провинціяхъ Австріи—въ Угорской Руси, Галиціи и Буковинѣ съ 1868 г. и юридически, и фактически пользуются не только всѣми судебными и имущественными правами, но и въ политическомъ отношеніи являются полноправными гражданами Австрійской Имперіи.

Иначе устроились евреи въ малорусскихъ провинціяхъ Россіи. Во вторую половину царствованія Екатерины II издано было уже нѣсколько ограничительныхъ положеній о евреяхъ, ничего общаго не имѣющихъ съ гуманными принципами указа 1786 г., и между прочимъ характерный указъ, запрещающій евреямъ вести какую-бы то ни было корреспонденцію кромѣ торговой. [1]) Въ началѣ царствованія Александра I, наравнѣ съ

[1]) Поводомъ къ этому указу послужило открытіе, что во время турецкой войны еврейскіе купцы въ своей корреспонденціи передавали туркамъ свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи страны.

многими другими вопросами, былъ поднятъ и вопросъ вѣроисповѣдный, и въ 1804 г. обнародованъ „уставъ", имѣвшій задачей поставить евреевъ „въ состояніе равное съ другими, безъ различія закона и народа". Но кромѣ указаннаго устава, всѣ прочія относящіяся къ евреямъ постановленія въ XIX вѣкѣ носятъ явные слѣды системы опеки съ разными задачами: „образовать", „перевоспитать", „ассимилировать" евреевъ, какъ народъ лишь терпимый. Система опеки сопровождалась и разными ограниченіями дѣятельности и района поселеній евреевъ, а по временамъ и преслѣдованіемъ религіозно бытовыхъ особенностей націи. Такъ, въ царств. Николая I изданы были постановленія, запрещающія евреямъ носить польско-еврейскій костюмъ: ермолки, пейсы и пр.; въ 1844 г. уничтожено было кагальное устройство у евреевъ, и надзоръ за ними былъ съ этого времени порученъ общимъ административнымъ властямъ. Однако, рядомъ съ ограниченіями, въ покровительственной системѣ русскаго правительства шли и нѣкоторыя расширенія еврейскихъ вольностей: они были допущены въ общія учебныя заведенія, имъ было дано право записываться въ купечество и мѣщанство, устраивать фабрики и заводы, равно какъ и заниматься ремеслами, предпринята была цѣлая система пріученія евреевъ къ земледѣлію и пр. Особенно преобразовательное царствованіе Александра II было сравнительно богато гуманными мѣрами къ уравненію евреевъ въ правахъ съ остальными національностями страны: прекращены были изгнанія евреевъ изъ селъ; Высочайшимъ повелѣніемъ 1861 г. было дозволено евреямъ, получившимъ ученую степень, вступать въ государственную службу, кромѣ педагогической дѣятельности; въ 1865 году разрѣшено купцамъ первой гильдіи жительство во внутреннихъ губерніяхъ, а равно и ремесленникамъ іудейскаго вѣроисповѣданія; евреи уравнены были относительно рекрутской повинности, призваны къ участію въ городскомъ самоуправленіи и т. д.

Сравнительно съ евреями австрійской части Малороссіи, положеніе евреевъ Малороссіи русской осталось неопредѣлен-

нымъ и незаконченнымъ. Въ современномъ нашемъ законодательствѣ находится болѣе пятидесяти главъ съ 400 сепаратныхъ статей о евреяхъ, которыми прямо или косвенно ограничиваются права ихъ, то съ цѣлью огражденія населенія отъ вреднаго вліянія евреевъ, то ради пользы самихъ же евреевъ. Среди этихъ мѣръ существуетъ ограниченіе осѣдлости евреевъ. Выше уже отмѣчено было, что въ концѣ XVIII в. евреи фактически обитали, за незначительными исключеніями, во всѣхъ малорусскихъ областяхъ, и въ этомъ отношеніи дѣйствительное разселеніе переходило за предѣлы, предвидѣнные закопами, и только post factum уже происходило узаконеніе мѣстожительства евреевъ. Такъ, указомъ отъ 23 декабря 1791 г. евреи узаконены были въ теперешнихъ губ. Екатеринославск. и Таврической; черезъ 12 лѣтъ они допущены были въ Херсонскую губ. и окончательно утверждены указомъ отъ 16 ноября 1829 г. Позже этого происходили лишь частичныя урегулированія вопроса о районѣ еврейской осѣдлости, и въ настоящее время, по русскому законодательству среди малороссовъ евреи имѣютъ право жительства въ губерніяхъ: Бессарабской, Подольской, Волынской, Кіевской, кромѣ г. Кіева, Люблинской, Сѣдлецкой, Гродненской, Минской, въ сѣверныхъ частяхъ Таврической, въ Херсонской, Екатеринославской, Черниговской и Полтавской. Всѣ эти области полны теперь еврейскимъ населеніемъ. Количество еврейскаго населенія, въ предѣлахъ собственно малорусскихъ поселеній въ Россіи и Австріи, около 2,000,000 душъ.

Центромъ поселенія евреевъ въ Малороссіи служатъ старыя польскія владѣнія—Галиція, Привислянскій и юго-западный край, гдѣ еврейское населеніе доходитъ до 20% по отдѣльнымъ округамъ, а въ среднемъ составляетъ болѣе 13%. Отъ этого района величина коэффиціента падаетъ болѣе рѣзко на востокъ и менѣе чувствительно на западъ и югъ. Относительно еврейскаго населенія среди другихъ народностей выясняется слѣдующее явленіе: на востокѣ и сѣверо-востокѣ, среди великорусскаго населенія процентъ евреевъ выражается въ совершенно ничтож-

ныхъ доляхъ; на западѣ: въ Румыніи одинъ еврей приходится на 19 душъ населенія, въ Венгріи—на 22, въ Моравіи—на 47, въ Богеміи—на 57, въ Пруссіи—на 79, въ Европ. Турціи—на 150, въ Швейцаріи—на 386, во Франціи—на 785, въ Бельгіи—на 2541, въ Испаніи—на 2806, въ Швеціи—на 3646, въ Норвегіи—на 69164, т. е. чѣмъ какая страна западной Европы дальше отстоитъ отъ Малороссіи, тѣмъ слабѣе въ ней еврейское населеніе. Однако есть области, внѣ малорусскихъ поселеній, которыя въ количествѣ еврейскаго населенія даже превосходятъ южную Русь—это Польша и Бѣлоруссія. Въ первой одинъ еврей приходится на 7 жителей, а въ послѣдней существуютъ такіе уголки, какъ Чаускій у. Могилевской губ., въ которомъ евреи составляютъ 55,5% всего населенія. Очевидно, что въ настоящее время центръ еврейскихъ поселеній приблизительно совпадаетъ съ географическимъ центромъ Европы, и малорусскій народъ, жительствуя въ серединѣ Европейскаго материка, оказался вмѣстѣ съ поляками и бѣлоруссами въ центральномъ мѣстѣ нынѣшняго еврейства.

Въ Европѣ колыбелью евреевъ были по преимуществу страны Романскаго населенія—Аппенинскій полуостровъ и южная Франція; къ среднимъ вѣкамъ евреи передвинулись въ среду германскаго племени, а отсюда уже густою массою іудаизмъ сталъ вселяться въ поселенія славянскихъ народовъ—сначала Чеховъ и Моравовъ, которые къ нашему времени успѣли уже освободиться отъ евреевъ, а потомъ въ Польшу, Бѣлоруссію и Малороссію, на территоріи которыхъ теперь обитаетъ около $^2/_3$ всѣхъ евреевъ земного шара. Въ западной Европѣ нѣтъ уже и воспоминаній о религіозныхъ преслѣдованіяхъ, а во второй половинѣ XIX ст. исчезли и послѣдніе остатки неравноправности еврейскаго населенія, за исключеніемъ только Швеціи, Норвегіи, Евр. Турціи и Румыніи, и однако еврейское населеніе продолжаетъ свое движеніе и теперь, уменьшаясь на западѣ Европы и увеличиваясь въ ея центрѣ. Во Франціи въ 1809 г. числилось евреевъ до 80,000 душъ и одинъ еврей приходился на 362 жит.;

въ 1829 г. еврейское населеніе уменьшилось до 60,000, и одинъ еврей оказывался на 600 душъ населенія; а въ 60-хъ годахъ одинъ еврей приходился уже только на 785 душъ. Аналогичное явленіе произошло и въ другихъ частяхъ западной Европы.

Совершенно противоположное явленіе происходило въ этотъ періодъ въ центральной части Европы, именно среди Малороссовъ. Въ Буковинѣ систематическія поселенія евреевъ начались лишь въ самомъ концѣ прошлаго вѣка, а черезъ полстолѣтія евреевъ уже числилось около 50,000. Въ Полтавской и Черниговской губ. въ 1739 г. было всего 573 еврея въ 130 дворахъ, а въ 1870, т. е. черезъ 130 лѣтъ, здѣсь числилось уже около 100,000 евр., а еще черезъ десять лѣтъ въ одной Черниговской губ. евреевъ считалось болѣе 81,000. Въ Полт. губ. въ 1842 г. евреевъ было до 17,000, къ 1862 г. ихъ уже насчитывалось около 31,000, а въ 1873 г. евреевъ исчислено было до 63,000; въ 1881 г. еврейское населеніе составляло уже 84,000 д. Такое интенсивное размноженіе евреевъ не можетъ быть объяснено естественнымъ приростомъ, а происходитъ отъ наплыва евреевъ въ предѣлы Малороссіи изъ другихъ мѣстъ. Безъ сомнѣнія, часть еврейскаго населенія даетъ Малороссіи отъ своего избытка ея ближайшій сосѣдъ—Бѣлорусскій край, который за одно семилѣтіе съ 1863 по 70-ый годъ потерялъ около 100,000 еврейскаго населенія; но остальная часть не могла явиться ни изъ Польши, гдѣ съ 1867 г. по 70-ый населеніе еврейское увеличилось на 115,000, ни изъ Галиціи и Буковины, гдѣ приростъ евреевъ несоразмѣрно великъ, а вѣроятнѣе всего изъ стараго же источника—изъ западной Европы и старымъ же путемъ—черезъ страны западныхъ сосѣдей малороссовъ. Гонитъ же еврейство изъ западной Европы къ намъ теперь уже не преслѣдованіе, а постепенно растущій уровень образованія и развитія населенія, при которомъ не остается мѣста для еврейства, ничего не производящаго, а живущаго исключительно посредничествомъ въ торгово-финансовыхъ операціяхъ.

Ир. Житецкій.

НАША ДОЛЯ-БОЖА ВОЛЯ.

I.

Отъ скилько есть на нашій славній та веселій Украини усякыхъ селъ, слобицъ та хуторивъ и скилько въ тыхъ селахъ, слободахъ та хуторахъ жыве усякыхъ людей, а, здается, такого села, якъ Суныцивка, Харькивськои губерни и Харькивського повиту, а найпаче такого чоловика, якъ Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ, що прожывае у тій Суныцивци, десь нема на всій шырокій та далекій Украини.

Що-жъ воно за село та Суныцивка и чымъ воно славне? Чы тымъ, що дуже багате? Чы тымъ, що дуже велыке? А чы, може, тымъ, що дуже пышне та роскишне село? Ни, и не пышне, и не багате воно; а що до славы, то воно таке славетне, що якъ зазнають ёго верстовъ за двадцять навкругы окильни селяне, то отъ то и вся ёго слава... Але все-жъ такы не завжды можна побачыты таке село, якъ та Суныцивка...

Якъ хочешъ ты гараздъ раздывыться на те село, то йды ты до нёго зъ полуденнои стороны, по дорози одъ хутора Коноваливкы, и тутъ тоби буде спершу всёго, у ливоручъ, глыбоченне провалля; однымъ кинцемъ те провалля досягае до самои дорогы, а другымъ до велыкои гребли, що на шырокимъ та

глыбокимъ панськимъ ставу. По середыни того провалля есть глыбокый колодязь, де бье джерело чыстои, якъ скло, и холодноі, якъ крыга, воды: луччои воды, якъ у тому колодязи, нема у всій Суныцивци,—того-жъ то зъ нёго и возять воду панамъ на чай; при самому киньци того провалля, тилько геть выще колодязя, есть страшенно глыбока,—кажуть, буцимъ-то зовсимъ безодня, яма, и въ тій ями щось дуже не добре дiется. И не дай, Боже, заглянуты у ту ямуру у темну ничъ! Тамъ чоловикови таке увыжается, що винъ чы гляне туды, чы ще й не гляне, а вже буде ажъ цилый тыждень жахаться та позихаты та хрестыты рота та оглядатысь округъ. Промижъ людей ходе така балачка, шо буцимъ-то тамъ саме найстрашенне кышло, де кублятся нечысти, мовъ ти гадюкы на пробесни у порожнёму дупли дерева.

За тымъ проваллямъ почынается „выщый“ панськый садъ. Тутъ ты вздрышъ и велыченни дубы, и роскишни кленкы, и товстенни берестки, и высоки-превысоки березы, що Богъ-зна кымъ и Богъ зна колы понасажувани у тому саду на дыво всимъ сунычанамъ, бо не тилько у Суныцивци, а, мабудь, такъ, що и по всій Харькивськiй губерни, береза на велыку дывовыжу всимъ. Того-жъ то кожный, хто не йде по дорози на Суныцивку, якъ тилько поривняется зъ „выщимъ“ панськымъ садомъ и якъ тилько побачыть высоки та товсти березы, а на макивци тыхъ березъ уздрыть ще й вулыкы для божои мушкы-бжилкы, щобъ сидала, якъ летитыме зъ чужои пасикы, — такъ якъ поривняется зъ тымъ садомъ чоловикъ, то заразъ же стане супроты березъ, та й давай дывытысь на ныхъ. Дывытся винъ и на ту билу кору, и на ти тонки та довги, якъ батогы, гилочкы, що прямисенько-прямисенько, якъ струночка, спускаются зъ верху унызъ; дывытся и на ти дрибни та зелененьки лыстячка, шо такъ и дрижать, такъ и трипочутся проты сонечка одъ легкого та тыхесенького витреця. Якъ то буде йты мымо того саду дидъ, то подывытся винъ, подывытся на березу та й скаже: „Славна-жъ и кора на цій берези! И яку-бъ-то зъ неи можна було зробыть тавлыночку для табаку!..“ А якъ то

буде дядько, а не дидъ, то подывыться винъ, подывыться на ти тнучки та довги гилочкы, та й скаже: „Ну-й ловка-жъ була-бъ и метелочка изъ цыхъ гилочокъ пидметаты токы!..“ А якъ-же то буде иты по дорози стара баба и погляне на ту березу, то тутъ-же потыхесеньку пидкрадется пидъ саму нызьку гилочку дерева, та й давай щыпаты зъ нёго брунькы та ховаты ихъ за пазуху: „Це дуже цилюще древо,—якъ нарваты побильше цыхъ брунёкъ, та якъ до ныхъ прыбавыты ще молоденькыхъ гилочокъ, та якъ настояты це все на крипкій горильци, та потерты цією березивкою чы поясныцю, чы жывитъ, то у тебе и въ жывоти полегша и поперекъ перестане болить“... А якъ уже бигтыме по дорози повзъ „выщого“ панського саду яке-небудь хлопья, та якъ уздрыть воно высоку березу, и колы то буде на провесни, то ото воно вже й не жыве, щобъ не пидлизты крадькома пидъ березу, не продовбаты малесенькои дирочкы у стволыни дерева, не вставыты туды очеретынкы, та не посмоктаты черезъ ту дирочку березового соку. Воно черезъ те, сказать, бува и велыка шкода дереву, та хлопцеви до того байдуже: винъ-же, той сикъ, солодкый, та смашный такый, що й Боже мій! И смокче воно той сикъ, и смокче, прытулывшысь щильно губамы до очеретынкы и уткнувшысь носомъ у саму кору дерева.

Якъ мынешъ ты той „выщый“ панськый садъ, то тутъ буде одразу шырокый майданъ, и на тому майдани, у праворучъ, убачышъ ты панськый тикъ зъ глыбокымъ ровомъ и зъ высокымъ валомъ, чы, якъ кажуть тамъ, загатою, округъ; а у ливоручъ побачышъ невелычку, прысадкувату, якъ печерычка, церковку. То-жъ то й церковка славнесенька! Невелычка, кажу, вона соби и збудована не зъ цеглы, а зъ дерева, помалёвана зъ бокивъ билою фарбою, а сверху зеленою ярью; округъ неи нызенька, побиляна вапною оградочка, зложена изъ цеглы, тилько не въ щиль, а, якъ тамъ кажуть, у решето зъ витрогонамы. Выще ограды, надъ правымы боковымы дверыма церквы, намалёвана и далеко видризняется видъ стины постать Господа Вседержытеля зъ довгою-предовгою та билою, якъ

снигъ, бородою и зъ двома пиднятымы у гору благословляючымы рукамы. Здалека выдко, якъ грае та перелывается сонечко у тыхъ высокыхъ зъ зализнымы перепе́ламы викнахъ, де повставлени шматочкы зеленого, червоного, сынёго и жовтого скла. Мижъ церковкою и оградою ростуть та красуются товсти, гиллясти та пахучи жовтымъ цвитомъ лыпы; высоки та зелени зъ лапчастымъ лыстомъ кленкы, и въ одному куточку, що коло дзвиныци, гойдаются гилочкы рябыны, що позвысалы ажъ черезъ ограду до самого дэлу, укупи зъ червонымы, якъ дрибне кораллове намысто, ягидочкамы. И якъ то погоже, и якъ то славно у тій церковній огради пидъ тымы деревамы у литній пекучій день!..

Якъ разъ супроты тіеи церковкы, тилько трошкы ливійшъ, стоить старынный, у два поверхы, панськый будынокъ, и коло того будынка пороскыдани скризь усяки будивли, яки потрибни за-для панського господарства, се-бъ то: ледовня, лазня, столярня, пральня, застольня, загоны, стайни, хливы, сажи и друге. За панськымъ будынкомъ выявляется „нижчый“ панськый садъ, а за „нижчымъ“ садомъ поблыскуе проты сонечка широкый та довгый панськый ставокъ. Вы, може, подумаете, що то такъ соби, абы-якый садъ? Эге-жъ! Та то такый садъ, що якъ-бы забравсь туды ночнои добы, то хто ёго зна, чы выблудывсь бы и къ свиту изъ ёго...

И, Боже мій, яки то въ тому саду ростуть велычезни та густи дерева! Тутъ и дубы, и кленкы, и сосны,—упьять таки велыке дыво у тій сторони,—и лыпы, и акаціи, и ясенкы, и берестки, и били сриблясти тополи. Отъ тутъ тополи, такъ тополи!

Такыхъ высокыхъ та товстыхъ тополь, пройидь ты сто, пройидь двисти, або й трыста верстовъ, не побачышъ ниде. Якъ помиряты ихъ рукамы, то буде тры, або й чотыри обіймыщивъ округъ. Та воно й не дыво, що тутъ таки тополи: стоять воны край самисенького берега ставка и ростуть у чорній, якъ вороняче крыло, и въ жырній, якъ те масло, земли. Тамъ-то прохолодно, тамъ то роскишно, тамъ-то славно, у тому „ныж-

чому“ панському саду! Тамъ що тыхъ квитокъ, тамъ що того овочу усякого, тыхъ ягидъ, тіеи огородыны, тыхъ пташокъ, що щебечуть, спивають, та залываются на всяки голосы!

Всёго, всёго тамъ багато, а тилько боязко туды и однымъ окомъ зыркнуть. Одно те, що тамъ лютый-прелютый сторожъ Хвылька Баукало, увесь волохатый, якъ той звирь, крыклывый, якъ та сорока билобока, занюханый та засопляный, якъ та мара свитова, зъ однымы костянымы „колодочкамы“ на пальцяхъ замисть нигтивъ,—цей Хвылька Баукало якось-то зимнёи поры одморозывъ соби на лёду нигти и шкуру на пальцяхъ, якъ йшовъ пьяный черезъ ставъ у панськый садъ та впавъ на лидъ и проспавъ на нёму усю ничъ. Черезъ те то у нёго, замисть пальцивъ, зосталысь одни чорни „колодочкы“. И злющый же винъ бувъ чоловикъ! Хлопци, глядючы на ёго „колодочкы“, казалы, що винъ зовсимъ уже й не чоловикъ, що винъ зъ того часу, якъ ёго понюхалы чорты на лёду, самъ ставъ чортомъ... Такъ отъ черезъ того сторожа, кажу, и боязко було заглянуты у той „ныжчый“ панськый садъ. А друге й те, що въ тому саду часто выглядавъ ще лютійшый, нижъ Хвылька Баукало, самъ панъ Иванъ Мытровычъ Головань. И не дай маты Божа, якый то бувъ скаженый панъ! Высокый, товстый, банькастый, лысый, якъ макогинъ, зъ довгымъ та закарлюченымъ, якъ у орлякы, носомъ, съ страшеннымъ голосомъ; той панъ, Головань, бувъ справжнимъ страховыщемъ на все село и своимъ голосомъ лякавъ и старыхъ и малыхъ, и жинокъ и мужыкивъ, не кажучы уже про малу дитвору. И шо винъ тилько выроблявъ зъ своимы крепакамы, такъ якъ теперъ сказаты, то мало хто й повире, а воно-жъ правда, справжня правда. Мужыкивъ винъ бывъ, нивечывъ, катутавъ гирше, нижъ никчемну товаряку; минявъ ихъ на собакъ, програвавъ у карты, завдававъ у некруты, засылавъ у Сибиръ. Молодыць, якъ яка була брава та красовыта, бравъ у „горныци“ за для своеи потихы; а якъ яка некрасовыта та нечепурна, тій отдававъ на згодування одъ гончои сучкы цуцынятъ. И годувала вона ихъ умисти зъ своею дытыною, а панъ, на дыво велыкый стрилець, що-тыжня

довидувався до тіеи молодыци, и пыльно доглядавъ, чы добре вона годуе собачятъ, чы не худи зъ пидъ неи выходять годованьци, и боронь Боже, якъ худи! „Розокъ! Запороть её! Закатать! Пороть, пока своею кровью не подплывётъ!“ Такъ хочешъ, не хочешъ, а годуй! „А воно-жъ тебе, прокляте собача, тягне за груды та куса тоби тило, та дряпае собачымы кихтямы шкуру. А ты залывайся слизьмы, та годуй, та мовчы, та все мовчы, а то лютый панъ на викы тебе и забье и засиче“... А ще гирше того выпадало одъ того пана Голованя дворовымъ людямъ; ти вже бидолахы, що часъ, що хвылыну тремтилы за свое жыття. Завжды голодни, завжды зъ облупленною шкурою, завжде залякани, воны ходылы у-литку и голи и боси, а взимку набувалы на себе деревьяни черевыкы, що самъ панъ выточувавъ на „токарному станку“... И хто-бъ ни йшовъ, и хто-бъ ни йихавъ зъ мужыкивъ черезъ панськый двиръ, скыдай зъ головы шапку за нивъ-верствы, а то якъ уздрыть тебе панъ, що ты йдешъ мымо ёго ганка у шапци, то тутъ тоби й капуть: „Запорю! Засёку! Заморю! На конюшню его, подлеца! Дать ему девяносто! Всыпать ему сто!..“ А якъ сяде-жъ той панъ, не дай Боже, на свого билого коня та надине на себе охвыцерськый картузъ, бо винъ на лыхо всимъ бувъ майоръ, та якъ визьме у рукы реминный зъ дротомъ малахай и пойиде по своёму селу, то отъ то вже все, що тамъ буде жывого и хрещеного, старого и малого, слипого и выдющого,—все неначе одъ чумы бижыть и, не оглядуючысь, ховается, хто по бурьянахъ, хто по погрибахъ, хто по горыщахъ, хто по хливахъ. И якъ яка жинка хвора та непорожня схоче утекты одъ пана на горище, та не попаде на драбыну, що стоить у синяхъ, а злизе на двери, що зъ хаты одчыняются въ сины, то тамъ-же, сыдючы на дверяхъ, зъ переляку и дытыну зкыне. „А, такая-сякая! Я вамъ приказывалъ не топить по вечерамъ печей! Хотите пожару надѣлать на все село? Въ кандалы забью! въ тюрьмѣ згною!..“ Та такъ устрахае, що бидна жинка и туды и сюды, и сама не зна, чы вона жыва, чы вона мертва. Ажъ страшно згадуваты—якый-то лютый бувъ той панъ Головань. Та, хвалыты

Бога, власть пана Голованя хутко увирвалась, якъ увирвалась власть усихъ панивъ надъ мужыкамы писля скасуванія крепацтва.

Такъ отъ то, кажу, якъ разъ супроты тіеи Божои церковкы стоить панськый будынокъ, и въ тому будынку жыве панъ Иванъ Мытровычъ Головань. Якъ помынешъ-же ты панськый двиръ, то ось тоби скоро, у праворучъ, буде невелычка хата и невелычкый коло неи двиръ, де жыве паламарь Никаноръ Нечипайло-Будякъ, а урядъ зъ нымъ и господа батюшкы, отця Калистрата Горобця. Супроты г спбды батюшкы, тилько тришкы оподаль, у ливоручъ, стоить просторый та довгый шынокъ, де шынкарюе, якъ кажуть прости люды, пидпебель, се-бъ то фельдфебель, Кастіёнъ Петровычъ Чубарокъ, захожый звидкилясь москаль. Давно уже той Кастіёнъ Петровычъ топче рястъ у Суныцивци, и давно винъ уже кохается тамъ у такыхъ роскошахъ, яки наврядъ чы прыснятся иншому чоловику и у висни... Того-жъ то винъ такый гладкый та повновыдный, а вьязы у нёго хочъ обидця гны;—десь, мабудь, ёму дуже погано на свити жыть... Якъ настане оце день, та якъ сонечко почне дуже прыпикаты на вулыци, то Кастіёнъ Петровычъ позатуляе уси викна виконныцямы у своёму шынку, розчыне широко синешни двери, сяде у синяхъ на невелычкому ослинчыку, та якъ почне „залываты“ московскои писни, шо тамъ „Сизинькай галупчикъ, завдалой малотчикъ, сидѣлъ на дубочку, брови въ ёго чорни, глаза въ ёго кари, личенькомъ биленькой. Прощай, прощай, Маша, дорогая Саша, а я скоро ѣду во царскую службу. Плакала, рыдала, слёзы ютирала правою рукою, лентой голубою.“ Скинчыть одну писню, почне выводыть другу: „Ты, сухота, ты сухота, ты сухотушка моя, иссушыла дивчинонька завдолова молодца, вынимала румяница съ его бѣлова лица... А я съ горя пойду въ поле, да рассѣю грусть-тоску... Я рассѣялъ да й пайшолъ, ва зеленый садъ зайшолъ; ва зеленому садочку саловей паетъ во клѣткѣ, виноградъ растетъ на вѣткѣ, а я слушалъ-переймалъ, подъ кустомъ сидѣлъ дремалъ...“ Отакъ, кажу, якъ почне Кастіёнъ Петровычъ розлягаться голосомъ, якъ

почне выводыты, такъ ажъ уся вулыця лунае. Выводе писню, а самъ нызенько пидстрыженый та чепурненько пидголеный, сыдыть та шые соби кумачеву сорочку; здалека тилько выдко, якъ винъ прудко мотае правою рукою: то винъ такъ орудуе голкою, прыганяючы одынъ шматокъ кумачу до другого... Ось якъ тилько сонечко стане у макивку чоловика, тоди Кастіёнъ Петровычъ покыне свою роботу, ласо и добре пообидае, писля обидъ добре видпочыне, а потимъ устане, напьется зъ лымоною, або зъ вышневымъ вареннямъ та зъ бублыкамы чаю, дали порозчыня вси викна у своихъ кимнатахъ, и тоди жде та пиджыдае до себе любыхъ та дорогыхъ гостей: „Эй, идить же та поспишайтесь и багати и бидни, и стари и молоди мужыкы—Васыль Тыхоновычъ Полушка, Якуша Пылыповычъ Крыженко, Семенъ Ивановычъ Гыренко, Васыль Рябый-Могиленко, Андрюша Прыдуха-Кебетенко, Ондрій Ивановычъ Семененко, Олекса Кудрявый-Чекмаренко—идить швыденько, поспишайте хутенько до Петровыча, та несить ёму побильше, яко мога, побильше вашыхъ трудовыхъ, потомъ та кровію добутыхъ грошыкивъ! Тамъ у тому „прохладному“ шынку вы заспиваете и „Сухота, ты, сухота, ты сухотушка моя“ и „Соловей ва клѣткѣ, виноградъ на вѣткѣ“, а на свое ридне, украинське вы наплюйте, обхайте ёго и начхайте на нёго! То колысь-то ваши диды та ваши батькы спивалы: „Ой, горе тій чайци, горе тій небози, що вывела чаинятъ пры бытій дорози“; або: „Гей, летыть орелъ та по-надъ моремъ, та й крычыть: море, пыты; гей, горе тому козакови та на Вкраини жыты...“ Такъ спишить, та поспишайте, сыны Украины, у той „прохладный“ та любьязный вамъ шынокъ Кастіёна Петровыча Чубарка, а мы пидемъ дали, все дали по дорози того села Суныцивкы.

Якъ мынешъ ты зъ правои рукы двиръ батюшкы Калистрата Горобця, а зъ ливои—шынокъ Кастіёна Чубарка, то тутъ-же побачышъ невелыкый будынокъ убогого панка Крачка, що жыве на своимъ власнимъ грунти, якый ёму достався чы одъ дида, чы ще одъ пралида, що зайшовъ у Суныцивку ажъ изъ-за Днипра, яко бродячый музыка, и оселывсь въ ній зъ ласкы

панивъ Голованивъ, шо держалы коло себе велыки двирськи музыкы. За будынкомъ пана Крачка почынается уже саме село. Невелычке воно соби те село: въ нёму усёго навсёго дви перей, выща и нижча, и одна, тилько одна вулыця; по середыни вулыци глыбоке та довге провалля, куды звозять зъ усёго села гній, и де, якъ кажуть въ одынъ голосъ и стари и мали, чортивъ и всякои другои нечести куды бильшъ, нижъ у тій ямури, шо въ глыбокому провалли, коло „выщого“ панського саду. Бильшъ провалля чортячого у Суныцивци нема, якъ оця баюра, що по середыни села. Ото-жъ видъ тыхъ чортивъ, що кублятся у гнояци, неначе у багныщи, а не видъ чого другого, такъ и дметься вгору пàра, такъ и стелется писля дощу по всёму селу густый туманъ... За тымъ гноёвымъ та чортячымъ проваллямъ иде зновъ та-жъ такы вулыця. На самому кинци та вулыця подается трошкы у-праворучъ, и все выще и выще пидіймается въ-гору, и напослидокъ переходыть у высокый шпыль, де гниздятся убоги хаткы убогыхъ людей, найбильшъ молодыхъ хазяинивъ, що виддилылысь видъ батькивъ. Цей край села зветься Жабокрюкивкою, бо понижче хатокъ, у балочци, выдніется невелычке багныще, де литнёи поры, у ночну добу, разъ-уразъ квакаютъ да брекекекають жабы.

II.

Такъ у тому-то невелычкому, глухому та вбогому сели Суныцивци жывъ одынъ чоловикъ, Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ. Може хто подума, що Максымъ Витрякъ або красовытый, або дуже бравый, або тяжко багатый чоловикъ? Ни, Максымъ Витрякъ и не красовытый, и не бравый, и не багатырь чоловикъ. Зросту винъ бувъ высокого, зъ выду русявый, тиломъ бильше, сказать, худый, чымъ товстый, боридка и вусы у нёго такъ соби, и не велыки, и не овси, щобъ сказать, мали; нисъ ривный и трошкы довгый, очи добри и якись-то вдумлыви. Винъ бувъ чоловикъ добрый и подильчывый, спокійный и розсудлы-

вый, и ридко хто бачывъ, щобъ винъ колы-небудь чы розпалывсь, чы розсердывсь дуже на кого; а що вже винъ бувъ богобоязливый, чесный, повсегда тверезый, то про те уже всяке, и старе и мале скаже, хто жыве, чы тилько прожывае у сели Суныцивци. И ниде Максымъ Витрякъ не высовувавсь и ниде не выпынавсь попереду другыхъ, щобъ выявляты свій розумъ и свій хыстъ: якъ ёго не пытають, то винъ и мовчыть, а якъ спытають, то винъ скаже и добру пораду дасть.

— А що, Максыме Мыкытовычу,—спыта оце було ёго якый-небудь тамъ сусидъ:—чы буде на завтра дощъ, чы не буде? Я хотивъ побигты у городъ борошно продать, та й не знаю, чы йихать мени, чы не йихать. Максымъ Мыкытовычъ, почувшы такый спытъ, пидниме у-гору голову, погляне на схидъ сонця, погляне на захидъ, подывыться на небо, та й скаже:

— Ни, Якымовычу, не йидьте вы завтра у городъ, бо щось дуже кладется на дощъ. Ось бачыте, якъ лыстя на вашыхъ вербахъ трепощутся,—не зъ боку, а зъ-пидъ нызу у-верхъ, та ще ажъ крутятся. Та й те сказаты вамъ, Якымовычу: учора у-ночи, якъ лягаты спаты, у мене дуже поперекъ боливъ, а сёгодня, якъ я снидавъ, такъ надъ самою мыскою спустывся зъ стели чымалый павукъ; а такъ, якъ уже звернуло зъ обиднёи поры, почавъ хававкать та выбывать голосомъ отой перепелъ, що высыть у крывого Ялдокыма Могыляка у клитци, пидъ стрихою. Такъ я зъ тымъ, що не совитую вамъ йихать.

И сусидъ послуха, и гляды, такъ воно и выйде: на другый день у ранній обидъ такый полосне дощъ, що ажъ усе навкругы запыщыть...

— Слухайте, Максыме Мыкытовычу, якъ вы у цю весну: чы рано, чы пизно будете сіяты?

— Я думаю, Пылыповычу, почать попизнійшъ, бо зъ весны у насъ дощыкивъ Богъ дасть, та ще й съ зимы земля выйшла суха: торикъ писля субботы Дмытра, якъ ударылы одразу морозы, якъ ударылы морозы, то высушылы землю геть чысто, а тоди вже на ту суху землю упавъ снигъ, що лежавъ нерухомо ажъ до середопистя; потимъ одразу пишло поло-

видля. Такъ тутъ уже не сподивайсь, щобъ у земли була яка-небудь вохкисть. А оцей мисяць, що теперъ народывсь, тежъ показуе сушу: верхній рижечокъ ёго гострый-прегострый, та ще й закарлюченый. Черезъ те, якъ дуже поранышся посіять—якъ-бы уся твоя заправа задарма́ не пропала,—краще трошкы пидождать: скоро мисяць буде на ущерби замоложувать на дощъ, то тоди вже можна буде и сіяты благословлясь.

— Шо це у насъ, тату, такъ собакы валюють? Якъ настане ничъ, то воны чысто-жъ по всёму селу такъ и залываются, неначе показылысь, а нашъ Покотъ, такъ той улизе у загороду, та вые, та все вые, безъ угаву и безъ перестану, пидпявшы морду ажъ выще вухъ.

— На моровыцю то бъ то, сыну! Колы-бъ у насъ моровыци на товаръ у це лито не було? Треба-бъ оце, яки молоди телята, то треба-бъ ихъ поризаты; та воно й на жныва и яловычынка онъ якъ здастся!

И якъ отто Максымъ Мыкытовычъ сказавъ, такъ воно й сталось: ось скоро-недовго проявылась пошерсть на товаръ: уже пропала корова у одного сусида, пропала и у другого, дійшла черга и до Максыма Витряка: и у нёго одна, що найлучча, корова полягла. Що-жъ тутъ казать? на те воля Божа! Одначе, про Бога думай, та й про себе гадай: треба боронытъ хочъ уже тыхъ коривокъ, що зосталысь жыви. И Максымъ Витрякъ боронытъ, и якъ боронытъ?

Якъ тилько згынула у нёго одна корова, винъ перво-наперво видлучывъ видъ неи другыхъ коривокъ, потимъ перегнавъ здоровыхъ у нову обору и не давъ имъ ни йисты, ни пыты зъ ранку и до самого вечора. Тымъ часомъ мерщій знявъ шкуру зъ здохлои коровы, уволикъ іи у стару хату, положывъ шерстю у-нызъ на пичъ, посыпавъ зверху силью, натопывъ жарко пичъ и продержавъ шкуру на тепли, ажъ покы вона не степлылась и не просолылась силью. Тоди обережно знявъ іи зъ печи за чотыри киньци, прынисъ у загинъ, розвернувъ передъ коровамы и зновъ посыпавъ силью. Коровы, простоявшы увесь день безъ годивли, заразъ-же кынулысь до шкуры, та й давай іи

лызать. Якъ добре воны налызалысь тіеи солы, тоди Максымъ Витрякъ прынисъ имъ по видру воды и напоивъ ихъ. Ранкомъ на другый день хазяинъ давъ имъ по доброму клаптю сина и по пивъ ведра воды. Такъ выдержавъ Витрякъ коровъ своихъ тры дни, и вси коровы ёго, Богъ мылувавъ, на четвертый день пишлы здорови, а на всёму сели стилько-жъ ихъ полягло, що, батю мій!..

А то и такъ у Максыма Витряка бувало: скризь у людей червякъ пойисть хлибъ, а у нёго на ныви и чуткы нема про того червяка. А черезъ що? А отъ черезъ що: винъ оце якъ почуе, чы за годъ, чы тамъ за два, що червякъ пойида на поли хлибъ, то замисть того, щобъ сіяты хлибъ на толоци, посіе ёго на коноплыщи, и гляды, Богъ погодыть такъ, що у нёго уроде таке добро, якъ золото. Воно, бачъ, червякъ та не любе того духу, що видае видъ конопель, и черезъ те уже ни за що не полизе у коноплыще.

Такъ-то робылось у Максыма Мыкытовыча Витряка. Иншый чоловикъ норовыть посіяты картоплю на нызку, та ще й жде, щобъ на неи пройшлы дощечкы, а у Максыма Витряка вона росте и на гори. Винъ ото, якъ тилько що картопля выкыне бадылля, заразъ визьме тры-чотыри возы старои соломы, прывезе іи до картопли, та такъ обридно, злегка, и накрые нею увесь картопляный ланокъ. То воно черезъ те у земли повсигда держыться вохкисть, неначе писля доброго дощу, и картопелька тоби и не схне и не вьяне, а въ-осены выросте завбильшкы зъ кулакъ. Каминь, кажуть, та й той пуска росу, а то-жъ земля, та ще й покрыта соломою!..

Ридко хто изъ сунычивськыхъ мужыкивъ вывозывъ у поле гній, та угноювавъ нымъ свій ланъ, а Максымъ Витрякъ повсигда це робывъ, та ще й робывъ не абы-якъ: иншый вывезе гній у поле, роскыда ёго у кучкы та й край, и шабашёмъ дило; а Витрякъ, такъ той не такъ: винъ оце вывезе у поле гній, пошле своихъ хлопцивъ на ланъ та звелыть имъ заразъ-же заорать и землю и гній; то воно черезъ те и сикъ

зъ гною не пропаде, и самый гній скорійше перегніе, лежучы въ земли.

Такъ ось бачыте, якый премудрый бувъ той Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ! Отакъ чы кому треба закынуты у сажъ кабаньця, чы посадыты на грядкы капусту, чы купыты коня, або продаты корову,—спытай порады у Максыма Витряка, и винъ тебе нараить такъ, що вже не будешъ каяться,—та все такъ тыхенько, та все зъ ласкою, та такъ прыязно, та любязно! А трапытся на сели якому чоловикови бида, то тутъ першый хто заратуе ёго? Усе-жъ такы Максымъ Витрякъ: винъ скилько людей одъ глата одвольнывъ! А есть-же ворогы таки, що не пожывшся. Огъ хоть-бы тоби Грыцько Драпчакъ: той самъ себе тры разы на годъ любе, а про другыхъ, щобъ винъ кого любывъ, такъ и не кажы. Якъ прыйде чоловикъ до нёго купыть чы зерна, чы борошна, то винъ заразъ и пыта: „Чы готови гроши?“—„Ни, наборъ!“ „Нема!..“ одриже тоби та й край. А Максымъ Витрякъ—той, якъ гроши йе, грошей дае, а грошей нема, то пшеныци, або жыта дае: „беры, та продавай, то й гроши тоби!“

И мудрый и добрый, тай богобоязкый и богомильный бувъ Максымъ Витрякъ. Уже чы велыке, чы невелыке тамъ настане свято, а якъ тилько паламарь бовкне на дзвиныци у дзвинъ, Витрякъ уже и вбирается до церквы. Заразъ вымыется чыстенько, визьме билу сорочку зъ выризуваннямъ, зъ мережкамы та зъ шырокымы рукавамы,—теперъ ёго и на свити нема, того шырокого рукава, бо скризь усе вузеньки повелысь; такъ визьме, кажу, сорочку, набуе на ногы добри чоботы, одягнется у нову свыту, пидпережется штепненько суконнымъ поясомъ, надине высоку шапку, визьме квитчасту хустку за пазуху та й пиде тыхою та поважною ходою до церквы. А въ церкви якъ стане на одному мисци, то такъ и стоить, якъ струночка, тилько пидниме у-гору голову та воде нею то за батюшкою, то за дякомъ. „У церкви стоишъ“, каже винъ: „усе однаково, шо передъ самымъ Господомъ стоишъ.“ Иншый стоить, та тилько вытришкы ловыть, якъ тамъ кажуть, рукою мотае, а думкою по

всёму свиту литае, а Максымъ Витрякъ,—э!.. той не такъ: той такъ ажъ неначе увинъется увесь у святе пысьмо. „Нема", каже винъ, „наймудрійшого пысьма, якъ святе пысьмо; уже якый-бы тамъ не бувъ мудрый чоловикъ, и яку-бъ винъ розумну книгу не напысавъ и скилько-бъ рокивъ винъ надъ нею не працювавъ, а того винъ не скаже, що сказавъ у святій евангеліи Господь Іисусъ Хрыстосъ... „Господы, Господы, чого-бъ я не давъ, щобъ тилько мени буты пысьменнымъ! Темный я, невыдющый чоловикъ... Хочъ-бы уже которого изъ сынивъ своихъ навчыты пысьма... Йе за кымъ и вчытыся, та ба, школы нема"...

И изъ церквы иде Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ не такъ, якъ други люде йдуть: иде винъ, похылывшы пызенько голову, та все дума про те, що чытавъ батюшка у церкви. „Не зарывай, каже, чоловиче божый, талану свого у землю: якъ тоби дано одынъ таланъ, то ты зробы зъ нёго два; а якъ тоби дано два, то ты зробы тры; грихъ велыкый закопуваты у землю Богомъ дарованый таланъ". „Отъ панычу, каже Максымъ Мыкытовычъ Ивасыку Краченку, що поручъ иде зъ нымъ зъ церквы до-дому: „не ховай талану свого у землю: твій батько казавъ мени, що у тебе есть велыка кебета до наукы, и що ты не встыгнешъ перекынуты одного аркуша на другый, якъ уже й знаешъ и що въ тому аркуши напысано, и якъ зрозумиты ёго розумомъ; а тилько не хочешъ йихаты у городъ до наукы. Не загрибай свого талану, бо то есть велыкый грихъ. Чы чувъ, що сёгодня батюшка у церкви чытавъ?"— „Чувъ, Максыме Мыкытовычу, чувъ!"—И впьять Максымъ Мыкытовычъ зныкне у-низъ головою и, йдучы, ще тыхше, впьять щось згадуе, що винъ чувъ чы сёгодня, чы, може, ранійшъ колы, якъ чыталось у церкви: „Нѣсть власть, аще не отъ Бога; сущіи-же власти отъ Бога учинены суть". То правда, справжня правда! Безъ власти не бува и царства на земли, и якъ хочешъ жыты у божому свити, слухайся властей. Ну, а якъ-же жъ паны? Воны тежъ власть? И ихъ треба слухать? Такъ власть, якъ вона одъ Бога, повынна буты спра-

ведлыва, а де-жъ та правда у нашыхъ панивъ? Отъ хочъ-бы панъ Головань! Що винъ тилько за крепацтва выроблявъ? Жинка Максыма Витряка якъ була молодою, то яка брава та хороша була! И ставъ панъ що-дня выгравать на вулыци на своёму жеребцю, та все чы йиде на село, чы йиде зъ села, то все стане супроты двору Максыма Витряка, та все й дывыться и дывыться... А то якось у-литку косывъ Максымъ Витрякъ жыто коло панського лису, Корнiёвкы, а жинка ёго, Маруся, за нымъ вьязала. Колы ось выбига зъ лису до Маруси Грыцько Драпчакъ, що ходывъ за панського старосту, та й каже: „Марусю, иды-лышень у лисъ, до пасикы, туды прыйихала пани, такъ зве тебе до себе за-для якогось-то дила.“ Глянувъ Максымъ Витрякъ на того Грыцька та й затрусывсь увесь: „не ходы, Марусю! Яке тамъ дило пани до тебе? Пани у насъ тыха та смырна, вона така, що все сыдыть дома, та чыта святи книжкы. Тутъ щось не те“.—„Такъ щожъ ты, Марусю?“ пыта Грыцько Драпчакъ, буцимъ-то не чуючы того, що каже Максымъ.—„Що? Не пиду! Отъ що!“—одризала Маруся. Але не вспила вона вымовыты цёго слова, якъ Грыцько мытнувсь у лисъ, и черезъ хвылыну писля того выскочывъ изъ лису на кони зъ малахаемъ у руци самъ панъ Головань и, якъ скаженый, налетивъ на Марусю: „Взять её, шельму, и отвести въ лѣсъ!“ Тутъ въ очахъ у Максыма все позеленило, рукы й ногы затрусылысь, и винъ, самъ себе не тямлючы, забувшы Бога, забувшы власть, забувшы страхъ, пиднявъ одчiею рукою въ гору косу, а другою перехрестывсь та якъ закрычыть не-своимъ голосомъ: „Ну, що буде, то буде, а я тебе, людойида, косою засичу! Просты мени, Боже, мiй велыкый грихъ!“ И зъ тымъ якъ кынувсь на Голованя, та якъ пиднявъ надъ нымъ косу, а той баче, що лыхо, та малахаемъ по коняци, та ходà тикать, та въ лисъ!.. А Маруся, ни-жыва—ни-мертва, упала навколюшкы, плаче та хрыстыться, та прыказуе голосомъ: „Пропалы-жъ мы теперъ, голубчыку мiй, на викы пропалы! Зiисть винъ насъ, людойидъ, розшматуе на шматкы! Лучче уже и мене зарубай, щобъ не досталась на посмихъ собаци лютому, та й соби лыхо заподiй, щобъ не згноивъ тебе у Сибиряци!“

Тутъ тилько пизнавъ Максымъ Витрякъ, яке лыхо винъ наклыкавъ и на себе, и на свою жинку; якъ пизнавъ винъ те, тоди перехрестывся та й каже Маруси: „Заспокойся, моя дружыно вирная, не наложу я ни на тебе, ни на себе рукы, а якъ Господь дасть, такъ и буде!“

Охъ, яка-жъ страшна була писля того ничъ для Максыма та Маруси! Ось-ось прыйдуть одъ пана посланци та потребують ихъ у панськый двиръ... Ось-ось прыйдуть... Ой лышечко, ой горечко велыке!.. Одначе, мынула ничъ, мынувъ и день, мынула и друга ничъ и другый день, а одъ пана ни слуху, ни духу... Уже навпосли дознавъ Максымъ Витрякъ, що про те провидала суныцивська пани,—то була справди свята душа!—та й вымолыла у пана на-вколюшкахъ мылости Максыму та Маруси. А панъ уже писля того, якъ йиде було по полю, та якъ уздрыть де-небудь косаривъ, то заразъ-же й пыта: „А кто тамъ перёдъ ведётъ?“—Максымъ Витрякъ, пане! „Гм, хорошій мужикъ, только крѣпко сердитый, подлецъ!“ Та такъ ажъ до самои воли и панъ и его староста греблы ногою на Витряка.

„Слава-жъ тоби, Боже, за твои велыки мылости до мене; сперше за те, що я теперъ, якъ и ввесь хрыстьянськый людъ, уже жыву на воли; друге за те, що я не зробывсь душогубцемъ и злодіемъ: хочъ винъ и лютый панъ, а якъ не я, а Господь давъ ёму жысть, то нехай Господь и одбира іи у нёго. Та и впьять-же такы у церкви чытается: „Нѣсть властъ, аще не отъ Бога; сущіи же власти отъ Бога учинены суть...“

Того-жъ, якъ треба стояты у церкви, Максымъ Витрякъ навчавъ и своихъ дитей; уже чы ты велыке, чы ты маленьке, а якъ зачуешъ дзвинъ, то заразъ-же иды до церквы, и въ церкви стій, на людей не оглядайсь, не пасы очей, а слухай, що батюшка у вивтари буде чытать, чы дякы на крыласахъ будуть спивать, а прыйдешъ до дому, ще й розскажы. За це Максымъ Витрякъ дуже зыскувавъ.

Однаково зыскувавъ Максымъ Витрякъ и тоди, якъ яка дытына чы визьме у чужому садку що-нѣбудь зъ садовыны, чы пидниме у чужому току яечко яке,—за це Витрякъ дуже гры-

мавъ на свою дитвору! „Чужого николы не займы! Переступы, а не займы! Свого не губы, та й чужого не чипай! Ты ёго не дбавъ, ты ёго не добувавъ, воно й не твое! Хто краде чуже добро, той краде чужи сылы, чужый трудъ, чужый розумъ, чуже щастя? Чы чулы вы, диты, що святе пысьмо каже? „Не украдь!“ Такъ глядить-же у мене: боронь васъ, Боже, одъ такого страмотного гриха! Хто захоче зъ васъ узяты чуже, той нехай сперше всёго закопа мене жывого у землю, щобъ я и не бачывъ, и не чувъ про такый соромъ.

Та вы думаете, шо цей грихъ такъ дарма и пройде вамъ? Ни, голубчыкы мои, винъ на девьятій води сплыве, а въ десятій утопыть и васъ самыхъ. Якъ хочешъ, щобъ у тебе у домивци була усяка усячына,—робы; робота усе тоби дасть: и худобу, и гроши, и здоровья, и повагу одъ людей.“

Такъ повсегда казавъ Максымъ Витрякъ; такъ якъ казавъ, то такъ и робывъ. Уже якъ рано ты ни вставай, а ранійшъ Максыма Витряка не встанешъ: винъ уже, Богъ зна колы, пиднявсь и, Богъ зна колы, гупае ципомъ у клуни. До тіеи роботы Максымъ Витрякъ уже такый бувъ прыдатный, уже такый палкый та упадлывый, що ажъ трусытся було та робыть. Винъ якъ ходыть було чы по двору, чы по току, чы по вгороду, то не инакше, якъ росчыпырывшы рукы, и все неначе збирается щонебудь ухопыть та робыть, робыть и робыть. „Робы та не линуйсь и памьятай, шо робота чоловика збагача́, а линь роворя; ледацство гирше хворобы“—такъ було каже Витрякъ своимъ сынамъ. И щобъ хто-небудь бачывъ ёго безъ роботы, то ажъ нихто и ажъ николы, хиба тилько у празныкъ якый, або у недилю святу. Винъ уже не лежатыме литнёи поры де-небудь у холодку а зимнёи—у проси, на печи; винъ уже не пиде тоби у той шынокъ та не загуляе въ нёму. И, крый Маты Божа, якъ винъ не любывъ того шынка! „Шынокъ—то“, каже, „храмъ сатаны; у нёму образы потемнилы одъ скверныхъ словесъ, що пьяни люде верзуть, позабывавшы соби уси тямкы́“. И николы, такы справди николы, не бувъ Максымъ Витрякъ у тому шынку, дарма що жывъ якъ-разъ черезъ дорогу одъ того шынку. Що-дня, що-часу бачывъ винъ,

якъ то одынъ, то другый чоловикъ простувавъ по дорози до шынку и якъ метлявсь винъ по тій-же дорози назадъ изъ шынку; чувъ, якъ пьяныця коренывъ та лаявъ своимы пьяными устамы, хто ёго зна кого, и хто ёго зна за що; чувъ винъ не разъ и не два ти спивы та крыкы, що вылиталы изъ шынку на дорогу та луналы ажъ на всю вулыцю; не разъ и не два запрошуваный бувъ винъ сусидамы зайты у „прохладни“ кимнаты Кастіёна Петровыча Чубарка та выпыты тамъ хочъ чарку або дви горилкы,—такъ ни: Максымъ Витрякъ не тилько що не пиде у шынокъ, а ще й почне одговорюваты и другыхъ видъ того. „Хто ёго выгадавъ той шынокъ? Хто? Уже-жъ Богъ не выдумавъ! Сатана—нихто! То нечестывый Вавылонъ; бижы зъ ёго, чоловиче, яко мога, вонъ! Шынокъ не наставыть тебе хазяиномъ: заробышъ кревно, а въ шынку пропьешъ даремно. У шынку велыкои чести не запобижышъ: пидешъ до нёго разъ—ничого; пидешъ и въ-друге—ничого; а въ-трете такои дадуть выволочкы, абы втрапывъ у двиръ. У насъ, якъ почуешъ, такъ тилько й балачкы, шо тому жыты погано, тому скрутно, а тому сутужно, а воно, якъ завязаты соби горлянку, то ще можна жыты!“

Отъ такъ було казавъ Максымъ Витрякъ про той шынокъ. Одначе, не можна сказаты, щобъ Витрякъ овси не бравъ горилкы въ ротъ; ни, винъ, якъ колы, чы тамъ у свято яке, чы пры якій оказіи, то такы й пывъ; та тилько пывъ дома и не бильше, якъ чарку, або дви, одъ сылы—трыи. „Выпывъ чарку до хлиба, та й край; хиба іи що-дня брыдня, чы що? Ты визьмы у розумъ те, що хто повсигда пье, той запевне бильше голодный, нижъ найиденый жыве...“ Що до горилкы, то винъ уже такый чепурный бувъ, шо ёго зъ-роду и одна душа не бачыла, щобъ винъ колы-небудь не то, що бувъ пьяный, а тилько пидпылымъ бувъ. Та й чудно якось було-бъ бачыты пьянымъ Максыма Мыкытовыча Витряка!..

Оттакого-то заповиту бувъ Максымъ Витрякъ. Скилько зазналы ёго стари люды суныцивськи, то винъ замолоду бувъ дуже биднымъ парубкомъ; женывсь тежъ на бидній дивчыни,

Маруси Шелестивни. Усе ій багатство у тому тилько й було, що Господь наградывъ ій чаривною красою. Изъ себе вона була невелычка, а тилько, якъ тамъ кажуть, така уже була краса, така краса, що й очей одъ неи не можна було одвесты. А взята вона була у Суныцивку изъ другого села, изъ самыхъ Лыпцивъ, що ажъ за дванадцять верстовъ одъ Суныцивкы. Тымъ-то вона и не досталась, якъ ще була дивчыною, пану Голованю. Велыке щастя знайшовъ Максымъ Витрякъ, якъ одружывсь зъ Марусею Шелестивною: одно те, що вона була роботяща та невсыпуща, якъ и винъ; а друге те, що вона ёго вирно та щыро кохала, а уже винъ ій любывъ, такъ безъ краю и безъ кинця...

Оттакъ и жылы Максымъ та Маруся. Жылы по божому, чесно та праведно, и працювалы, не покладаючы рукъ и не даючы соби спокою, и Господь благословывъ ихъ усякымъ добромъ. Було у ихъ дви хаты,—одна стара, друга нова; була добра клуня на току, була нова съ пиддашьямъ комырчына; булы два огороды,—выщый, де сіялысь конопли, картопля, макъ, соняшныкы,—и ныжчый, де садылась капуста, морква, редька, рипа, сачавыця, бурякы, жовти ханькы, смугнасти горгопкы. Було у ихъ и тягла доволи—пьятеро, чы шестеро коней, три коривчыны, килька тамъ телятокъ; було овечокъ чымало; свыней съ десятеро, а птыци—курей, гусей, качокъ,—такъ не въ пойидокъ; тилько индыкивъ не любывъ плодыты Витрякъ, та не такъ винъ, якъ вона: „то“, каже, „птыця дуже уричлыва: хто зазихне, то зостанется двое зъ трыдцяты; це тоби не такъ, якъ гуска, або качка,—тимъ байдуже...“ И все те у Витряка и добре було нагодовано, и въ пору напоено, и за часу выгнано на пашу. Любывъ Максымъ Витрякъ и скотыну гараздъ годувать и семью свою добре удовольнять. „Якъ середына повна, то и вси крайкы грають“, казавъ винъ по всякъ часъ, якъ сидавъ за стилъ обидать и якъ выходывъ писля обидъ до клуни молотыты. Земли у Максыма Витряка було хочъ и омаль, усёго тилько одынъ надилъ, сказать, тры десятыны, але винъ то у пана, то у попа найме було земли, та такъ самого жыта сіе

було десятынъ зъ десять, и такъ, що пидъ годъ сотъ на дви продасть самого зерна.

Усёго доволи було у Витряка. Господь благословывъ ёго и диточкамы: сынивъ у Максыма та Маруси було четверо: Охримъ, Якымъ, Петро и Павло; ще й дочка одна була,—Орысею звалы. И шо то вже за сыны славни булы! Тыхи та не бытлыви, слухняни та роботящи, богобоязьки та покирни! Максымъ та Маруся, глядючы на своихъ сынивъ, не зналы уже, якъ имъ за таке щастя и Господа Бога дякуваты. А сусиды, прыслухаючысь, якъ Максымъ Витрякъ выбывае було ципамы у клуни зъ трёма сынамы,—меныпый ще бувъ овси малый,—тилько дывувалысь тому: „Чуете, якъ Максымъ Витрякъ зъ своею капеліею гоцае: цоко! цоко! цоко!!! ажъ земля гуде! ажъ ципура сюрчыть! И снопивъ самъ соби ніякъ не надасть! Ну й роботящый-же й чоловикъ! Якъ наполяже, якъ наполяже, такъ усе ажъ ходоромъ коло нёго ходе. „Эй, сынкы, сынкы, а-ну пиддайте! а-нуте ще, а-нуте ще! Робота хороша, та шкода день малый!..“ А сыны—не сыны, а чысто тоби скарбъ! И дасть-же Господь щастя таке чоловикови! Але якъ-же ёму й не дать? То жъ и чоловикъ якый? Чы забувъ винъ хвалыты диламы Бога? Чы ступывъ винъ колы-небудь хочъ одніею ногою у нечестывый шынокъ? А чы, може, не знавъ винъ нагодуваты калику, або зарятуваты у нужди бидного чоловика?—То якъ-же ёму одъ Господа и мылости не ждать?

Ш.

Отже-жъ и цёго богобоязького, чесного, непытущого и доброго чоловика спиткало лыхо, та ще й яке лыхо? Що-жъ винъ? Може понякъ духомъ? Може покынувъ працюваты? Може хотивъ наложыты на себе рукы? Эге-жъ! И не думавъ ничого такого, а все тилько молывсь Богу та твердывъ, що кожному чоловикови Господь посыла на земли испытаніе и за

все, що даруе чоловикови Господь, треба дяковаты Його Святого, бо винъ зна, на що робыть такъ, а не инако. И колы-жъ мы добро прыймаемо одъ Бога, то чы не потерпымо-жъ злого?

А якъ воно склалось, те лыхо, и якъ ёго стричавъ Витрякъ, про це саме й буде оповидь.

Сперше всёго спиткнувсь винъ на своёму старшому сыну, Охриму. Непоказный бувъ изъ себе Охримъ Витряченко, але, якъ тамъ кажуть, густый козакъ. Зросту невелычкого, прысадкуватый, трошкы опецькуватый, зъ довгымы рукамы, повсигда на выду червоный, зате тыхый, звычайный, мовчазлывый, слухняный та роботящый, Охримъ николы не сказавъ супротывного слова ни батькови, ни матери, и бувъ писля батька старшымъ хазяиномъ на всёму господарстви. Уже й жонатый винъ бувъ, и зъ жинкою своею жывъ, якъ законъ велыть: жалувавъ ии, николы не зобиждавъ, а щобъ тамъ ударыты колы, такъ и пальцемъ николы не торкнувъ. Тилько диточокъ у Охрима та у Палажкы не було. Та й те сказать: якъ воны побралысь, то всёго, може, рокивъ два, не бильшъ, було.

— Слухай сюды, Охриме! Оце у насъ черезъ два тыжни будо Риздво, такъ треба тоби зйиздыты у Харькивъ та продаты тамъ четвертей чотыри пшеныпного борошна та купыть де-чого про празныкы. А щобъ тоби не загоняться до Метелыка та не прыбавляты кругу, пойидешъ ты на Красну слобидку, Гребеннykови хутори, тамъ выскочышъ на велыкый шляхъ, а дали по шляху и до самисинького города и на Конну. Продасы на Конній борошно, купышъ соли пудивъ зо два, бо скоро будемъ колоты кабанивъ, такъ треба солыты сало; купышъ рыбы чабака, хунтивъ симъ, або и вси десять; купышъ олiи,—та гляды покуштуй, щобъ не була гирка; озьмешъ горилкы зъ пивъ-ведра,—горилка городська, самъ знаешъ, не те, що у нашого Кастiёна Чубарка: винъ чымъ тилько не розведе ии: и дурманомъ, и колодязною водыцею, та ще хочъ бы зъ Сыдоренкового, а то зъ Гекового колодязя; такъ визьмешъ, кажу, горилкы,—празныкамы трапыться якый добрый чоловикъ, то треба-жъ ёго, якъ поводыться у людей, и горилкою

почастуваты; купышъ пляшку церковного вына,—беры у купця Жевержея, бо тамъ, кажуть, саме добре выно,—а то прыйде батюшка на Риздво зъ хрестомъ, то винъ у насъ горилкы не вжыва, а пье церковне выно; ну, та купы на копышнякъ, чы на два, солодкыхъ рижкивъ та на стилько-жъ медянякивъ, маненькому Павлусеви та Орыси про святкы... Отце неначе и все... Ну, зъ Богомъ, сынку!.. Эге, постривай! Ось бачъ, и забувъ бувъ: купы олывы на лямпадку про свято!.. Гм., це не на добро, що я про олыву забувъ... Таке велыке свято, а я й забувъ. Ще-жъ Маруся и нову лямпадку купыла на ярмарку, у Лыпцяхъ, а я про олыву й забувъ. Це не на добро... Ну, та Господь мылосердный простыть мени мій грихъ... Теперъ уже справди усе... Та слухай, Охриме, коней не дуже-то гоны; а прыйидешъ у городъ, то гарячыхъ не напувай, а дай имъ спершу видпочыть. Та не загубы де-небудь по дорози рептуха зъ синомъ,—частійшъ на ёго поглядай. А вивса-жъ ты повенъ мишокъ насыпавъ?"

— „И насыпавъ, тату, ще й натоптавъ!"

— „Ну, гляды-жъ! Та сина, ажъ покы у городъ не прыйидешъ, не требы,—чуешъ?"

— „Чую, тату!"

— „Ну, щасты-жъ тоби, Боже, на все добре! А скупышся, то не забаряйсь, а швыдче, не гаючы часу, до-дому вертайсь, а то теперъ, самъ бачышъ, денькы таки, якъ у зайця хвистъ."

— „Ни, тату, не забарюсь!"

— „Та гляды—надержуй гнидого коня, а то винъ дуже шкульный, гарячый кинь: ёго тилько торкнешся батогомъ, то й то винъ неначе опеченый бижыть..."

На двори ще було зовсимъ темно, колы Витрякъ заходывсь выряжаты свого сына Охрима до города. Къ свиту зробылось ще темнійшъ, нижъ було опивночи, и по селу де-ни-де выднилось свитло у викнахъ. У таку-то добу Охримъ и рушывъ зъ дому. Ось надйихавъ винъ до церквы, знявъ зъ себе шапку и звычайненько помолывсь до Божого храму; округъ церквы

тыхо-тыхо, та сумно-сумно... Ось надйихавъ винъ и до „выщого“ панського саду,—теперъ винъ увесь замурованый у снигу стоить, а ти высоки березы такъ рясно облиплени снигомъ, неначе то не березы, а снигови стовпы стоять. Ось мынувъ винъ и провалле, те, що побиля панського саду такъ далеко простяглось. Ну й дыко-жъ ёму було йихаты побиля того провалля! Тамъ, у середыни ёго, неначе щось завыло, такъ протягло та жалибно, що у Охрима ажъ волосся у гору пиднялось... Такъ отто помынувъ, кажу, Охримъ провалля, покынувъ у праворучъ Коноваливку; пройихавъ черезъ Красну слобидку, тамъ пиднявсь черезъ мисточокъ на гору, а тамъ скоро-не-довго выскочывъ и на шырокый шляхъ, що йде, колы хто зна, изъ Билогорода черезъ Лыпци на Харькивъ. Тутъ уже Охримови и заплющавшысь можна було дойихаты до Харькова, бо скризь, по обохъ бокахъ того шляху, стоялы велыченни та стари вербы, таки, що, мабуть, бачылы на своёму вику ще царя Петра. Ось Охримъ, такъ якъ у ранній обидъ, уже и въ городи. Кони у нёго добри, дорога найизжана,—такъ чы довго тамъ перебигты ти сорокъ верстовъ одъ Суныцивкы до Харькова?

Якъ тилько Охримъ Витряченко прыйихавъ у городъ и якъ тилько винъ тамъ прымостывсь десь на „Конній плющади“, якъ ось швыдко Богъ послався ёму и купця на борошно. Знаёмый ёму бувъ той купець: робывъ винъ колысь у Суныцивську церкву канистасъ, а мавъ свою господу у городи, десь ажъ на Клочкахъ. Метнувсь Охримъ сюды-туды по городу, купывъ те, шо ёму тра було купыть, та скорійшъ и на Конну; зосталось тилько олывы узяты, та тоди вже й край. „Це я уже якъ буду выйиздыть изъ Коннои до-дому, то тамъ у крайній крамныци и куплю, а теперъ погодую коней, дамъ имъ воды та швыденько й потрюхаю до-дому; тутъ-же и самъ трохы перекушу“.

Нагодувавъ Охримъ коней, напоивъ ихъ изъ колодязя, що десь выкопаный бувъ коло двору якогось-то купця, самъ трохы перехопывъ, напывсь изъ бадійкы воды, запригъ у санкы коней, сивъ та й йиде соби. Ось пидйихавъ винъ до крамныци, де тамъ

продавалы олыву, ладанъ и друге таке, що потрибне за-для церквы. Прыпынывъ Охримъ коней до пиддашья, коло крамныци, а самъ увійшовъ у крамныцю и отто спытавъ тамъ соби олывы про свято. Поки купець тамъ знайшовъ тіеи олывы, а прыкащыкы виддавалы усякый крамъ другымъ людямъ, Охримъ пидійшовъ до тіеи полыци, де стоялы тамъ чашечкы, чарочкы та слоечкы, сыни, блакитни та зелени,—отти, що вставляются у лямпадку на олыву. Стоявъ Охримъ, стоявъ, а дали якось-то, хто ёго зна и якъ, простягъ потыхеньку руку до тіеи полыци, де стоялы банькы та пляшечкы, та й узявъ одну сыненьку зъ биленькымы очкамы. Узявъ, подержавъ-подержавъ іи у руци, подывывсь-подывывсь на неи и вже хотивъ поставыты на мисце, та тутъ якось такъ, упьять такы, хто ёго зна и якъ, сама рука узяла та й засунула ту пляшечку за пазуху кожуха, та ще й осмыкнула кожухъ коло пояса.

Ось подалы Охримови олыву. Винъ узявъ олыву та й давай вытягуваты изъ кышени гроши, та й упусты изъ-за пазухы на доливку ту пляшечку. „Що це таке?“ пыта Охрима купець. Охримъ и запнувсь. Глянувъ купець на полыцю, ажъ тамъ, де стоялa пляшечка, одно пусте мисце. „Шо це таке?“ зновъ пыта у Охрима купець. Охримъ такъ зразу перелякавсь, що й голосъ у нёго стерявся. „Це ты звидциля узявъ? Кажы: звидциля?“ пыта купець, а самъ увесь ажъ почервонивъ.—„Звидциля, господынъ хазяинъ!“ „Якъ-же це ты посмивъ чуже добро зачипляты? Га? Якъ ты посмивъ?“—„Я, господынъ, хазяинъ, я... Простить мене, господынъ купець! Я... я й самъ добре не знаю, якъ воно й выйшло“... „А, ты й самъ того не знаешъ, якъ воно й выйшло? Роспатякуй тамъ! Може духомъ святымъ? Та ты, може, ще друге що-небудь зачепывъ,—прызнавайсь“!—„Ни, господынъ купець, ни, зъ роду-вику ничого чужого не бравъ, а це“... „Такъ, балакай! Це тоби мабуть, уже не первына!.. Ахъ, ты безсоромна тварь! Ахъ, ты погана лычына! И не соромно-жъ тоби пидниматы очи на людей, що оце тутечкы посходылысь та дывлятся на тебе? И не стыдко-жъ тоби дывытысь на свитъ Божый? Десь, мабуть, у тебе батько такый, що не вчывъ тебе

чести та шанобы! Геть пишовъ звидциля, поганець!.. Хлопци, митламы ёго поганымы изъ крамарни!.."

Якъ уже писля такого сорому выйшовъ Охримъ изъ крамныци, якъ винъ улизъ у санкы, якъ выйихавъ изъ города—того винъ и самъ не знавъ. Якъ тилько дійшовъ винъ до саней, то такъ одразу и ввалывсь у ныхъ, ажъ на самисенькый на спидъ, такъ и застыгъ увесь; уже и вижокъ не держыть и киньмы не правыть. А кони тому и ради: замись того, щобъ порожнякомъ швыденько бигты до-дому, воны йдуть соби зъ ногы на ногу та ще й то туды, то сюды мыкулятся. Протарганылысь воны оттакечкы по всёму шляху, що тягнется одъ Харькова до Лыпець, звернулы у бикъ на Гребинныкови хуторы, перейихалы Красну слобидку и, якъ уже зовсимъ стемнило, тоди тилько дотюпалы до того глыбокого провалля, шо тягнулось одъ „выщого" панського саду до ставка. А Охримъ и не бачыть, и не чуе, и не розуміе, де винъ и що винъ. Колы ось тилько що надйихавъ винъ надъ саме провалля, тутечкы щось якъ выскочыть изъ саду та якъ плыгне у провалля, а кони Охрима, якъ шелеснуть та зразу у бикъ! А Охримъ тилько беркыць! Та зъ саней та такъ и хляпнувсь бокомъ объ поруча, що звычайно роблятся коло провалля за-для обороны пройизжаючыхъ по шляху людей... И штовханъ той такый сыленный бувъ, шо Охриму такъ зразу и вси тямкы видбыло...

Довго лежавъ Охримъ безъ памьяты надъ самою кручею провалля, зачепывшысь за стовпъ видъ поруча; и лежавъ бы десь усю ничъ, до свита, якъ бы на ёго щастя та не выпалы дви оказіи: перша та, що кони ёго, шелеснувшысь у-бикъ, недалеко, одначе, видбиглы видъ провалля, бо зразу попалы у глыбоку канаву, що выкопана була видъ дорогы, повзъ панського саду, и зимнёи поры засыпана була уся снигомъ; а друга та, шо тамечкы трапывся одынъ чоловикъ, шо йихавъ ничью изъ Суныцивкы на Коноваливку та вчувъ якись-то стогнання. Спершу винъ дуже злякавсь, а дали, побачывшы коней и недалеко видъ ныхъ чоловика, зразу узявъ у тямкы, яка трапылась видоласи прыгода, и зупынывсь на дорози. Пидійшовъ винъ до Охрима, видходывъ ёго, пидвивъ до саней, пидмигъ ёму влизты въ ныхъ и

поклавъ ёго на бикъ; дали вывивъ коней на дорогу и пустывъ ихъ напрямѐць. И кони, найившысь добре дрижакивъ, теперъ швыдко побиглы до-дому.

А тымъ часомъ дома Охрима и батько, и маты, и жинка, и браты, и сестра ждуть и ни якъ не дождутся. Уже килько разъ и старый выходывъ ажъ геть за клуню та дывывсь на дорогу, чы не йиде Охримъ, уже й Маруся килько разъ выходыла ажъ за верхній тикъ; уже й сама Палажка выбигала ажъ на выгинъ,—такъ одъ Охрима ни хуху, ни духу. „Що це нашъ Охримъ такъ забарывсь? Якъ бы якои халепы не було? Чы не обломывся де у дорози? Чы не заблудывъ де? чы не захворавъ у нёго якый кинь? Уже щось воно та йе. Винъ же у насъ и не пытущый, и швыдкый такый, и не то, щобъ любывъ базикаты зъ кымъ по-дурному. Тай дорбга теперъ така, що хочъ бокомъ котысь, не то шо тамъ рѐсквась, якъ бувае по весни, що по сами маточыны гразюка..." И мала дитвора тежъ жде—не дождется Охрима: сыдючы на печи, Павлусь та Орыся килько разъ гукалы у-верхъ до „братика" Охрима, щобъ винъ скорише йихавъ до-дому та прывозывъ солодкыхъ рижкивъ да смашныхъ медянькивъ. А „братика" Охрима усе-жъ такы нема та й нема.

Уже туды геть-геть, якъ уси люде погасылы у себе свитло и полягалы спаты, уже тоди кони Охрима дотюпалы до-дому. Прыбылысь воны до воритъ та й сталы, а Охримъ лежыть тилько що жывый та теплый: не здужае и изъ саней вылизты. Ось кони ёго заиржалы у воритъ; имъ на те заиржалы и домашни кони; якъ заиржалы домашни кони, то тутъ заразъ же зъ хаты повыскакувалы и батько и маты, и жинка Охрима, и вси браты, окримъ малои дитворы. А Охримъ лежыть у саняхъ, не здужае и пидвестысь та тилько стогне. „Охриме, Охриме, що зъ тобою зробылось? Охриме, Охриме, сыне, сыночку, та що зъ тобой сталось"?—„Заслабъ, тату, дуже заслабъ!" «Чого жъ ты заслабъ? Що въ тебе болыть? Колы жъ воно саме почало болить?» „Кони мене... люде мене... купци... кони понеслы та перекынулы у яръ, такъ я... крипко прыбылы мене... Ой, смерть моя!"... „Головонька-

жъ моя безталанная! Лышенько-жъ мени! закрычала, почувшы слова Охрима, не своимъ голосомъ жинка ёго, Палажка. «Не дурно-жъ,—голосыла у мисци зъ Палажкою Маруся,—не дурно-жъ мени и сонъ такый страшный позавчора прыснывсь, неначе-бъ то нашъ Охримъ та на шлюби стоявъ! Недурно жъ у мене сёгодня увесь день и серденько такъ ныло! Не дурно жъ мени и страва ніяка у ротъ не йшла! Сыночку жъ мій, любый мій, соколыку мій! Дай же я хочъ на ручкы свои тебе пидійму»!—«Та постій, стара, постривай! шо ты такъ зъ маху на нёго накынулась. Може жъ винъ ще не такъ крипко забывсь?.. Ведить мерцій, хлопци, коней у двиръ та давайте ёго зносыты зъ саней!...» Ось хлопци пидвелы коней до хаты, зсадылы Охрима зъ саней и внеслы ёго въ хату; у хати ёго роздяглы, положылы на пилъ и обглядилы скризь. Тило ёму було циле, и ниде ни сынывы, ни дряпанывы, а винъ усе стогне та стогне та якъ повернется, то такъ и вхопыться за бикъ. А маты заразъ у слёзы, а жинка соби. «Та розскажы жъ ты намъ, на мылый Бигъ, якъ воно сталось, що тебе таке лыхо спиткало», пыта Охрима батько. А Охримъ тилько й каже; „Кони мене... люде мене... былы мене... крипко побылы“... Та впьять якъ застогне та якъ закрычыть: „Смерть моя! Ой, смерть моя!..“ Маруся уже й свичку страсну запалыла передъ образомъ Пантеліймона цилющого, уже й лямпадку засвитыла передъ Спасытелемъ, щобъ Господь помылувавъ хворого Охрима. „Мамо, мамо, не свитить лямпадкы, бо мени щось дуже у вичи ударя!.. Ой, смерть, ой, смерть моя!..“

Усю ниченьку пробидкалысь и Максымъ, и Маруся, и Палажка коло Охрима, то повертаючы ёго зъ одного боку на другый, то одягаючы та зновъ роздягаючы ёго, то прыскуючы святою водою, та подаючы ёму кухлыкъ зъ пыттямъ. Бильше усихъ убывалась та бидкалась сердешна маты Охрима, Маруся: вона за всю ничъ хочъ бы на хвылыночку очыма звела: „Може, тоби моченыхъ кыслычокъ прынесты? Може, тоби даты настойкы на чылычыбели, або на калгану? Може, тебе стерты перцивкою? Може тоби заварыты соняшныци“?—„Ничого мени, мамо, ничого не треба... Смерть моя! Ой смерть моя!..“

Уже чого-чого бидна маты не робыла своёму сынови, уже якъ ни благала за нёго Бога, обрикалась и въ печери до Кіева сходыты, и старцямъ обидъ зварыть, и на престолъ одіяння зробыть, такъ ничого не запомогло: Охримъ, якъ злигъ та все „охъ та охъ", и все де дали, тымъ гирше.

Такъ пройшовъ тыждень; пройшло ще пивъ-тыжднн. Максымъ Мыкытовычъ зъ сынамы десь поравсь на двори, мала дитвора десь гралась на вулыци, а Маруся пишла на тикъ насмыкаты соломы зъ ожереду топыты пичъ. Прыйшла вона на тикъ, стала коло загаты та й смыче. Смыче, колы це чуе, по той бикъ загаты балака зъ кымсь ін сусидка, Хымка Дудукалка. То баба на все село: и ротата и языката, а шо вже лайлыва, такъ така, що якъ выйде було за ворота та якъ начне лаяты кого-небудь, то лайка ін лунае ажъ на все село. А лайнуты було чымъ: ротъ такый, шо якъ-бы всунувъ туды цилу лопату, то десь бы й дѣржала не вздривъ... Та така вона соби сухорлява, порожнювата та зигнута, якъ та сула; очи у неи сири, якъ полуда, а вся ін тварь поколупана виспою, неначе те решето... Такъ стоить отто Хымка Дудукалка по той бикъ загаты та й слебезуе: „Ты думаешъ, кумко, що Охрима Витряченка и справди кони перекынулы и черезъ те винъ такъ гирко забывсь? Эге-жъ, кони! Винъ укравъ у якогось купця у городи зъ крамныци ажъ сто карбованцивъ грошей, та й уже було зъ нымы и втикъ, такъ за нымъ прыкащыкы якъ уляглы, якъ уляглы та дошлы ажъ на краю города та якъ скрычалы гвалтъ, а людей якъ позиходылось, такъ моя годыно! Та уже тамъ ёго якъ почалы типашыть, якъ почалы быть, и вси печинкы поодбывалы: та тамъ бы ёму и яма була, якъ бы пройизжаючи люде сыломиць не виднялы... Такъ отто-жъ воно писля того и прыкынулось Охримови... Та ты думаешъ, що це ёму первына? Эге жъ! Винъ и ранійшъ того счекавъ щось у того жъ такы купця... Та воно, мабуть, кумасю, такъ що й панськый млынъ обикравъ нихто, якъ Охримъ Витряченко... Та, може, и замкы у церковныхъ дверяхъ Охримко-жъ покрутывъ... А, може, отто на лыпчанському шляху и чоловика пройизжаючого

винъ же жъ такы забудувавъ. А ты думаешъ, кумочко, самъ Максымъ Витрякъ то й не забудуе чоловика? Може, уже й не одного ухекавъ та де-небудь закопавъ... Ты думаешъ, що винъ и справди добрый чоловикъ? Нелюдъ, а не чоловикъ! Звидкиля воно те все багацство ёго узялось? Га? Звидкиля"?—„А вже, кумко, що правда, то правда: ти багачи—дукарячча повсигда зъ чортамы водятся!" „Не що, кумасю, не що!„—„Та винъ на крадени гроши и хаты повыстроювавъ,—сама Маруся якось балакала зо мною та й проязычылась!"—„А такъ и повыстроювавъ, кумасю, и повыстроювавъ!"—„Такъ отъ я тоби, кумасю, и доказала-бъ, у кого винъ и гроши покравъ, такъ и сама забула"...

Якъ почула таку розмову Маруся, то такъ у неи у жывоти все и похолонуло. Покынула вона браты й солому та заразъ у хату. Ускочыла у хату та мыттю до Охрима: „Охриме, Охриме, скажы мени, якъ передъ самымъ Господомъ,—ты, кажуть, узявъ сто карбованцивъ у якогось-то купця, у Харькови; скажы мени по правди, чы це було?"—„Я, мамо, узявъ сто карбованцивъ грошей? Ни, мамо, я взявъ тилько слоечокъ,—той, що въ лямпадку за-для олывы вставляется." „Та на що винъ здався? Господь зъ тобою! У насъ же своихъ два, та ще й третій я недавно купыла! Та якъ-же ты? Та що це ты? Та хто-жъ тебе навчывъ того? Чы у тебе батько такый, що зачепыть чуже, чы маты така?"—„Нихто мене, мамо, нихто не вчывъ, а це мене бисъ спокусывъ: я й самъ не счувсь, якъ я ёго взявъ и якъ за пазуху поклавъ!.." „Може-жъ ты ще що-небудь у того-жъ такы купця, або у якого другого узявъ?"—„Ни, мамо, бильшъ ничого и николы зроду-вику не бравъ"...

Такъ одразу у биднои Маруси и наляглы слёзы, щобъ плакать, якъ почула вона таке одъ сына. Плаче вона та хрыстыться, хрыстыться та плаче. А якъ вона николы и ничого не таила одъ свого Максыма, то заразъ же выйшла изъ хаты та й розсказала ёму про грихъ Охрима. Максымъ Витрякъ якъ почувъ таке, такъ ажъ здригнувъ увесь, ажъ поблидъ, якъ крейда. Якъ? Ёго Охримъ та щось тамъ укравъ у купця? И вирыты ёму не хочется!... „Охриме, Охриме, чы правда тому, що маты про тебе

мени сказала?"—„Правда, тату, правда! Простить мени мій великый грихъ!"—„Та хто жъ тебе такого вчывъ?"—„Нихто мене, тату, не вчывъ, а це мене нечыстый спокусывъ: а й самъ не знаю, якъ я зробывъ и для чого зробывъ"!..

Тутъ Охримъ тяжко застогнавъ, скынувъ зъ себе рядно, зъ превелыкою сылою пиднявсь на руки, спустывсь зъ полу на доливку, упавъ одразу навколюшкы та такъ и прынякъ головою до батькивськыхъ нигъ; трусыться увесь, плаче розрывается та просе у батька прощенія: „Николы я и ничого, зроду-вику николы не бравъ чужого, а це справди неначе мене хто спокусывъ... Тату, голубчыку, ридненькый, простить мени мій грихъ! Вы насъ усихъ навчалы на добро, вы, и лягаючы и вставаючы, казалы намъ, щобъ мы ничого чужого не займалы, и це вже мій, тилько мій грихъ. Тату, убыйте мене, а тилько простить! Простить же, таточку, простить, бо я чую, що мени вже не жывотить!"...

Слуха Максымъ Мыкытовычъ Охрима, а у самого такъ зло на души и закыпа: такъ бы винъ узявъ своимы власнымы рукамы та й задушывъ свого сына... И задушывъ бы, и жалко ёму своеи кровы. „Геть, одійды одъ мене! Якъ ты не стыдаешся на свитъ Божый дывытыся писля такого страмотного дила?"—„Тату, таточку, покарайте мене, а простить! Я-жъ ще не овси злодій, а Господь и злодіивъ прощавъ. Тату, помылуйте мене"!... И згадавъ Максымъ Витрякъ, якъ батюшка у церкви про розбійныка чытавъ, про того, що высивъ коло Господа на хресту, якъ винъ воззвавъ до Спасытеля, и якъ Спасытель одповивъ ёму зъ хреста: „Днесь будеши со мною въ раю"...—Та для чого-жъ ты взявъ? На вищо воно тоби здалось?—„Тату, простить,—убыйте мене, а простить!"—шепоче Охримъ слабымъ голосомъ, а самъ неначе ажъ ковта щось, та ажъ давыться, а дали якъ прыпавъ лыцемъ до доливкы, то кровъ такъ и клянула у нёго зъ рота... Максымъ Витрякъ, глядючы на такы невымовни мукы свого сына, не мигъ бильше держатысь: слёзы, гарячи слёзы такъ и побиглы у нёго по обохъ щекахъ: „Ну, нехай тебе судыть Богъ, а не я! Господь давъ кожному чоловику волю, и чоловикъ може

слухаты або Бога, або сатану. Ты послухавсь голоса сатаны; молысь же теперъ, щобъ Господь простывъ тоби твій грихъ, а я прощаю тебе"! Якъ ухопывся жъ тоди Охримъ за ногы батька, якъ почавъ ихъ цилувать, такъ Максымъ Витрякъ ніякъ и не одведе ёго одъ себе. „Ну годи тоби, сынку, годи! Давай я поможу тоби злизты на пилъ". Узявъ Максымъ Мыкытовычъ Охрима, якъ малу дытыну, пиднявъ ёго до прымосткы, положывъ на подушкы, прыкрывъ зверху рядномъ, перехрестывъ та й выйшовъ изъ хаты; иде изъ хаты, а у самого слёзы такъ и льются, такъ безперестанно и льются скризь и по лыцю, и по бороди, и по грудяхъ...

А Охримъ усе—охъ та охъ, усе—охъ та охъ, та такъ скоро писля Водохреща и прыбравсь...

IV.

Охъ, и залюта жъ тоди була зима! Снигу навалыло такого, що Суныцивку усю геть чысто такъ занесло, такъ и замело, такъ и закужелыло. И вси дворы, и вси хаты, и вси хливы, чысто жъ такы позасыпало округъ; щобъ выбраться зъ хаты, люде робылы по-пидъ снигомъ ходы, а шобъ выйихаты зъ двору на вулыцю, то йиздилы поверхъ воритъ. Отаке-то робылось по селу! А вже про дорогы и казаты ничого. До такого снигу та ще й морозы: морозъ якъ уриже-уриже, такъ ажъ скадкы скачуть, ажъ неначе мрява пиднимается отъ земли. А въ повитри така тыша, що нищо въ нёму й не поворухнется. И якъ иде́ якый чоловикъ по дорози на однимъ кинци вулыци, то рыпъ одъ ёго чобитъ чуется геть ажъ на другому кинци. Викна въ хатахъ позапушувало такъ, шо скилько тамъ дитвора ни хýкай на скло, а ничого не вздрышъ, що воно робыться на вулыци, бо тилько шо одхукае хлопець въ одному мисти та почне хукаты у другому, якъ воно вже у першому мисци и замуровало и запушыло и таки вывело розводы, що чоловику зроду и не прыгадаты такыхъ. Уже и стари и мали килько разъ лычылы

та переличувалы усихъ лысыхъ та голомозыхъ на сели, щобъ пересився морозъ, такъ де тоби! Учора та завчора бувъ лютый морозъ, а сёгодня ще лютійшъ. По хатахъ скризь такый холодяка, що стари бабы та диды позабывалысь геть ажъ на пичъ та тамъ и лежать, якъ ти бабакы.

— Диду, диду, чы чулы? Охримъ Витряченко вмеръ! Идить лышень помынать,—годи вамъ на печи лежать!

— Якъ? Що? Юхымъ Пистряченко змерзъ?

— Кажы глухому про Тараса, а винъ каже: пивтораста! Охримъ Витряченко вмеръ, такъ идить, кажу, помынать!

— Богъ зъ нымъ, зъ тымъ Витряченкомъ! Нехай винъ соби царствуе! Куды тутъ у такый холодяку, та зъ хаты выходыть!

— Дядьку, дядьку, пустить у хату!

— А що тоби треба?

— Та мене прыслалы до васъ батько прохаты, чы не пишлы-бъ вы, спасыби вамъ, копаты яму на кладовыщи,—оце нашъ Охримко вмеръ...

— Охъ, сынку, сынку, якъ-же ій, ту яму, у такый холодяку копать?

— Та будь ласка, дядечку-голубчыку! У насъ же, чуете, горе яке!...

— Що горе, то горе!.. А що холоднеча, то вже така, що й носа не можна выткнуты на вулыцю, а не то що копаты землю! Теперъ тіеи земли и зубамы не вгрызешъ.

— Та здилайте мылость!

— Ну, та Богъ зъ вамы—треба уже йты...

Одъ одного дядька пишовъ хлопець до другого, такъ у того и овси не достукавсь. Дали пишовъ до третёго,—тамъ тежъ саме. Насылочку-насылочку уже знайшовсь ще одынъ чоловикъ, Давыдко-розгамуза.

Сякъ-такъ ти два чоловика выкопалы такы яму. Максымъ Витрякъ прызвавъ батюшку, одправывъ панахыду та й понисъ бидного Охрима на кладовыще. А холоднеча-жъ така, що такъ и риже тоби въ лыце, такъ огнемъ и палыть, такъ духъ и займа,

що ажъ дыхаты важко, ажъ стояты не можна на мисци. Хто тамъ ни бувъ на похорони, то вси позавьязувалысь, позатулялысь, та повкутушкалысь,—хто платкамы, хто ряднамы, або опанчамы, та такъ и йдуть за труною. Одынъ тилько Максымъ Витрякъ идé зъ непокрытою головою, идé—зовсимъ не чуе, якъ морозъ пече ёму, неначе вогнемъ, и лыце, и вуха, и нисъ, и рукы. „Охриме, Охриме, сыну мій любый, що це ты соби зробывъ, и що це ты соби заподіявъ?.. Нехай же тебе простыть Господь и ёго пречыста Маты!“ Маруся, такъ та и зъ хаты не выйшла: якъ рушылы домовыну зъ покійныкомъ, такъ вона якъ упала на лаву, то такъ и злягла, неначе нежыва. А жинка Охрима, Палажка, такъ та, якъ дійшла до ямы та якъ узяла у руку грудку мерзлои земли, щобъ кынуты іи на труну чоловика, то такъ и захолола зъ тіею грудкою, ажъ покы Максымъ Мыкытовычъ не рознявъ іи рукы та не вкынувъ самъ тіеи грудкы у яму.

Такъ и поховалы того бидолашного Охрима Витряченка. А мыръ, якъ бувъ, такъ и зоставсь, и нищо въ нёму не перевернулось и не переставылось: якъ свитыло праведне сонце, и якъ за Божымъ днемъ шла Божа ничъ, а за ничью наступавъ день, такъ воно й зосталось. И никому нема до того дила, що одного чоловика не стало на свити. Тилько про те й зналы, що въ хати у Витряка. Максымъ Витрякъ, поховавшы свого старшого та любого сына та помьянувшы ёго, якъ треба, похрыстьянськи, дуже задумавсь надъ своимъ лыхомъ. Шо це мій Охримъ зробывъ таке? Зроду-жъ за нымъ не було ничого такого, а тутъ ось тоби на! Та ще й на якій речи!... И розсудлывый винъ у мене бувъ, и непытущый, и богобоязкый, а все-жъ такы... Та яка-жъ ричъ! Хочъ бы вже тамъ що путне, а то що-жъ воно коштуе?.. Це вже не ёго, а мене покаравъ за щось Господь?... Це вже не ёго грихъ! Може прогнивывъ чымъ Господа Бога; може образывъ чымъ чоловика, може погордувавъ передъ кымъ; може супроты закону колы-небудь пійшовъ... А може це... може це мени за те, що я занисъ косу надъ чоловикомъ та хотивъ ёму голову зарубать?... У Бога праведного та всевыдющого ничого дарма не робытся. Прости-жъ мени,

Боже, и помылуй за мій невыдымый грихъ и не выправляй ёго на моихъ дитяхъ! Скарай уже краще мене самого, нижъ моихъ дитей!... А про те, якъ Твоя воля, такъ и буде... А може це... може прадидивський та пращурський грихъ: Господь карае чоловика и въ девьятимъ колини за ёго грихы... Господы, просты и помылуй!...

Д. Яворницкій (Д. Эварницкій).

(*Дали буде*).

Договоры прихожанъ съ священниками въ Старой Малороссіи.

(По поводу договорнаго акта 1789 г.).

Актъ, напечатанный ниже, не представляетъ собою чего-либо новаго, совершенно неизвѣстнаго. Подобнаго рода акты, заключающіе въ себѣ условія договора прихожанъ съ священниками, были не разъ публикуемы и на страницахъ „Кіевской Старины“, и въ другихъ изданіяхъ [1]), и даже были предметомъ изслѣдованія. [2]) Если, тѣмъ не менѣе, мы помѣщаемъ его здѣсь, то дѣлаемъ это по многимъ причинамъ. Прежде всего потому, что актовъ подобнаго рода напечатано все еще сравнительно немного, между тѣмъ вопросъ объ отношеніяхъ населенія старой Малороссіи къ низшему духовенству—одинъ изъ крупныхъ вопросовъ и можетъ освѣтить многое въ исторіи Малороссіи, въ особенности же въ исторіи ея религіозной политической и соціальной борьбы съ Польшей. Съ другой стороны, нашъ настоящій документъ касается мѣстности (именно Сѣверщины), относительно которой не было еще ни разу констатированъ фактъ примѣненія и въ ней выборнаго начала, господствовавшаго какъ въ правобережной, такъ и въ лѣво-

---

[1]) См. архивъ Ю. З. Россіи, ч. 1, т. II; матеріалы для исторіи православія въ Украинѣ въ XVIII в. Особенно актъ № II, 1759, № III, VI, XVIII и др.

[2]) И. Лучицкій, Малороссійская сельская община и сельское духовенство въ XVIII в. Въ «Земскомъ обзорѣ», Полтава, 1889 г., № 6.

бережной Украинѣ, той ея части, которая входила въ составъ нынѣшней Полтавской губерніи. Какъ ни незначительно количество извѣстныхъ намъ договоровъ прихожанъ съ священниками, они, тѣмъ не менѣе, во первыхъ, обнимаютъ собою цѣлое столѣтіе, начиная съ 1712 г. [1]) и кончая 1789 г., а во вторыхъ, касаются самыхъ разнородныхъ мѣстностей, и нѣсколькихъ селъ бывшаго Чигиринскаго староства [2]), и лѣваго берега Днѣпра, селъ нынѣшнихъ уѣздовъ Золотоношскаго и Переяславскаго, и Черниговщины, и, наконецъ, Сѣверщины. А это важное свидѣтельство общераспространенности обычая какъ выборовъ сельскихъ священниковъ „громадами", такъ и общеобязательности договоровъ между священниками и громадами.

Церковь въ Старой Малороссіи была церковью, опиравшейся на выборномъ началѣ, какъ на высшихъ, такъ и на низшихъ своихъ ступеняхъ, и, вдобавокъ,—особенно въ томъ, что касалось вознагражденія священниковъ, —являлась такъ сказать какъ-бы свободною церковью, независимой отъ внѣшней власти. Какъ таковая, она существовала съ давнихъ временъ, и въ XVII в. ея организація, опиравшаяся на принципъ выбора, была столь же распространенной, какъ и раньше и позже. Право выбора принадлежало одинаково и городскому, [3]) и сельскому населенію, и было настолько обычнымъ явленіемъ, что попытки отмѣнить его или только нарушить въ томъ или иномъ случаѣ, вызывала жалобы и протесты со стороны прихожанъ. Когда въ концѣ XVII в. новый кіевскій митрополитъ, Варлаамъ Ясинскій, началъ было собственною властью, „сильно", сажать на вакантныя мѣста священни-

---

[1]) Договоръ обществъ селъ Козлова и Леляковъ. Въ Земскомъ Обзорѣ, 1889 г., № 6.

[2]) Старый Крыловъ, Липовое, Райгородъ и т. д. Архивъ ю. з. Россіи.

[3]) См. королевскій декретъ по дѣлу между мѣщанами и уніатскимъ священникомъ Іоанномъ Юзефовичемъ о правахъ на Воскресенскую церковь въ Кіевѣ. Въ прилож. (№ XXXII) къ книгѣ проф. Голубева, Петръ Могила, т. 1, изд. 1883 года.

ковъ, помимо вѣдома прихожанъ, кіевскіе мѣщане, ссылаясь на жалованныя грамоты, на исконное ихъ право выбора священниковъ, опротестовали дѣйствія митрополита. Войтъ кіевскій, Иванъ Быковскій, со всѣмъ урядомъ, обратился съ протестомъ и жалобой къ московскому патріарху, Адріану, и добился у него не только признанія правъ Кіева на выборы „парохіальныхъ священниковъ", но и посланія, съ которымъ патріархъ обратился къ кіевскому митрополиту и въ которомъ потребовалъ отъ послѣдняго возстановленія нарушеннаго права во имя „христіанской любви" и мира.[1]) И любопытны основанія этого требованія. „Кіевскіе мѣщане, пишетъ патріархъ, извѣстиша намъ, что прежде сего митрополитовъ кіевскихъ и при твоемъ уже бытіи бысть таковой обычай у нихъ, егда къ церкви которой во градѣ надобенъ парохіальный священникъ, и тогда они, прихожане, и всѣ ихъ урядники, по любви, чтобы онъ былъ *отецъ имъ и жертвоприноситель, избираютъ обще*, и о посвященіи во іерейство вамъ, архіереемъ, бьютъ челомъ, и еще и при насъ отъ прихожанъ таковое челобитье творится, еже бы о томъ у нихъ роптанія и ради нелюбве въ духовности отлученія и нуду не было". Теперь же, продолжаетъ патріархъ, „отъ тебе къ нимъ бываютъ присланы къ приходскимъ ихъ церквямъ священники *сильно*, не по ихъ избранію, и дѣло де имъ то во оскорбленіе бываетъ, яко не созиждаются въ Божіей любви", и рекомендуетъ кіевскому митрополиту „пасти христово стадо любовно" „пещися да Богъ мира со всѣми будетъ".

Дѣло о назначеніи священника и объ уплатѣ ему его содержанія лежало исключительно на одномъ населеніи, на „громадахъ" каждаго даннаго прихода. Отъ „громады" зависѣло указать на то или иное излюбленное избранное ею

---

[1]) Посланіе патріарха Адріана находится въ числѣ рукописей московскаго архива министерства юстиціи (Деп. Правит. Сената, кн. № 5—1732 г.,) f°. 205—208. За сообщеніе этого любопытнаго документа приносимъ искреннюю благодарность проф. С. Голубеву, любезно предоставившему копію документа въ наше распоряженіе. Онъ будетъ помѣщенъ въ одномъ изъ ближайшихъ №№ «Кіевской Старины».

лицо. Обязанность высшей духовной власти, епископа или архіепископа данной епархіи, заключалась лишь въ выдачѣ ставленной грамоты, въ удостовѣреніи, что данное избранное лицо способно быть священникомъ, или же въ томъ, чтобы подготовить его къ священству, въ случаѣ отсутствія у него подготовки. Данный приходъ избиралъ прежде всего извѣстное ему лицо, заключалъ съ нимъ договоръ и затѣмъ посылалъ и приговоръ, и договоръ къ архіерею. Послѣдній предписывалъ „послать избраннаго во ученіе каѳихыза и святыхъ тайнъ, и на хоръ чтенія и пѣнія, затѣмъ, получивши рядъ удостовѣреній отъ экзаменатора, что ставленникъ „Законъ Божій, святое церковное таинство и протчое надлежащее къ катихизису изучилъ", и отъ духовника, разрѣшалъ рукоположить его; наконецъ, послѣ выдачи ставленнику удостовѣренія въ успѣшномъ обученіи богослуженію („священнослуженія іерейскаго добрѣ обученъ"), выдавалъ ставленную граммоту". [1])

Будущій ставленникъ могъ быть указанъ и избранъ и самой громадой, могъ, въ иныхъ случаяхъ, просить громаду избрать его, взять на себя иниціативу [2]). Никакихъ ограниченій для выбора не существовало. Громадѣ вольно было избрать либо духовное лицо (бывшаго уже священника или служащаго при архіерейскомъ дворѣ и т. д.), либо свѣтское, все равно изъ старшины ли (какъ, напр., священникъ с. Домантова переяславскаго полка [3]), или изъ козаковъ, или изъ посполитыхъ [4]).

Разъ данное лицо оказывалось избраннымъ громадой, послѣдняя приступала къ ряду дѣйствій, въ видахъ установленія на прочныхъ основаніяхъ будущихъ отношеній своихъ къ своему „пастыру и богомольцу". Она устанавливала прежде всего размѣръ вознагражденія священника за исполненіе имъ разнаго

---

[1]) Архивъ ю. з. Р., т. II, стр. 4—5, ср. 15—17 и др.

[2]) Договоръ с. Самовицы 1761. Земскій Обзоръ Ср. Ар. Ю. З. ч. I, т. II, 28, 31 и др.

[3]) Рум. Опись, с. Домантовъ.

[4]) Арх. Ю. З. Россіи, ч. I, т. II, стр. 27, 32, 50 и др.

рода требъ и послѣ переговоровъ съ нимъ выдавала ему контрактъ или договоръ, который нерѣдко (какъ видно и изъ прилагаемаго акта) посылала въ судъ для засвидѣтельствованія. Договоръ заключался съ цѣлью оградить прихожанъ, членовъ громады, отъ излишнихъ поборовъ, почему въ него нерѣдко вносилось прямое требованіе, чтобы „попъ ничего больше не вымагалъ", не забиралъ ничего „насильно" или „самъ собою". Въ нихъ прямо говорится, что опредѣленнымъ громадою онъ „повиненъ контентоваться" [1]). Договоръ имѣлъ, впрочемъ, силу лишь по отношенію къ членамъ избравшей священника громады: онъ былъ обязателенъ для него. По отношенію къ лицамъ постороннимъ, которые пожелали бы обратиться къ священнику данной громады, послѣдняя, какъ то видно изъ прилагаемаго акта, предоставляла своему „пастыру" свободу дѣйствій: онъ могъ „уеднаться" съ чуже-общественникомъ (актъ с. Козлова), но „сходственно съ указанными повелѣніями".

Размѣръ вознагражденія за требы точно опредѣлялся громадой, и тарифъ вносился цѣликомъ въ договоръ, но плата не была одной и той-же: онаи змѣнялась постепенно отъ начала къ концу XVIII в. Такъ, въ 1712 г. села Козловъ и Студеники опредѣлили платить за сорокоустъ всего 30 к., тогда какъ въ 1761 г. за него въ Самовицѣ уплачивали 3 р. и таже цѣна отмѣчена и въ договорѣ 1789 г. с. Погребки. За вѣнчанье въ 1712 г. платили всего 5 коп., тогда какъ 1761 г.—20 к., а въ 1789—10 к., но съ добавленіемъ отсыпного хлѣба, роковщины, которой вовсе не уплачивали въ XVIII в. другія села лѣвобережной Украины. За похороны плата съ 5 коп. въ 1712 г. возросла до 10 коп. 1761 и 1789 г. и т. д. Но въ 1789 г. уже гораздо детальнѣе опредѣлена плата за всякія мелкія требы, чѣмъ въ актахъ предшествующихъ, чего вовсе нѣтъ въ старыхъ договорахъ, какъ нѣтъ и обязательной роковщины.

---

[1]) См. И. Лучицкій с. община и с. духовенство, акты № (сел. Козлова 1712), № III (с. Самовицы 1761).

Рядомъ съ договоромъ о платѣ за требы разрѣшался громадой и вопросъ о земельномъ обезпеченіи священника и причта. Обыкновенно громада отводила избранному ею священнику такое количество земли, какое считала нужнымъ. Села Козловъ и Студеники отводятъ гай и луку; жители Самовицы—пахать въ общественной толокѣ, мѣсто для двора и рыболовный уступъ; жители с. Каневцы—пахать въ общественной толокѣ („помѣрки“) въ двухъ смѣнахъ и сѣнокосъ. Во всѣхъ этихъ актахъ земля отводится совмѣстно и козаками, и посполитыми. Такой-же отводъ земли совершается и въ с. Погребкахъ въ 1789 г., но здѣсь уже новая черта: отводятъ землю отдѣльно козаки, отдѣльно казенные крестьяне. Въ большей части случаевъ отводъ производился изъ общественныхъ земель и признавался дѣйствительнымъ, въ старыхъ актахъ, лишь до тѣхъ поръ, пока „хто з оныхъ (священника или причта) церкви Божіей служить будетъ„ (актъ с. Каневцы 1764 г.) Не лицо признавалось собственникомъ земли, не данный священникъ, а священникъ вообще, какъ данный, такъ и его преемники. Но однажды отведенная земля считалась неотчуждаемой: ее отдавали „на вѣчность“, какъ церковную собственность.

Довольно значительное различіе существовало между договорами селъ лѣвобережной Украины, сѣверной и южной, и селъ правобережной. Въ первой, гдѣ община была болѣе свободной, не требовалось согласія какой либо власти, не требовалось ея разрѣшенія для составленія договора. Не только козаки, но и посполитые дѣйствовали сами, по собственной волѣ. Въ правобережной члены громады испрашиваютъ прежде всего разрѣшеніе приступить къ выборамъ и составленію договора. Жители Стараго Крылова получаютъ это разрѣшеніе отъ коммиссара чигиринскихъ имѣній князя Яблоновскаго, который, также какъ и громада, посылаетъ просьбу объ утвержденіи даннаго лица въ званіи священника архіерею [1]). Съ другой стороны, отсутствуютъ въ лѣвобережной Украинѣ и тѣ обяза-

[1]) Архивъ Ю. З. Р., ib., стр. 1—10, стр. 18—19 и др.

тельныя взысканія презентовъ и проч., которыми были обложены священники праваго берега [1]).

Труднѣе рѣшить вопросъ, какъ поступала „громада“ въ тѣхъ случаяхъ, когда священникъ не исполнялъ договора. Несомнѣнно, договоръ,—разъ онъ еще и засвидѣтельствованъ былъ въ судѣ,—долженъ былъ имѣть силу и значеніе юридическаго акта, обязательнаго для обѣихъ сторонъ. Если, какъ то показываютъ данныя о с. Козловѣ, переяславскаго полка, священникъ могъ жаловаться полковой старшинѣ чрезъ атамана на нарушеніе своихъ правъ, то, вѣроятно, такимъ-же правомъ обладала и „громада“. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ въ рукахъ данныхъ подобнаго рода для лѣвобережной Украины. Но что община могла требовать смѣны священника и замѣны его новымъ, ею избраннымъ, видно изъ того, что села правобережной Украины пользовались этимъ правомъ, правда, лишь въ одномъ случаѣ, когда, не желая отступать отъ православія, не только настаивали на замѣнѣ обратившагося въ унію священника другимъ, православнымъ, за котораго прихожане подали свои голоса, но просто удаляли его [2]). Существовало-ли это право и въ другихъ случаяхъ нарушенія договора, остается открытымъ вопросомъ.

И. Л.

1789 года, марта 10 дня, мы нижеподписавшіеся дали сей обовязательной контрактъ находившемуся въ новгородскомъ архіерейскомъ домѣ въ должности расходчика, церковнопричетническому сыну, Іосифу Домницкому, [3]) въ томъ, что если Богъ

---

[1]) Ib, LIX.

[2]) Архивъ Ю.-З. Р., ib., дѣло объ избраніи въ м. Мглѣевѣ священника Григорія Хоминскаго вмѣсто Василія Гдишинскаго, котораго жители имѣть не желаютъ. Стр. 446 и сл.

[3]) Изъ архивныхъ данныхъ погребской церкви видно, что Домницкій еще состоялъ священникомъ въ селѣ Погребки и въ началѣ XIX ст. С. Р.

удостоитъ и господинъ преосвященнѣйшій Иларіонъ, епископъ новгородскосѣверскій и глуховскій, посвятить его, Домницкаго, къ нашей приходской церкви, храму Покрова пресвятія Богородыци, во священника, то тогда за его священнослуженіе и исправленіе намъ христіанскихъ требъ опредѣляемъ ему, Домницкому, въ руку место, на которомъ умершаго священника, Гурія Горащевскаго, состоитъ жилой домъ съ огородомъ, при томъ же дворѣ имѣемимъ, и въ лузѣ сѣнокосъ церковный [1]) во урочищи Далматовѣ, а особливо того со стороны козачей хлѣбопахатной земли во урочищи Боровой сменѣ, близълежащей с. Погребокъ на Ивотъ [2]) дороги, посѣвомъ на четверть, да со стороны казенныхъ крестьянъ, съ вѣдома господина экономa директора, Семена Федоровича Уманца, пустовскій имѣемій грунтъ, прозиваемій Козинскій, [3]) состоящій во всѣхъ трохъ смѣнахъ, яко то Боровой, [4]) въ средней и кормовой, и притомъ въ лузѣ сѣнокосъ, Козинъ же; сверхже того обовязуемся давать въ годъ отъсипного хлѣба отъ всякого грунта по полчетверты старой мѣры, особливо же за требы, именно: за молитву родительницѣ 2 коп., за крещеніе младенца 2 коп., за елеосвященіе 1 ефимокъ (?), за погребеніе младенца 5 к., за погребеніе возрастного 10 к., и за чтеніе притомъ евангелія каждого 5 к., за панихиду большую 10 коп., за уписаніе въ помянникъ умершей души 40 коп., за сорокоустъ 3 ефимка, за здоровный обѣдъ, за молебенъ, за акафистъ, за освященіе дому, воды и колодезя по 10 коп., за освященіе иконы 2 коп., за обвѣнчаніе своего прихода отъ тѣхъ, кои отсипнимъ хлебомъ даютъ роковщину, по 10 коп., а от огородниковъ и сторонніхъ смотря по чело-

---

[1]) Состоитъ и нынѣ во владѣніи церкви Погребской въ пользованіи у причта. С. Р.

[2]) Село Ивожъ находится въ 7 верстахъ отъ Погребковъ. С. Р.

[3]) Существуетъ нынѣ урочище «Боровая Смѣна», С. Р.

[4]) Названія „Козинъ“, «Козинскій сѣнокосъ» болѣе не существуютъ въ с. Погребки, и мѣсто, гдѣ они находились, остается неизвѣстнымъ. С. Р.

вѣку и по доброхотству, сходственно съ указанными повелѣніями. Во утвержденіе какова учиненнаго нами договора дозволяемъ ему, Домницкому, сей контрактъ, гдѣ надлежитъ, оконфирмовать, на коемъ и подписуемся при печатехъ. Къ сему контракту намѣстничества и уезда Новгородско-сѣверского жительствующіе къ селѣ Комонѣ [1]), при печатехъ подписалися: корметъ Опанасъ Худорбій; значковій товаришъ Владимиръ Худорбій [2]) Къ сему контракту уезда Кролевецкаго жительствующій въ селѣ Погребкахъ губернскій регистраторъ Иванъ Гриневичъ при печати подписался. Къ сему контракту сотенній асаулъ, дворянинъ Денисъ Малченко, при печатехъ подъписался. К сему контракту намѣстничества Новгородско-сѣверского, уезда Кролевецкого, села Погребокъ козаки: Іосифъ Денисенко, Иванъ, Никифоръ, Демянъ и Михаило Фатуни, Каленикъ и Иванъ Вощыни, Захаръ Луговій, Сергей Межуй, Илья Отрошко, Сергей и Мина Шляхти, Леонтій, Василь и Омелко Колмиченки, Владимеръ и Артемій Тереховскіи, Трофимъ Козелъ, Тарасъ Воропай, Никифоръ Куцій, Федоръ Жоровъ, подписались, а вмисто ихъ неграмотнихъ, по ихъ персональному прошенію, за нхъ и за себя того жъ села Погребокъ атаманъ Василь Деннсенко руку приложивъ.— Казеннаго ведомства крестяне: войтъ Семенъ и Яковъ Шерстюки, Терентій и Петро Рудкм, Стефанъ Благушъ, Димитрій Коротченко, Никита, Ходько, Данило и Иванъ Товкачи, Васи-

---

[1]) С. Комонь находится въ 2 верстахъ отъ Погребковъ. С. Р.

[2]) Земли Худорбіевъ находятся и теперь въ дачахъ с. Погребки. Фамилія—Худорбій, какъ и фамилія Малченка, извѣстны еще во время «шведской инкурсіи». Отмѣченная въ исторіи Маркевича (II, 474—75) фамилія «Худорбай», какъ и фамилія козака с. Погребки, у котораго останавливался Петръ I,—„Мальчикъ", очевидно не вѣрны. По всей вѣроятности значковой товарищъ Худорбай,—потомокъ того хоружого, котораго сотникъ Н.-Сѣверскій, Жоравка, посылалъ къ Петру въ Погребки. Относительно рода Малченокъ погребскіе старожилы разсказываютъ, что на одной изъ балокъ хаты Малченка была вырѣзана надпись: «здѣсь былъ Петръ I» Въ 1889 г. хата сгорѣла. С. Р.

лій Смольникъ, Халимонъ и Константій Заровніе, Федоръ, Исай, Василь и Василь Мойсеенки, Григорій Скрипченко, Иванъ Школній, Иванъ Комаръ, Никита и Отрохъ Шамови, Семенъ Реготъ, Дорохъ Кохановъ, Федоръ, Василь и Николай Хроленки, Алексѣй Макаренко, Макаръ Зимодранъ, Матвѣй Сковородка, Петро Стягайло, Федоръ Коротченко, Илія Потапенко, Антонъ Пацуй, Захарій Шепель, Онисимъ Пластунъ, Симонъ Морочко и Гуринъ Науменко подписалися, а вмѣсто ихъ неграмотнихъ, по ихъ персональному и рукоданному прошенію, за ихъ и за себя того жъ села житель изъ дворянъ козакъ Филипъ Малченко при печаты руку приложилъ.

1789 года, марта 13 дня, сей договоръ въ Кролевецкій уездный судъ со стороны прихожанъ погребскихъ явленъ и въ книгу входящихъ дѣлъ подъ № 55 записанъ и за надлежащимъ подписомъ, съ приложеніемъ судовой печаты, изъ сымъ засвидѣтельствованіемъ просителю Иосифу Домнѣцкому возвращенъ. Засѣдатель Лукянъ Огневскій, секретаръ Александръ Антоновичъ, коллежскій канцелярист Павелъ Стожко. (Архивъ Покровской церкви села Погребки Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда).

Сообщилъ **Сергѣй Рклицкій**.

Александръ Яковлевичъ Конисскій.

(*Некрологъ*).

I.

Немногочисленные ряды выдающихся дѣятелей на нашей родной нивѣ съ каждымъ годомъ все рѣдѣютъ и рѣдѣютъ; съ каждымъ годомъ одинъ за другимъ сходятъ со сцены энергичные, горячо преданные своей родинѣ и народу, вѣрные до конца жизни разъ принятому ими направленію работники. Если утрата подобныхъ работниковъ всегда тяжела даже въ обществахъ, успѣвшихъ хорошо развить свою культурную жизнь и потому богатыхъ культурными силами, то тѣмъ чувствительнѣе она въ той средѣ, которая, въ силу различныхъ обстоятельствъ, постоянно оказывается задерживаемой въ своемъ естественномъ ростѣ и вслѣдствіе этого считающей въ своихъ рядахъ энергичныхъ, неутомимыхъ работниковъ только единицами.

Такимъ именно работникомъ и былъ, скончавшійся 29 ноября минувшаго года, извѣстный украинскій писатель и общественный дѣятель, А. Я. Конисскій. Въ лицѣ сошедшаго въ могилу А. Я. Конисскаго Малороссія и Галичина понесли тяжелую утрату, одного изъ старѣйшихъ, самыхъ неутомимыхъ работниковъ, въ теченіе слишкомъ сорокалѣтней своей кипучей дѣятельности неизмѣнно и твердо стоявшаго на стражѣ интересовъ своей ро-

дины и своего народа. Этими чертами своего характера покойникъ долженъ служить прекраснымъ примѣромъ для молодого поколѣнія.

Для полной и всесторонней оцѣнки общественной и литературной дѣятельности покойнаго, длившейся болѣе сорока лѣтъ, теперь пока еще не время: слишкомъ она была продолжительна и слишкомъ разнообразна, а потому ее и не возможно сдѣлать сейчасъ, предъ незакрытой еще почти могилой. Цѣль настоящаго очерка—познакомить читателей, друзей и почитателей сошедшаго въ могилу дѣятеля съ главными моментами жизни и дѣятельности его и дать общій перечень литературныхъ трудовъ и работъ покойника.

А. Я. Конисскій родился 6 августа 1836 г. въ хуторѣ Переходовкѣ, нѣжинскаго у., черниговской губ. Потерявъ на седьмомъ году своей жизни отца, Конисскій рано испыталъ тяжелое положеніе сироты, матеріальныя лишенія и притѣсненія окружающихъ. Девяти лѣтъ его отдаютъ въ нѣжинское приходское училище, а затѣмъ—въ Черниговскую гимназію. Здѣсь ему пришлось испытать первыя горечи за свое влеченіе къ высшимъ порывамъ человѣческаго духа: гимназическое начальство усмотрѣло его испорченность въ томъ, что онъ пишетъ стихи на малорусскомъ языкѣ, и въ результатѣ онъ очутился за порогомъ гимназіи. Попытка продолжить образованіе въ Нѣжинскомъ дворянскомъ училищѣ и лицеѣ также окончилась неудачей: крайне стѣсненныя матеріальныя обстоятельства, а также тяжелая болѣзнь глазъ, заставили его бросить школу и вступить въ жизнь на борьбу съ лишеніями и невзгодами. Въ 1854 г. Конисскій поступаетъ на службу при судѣ въ Полтавѣ, не оставляя въ то-же время надежды пополнить свое образованіе самостоятельнымъ трудомъ, и дѣйствительно достигаетъ намѣченной цѣли. Юношескіе годы Конисскаго совпали съ тѣмъ освободительнымъ теченіемъ, которое увѣковѣчено также недавно сошедшимъ въ могилу, покойнымъ Джаншіевымъ въ его трудѣ подъ названіемъ „Эпоха великихъ реформъ“. Конисскій отдался служенію народу со всею страстью своей пылкой натуры. Онъ

принимаетъ дѣятельное участіе въ устройствѣ воскресныхъ школъ въ Полтавѣ, пишетъ корреспонденціи въ „Искру“, „Черниговскій Листокъ“ и „Основу“, гдѣ выступаетъ пламеннымъ защитникомъ интересовъ народа и убѣжденнымъ борцомъ за его права. Наступившія въ 1863 г. неблагопріятныя вѣянія отразились и на Конисскомъ: по доносу одного изъ сослуживцевъ, его обвинили въ распространеніи превратныхъ сепаратистическихъ идей и сослали сначала въ Вологду, а затѣмъ въ Тотьму, гдѣ онъ пробылъ до 1865 г., когда получилъ разрѣшеніе возвратиться на родину: сначала въ Воронежъ, затѣмъ—Елисаветградъ, Бобринецъ и Екатеринославъ. Въ 1872 г. Конисскій переселяется въ Кіевъ, гдѣ живетъ до послѣднихъ дней, посвящая все свое время литературнымъ занятіямъ, главнымъ образомъ на малорусскомъ языкѣ.

Не входя въ подробную оцѣнку литературной дѣятельности Конисскаго, мы все-же не можемъ не остановиться прежде всего на тѣхъ обвиненіяхъ по его адресу, какія часто раздавались и въ печати, и въ частныхъ отзывахъ, обвиненіяхъ въ проповѣди національной исключительности и нетерпимости. Такія обвиненія, по нашему мнѣнію, основаны только лишь на недоразумѣніи: не національную нетерпимость и исключительность онъ проповѣдывалъ, а напротивъ—свободу національностей. Видя свой родной народъ не на высотѣ тѣхъ правъ, какими пользуются другіе народы, онъ не могъ иногда, какъ натура въ высшей степени чуткая и отзывчивая, освободиться отъ страстнаго, обличительнаго тона, который его противники толковали, какъ шовинизмъ и исключительность. Что мысль наша справедлива, доказательствомъ тому является и то обстоятельство, что, посвятивъ свои силы малорусской литературѣ, Конисскій не чуждается въ то-же время и русской и принимаетъ дѣятельное участіе въ лучшихъ органахъ ея: Вѣстникъ Европы, Русская Мысль, Искра, Страна, Порядокъ, Заря, Земство, Земскій Обзоръ, Семья и Школа, Московскій Телеграфъ, Днѣпровская Молва и мн. др.

Литературная дѣятельность Конисскаго начинается съ 1858 года, когда имъ въ „Театрально-Музыкальномъ Вѣстникѣ“

помѣщено было нѣсколько замѣтокъ. Начало 60-хъ годовъ совпадаетъ съ возрожденіемъ и расцвѣтомъ малорусской литературы въ Россіи, и вотъ Конисскій помѣщаетъ по-украински и и по-русски въ „Основѣ“ и „Черниговскомъ Листкѣ“, издававшемся извѣстнымъ украинскимъ писателемъ Глѣбовымъ, рядъ очерковъ беллетристическаго и публицистическаго содержанія, подписывая ихъ псевдонимомъ „Переходовець“.

Въ публицистическихъ своихъ очеркахъ онъ ратуетъ за допущеніе въ народную школу малорусскаго языка и вообще за предоставленіе ему правъ полнаго гражданства. Въ то-же время дѣятельность его въ качествѣ учителя воскресныхъ школъ въ Полтавѣ натолкнула его на мысль составить учебники для украинскихъ школъ, результатомъ чего и были его „Украински прописи“ и „Арихметика, або щотниця“. По поводу учебниковъ на народномъ языкѣ онъ ведетъ интересную переписку съ Костомаровымъ. Но измѣнившіяся условія вскорѣ прервали эти зачатки педагогической дѣятельности Конисскаго: другіе составленные имъ учебники не были разрѣшены къ печати. Такое исключительное положеніе малорусской письменности въ періодъ 1863—73 г.г. натолкнуло Конисскаго на мысль перенести свою литературную дѣятельность въ Галичину. Конисскій въ этотъ періодъ печатаетъ свои произведенія (стихотворенія, повѣсти, романы, разсказы, статьи литературно-критическаго и публицистическаго содержанія) въ галицкихъ и буковинскихъ украинскихъ изданіяхъ—„Слово, Галичанинъ, Мета, Вечорниці, Правда“ и др. Неоднократныя поѣздки въ Галичину еще болѣе укрѣпили его связи съ галицкими дѣятелями національнаго направленія, связи, не прерывавшіяся до самой его смерти. Галичина и вся Малороссія особенно обязаны К—му за его дѣятельность въ качествѣ одного изъ основателей извѣстнаго „Наукового товариства імени Шевченка“ въ 1873 г., сперва поставившаго себѣ чисто литературныя задачи, а затѣмъ съ 1892 г. реорганизовавшагося, при поддержкѣ и горячемъ участіи его, въ научное общество. Въ началѣ 70-хъ годовъ малорусскому слову въ Россіи вздохнулось свободнѣе, и Конисскій, не пре-

рывая своей дѣятельности въ Галиціи, опять обращается къ изданію книжекъ въ Россіи: имъ издано нѣсколько популярныхъ брошюръ, приготовлены къ печати литературные сборники, не увидавшіе, впрочемъ, свѣта. Въ 1881 г. Конисскій поднимаетъ вновь старый вопросъ о допущеніи малорусскаго языка въ народную школу. Статья его по этому вопросу, появившаяся въ журналѣ „Семья и Школа", вызвала цѣлую литературу въ русской повременной печати, большинство представителей которой вполнѣ согласились съ положеніями автора. Вообще при каждомъ удобномъ случаѣ Конисскій поднималъ этотъ вопросъ, какъ въ статьяхъ, такъ и въ различнаго рода докладныхъ запискахъ, выступая всегда защитникомъ правъ малорусскаго слова.

Послѣдніе годы своей дѣятельности Конисскій посвятилъ изученію личности и произведеній Шевченка. Плодомъ этого изученія былъ двухтомный трудъ „Тарасъ Шевченко-Грушівський. Хроніка його життя", первый томъ котораго появился въ 1898 г. въ Львовѣ, а второй появится въ скоромъ времени. Тотъ-же трудъ авторъ переработалъ и издалъ въ Россіи подъ названіемъ „Жизнь украинскаго поэта Т. Гр. Шевченка". Трудъ Конисскаго представляетъ лучшую біографію знаменитаго украинскаго поэта. Шевченку-же посвященъ и послѣдній трудъ Конисскаго, появившійся на русскомъ языкѣ—это популярная біографія поэта, предназначенная для широкой публики, напечатанная въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ „Журнала для всѣхъ".

Перечислить все написанное Конисскимъ не представляется пока возможнымъ: его произведенія печатались большею частью въ Галицкихъ изданіяхъ, мало въ Россіи извѣстныхъ и доступныхъ, подъ многочисленными псевдонимами („Переходовець", „Вернываля", „Сырота", „Журавель", Дроздъ, Семенъ Жукъ, О. Яковенко, К. Маруся, О. Кошовый, Перебендя, Лесько, Кость Одовець, Сырота зъ Украины, О. Я. Хуторный, Вакула зъ Лубенъ, Степанъ Шкода, Полтавець, О. Я. К., О. К., Дрибный и др.), изъ которыхъ многіе остались нераскрытыми до сихъ поръ.

Болѣе популярные его романы и повѣсти—„Семен Жук і його родичі", „Юрій Горовенко" (подъ псевдонимомъ Красюченко), „Непримиренна", „В гостях добре, а дома ліпше". Въ послѣднее время Конисскій предпринялъ изданіе своихъ беллетристическихъ произведеній въ Россіи; до сихъ поръ вышло три тома, въ недалекомъ будущемъ ожидалось еще нѣсколько томовъ, но смерть прервала его намѣренія.

Утрата, понесенная малорусской литературою, тяжела и трудно вознаградима. Съ энергіей, стойкостью, убѣжденіемъ онъ въ теченіе своей долгой литературной и общественной дѣятельности отстаивалъ то, во что вѣрилъ, и до послѣдней минуты убѣжденъ былъ, что стѣсненная теперь въ своемъ теченіи родная литература дождется свѣтлыхъ дней... Если къ кому можно примѣнить прекрасное изреченіе: „Теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ"—такъ это къ Конисскому.

Несомнѣнно, что онъ оставилъ глубокій слѣдъ въ малорусской литературѣ и жизни.

Миръ праху твоему, неутомимый, стойкій труженникъ и вѣрный сынъ родной страны!

Матушевскій-Ефремовъ.

II.

Библіографическій указатель сочиненій А. Я. Конисскаго, написанныхъ по-малорусски.

Предлагаемый нами ниже перечень произведеній покойнаго Ал. Як. въ хронологическомъ порядкѣ составленъ отчасти на основаніи труда Ив. Ем. Левицкаго „Галицко-Русская библіографія XIX ст. (съ 1801—1889)", отчасти послѣ просмотра тѣхъ изданій, въ которыхъ покойный А. Я. сотрудничалъ, отчасти, и даже главнымъ образомъ, на основаніи матеріаловъ и записей, оставшихся послѣ его кончины. Въ настоящемъ перечнѣ мы почти исключительно останавливаемся на произведеніяхъ, печатавшихся въ Галицкой Руси, которыя, въ особенности до 1890 года, отмѣчены нами повидимому съ достаточной полнотой; что же касается времени послѣ 1890 года, то здѣсь оказались крупные пробѣлы, благодаря рѣдкости нѣкоторыхъ изданій, которыхъ намъ не представилось возможности видѣть... Предлагая этотъ, хотя и далекій отъ полноты, указатель, мы исходимъ изъ того вполнѣ естественнаго заключенія, что отдѣльныя лица и редакціи, въ особенности галицкихъ періодическихъ изданій, для которыхъ дорога память почившаго, еще такъ недавно поддерживавшаго съ ними самыя живыя сношенія, не преминутъ подѣлиться съ нами своими сообщеніями, дополненіями, поправками, замѣчаніями—драгоцѣннымъ матеріаломъ для будущихъ біографовъ А. Я. Конисскаго.

Какъ извѣстно изъ біографической записи А. Я. Конисскаго, первый его опытъ на литературномъ поприщѣ относится къ 1858 г. въ „Театральномъ и Музыкальномъ Вѣстникѣ"; [1]) въ томъ же году онъ помѣстилъ первыя свои стихотворныя произведенія въ Черниговскихъ Губ. Вѣдомостяхъ, съ которыхъ мы и начнемъ перечень.

1858 г.

Въ „*Черниг. Губ. Вѣдом.*"—Стихотвор. **Перебендя О.** (№№ 37, 40, 45).

---

[1]) Замѣтка объ итальянской оперѣ въ Полтавѣ.

1861 г.

1) Въ „*Основѣ*“ 1861 г.—**Конисскій Ал.** Изъ Полтавы. Вісті (Полтавскіе колонисты)—(май, 68—71); Людська память про старовину. Спафаріева рудка—(ноябрь—дек. 1—7),; стих. Сиротина (май, 26). **Ол. Переходовець.** Зъ Полтави. Вісті (Положеніе школьнаго образованія въ Полтавѣ) (Янв., 319—322); Изъ Полтави. Вісті. (Мѣстныя извѣстія) (май, 71—74); Листи зъ дороги (изъ Херсона) (Окт., 145—148).

2) Въ «*Черниговскомъ Листкѣ*». Повѣсть «Купованый батько».

1862 г.

1) Въ «*Галичанинѣ*», кн. I, вып. I, Литерат. сборн., издаваемомъ Я. Ѳ. Головацкимъ».

Стихотворенія.

Верниволя Ѳ.: Вечерня розмова (стр. 9—10), Вѣтеръ (10), До дивчины. Ганнѣ Павловнѣ Ф. Р—ъ (8—9), Думка (10—11), Зъ святого письма (I. Царь Саулъ. II. Пѣсня пѣсень) (7—8), Каторжный (II), Левъ та барсъ. Басня зъ Крылова (6), Моя доля (11), Споминки (10).

К. О. Я. Думки (6—7), Пророкъ. Миколаю Ивановичу Костомарову (7).

Конисскій Александръ Я. Бажання (6), Весна и зима. Виктору Васильевичу Лободѣ (3—4), Доля (3), До Мины. Вольный переводъ изъ Шиллера (15), До моря (5), Останне слово Василю Тарасовичу М..... (3), Петро (1—3).

Разсказы. **Конисскій Александръ Я.** Панська воля. Оповиданне (21—35).

2) Въ книгѣ «*Р.(озлуцкій) М. В.* Сонное видѣніе, або разговоръ духовъ о польскій и рускій справѣ. Оповѣдь въ стихахъ».—**Конисскій Александръ Я.** На смерть Тараса Шевченка (стихотвореніе) (106—108).

3) Въ «*Словѣ*», Львовъ, 1862. Рочникъ вторый.

Стихотворенія. **Верниволя Ѳ.** Въ память дня 19 люг. 1861 р. (№ 50), До сестры (№ 35), Думка (№ 54), Заповѣдь. Богдану Александровичу Калинѣ (№ 78), Зъ святого письма. Іефѳаева дочка. Марку Вовчку (№ 39), Калѣка (№ 79), Коли-бъ (№ 78), Мое бажання (№ 22), Нема й надѣи (№ 75), Нѣ! Нѣ! Романсъ, присвяч. О. О. М. (№ 28), Одного бажаю (№ 67), Панамъ—лже-либераламъ (№ 79), Пѣсня браттямъ галичанамъ (№ 46), Сестрамъ-галичанкамъ (№ 47), Туга (№ 61).

Конисскій Александръ Я. Грѣшница (№ 53).

Корреспонденціи. **Верниволя Ѳ.** Съ Полтавы (№№ 32, 40, 43, 45, 54, 59, 68, 74, 83. 84, 97).

4) Въ «*Черниговскомъ Листкѣ*» 1862 г. Стихотвор. **А. Конисскаго**: Безталанна (№ 6), До вбогои (№ 6).

О. Переходовець —Листъ до редакціи (№ 12)

5) Въ «*Основѣ*». **Конисскій.** Дорожныя замѣтки (изъ Полтавы въ Кременчугъ) (февр. 55—58); **Переходовець Ол.** Вісті. З Кременчуга (мартъ, 78—80), З Млыновъ (май, 19—22), З Лубенського у. (май, 16—19), З Полтавы (февр., 52—54), З Старыхъ Санжаръ (май, 11—16)

6) *Украинськи прописі.* Полтава, 1862. Ц. 4 коп.

1863 г.

1) Въ «*Вечерницяхъ*». Рочникъ II.

Стихотворенія. **Сирота:** Плачъ Іереміі (№ 16), Споминки про Богдана Хмельницького (№ 13), Украінська нічъ. Олені Василевні С—л—д—кій (№ 14),

2) Въ «Галичанинѣ». Книга I, Выпускъ II.

Стихотворенія. **Верниволя Ѳ.** До В. В. Лободы (стр. 13), До родини (11), Журба (14), Моя любовь. Ганнѣ Викентьевнѣ П... (16), На прощанье. Г. М. С. (16), На смерть Я. Г. Кухаренка. Степану Як. Кухаренкови (13—14), Не вѣрю клятвѣ я раба (12—13), Не призывайте всуе Бога (12), Очи (15), Покрышка (14—15), Пѣсня. Оленѣ Михайловнѣ Филоферъ (12), Сама до себе. Ганнѣ Миколаевнѣ С... (15), Сирота (15), Усе плаче! Д. П. Пильчикову (11—12).

Конисскій Александръ Я. Загублена душа. Бретонська баллада зъ феодальныхъ часовъ (8—11).

Разсказы. **Верниволя Ѳ.** Пропащи люде. Оповиданье. Ганнѣ Олексіевни П-а-ч-к-в-о-й (60—68).

3) Въ „*Галичанинѣ*“. Книга I, Выпускъ III и IV.

Стихотворенія. **Сирота зъ Украины:** Братьямъ на Вкраину (№ 2), До П. М. Ар...т-а (4), До себе (4—5), До старои моеи неньки (3), Послѣдній день. Ив. Ант. Криштофу (3—4), Спокою рабского не хочу я (2).

4) Въ «*Словѣ*». Рочникъ III.

Стихотворенія. **Верниволя Ѳ.** Пустка. (№№ 94—96).

Корреспонденціи. **Верниволя Ѳ.** Зъ Полтавы (№ 1); **Сирота.** Зъ Полтавы (№№ 5, 29).

5) *Арихметика або щотниця.* Спб. 1863. Ц. 5 коп. Видано Н. Костомаровымъ.

1864 г.

1) Въ «*Словѣ*». Рочникъ IV.

Стихотвореніе. **Верниволя Ѳ.** Прощанье Чайдъ—Гарольда. По Мицкевичу. Моему щирому и любому пріятелеви Леону Ковальскому (№ 100).

1865 г.

1) Въ «*Метѣ*». (Первый годъ изданія).

К. Маруся. Критичний оглядъ українськои руськоі драматичноі літератури. Зъ московського журнала „Русская Сцена" (стр. 532—535).

2) Въ «*Словѣ*». Рочникъ V.

Стихотвореніе. **Перебендя.** Надѣя (№ 93).

1866 г.

1) Въ «*Русалкѣ*» (всего 11 №№).

Стихотворенія. **Верниволя Ѳ.** Елегія (№ 5), Памяти В. Щ. (№ 6); **Перебендя:** Де вы? (№ 1), До А. Ф. К. (№ 2), До дивчины (№ 8), До М. В. В. (№ 4), До русалки! Присвячено руськимъ академикамъ у Львовѣ (№ 3). Думка. Ст.... К... (№ 7), Памяти великихъ. Въ роковины смерти Тараса Шевченка (№ 9); **Сирота** (на вигнаньи): В. В. М....чу (№ 11).

Разсказы. **Сирота.** Споминки давнего. Школа (№№ 3, 6, 9); **Журавель.** Передъ свѣтомъ. Оповиданье для людей нового часу. Присвячую любой моѣй жѣнцѣ (№№ 6—11).

Критич. статья. **К. Маруся.** Критичный оглядъ украинськои [руськои] драматичнои литературы. Зъ московського журнала „Русская Сцена" (№№ 5—7).

2) Въ «*Читанкѣ руской для низшои гимназіи.* Часть II. Львовъ».

Стихотвореніе. **Конисскій Александръ.** Доля (стр. 75—76), Зима (66—67).

1867 г.

Въ «*Правдѣ*» (1-й годъ изданія).

Стихотвореніе. **Вернволя**: На смерть С....а С—а М—к—а (№ 17).

Конисскій Александръ Я.: У селі (№ 12). Частина зъ поеми Войнаровськый». Перекладъ зъ Рилѣева (№№ 14, 21).

Полтавець: Думка. (И я въ неволи, на чужинѣ (№ 7).

По—О. К.: До небоги (№ 5).

И....ъ Мое бажання (№ 1).

Сирота: До братівъ товаришів по долі. Прологъ до поеми „Острожникъ" (№ 6), Пісня (№ 16), Частина зъ поеми «Острожникъ» (№№ 10, 19, 22).

Критическія, статьи.

О. П.: а) Сватання невзначай, драма въ шести діяхъ. Написавъ О. Цись; б) Ятрівка, драма въ пяти діяхъ зъ прологомъ Написавъ О. Цись (№№ 1—2).

1868 г.

1) Въ Сборникѣ «*Торонскій Алексѣй. Руская читанка для высшой гимназіи. Томъ Ш.* Ч. І. Львовъ».

Конисскій Александръ. *Стихотворенія*: Весна и зима (стр. 480—481), Левъ та барсъ. Басня зъ Крылова (481—482), На прощанье (472), Петро (478—480), Пророкъ (Зъ Лермонтова) (483), Сирота (482) (Всѣ эти стихотворенія были напечатаны въ предыдущіе годы въ вышеуказанныхъ изданіяхъ).

1869 г.

1) Въ „*Правдѣ*". Р(окъ) Ш.

Стихотвореніе. **Яковенко.** Зъ сербського (№ 4).

1870 г.

Въ «*Правдѣ*». Рочн. IV.

Стихотвореніе. **Яковенко.** Нива (№ 2).

1871 г.

1) Въ сборникѣ «*Барвинскій Александръ.* Руска Читанка для высшои гимназіи. Ч. Ш. У Львовѣ».

Стихотворенія. **Конисскій Александръ**: Весна и зима (157—158), До П. М. Ар...т—а (160—161), *Дуброва* (154—155), Думка (И за що, за що, Боже милый), (162), *Завтра* (155), Заповѣдь (161—162), Зъ святого письма. Іефѳаева Дочка (162—163), *Люби другихъ, якъ самъ себе* (157), Моя доля (158), *На прощанье* (160), На смерть Я. Г. Кухаренка (159), *Обжинки* (155—156), *Отъ гулькъ! до мене злодій влізъ* (154), *Що найгирше* (158). (Стихотворенія *курсивомъ*—напечатаны въ этихъ изданіяхъ впервые).

2) Въ сборникѣ „*Партыцкій Емиліанъ. Руска читанка для низшихъ клясъ середнихъ школъ.* Ч. II. У Львови».

Стихотворенія. **Конисскій Александръ**: Елегія (стр. 83), *Микола*, Надъ моремъ, *Наука Христова* (стр. 84) (Стихотворенія *курсивомъ*—въ этотъ изданіи впервые).

Разсказы. **Конисскій Александръ.** Мій першій приходъ до школы (стр. 122—123).

3) Въ сборникѣ „*Читанка руска для низшихъ клясъ середнихъ шкилъ.* Часть I. Во Львовѣ".

Стихотворенія. **Конисскій Александръ**: Зима (стр. 430), При видъѣздѣ (стр. 449), У селѣ (428—429).

1874 г.

Въ «*Правдѣ*», рочникъ VII: З Украіни (№ 5, 229), Подорож од Полтави до Гадяча (№ 10, 11, 13).

1875 г.

1) Въ „*Ластовкѣ*". Львовъ. Р(очникъ) VII.

Стихотвореніе. **Верниволя Ѳ.** Бѣдна дитинка и недобри люди (№ 24).

2) Въ «*Правдѣ*». Рочникъ VIII.

Стихотворенія. **В-р-ля Ѳ.** До ватажка (№ 5) Думка (Тихо округъ мене) (№ 18), На память 10 січня 1865 р. М. А. К. (№ 9), Старий (№ 15). Тобі сусідоньки сказали (№ 5).

Розсказы. **К—ий О. Я.** Моі давні знаёмі. Етюды з жита: Дмитро Кипш (№ 24), Марта Михайловна Перепечка (№ 20), Сила Федоровичъ Гарбуз (№ 21).

Яковенко О. Семен Жук и ёго родичі. Хроніка (№№ 1—10, 16—20, 22).

Критическ. статьи. **Кошовой О.** Коли ж вияснится. За проводом новісти И. Левицкого „Хмари“ (№№ 19, 20). До всіх живих руских людей (№ 23), Політичні часописи на Україні (№ 17), Літературні злочинства (ст. 931—933).

1876 г.

1) Въ *«Газетѣ Шкильній»*. Рочникъ II.

Стихотвореніе. **Конисскій О.**: Елегія (№ 22).

2) Въ *«Правдѣ»*. Рочникъ IX.

Стихотворенія: **В-р-ля Ѳ.** В больниці душевно-недужих (№ 10), До музи (№ 8), На Тарасовій могилі (№ 12), Наша пісня (№ 5).

Перебендя О. На березі моря (№ 5), На 15-ти роковини смерти Т. Шевченка (№ 5).

Разсказы. **К. О. Я.** Моі давні знаёмі. Етюди з життя: Бродяга Иванъ (№№ 10, 11).

О. Я.: Наймичка. Оповідане (№№ 21—22).

Критическія статьи и замѣтки. **Дрибный.** Ліки своєнародні. З домашнёго обиходу и в картинах життя. Київ, 1875 (№ 5), Про холеру. Київ, 1875 (№ 5).

Кошовой О. Збірник творів Іеремія Галки. Одесса, 1875 (№№ 3, 4), Про кари, до якихъ присуджують мирові суді. Київ, 1875 (№ 4).

1877 г.

Въ „*Правдѣ*“. *Рочникъ X-ий.*

Стихотворенія. **Перебендя. О.** Думка (На скелі високій—снжу одинокий) (№ 22), Скорбні пісні (№ 22), Українська пісня (№ 22).

Мелкія статьи. **Вакула изъ Лубенъ.** Моі хуторні сусіди (№ 1)

1878 г.

Въ „*Правдѣ*“. *Рочникъ XI. Томъ* I.

Стихотворенія. **Перебендя.** Біля церкви (стр. 233), Картинка (стр. 232), Марусі Ф. (231).

2) *Тамъ же*, Томъ II.

Разсказы. **К. О. Я.** Моі давні знаёмі. Етюди з життя: а) Бабуся Харитина (стр. 90), б) Павло Бодько (стр. 42)

Корреспонденція. Изъ Кіева (Историческое Общество Нестора-Лѣтописца) (№ 24).

Статьи. Сёгочасне літературне прямування. Ч. I (№ 11).

1879 г.

1) Въ „*Правдѣ*“. *Рочникъ XII-ий.*

Стихотворенія. **Перебендя.** Скорбні пісні (стр. 505).

2) Въ сборникѣ „*Ромончукъ Юлінъ. Руска читанка для низшихъ клясъ середнихъ школъ.* Часть I. У Львовѣ“

Стихотворенія. **Конисскій Александръ:** Зима (стр. 230), *При видъѣздѣ.* (245), *У селѣ* (237).

1880 г.

1) Въ *«Зорѣ. Рочникъ перший».*

Статья. **О. К.** Михаилъ Куземскій (№ 4).

3) Въ „*Правдѣ. Рочникъ XIII*, въ № 4—6 (стр. 195).

1881 г.

1) Въ „*Антольогіі руській*“. У Львові.

Стихотворенія. **Верниволя Θ. Я.:** *Вітер* (73), *Вйіздячи на Вкраіну* (153), *Калiка*, *Каторжний* (101), *Тюрма за волю* (33); **Конисскій Александръ:** Думка (стр. 173), Коли б, (45) Мое бажання (6), Моя любов (26), Одного бажаю (131), Сиротина (стр. 145).

2) Въ „*Сьвіті*“. Рочник I.

Стихотворенія. **В-р-ля Θ.** Вйіздячи на Украіну (№ 1), Думка. (На скелі високій сижу одинокий) (№ 6), *Зоря* (№ 8, 9), *Філантропія* (№№ 11—12); **Перебендя:** *Бувае інколи порою* (№№ 8, 9), *В ясну ніч у садок* (№ 7), *До Миколи Лисенка* (№ 10), *Моі кучері опали* (№ 8, 9), *Молитись хочу! слів немае* (№№ 8, 9), *Не для мене прийшла* (№№ 8, 9), *Отак, не вирвавшись на волю* (№ 7), *Сквитованє* (№ 11, 12).

Разсказы. **К—ий О. Я.** Моі давні знайомі. Етюди з життя: Антін Калина (№№ 11, 12)

Статьи: **К.** Відчити з історіі руско-украінського письменства XIV віку (Котляревскій, Гоголь, Боровиковскій, Гребинка, Бодянскій, Гулакъ-Артемовськый) (№№ 1, 2, 8, 10); **Шкода Степанъ:** Листи з дороги (№№ 8—12); **Θ. В.:** Листи про Ірляндію (№№ 10—12).

3) Въ *«Дѣлѣ. Рочникъ II».*

Конисскій Александръ: Листъ зъ Кіева до редактора «Дѣла» (№ 74).

4) Въ сборникѣ «*Луна*». Кіевъ, 1881.

Стихотворенія. **О. К.** Скорбна пісня (стр. 9); **Перебендя.** На березі моря (стр. 10), Просты (стр. 58); **А Конисскій.** Божевільна (стр. 11); **Федоръ Верниволя.** Думка.

1882 г.

1) „*Світъ*". *Рочникъ III.*

Стихотворенія. **В-р-ля Ѳ.** Ніч (№ 13); **Перебендя.** Скорбні пісні (Ізо дня в день, із віку в вік) (№ 15).

Разсказы. **К. О.** Із життя хуторян в Полтавщині (№ 16, 17), Антон Калина (№ 14); **безъ подписи:** И ми—люде! (№№ 15, 18—21).

Статьи: **Конисскій Александръ Я.** (автобіографія съ портр.) (№ 13); **К.** Відгинти з історіі русько-украінського письменства XIX віку (№ 14); **Ѳ. В.:** Листи про Ірландію (№ 13, 14).

1883 г.

О. К. Перша граматка, або чытанка. Кыевъ, 1883 г. Ц. 10 к.

1884 г.

1) Въ „*Зорѣ*". *Рочникъ пятый* (два рази въ мѣсяць).

Стихотворенія. **Перебендя:** Вѣрна дружина (№ 14), Зъ скорбныхъ пѣсень (№ 3), Сподѣване (№ 13).

Разсказы: **К. О. Я.** Музика Павло Драитусъ (№№ 18—19), Порвани струни (№№ 6—11).

Статьи. **Жукъ Семенъ:** Листи зъ Полтавщины (№№ 2, 8, 9, 15, 24, 25, 48, 49, 85, 99); **К. О. Я.:** Павло Чубинський (некрологъ) (№ 10); **Кость Одовець:** Очерки изъ исторіи украинской литературы XIX ст. Н. И. Петровъ, Кіевъ, 1884 (№№ 43, 44—46, 54, 55, 61, 62); „Руска Библіотека", томъ III. Критична замѣтка (№ 86).

3) Въ „*Календарь ілюстров. Товарищества „Просвѣта" на рикъ 1885*".

Разсказы. **Конисскій Александръ Я.** Пастухъ Кузьма Шило (стр. 1).

4) **Конисскій Александръ Я.** Порвалась нитка! Комедія на чотырп справы. Написавъ Олександеръ Я. Конисьній. У Львовѣ (накладомъ Ивана Белея). Зъ друкарнѣ Товарищства ім. Шевченка, 1884, 8⁰, стр. 73+1.

1885 г.

1) Въ *„Альманахъ буковинскомъ въ память общества «Союзъ» въ Черновцяхъ“.*

Стихотворенія. **К. Я.** До рускои молодежи (стр. 36), Мати (36), Смерть ватажка перехожихъ. За Фрайлигратомъ (39).

Разсказы. **К. О. Я.** Кохание въ останне (стр. 76).

2) Въ *«Буковинѣ». Рочникъ I* (2 раза въ мѣсяцъ).

Стихотворенія. **Перебендя О.** Заспѣвъ до поемы „У Гуцуливъ“ (№ 3).

3) Въ *„Зорѣ“.* Рочникъ шестый.

Стихотворенія. **Перебендя.** Давно а нынѣ (№№ 15, 16), Доля славы (№ 13); **Перебендя О.**: Розмова Музы зъ поетомъ. Перекладъ изъ Альфреда Мюссе (№ 8).

Разсказы. **Дроздъ.** Въ гостяхъ добре, а дома лѣпше. Зъ житя рускои емиграціи (№№ 8—19); **К. О. Я.** Чи злочинець, чи недужий? Зъ карнои хроники (№№ 3—5); **Конисскій О. Я.** Драма в тюрмі (№ 23).

Статьи. **Жукъ Семенъ.** Нова громада. Поема В. Кострицького (№ 19); **Конисскій Александръ Я.** Микола Костомаровъ. Некрологъ (№ 3).

4) **Дроздъ.** Въ гостяхъ добре, а дома лѣпше. Зъ житя рускои емиграціи. Историчне оповѣдане Дрозда. Передрукъ зъ „Зорѣ“. Львовъ. Зъ друкарнѣ Товариства имени Шевченка, 1885, 8⁰, стр. 165.

5) Въ *«Календарь ілюстр. тов. «Просвѣта» на рикъ 1886.*

Статьи. **Жукъ Семенъ.** Зъ исторіи Руси—Украины. Писля Миколы Костомарова (стр. 33).

6) Въ *«Дѣль. Рочникъ VI».*

Статьи **Конисскій О. Я.** Микола Костомаровъ. Мои згадки про него и его листы (№№ 49—52).

7) *Лисенко Николай.* Имнъ на жѣночи голосы зъ аком. фортепіана. Слова **О. Я. Конискаго.** Бібліотека музикальна. Выпускъ Ш. Львовъ. У Львови, 8⁰.

8) *Красюченко.* Юрій Горовенко. Романъ. Львовъ, 1885. Выдане Руско-Укр. Бібліотеки.

9) *Яковенко.* Фотографіи зъ старого альбому. Кіевъ, 1885 г. (Марта Перепечка, Бабуся Харитина, Музика Павло Драгусъ).

1886 г.

1) Въ «*Буковинѣ*». *Рочникъ II.*

Разсказы. **К—ій О. Я.** Капитанъ Гуля. Эскизъ (№№ 10, 11, 12); **Конисскій О. Я.** Занѣвечене житье (№№ 16—19).

2) Въ «*Дѣлѣ. Рочникъ VII*».

Статьи. **Одовець Кость.** Михайло Максимовичъ. Біографічна замѣтка (№№ 56, 57).

3) Въ «*Зорѣ. Рочникъ VII*».

Стихотворенія. **Конисскій О. Я.** Проповѣдь на горѣ (№ 22).

Разсказы. (**Жукъ Семенъ**). Зъ житя на селахъ. Фотографіи (№№ 1, 11); **Конисскій О. Я.** Отакъ були вскочили! Зъ народныхъ устъ (№ 18, 19).

4) Въ „*Календарѣ буковинскомъ на рикъ 1887*“.

Разсказъ. **Конисскій О. Я.** До чого доводить людей горѣлка.

5) Въ «*Календарѣ ілюстр. товар.. «Просвѣта» на рикъ 1887*».

Стихотвореніе. **Яковенко.** Елегія (стр. 45).

6) Въ книгѣ «Исторія Украины за часивъ Петра Великого и Катерини II: Павло Полуботокъ. Петро Кальнишевский. Видане Товар. «Просвѣта» (ч. 89). У Львовѣ“,—авторъ очерка „Петро Кальнишевский“—**Кость Одовець**.

Статьи: **Конисскій О. Я.** Женщины-профессоры на университетѣ въ Болоньи. Писля Никитенка (№№ 20—23), Жѣноча освѣта на Украинѣ (№№ 3, 4).

2) Въ „*Дѣлѣ. Рочникъ V*“.

7) *Костомаровъ Ник. Ив.* Исторични монографіи Миколи Костомарова. Т. I. Руска исторична библіотека подъ редавціею Олександра Барвѣнского. Томъ II, въ Терноволѣ». Содержитъ: а) Двѣ Руски народности (въ переводѣ Ѳ. В.) (стр. 1), б) Нарысы народнои украинсько-рускои исторіи (въ переводѣ **Дрозда** и Уманца) (стр. 93).

8) Въ томѣ V „Рускои Историчнои Библіотеки“ — *Смирновъ М.* Доля Галицкои Руси до злученя еи съ Польщею—переводъ **Ѳ. В.** (стр. 1).

9) Въ Сборникѣ «*Партыцкій Емельянъ. Руска Читанка для III клясы шкилъ середныхъ» Львивъ*».

Стихотвореніе. **Конисскій Александръ.** До доньки (стр. 310).

Статья. **Конисскій Александръ.** Степы. Сѣнокосы въ степахъ (стр. 211).

10) Въ Сборникѣ «*Партыцкій Емельянъ. Руска Читанка для IV клясы шкилъ середныхъ*». Львовъ».

Разсказы. **Дроздъ.** Въ Кленовцѣ (стр. 241), Ночлѣгъ (стр. 187)

11) Въ книгѣ «*Романчукъ Юліанъ. Руска Читанка для низшихъ клясъ середнихъ школъ.* Ч. I. У Львовѣ».

Стихотворенія. **Конисскій Александръ:** Зима (стр. 255),), При водъѣздѣ, (стр. 261), У селѣ (стр. 253)—всѣ были напечатаны въ предыдущіе годы.

12) *Порвани струны.* Виршы. Житомыръ, 1886. Ц 20 коп.

1887 г.

1) Въ «*Библіотекъ для молодьжи*». *Въ Черновцяхъ. Рочникъ III*».

Стихотвор. **Конисскій Александръ:** Сиротина (стр. 161)

2) Въ „*Буковинѣ*". *Рочникъ III.* Разсказъ. **Конисскій Александръ Я.:** Черничка (№№ 19, 20).

3) Въ «*Ватрѣ*». *Въ Стрыю Стихотвор.* **Перебендя О.:** Скорбни пѣснѣ (стр. 11).

Разсказы. **Конисскій Александръ:** Сѣчовикъ. Зъ подорожи по хуторахъ Украины (стр. 20—37).

Статьи. **Конисскій Александръ:** Біографични замѣтки (нѣкоторыя данныя къ біографіямъ: Василя Гречулевича, Петра Охоцкого—Огіевского, Александра Ильича-Шишацкого, Петра Кузьменка, Анатолія Свидницкого (стр. 105—118); Публични и приватни архіви на Украинѣ (стр. 166—168).

4) Въ «*Дѣлѣ. Рочникъ VIII*». Разсказы: **Конисскій Александръ Я.** Казенный млынъ. Розповѣвъ Мартинъ Химуля (№№ 36—38), Конокрадъ Иванъ Дранка. Зъ споминокъ адвоката (№№ 33—34), Не люби двохъ. Зъ устъ послушныцѣ Чернички Ксенія (№№ 66—67)

5) Въ «*Зорѣ. Рочникъ VIII*». Стихотв. **Перебендя:** Бенкетъ у царя Ирода (№ 2), Казка (№ 17), Марево (№ 12).

Разсказы. **Конисскій Александръ Я.** Браты Чепѣги. Фотографія зъ народного життя (№№ 15—16), Доля одного письменника. Ескизъ зъ натуры (№ 3); Попови грушѣ. Розповѣла стара дячыха (стр. 54—57); Чуднипригоди въ житю (стр. 24—28), Чотыри вечерѣ. Образки зъ життя народного учителя (стр. 111—114).

Статьи: Просвѣтный поступъ галицкои Руси за послѣдне десятилѣтіе (стр. 231—234), Освѣта на захидно-пиведенній Украинѣ (стр. 234—236; 259—262).

Статьи. **Конисскій Александръ Я.** Олександръ Атанасіевъ Чужбинскій (№ 4).

6) Въ „*Календарь*“ *ілюстр. Товар.* „*Просвіта*“ *на рикъ 1888. Разсказы.* **Конисскій Александръ Я.** Гарибальдій. (стр. 3—9); **Перебендя.** Батькивски слезы (стр. 50—64).

Статьи. **О. К.** Михайло Максимовичъ (съ портретом) (стр. 85—88).

1888 г.

1) Въ «*Буковинѣ*». *Рочникъ IV.* Стихотвор. **Конискій Александеръ.** Зъ скорбныхъ пѣсень (№№ 1—2). *Переводъ:* За що жь? Оповіданє Д. Мордовцева (стр. 22—24).

2) Въ «*Дѣлѣ*». *Рочникъ IX*». *Статья:* **О. Я. К.** Шляхта на Украинѣ (№№ 54—56, 62, 66).

3) Въ изданіи: «*Зерна. Літерат.-науковий додаток до «Буковини» за р. 1888. Чернівці.* Стих. **Перебендя:** Весна (стр. 3—5).

4) Въ «*Зорѣ*». *Рочникъ IX. Статья.* **Конискій Александръ Я.** Про Анатоля Свидницкого (№ 7). Разсказъ: Смерть Хруща (стр. 261—262) Статья. Де лѣпше? (ст. 53—55, 66—70).

5) Въ «*Календарь буковинск. на рикъ 1889*». Стихотв. **Конискій Александръ:** Безродный (стр. 75—76).

6) Въ «*Календарь ілюстр. тов.* «*Просвѣта*» *на рокъ 1889.*» Стихотвор. **Перебендя.** На веселому вечерѣ (стр. 47—48); Батьковськи слезы. Оповѣданне, стр. 50—64.

7) Въ «*Правдѣ*». *Рочникъ XIV.*

Стихотв. **Перебендя.** З скорбних пісень Перебенди (стр. 187—188); **Оповиданне** Анастасіада (№ 1, 29—39). **Статьи.** Народні болячки а урядові пластирі на Украіні (101—106, 169—178), Потреба реформи в осьвіті жіноцтва (I, 25), Потреба кафедри історіі Украіни (провідна ст.) (III, 145), Потреба морального вихованнѧ (провідна статя), (III, 145), Потреба історичн. знанія (пров. статя) (81, 85), Шевченко на столітніх роковинах) Щепкина (переводъ стати Н. Стороженка). (III, 188), Сучасне становище русинів (II, 85—88), Провідні статті (II, 149), Вісті: з Київа (I. 38; III, 178), Кременчуга (III, 182).

1889 г.

1) Въ «*Библіотекѣ для молодѣжи (74—85). Рочникъ V.*» Разсказъ. **Конискій О.:** Оповѣданя зъ бібліи. (ч. стр. 62—72, 84—86, 101—102).

2) Въ *«Дѣлѣ»*. *Рочникъ X.*

Разсказы. **К. О. Я.** Пѣвень. Оповѣданье (№№ 60—68), За кригою. Оповѣданье (№№ 36, 37).

3) *Перебендя.* Княгиня. Повість Тараса Шевченка. Переклад Перебенди. Передрук з II т. Правди 1889 г. Львів. Зъ друкарні Тов. імени Шевченка, 1889, 8°, стр. 27.

4) Въ *«Правдѣ»*. *Том II. Выпускъ IV—VI.*

Разсказы. **Перебендя. Княгиня.** Повість Тараса Шевченка. Переклад. (стр. 312), Пригоди в дорозі. С подорожі на Вкраіну (стр. 346, 416).

Статьи. **Ѳ. В.** Короткий огляд устрою держав европейськиx: Швеція та Норвегія (стр. 254, 408); Переводы: «Особый русскій языкъ» А. Пыпина (стр. 473), Про твори Шевченка історичного змісту проф. В. Б. Антоновича (стр 3371), Про твори Шевченка писані московською мовою.—ст. А. Пыпина (стр. 341). **Статьи:** Шевченкові малюнки (стр. 369), Де-що про штунду (IV, 29—34; V, 119—124); Бунти селян въ Київщині (V, 129—135), Про земельну власність (провідні статті) (IV, 7—113; VI, 107—182), Про батраків в Ірляндіі

То-же, том III, випуск VII—IX.

Стихотвор. **Перебендя О.** З скорбних пісень (стр. 62).

Статьи. **Жукъ С.** З огню та в полумя (стр. 182), **С. Ж.** До історіі кольонізаціі Чорноморья (стр. 124), Де-що про штунду (V, 62—65). **Оповидання.** За що його вибили? (кн. VII, 43—48), Теорія и практика (т. VIII, 125—133), Між бабами (замість фельетона) (VIII, 144—152), В тісної баби (IX, 202—217).

То-же, том IV, випуск X—XII. Статьи. **К.** До історіі українсько-руського письменства: Де-що про Опанаса Марковича (VIII, стр. 105); **С. Ж.** Вісті з Украіни (про селянський банки (стр. 226), Цукровий промисел на Украіні (стр. 198).; **Ѳ. В.** А. Лазаревскій. Описаніе Старой Малороссіи. Т. I, (стр. 15), Кольонізація Украіни від половини XIII до половини XV віку. Компіляція з статті проф. Буданова (стр. 115, 181); Нужди і потреби Украіни перед комиссією Катерини II (XI—XII, 132, 146); Народне здоровье (провід. ст.) Огляд політичний (VII, 65; VIII, 140; IX, 227), Про народне здорове (1, 226), Про фінанси Сполуч. держ. Пів. Америки (228), Кольонізація Африки німцями (230), Сучасна хроніка (VII, 75, VIII, 161; IX. 235), Вісті з Київа (XI—XII, 167), Некролог Зайончківськоі (VIII, 160), Некрольог Щедрина (Салтыкова) (V, 152).

То же, том I, вип. I—III. Стихотвор. **Псребендя.** З скорбних пісень (стр. 63), Ковалі (268).

Разсказы. **К—ій О. Я.** Козарський ланок. С хроніки одного села на Украіні (стр. 10, 86), Віщовання (кн. 35). Переводъ: Т. Г. Шевченко. Княгиня (II, 312—337). *Статьи:* Украінці замучені: в Соловецькому острозі (I, 263), Про руську азбуку (пров. статья) (стр. 222), На вічну память Котляревському (№ 5, 123), Провідна стаття про значіння Федьковича (I, 219), Пров. статя про Шевченка (II, 298), Пров. статья про Шашкевича (II, 302), Як треба поминать Шевченка (II, 305), Літер.-Наукова бібліотека Франка (II, 360), Пров. статья про Костомарова (III, 473), Бібліограф. замітки (Ib. 151), Переполох над свіжою могилою Шевченка (Перклад статьи Білика (268, 360), Провідні статті (I, 217; IV, 58; V, 145; VI, 241; VIII, 86; IX, 65; XI, 81—85); Огляд політичний (III, 461), Потреба реформи Літ. Товар. ім. Шевченка на Наукове (провідна статья) (II, 304—312), Шевченкові малюнки (II, 369), Сучасна хроніка (83, 158, 288, 373, 466).

5) *Кониcкій Александръ Я.* Оповѣданя. Передрукъ зъ «Дѣла». Накладомъ выдавництва «Дѣла». Львôвъ. Зъ друкарнѣ тов. им. Шевченка, 1889, 16°, стр. 1+141. Содержаніе: Конокрадъ Иванъ Дранка, Казенный млынъ, Не любы двохъ, За кригою, Пѣвень.

1890 г.

1) Въ *«Правдѣ»* —**О. Кониський.** Грішник (этюд), (I, 11—26), Боротьба (романъ) (I, 33; II, 124; III, 204; IX, 12; IV, 109; XI, 181; XII, 225). *Статьи:* про Белгию (I, 26; II, 120; III, 197). Переклад: Ів. Лучицький. Займанщина на Украіні (IV, 29); Провідні статі (IV, 1—6), Робітницьке витаннє (6—12), Огляд журналистики росийськоі (I, 67, 78; IV, 67—72), Бібліогр. замітки про твори Манжури (I, 85), Бібл. замітки про праці Комара, Яснопольского і інч. (IV, 72), Провідні ст. (I, 1—11; II, 90—96; III, 176—181), Ювилей Антоновича (III, 169—171), Утиски Финляндіи (179), Пров. статьи (I, 1—4; II, 70—72), Права чоловіка в імперіи Росийській (перекл. статьи Танѣева) (III, 219; IV, 40; IX, 101), Провідна ст. про становище поляків і русинів (I, 1—5), Сучасна хроніка (246), Вісті: з Киіва (I, 78; III, 240; XI, 205), З життя и Полтаві (споминки) (II, 106—119).

2) Въ «*Буковинѣ*» —Разсказъ: Памятне видѣне («Зъ моихъ споминокъ»).

3) Въ «Бібліотецѣ для молодѣжи. Черновци» (кн. I—VI)—карафейзія (переробка зъ сербськои мовы).

1891 г.

1) Въ «*Зорі*» —**Олександер Кониський**. Не попущу. Оповіданне (стр. 4—7); *Стих.* «З скорбних пісень Перебенді (стр. 327). Статьи: **Олександер Кониський**. На Шевченковій могилі (стр. 90), Памяти Трохима Зіньківського—Певного (стр. 273), До історіі українсько-руського письменства. Кілька слів про Василя Мову (стр. 394).

2) Въ «*Правдѣ*»—**О. Кониський**. Дівоча журба: Думка (кн. VIII, 95—97). Оповідання: Грішник (роман) (продолженіе) (I, 5; II, 73; III, 133), Пімста (етюд) (VII, 74—86) Переклад: Ів. Лучицькій. Займанщина на Украіні (IX, 145). Статьи: Украіна въ цифрах (V, 281; VI, 353), Розверстаніе угодій (VI, 380—391), Недорід і причини його (X, 212—218), Думки при роковинах Шевченка (II, 91), Народна память про Шевченка (Ів. 95), Історична місія Росіи (I, 31—34), Реформа німецьких шкіл (I, 34—36), Поступові придбання Росіи за 10 літ (II, 102; III, 151), Вісті з Бердичевського повіту (II, 108—113), Некролог Трохима Зайончківського (VII, 71), Некролог Потебні (XII, 375), Некролог Репніної В. (XII, 375), Некролог Репніна В. (XII, 275), Некролог Харитоненка (XII, 376), Некролог Черняшевського М. (?).

1892 г.

1) Въ «*Записк. Наук. Тов. ім. Шевченка*».—**О. Кониський**. Дитинний вік Т. Г. Шевченка (Критично-біографічний нарис), т. I, (87—123).

2) Въ «*Зорі*» —**Олександер Кониський**. Сестра жалібниця (фотографіі з холерного часу) (стр. 461); *Стих.* З скорбних пісень (стр. 6).

3) Въ «*Правдѣ*» —**Олекс. Кониський**. Оповідання: Непримиренна (оповія) (III, 129; IV, 193; V, 257). Де та правда? (XI, 17 719—125). *Статьи.* До історіі штунди (IV, 214—219), Придбання в музеі В. Тарновського (III, 157), Народня моральність на Украіні (III, 146), Провідна ст. Про еміграцію (XII, 741—744), Кобза, бандура, торбан (библ. замітка) (IV, 253), Огляд подій року 1891, (I, 19—25), Придбання Росіи (II, 79—84), Провідні статі (I, 1—5), Віщованія про

XX вік (II, 92; V, 281), Видатнійші реформи Росіи (XI, 675), Фінанси Росіи (XII, 745).

1893 г.

1) Въ «*Зорі*» —**Ол. Кониський.** Дід Евмен (стр 131); *Подорож в рідні села Шевченка* (стр. 48, 71, 92); **О. К.** Похорони Леоніда Глібова (стр. 481).

2) Въ *Правді*—Оповід.: Розстрига (240, 303, 360, 423, 472). *Статьи*: Міщанин Малёванний і професор Сікорський (353, 417, 405, 531), До життепису Шевченка (II, 73—90), Огляд подій в Европі за рік 1892 (I, 5, 16), Торішня ворохобня в Росіи (57; 233; 297), Надолисний ювилей (IV, 190—195), Записки Т. Шевченка (переводъ) (440, 486, 551, 607, 672), Некролог Глібова (XII, 698).

1894 г.

1) Въ «*Записк. Н. Тов. ім. Шевч.*—**О. Кониський**. Парубочий вік Т. Г. Шевченка до викупу з крепацтва (1829 до 1838). Критично-біографічний нарис (т. IV, 1—28).

Тамъ-же—Сообщ. о рефератѣ И. М. Каманина «Универсалъ Тимоша Хмельницькаго». (т. III, библ. 226—228).

Тамъ-же.—Сообщ. о рефератѣ Н. Н. Оглоблина «О Томской Литвѣ 1634 г.» (т. III, биб. 222 —225).

1) Въ «*Зорі*»—**О. Кониський**. Бенефіс Д. Пінунової (рецензія Т. Шевченка) (стр. 115); Шевченко підчас перебування его в академії художеств.—(ч. 16—21, и отдѣльн. оттискъ—Львів, 1894; (рецэнз на него—Зап. Н. Тов. ім. Шевч., т, IX, библ. 27—31).

Олександер Кониський. Оповідання: Вісім день з життя Люлі (стр. 454, 472 и 493), Собача правда (стр. 435); Подорож по Україні. II. Въ Дахнівці (II, 34, 59, 81, 129, 156, 177 и 199). Спомінки: Дмитро Пильчиків (стр. 92).

2) Въ «*Правді*»—Оповідання—Вірна дружина (695, 711). *Статьи*: Банк селянський на Україні (37, 179, 244), Огляд політ. 1893 (I, 40—47), Епопея Федора Білецького (VIII, 542), Записки Т. Шевченка (переводъ) (21, 90, 159, 232, 291, 353, 425, 497, 577).

3) *Дидъ* Евменъ. Спомынкы бабы Уляны Красючкы. Записавъ Олександеръ Кониський. Виданне 2-е, У Черныгови, 1—24. Цина 5 к.

1895 г.

Въ «*Записк. Н. Тов. ім. Шевченка*» —**О. Кониський**. Тарас Шевченко в аресті (5 квітня до 23 червня р. 1847). (Критико-біографічний нарис). Т. V, 1—26). (Рец. см. въ т. IX, биб. 34—37).

Тамъ-же. Проба улаштовання хронольогіі до творів Тараса Шевченка. Частина трета (т. VIII, 1—20).

2) Въ *«Зорі»*—**О. Кониський**. Т. Шевченко підчас розцьвіту його кебети до арешту його (1845—1847) (№№ 5—14; отд. оттискъ Львів, 1895). (Реценз. на него—Зап. Наук. Тов. ім. Шевч. IX, библ. 31—34).

Тамъ-же. **Олекс. Кониський**. Грішники Повість. (стр. 1, 21, 41, 61, 121, 141, 161, 181, 201, 221, 241, 261, 281 и 301).

3) В *«Правді»*—Оповід. Через крикушу (435, 460), Вдова (95, 545, 569). В додатку до «Правды»—переводы: Е. Оржешко. *Великій* и Т. Г. Шевченко. *Наймичка*; *Статьи*: про Царя Миротворця (I, 55—61), Царьска запомога письменникам (II, 73—75), Петиціи Росийских земств до царя (III, 176—186), Хроніка Украінська (158, 228), Вісті з Украіни (541).

1896 годъ.

1) Въ *«Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка»*—**Кониський**. Тарас Шевченко на першому засланню ($^1/_{13}$ червня 1847—$^{17}/_{29}$ жовтня 1850). Критико-біографічний нарис. (т. XI, 1—62).

— *Тамъ же*: Тарас Шевченко на другому зосланню ($^{17}/_{29}$ жовтня р. 1850—$^2/_{14}$ серпня р. 1857) (Критико-біографічний нарис) (т. XIII, 1—76).

— *Тамъ же*—Тарасъ Шевченко підчас перебування його в Петербурзі (З 29 березоля 1858 до червня 1859 р.) (т. XIV, 1—42).

2) Въ *«Зорі»*. **Олекс. Кониський**: Листи з Криму. I. Київ-Симферопіль (стр. 13), II. Географічний і історичний огляд (34, 35), III. З Симферополя до Алушти. Алушта. Татари і Зайди. Токмаков і Молотков. Стахеев. Бандероля (стр 112, 133). IV. З Алушти в Ялту (стр 151) V. Алупка (170, 191). VI и VII. Ялта (236, 255, 277 и 295). **О. Кониський**. Шевченко в дорозі до заслання (стр. 90, 117, 137, 156, 175, 195, 215, 237 и 256) (Рец. въ Зап. Н. Тов. ім. Шевч. т. XVI, библ. 1—4). **Ол. К—ий**. Іраклій і Агата Ускови (стр. 100).

3) Въ *«Кіевской Старинѣ»*, № 4, отд II, стр 1—2,—«Время написанія Шевченкомъ картины «Катерына.»

4) Въ *«Правді»*.—З подорожі на той світ (180, 196, 208, 243, 255), Вісті з Стародуба (393).

5) *О. Кониський*, У тиснои бабы (оповид). Кыивъ, 1896. ц. 5 к.

6) Дидъ Евменъ. Спомынкы бабы Уляны Красючкы. Запысавъ Олександеръ Кониськый выданне трете у Кыиви, 1—32, ц. 5 к.

1897 г.

1) Въ «*Записках Наук. Т. ім. Шевченка*». **О Конисскій**: До родоводу Конисскихъ (т. XVI. 2—4).

Тамъ же,—Тарасъ Шевченко підчас останньої його подорожі на Украіну ($^{3}/_{15}$ червня до $^{7}/_{19}$ вересня 1859 г.) (т. XV, 1—35).

Тамъ же: Тарас Шевченко в останні часи свого життя (7 вересня 1859 до 26 лютого 1861 р) (т. XVI, 1—70).

Тамъ же: Проба улаштованія хронольогіі до творів Тараса Шевченка. Частина друга (т. XVII, 1—22).

Тамъ же—рецензія на книгу: «Величко Гр. Др. Народописна карта укр.-руського народу. Коштомі и заходом тов. „Просьвіта“ у Львові. 1896. (Т. XVI, Библ. 42—45).

Тамъ же—рец. на журн. «Русская Старина за 1896 г.»—(т. XX, Н. Хр., 12—13).

2) Въ „*Зорі*“—**Конисскій О. Я.** Малюнки сучасного життя на селах. Баба Явдоха (стр. 261, 281, 301, 321); Безщасний. Переклад **О. Я. Конисского** (стр. 87, 101, 121); Лейла. З сербського. Переробка О. Я. Конисього (стр. 461); статья: Похорони Т. Шевченка (стр. 81).

1898 г.

1) Въ „*Літер.-Наук Вістнику*“.

О. Кониській: Обшир і людність росийської Украіни (т. I, кн. I, стр. 1—7), Въ тумані (дійсність і галюцинації) (кн. II, стр. 135—139), Стихотв. „З скорбних пісень Перебенді“ (кн. X, стр. 47—49), Хоча б була постаті дожала, (стр. 255—261).

2) Въ „*Руслані*“—**О. К.** «Цікава сторінка з минулого» (ч. 137—142).

3) Въ „*Записках Наук. Тов. ім. Шевченка*“—**О. К.** Реценз. на „Н. Барсуковъ. Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ и А. Н. Майковѣ. Спб. 1898 (т. XXV, библ. 43—45).

4) **Олександеръ Конисьский.** Тарас Шевченко—Грушівський, хроніка його життя. Т. I. Ювилейне виданне товариства. У Львові, стр. 1—252, in 8°.

5) **А. Я. Конисскій.** Жизнь Украинскаго поэта Т. Г. Шевченка. Одесса, 1—728. Ц. 1 р. 75 к.

1899 г.

1) Въ «*Літерат.-Наук. Вістнику*»—**О. Я. Конисьский.** Сікутор. З подорожних заміток (кн. X, 251—258).

2) *Творы. О. Я. Конисского-Перебенди* Т. I. Оповидання (Дядъ Евменъ, Непрымыренна, Баба Явдоха, Хвора душа). Одесса, стр. 1—223, in 8°. Ц. 50 к.; т. II. Оповидання (У тиснои бабы—Млынъ.—За крыгою.—Отакъ були вскочылы!—Завертка.—Народня Педагогія.—Не любы двохъ.—Конокрадъ.—Музыка Драитусъ.—Надіи.—Марта Перепичка.—Бабуся Харытына). Одесса, стр. 1—214. Ц. 50 к.

1900 г.

1) Въ „*Записках Наукового Товар. ім. Шевченка*"—**Олекс. Коиіський**. Варіянти на декотрі Шевченкові твори (томъ XXXIII, стр. 1—16).

2) Въ газетѣ „*Днѣпровская Молва*"—**А. Я. Конисскій.** Объ изученіи личности Т. Г. Шевченка (№№ 7—9) (Отд. оттискъ. въ Екатеринославѣ, 1900, стр. 1—16).

Тамъ же,—Воспоминанія о Полтавѣ въ началѣ 60-хъ годовъ (№ 3).

3) Въ «*Літерат.-Наук. Вістнику*» —**О. Коиіський:** За плахту. Оповіданне (кн. III. стр. 273—280), До життеипсу М. О. Дикарева (кн. X, XI, стр. 10—29, 75—91).

4) *Творы О. Я. Конисского-Перебенди.* Томъ третій. Ялта, 1900, стр. 1—421, in 8°. Змистъ: Гришныкъ, Спокуслыва ныза, Сестра жалибныця, Прыгоды въ дорози, Смерть предателя, Ранкомъ въ Алупци, Радощи и скорботы велыкого скрыпныка, Пытання, Зъ ранку до ночы, Поэтка, Стари люде, Протестантъ, Иванъ непомнящій родства, Наймычка, То йому за чужи груши, Хоча б була постати дожала, Въ сели, Пимста, Спафаріева Рулка.

5) **О. Конисскій.** Грошолюбка. Выдання трете. Черкассы. 1900, № 13. Ц. 5 коп.

6) Дидъ Евменъ. Спомынкы бабы Уляны Красючкы. Записавъ Олександеръ Коиіськый. Виданне 3-е (4-е?). Харьковъ, 1900, 1—29. Изданіе Комитета Харьк. Общ. распространенія въ народѣ грамотности. № 56.

7) Въ сборникѣ стихотвореній «Викъ. 1798—1898. Кіевъ, 1900» —*Стихотвор*: Проповидь на гори, Мое бажання, Ратай, Не прызывайте всуе Бога, Сыротына, У-сели, Биля моря, Сподивання, До старои моеи неньки, Думка, Зъ скорбныхъ писень (1—4) (стр. 192—208).

8) Посмертное изданіе—въ «*Руслані*» —(№№ 177—178 и слѣд.)—«З писань Ол. Я. Коиіського. Кумедні пригоди». Глава I).

Что-же касается русскихъ періодическихъ изданій, въ которыхъ принималъ участіе покойный Ал. Яковлевичъ, то здѣсь—представить хотя-бы даже краткій перечень произведеній—пока не представляется возможности. Можемъ отмѣтить, согласно собственноручнымъ записямъ покойнаго, лишь заглавія изданій, въ которыхъ онъ сотрудничалъ: Театральный и Музыкальный Вѣстникъ, Русская сцена, Порядокъ, Страна, Молва, Искра, Судебный Вѣстникъ, Семья и Школа, Педагогическій Музей, Заря, Московскій Телеграфъ, Земство, Земскій Обзоръ, Новороссійскій Телеграфъ, Днѣпровская Молва, Русская Мысль (о Шевченкѣ, 1894), Вѣстникъ Европы (о Галичинѣ, 1886 г.; о Федьковичѣ, 1888, февр.), Журналъ для всѣхъ (Біографія Т. Г. Шевченка, 1900).

На обязанности почитателей таланта покойнаго Ал. Як. и его ближайшихъ друзей—соратниковъ лежитъ священный долгъ—собрать все, что было имъ написано за все время болѣе чѣмъ 40-лѣтней литературной дѣятельности,—трудъ, разумѣется, не легкій! Но этимъ будетъ достойнымъ образомъ оказана дань уваженія памяти неутомимаго труженика на благо и преуспѣваніе родного края и народа.

В. Доманицкій.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Конотопская старина по устному преданію. Недавно мы имѣли возможность пересмотрѣть нѣсколько десятковъ тетрадей разныхъ *записей изъ живыхъ устъ*, почтеннаго малорусскаго этнографа Ст. Дан. Носа (нынѣ пораженнаго нервнымъ ударомъ); нѣкоторое понятіе объ этихъ *записях*ъ могутъ дать приводимые здѣсь ихъ отрывки. Безконечно жаль будетъ, если эти единственные въ своемъ родѣ сборники, начатые съ 1855 г., не будутъ сохранены. Желательно, чтобы на нихъ обратилъ вниманіе какой-нибудь меценатъ [1])...

А. Л.

—

Помищикъ —ровичъ прызнавъ станового, щобъ подвергнуть наказанію чоловика—300 ударовъ ризгамы.—А за що?—за те, що долженъ бувъ чоловикъ вернуться изъ соломою (изъ сосѣдняго хутора) въ десятому часу, а вернувся въ 12-му, оттого, що гололедыця и беригъ скотыну, щобъ не побыть.—ровичъ давай ёго лаять, а дали позвавъ людей, щобъ высикты.—За що-жъ вы будете сикты?—одправте мене въ судъ, нехай судъ насъ розбере, чы я выноватъ?—Ахъ ты, якой-такой сынъ, ты смѣешъ говорить!—Станового!—Той давъ трыста, да въ стану—трыста одъ себе прыбавывъ, щобъ показаты прыязнь пану ликарю (—ровичъ бувъ ликаремъ) и якъ жинка або дытина заболіе, щобъ поличывъ...

—

[1]) Во время печатанія этой замѣтки, получено извѣстіе о смерти Ст. Д. Носа, въ г. Городнѣ, Черниговск. губ.

Пасичныкъ того-жъ —ровича та впустивъ роя (пчелъ); винъ звеливъ закувать его въ путо, щобъ такъ у-пути глидивъ пчолъ. Разъ полизъ (пасичникъ) на дерево, зачепывся путомъ; тамъ-бы бувъ ёму и капутъ, якъ-бы люде не одчыпылы. Поты того мучывъ, покы зъ свита зигнавъ чоловика...

—

Пипъ о. Петро—винъ десь зъ малку при манастыри бувъ. Було приходить чоловикъ да й пытае: що визьмете за винчання, паноче?—То винъ було: що мылость твоя!—Пивкипкы визьмете?—Спасеть Бигъ!—Тоди було пипъ, якъ становытся на прыходъ, заразъ було бере подпыску одъ людей що його прыймають. Було умовляются—поскилько за винчання братыме, за хрестыны, похороны... А тоди вже йиде до архіерея.—А теперъ громады и знать не хоче! Ище о. Александръ, якъ становывся попомъ у нашому сели, такъ громада: «мы не знаемо васъ, може вы зъ насъ будете лышне брать. Якъ дасте подпыску, такъ и оставайтесь у насъ попомъ!» Ище я покойному пысавъ и подпыску. Винъ на мене за те трохы и сердывся... Тоди було времья не таке, якъ теперъ. Покойный о. Петро було ходыть у нагольному кожушку, у *кучмочци*, а було, якъ служыть, дакъ и дратву на рукахъ знать: шые було покойный чоботы.

—

Заньковычъ, маршалъ, скилько наробывъ дворянамы!—половыну Озарычъ (село) наробывъ дворянъ.—Голову сахару або бочонокъ вына прывезе... А въ того бувъ пысьмоводытелемъ Прасолъ, батько Ивана Федоровыча,—свидытельство напыше, що зъ дворянъ, тоди въ ратушу на службу, до Пинчука, щобъ у ратушу опредплывъ.—Що-жъ винъ умie пысать?—Та вже шрябае!—Ну, нехай ходыть!—А черезъ чотыри годы представляють, и чынъ получывъ...

—

На *Марусю* посадыть—значыть закувать за шыю и прыкувать до колоды. Такъ наказують у Николая Гаврыловыча крестянъ.

—

Преже бувало, якъ дытына не поважае батька,—люды объявлять попу: треба його прывьязать до дзвиныци и—привьязують для стыда...

—

Александръ Петровычъ, не мавшы способа ослобониться одъ того, щобъ не питы въ ратныкы (1855 г.), хлопотавъ про те, щобъ його отдали подъ судъ.

—

Цетро Петровычъ Скоропадскій запивъ у Чернигова, прыйихавшы у Черныговъ безъ одпуска. Отъ Павелъ Ивановычъ (Гесце), узнавъ про се, да й прысылае полицмейстера узнать про здоровье Скор—аго. А въ се времья бувъ тамъ фершалъ, котрый пускавъ кровъ Скоропадскому; дакъ полицмейстеръ прйихавши да й каже фершалу, щобъ винъ сказавъ, що губернаторъ прыславъ полицмейстера запытать про його здоровья.—Дакъ винъ выймае грывенныкъ изъ кышени, звернувъ його у трубочку, да й каже: на! однесы губернатору, скажы—стало-быть я здоровъ, колы звернувъ у трубочку грывенныкъ!

—

Ничымъ було суда (земського) [1]) топыть, бо тоди гроши не одпускалысь, а предпысаніе зробится на сѣла, щобъ доставылы дровъ, такъ черезъ годъ и доставлять... У суди холодно... Було, дилованія (заборъ) позабирають, порубають на дрова та въ сундукъ и поскладають, а на сундуци бумагы... Прыходять трусыть у судъ съ квартальнымъ, дывлятся—а тутъ одни бумагы... Квартальный державъ за насъ руку... Бумагу було дають (для пысьма) чверточкамы. Ни ослона, ни стульця,—на колинахъ було пышемъ... Канцелярськи булы за мальчыкивъ,—у посылкы посылають.—Секретарь, якъ губернаторъ... Канцелярській у билыхъ (полотняныхъ) штаняхъ, чоботы насылу волоче, бо велыки, якъ у пистровому жупани, то й хрантъ. А на вкулачкы: тилько земськый та уѣздный судъ выйде, наша взяла! Заразъ Илько Страшный и почавъ качать...

—

У старовыну жинка николы, було, не пиле безъ намитки; стадо виганае: изъ колка и бере намитку; а дома—безъ намитки.

—

Було, хоронять, который богатый: выдовбае суцильного дуба и положать...

Къ исторіи статутовыхъ судовъ въ лѣвобережной Малороссіи. Недавно намъ встрѣтились два акта, указывающіе, что статутовые суды существовали въ лѣвобережной Малороссіи уже и въ перв. полов. XVII в. и, слѣд., наше мнѣніе, что тогда «не было, повиди-

---

[1]) Теперешнее уѣздное полицейское управленіе.

мому, статутовыхъ судовъ въ сѣверной лѣвобережной Малороссіи», т. е. въ Черниговщинѣ и Стародубщинѣ (Кіевск. Стар. 1898 г., іюль—августъ), оказывается не вѣрнымъ. О черниговскомъ земскомъ судѣ свидѣтельствуетъ актъ 1639 г., въ которомъ значатся: Станиславъ Піончиковскій—судья, Якубъ Война-Оранскій—подсудокъ и Николай Солтанъ—писарь, судовые земскіе черниговскіе урядники («sądowi ziemscy Czernihowscy urzędnicy»). О Стародубскомъ земскомъ судѣ говоритъ актъ 1643 г., начинающійся такъ: «На рокахъ судовыхъ земскихъ о святой Тройце, святе римском, припалых и порядкомъ правнымъ в Стародубе на месцу звыклом отправуючихъ передъ нами: Яномъ Кавицкимъ, судею, Каролемъ... подсудкомъ, а Малхеромъ Кгабриелем Милвидомъ, писаром, урядниками судовыми земскими Стародубовскими»...

А. Л.

Пасѣка Богдана Хмельницкаго. Изъ приводимаго здѣсь документа видно, что «славной памяти» гетманъ, устраивая судьбу освобожденнаго имъ края, заботливо велъ и свое домашнее хозяйство.

«Перед нами, урядомъ, Лаврѣну Радченку, сотнику Уласовскому [1]), Михайлу Брайку, атаману городовому, за прибитіемъ честного отца Андріяна, іеромонаха обители стой Пивской [2]), постановившись люде зацные Стецко Махно, Лаврѣнъ Димиденко, жители бувшие Чегиринскіі, а теперъ Уласовские, вызнавали ведлугъ пасеки Онисковской, лежачой в Чорном лѣсе [3]), в тотъ способ, мовячи, иж тую мененую пасеку

---

[1]) Мѣст. Власовка, Кременчугск. уѣзда.

[2]) «Пивскій монастырь» находился ок. м. Городища, иначе Градижска, Кременч. у. См. о немъ Полт. Епарх. Вѣд. 1877 г., № 1.

[3]) «Чорный лѣсъ»—знаменитый лѣсъ, находившійся въ Александрійскомъ уѣздѣ, Херсонской губерніи, и занимавшій пространство отъ в. къ з — 30 верстъ, а отъ ю къ с.—15 в. Подробное его описаніе см. въ Вѣстн. Геогр Общ. 1859 г., № 7, 43—65. Центромъ этой мѣстности было извѣстное поселеніе Цыбулевъ. Чорный лѣсъ въ XVIII в. былъ излюбленнымъ убѣжищемъ всѣхъ бѣглецовъ изъ Малороссіи, искавшихъ свободы. Тутъ-же запорожцы, во втор. пол. XVIII в., занимались грабежомъ разныхъ путниковъ. (См. Хронол. Обозр. Новор. Края, I, 39). Пчеловодство въ Чорномъ лѣсу и теперь находится «въ довольно цвѣтущемъ положеніи». Чорный лѣсъ находился отъ Чигирина верстахъ въ 15-ти. См. карту Александрійскаго уѣзда, приложен. къ Описанію этого уѣзда въ «Матеріал. для оцѣнки земель Херсонск. губ.», т. III. (Херсонъ, 1888 г.).

еще славной памети Богданъ Хмелницкій у Шулганя отнялъ былъ усиловне, а потимъ Гедеонъ Хмелниченко, вышовши з Полщи, за упомненемся о тую паску (sic) Шулганцѣ, сто талярей далъ и оную цѣлкомъ заплатилъ вправди, и небожчик Павло Яненко [1]) хотѣлъ и просилъ Хмелниченка, жеби до половини тоей пасеки припустилсе и принял, еднак до того Хмелниченко не призволивсе и тое пасеки а нѣ половини не попустилъ. Тое теди вызнане менених людей выслахавши (sic) а на жадане іеромонаха чесного отца Андрияна, казалисмо записат. В року 1690, марта 9 д.

Иван Гавриловичъ, писаръ Уласовский и сего записаня».

(Съ подлинника).

Происхожденіе слова „мацапура“. Извѣстенъ стихъ изъ Энеиды, гдѣ описываются мученія «мацапуры» въ аду:

Якусь особу *мацапуру*
Тамъ жарили на шашлику...

Здѣсь это слово употреблено въ нарицательномъ смыслѣ. Происхожденіе-же его такое: *Мацапурою* звался извѣстный разбойникъ перв. полов. XVIII в., какъ видно изъ слѣдующаго «указа изъ нѣжинской полковой канцеляріи сотнику Воронежскому Холодовичу», 1740 г.— «Минувшого ноября 29, противъ 30 чиселъ, содержачійся подъ карауломъ въ Глуховѣ, бывшій заплѣчний Прилуцкого полку майстеръ, главній воръ и разбойникъ Павелъ *Мацапура*, которій не точію безчисленние воровства и многіе разбои чинилъ, но зверхъ того и безчеловѣчние неслиханніе мучителства, яко-то: яденіе человѣческаго мяса и протчия богопротивния злодѣянія, чрезъ многие лѣта, надъ многими починилъ и ночю бежалъ, а оний Мацапура примѣтами таковъ: росту болшого, волося темнорусого, очей сѣрихъ, носъ долговатъ, бороду бритъ, человѣкъ здоровъ и широкоплечой, кнутомъ неоднократно питанъ»...

---

[1]) Павелъ Яненко Хмельницкій сначала былъ однимъ изъ полк. старш въ Чигиринск. полку, а потомъ съ 1654 г. полковникомъ Кіевск. полка.

О посылкѣ межигорскихъ монаховъ въ Сѣчь, въ 1770 году. Слѣдующее представленіе архимандрита Межигорскаго монастыря Кіевскому митрополиту указываетъ, что въ Запорожскую Сѣчь Межигорскій монастырь посылалъ разомъ по нѣсколько монаховъ, для священнослуженія не въ одной только, слѣдовательно, сѣчевой церкви, но и въ другихъ церквяхъ запорожскихъ поселеній, хотя изъ книги *Матеріалы для историко-статистическаго описанія Екатеринославской Епархіи* (Екатеринославъ. 1880) видно, что въ церквяхъ значительнѣйшихъ запорожскихъ поселеній, напр. въ Стар. Кайдакѣ, с. Камянскомъ и др., и до 1770 г., были уже священники изъ бѣлаго духовенства.

«Ясне въ Богу преосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь мой. По имѣючойся ять Войску Запорожскомъ надобности къ священнослуженію и преподаянія (sic) требъ христіанскихъ, отправляются нынѣ отъ ставропигіальнаго Кіево-межигорскаго монастыря въ оное Войско іеромонахи: Феоктистъ, Адріанъ и Варѳоломей, да предъ симъ отправленъ въ Сѣчь по нѣкоторой надобности іеромонахъ Савва, который и пристановленъ тамо для таковыхъ же предписанныхъ церковнослуженій, которимъ вашего ясне въ Богу преосвященства покорнѣйше прошу къ таковой опредѣляемой имъ іеромонахамъ въ Войску Запорожскомъ должности преподать свое архипастырское премощнѣйшое благословеніе, причемъ я, вручивъ себе вашего ясне въ Богу преосвященства въ архипастырскіе молитвы и благословенія, съ моимъ высокопочитаніемъ пребуду. Вашего ясне въ Богу преосвященства нижайшій слуга и богомолецъ ставропигіального Кіево-межигорского монастыря архимандритъ Гедеонъ 1770-го года, мая 9 дня. № 241».

О зачисленіи „черногорскаго шляхетства молодыхъ людей" въ студенты Кіевской академіи, въ 1757 году. Сношенія Черногоріи съ Россіей начались съ Петра В., но прибытіе оттуда «молодыхъ людей» „для обученія російскаго нразу", въ первый разъ имѣло мѣсто, какъ кажется, только въ 1757 г., причемъ молодые черногорцы направились въ Кіевъ; администрація послѣдняго представила объ ихъ прибытіи въ правит. сенатъ, а до полученія отвѣта, они были помѣщены въ Кіевскую академію. Въ послѣдней однако-жъ они не

тстались, такъ какъ въ 1758 г. приказано было ихъ перевезти въ С.-Петербургъ для помѣщенія тамъ въ кадетскій сухопутный корпусъ [1]).

„Указъ ея императорскаго величества Самодержицы Всероссійскія изъ духовной митрополіи Кіевской консисторіи духовной консисторіи члену Кіевского свябогоявленского Братскоучплищного монастыря архимандриту и ректору Манассіи. Настоящаго 1757 года, декабря 23 числа, присланною въ дух. консисторію изъ Кіевской губернской канцеляріи промеморіею, объявлено: сего жъ де декабря 10-го числа, прибыли въ Кіевъ, при маеоре Петровиче изъ Черныхъ Горъ, для обученія Россійскаго нраву и разныхъ наукъ, Черногорского шляхетства молодыхъ людей деветь человѣкъ, въ томъ числѣ преосвященного Черногорского митрополита Саввы родныхъ племянниковъ два, сердаря Вукотича родной же племянникъ одинъ, о которыхъ де представлено въ правительствующій сенатъ и дабы де, до указу правит. сената они праздно здѣсь быть и втуне время продолжать не могли, оною промеморіею требовано, дабы соблаговолено было обучать ихъ въ Кіевской академіи славенороссійкой грамотѣ. По которой Кіевской губернской консисторіи промеморіи, опредѣлено: послать къ вамъ ея и. величества указъ и посилается, дабы вы вышеобъявленныхъ прибывшихъ въ Кіевъ, при маеоре Петривиче, исъ Черныхъ горъ, Черногорского шляхества молодыхъ людей, деветь человѣкъ, въ Кіевскую академію, заявкою ихъ, приняв, опредѣлили кому въ академіи обучать ихъ славяноросссійской грамотѣ и дух. митр. Кіевск. консисторіи члену кіевск. св. Богоявл. бр. учил. монастыря архимандриту и ректору Манассіи учинить о томъ по сему ея и. величества указу. О полученіи же сего и исполненіи репортовать. 1757 года, декабря 24 дня. Катедральный намѣстникъ іеромонахъ Лука. Катедр. уставникъ Сиѳъ. Реентъ іеродіаконъ Іаковъ. Канцелярисгъ монахъ Веніаминъ".

Письмо въ редакцію *(по вопросу объ открытіи въ Кіевѣ Южнаго Отдѣла Географическаго Общества).* Милостивый Государь, Господинъ Редакторъ! Имѣю честь покорнѣйше просить Васъ дать

---

[1]) См. Архивъ Сената П. Баранова Ш, № 11061.

въ Вашемъ журналѣ мѣсто настоящему письму. Вамъ извѣстно, что я былъ однимъ изъ иниціаторовъ возбужденія вопроса объ учрежденіи въ Кіевѣ Южнаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества. Въ засѣданіи подсекціи статистики X съѣзда естествоиспытателей и врачей 26 августа 1898 г. мною былъ прочтенъ по этому вопросу докладъ подъ названіемъ «Нужды статистики въ Юго-Западномъ краѣ», напечатанный въ ноябрьской книжкѣ Вашего журнала за 1898 г. Затѣмъ профессоромъ Н. П. Яснопольскимъ и мною собирались подписи лицъ, желающихъ поступить въ число членовъ-учредителей будущаго Отдѣла, подъ заявленіями на имя Географическаго Общества, содержавшими ходатайства подписавшихся о скорѣйшемъ учрежденіи этого Отдѣла.

Въ виду этого я считаю себя обязаннымъ дать отчетъ о положеніи даннаго вопроса въ настоящее время, по скольку таковое характеризуется матеріалами, напечатанными въ послѣднихъ книжкахъ „Отчета“ и „Извѣстій“ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества. Данныя эти могутъ быть кромѣ того интересны для читателей „Кіевской Старины“ и сами по себѣ—въ качествѣ матеріаловъ для исторіи вопроса о судьбахъ Отдѣла Географическаго Общества въ Кіевѣ.

Привожу эти матеріалы цѣликомъ въ томъ видѣ, какъ они напечатаны въ названныхъ изданіяхъ Общества, но съ соблюденіемъ ихъ хронологическаго порядка (который въ «Извѣстіяхъ» не вполнѣ сохраненъ):

I) Протоколъ засѣданія подсекціи статистики 26 Августа 1898 г. (выписка) [1])

«Л. С. Личковымъ доложено сообщеніе «Нужды статистики въ Юго-Западномъ краѣ», въ которомъ, изложивъ данныя о неудовлетворительности оффиціальной статистики въ немъ, о почти полномъ отсутствіи въ немъ какого-либо общества, занимающагося его изученіемъ, напомнилъ о предполагавшемся въ 1894 г. по иниціативѣ бывшаго Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго Генералъ-Губернатора графа А. П. Игнатьева обслѣдованіи его въ отношеніи экономическомъ и для цѣлей оцѣнки, въ видахъ правильнаго обложенія недвижимыхъ имуществъ земскими сборами. Указавъ, что изслѣдо-

[1]) Извѣстія, т. XXV, 1899, вып. VII, стр. 784.

ваніе это не состоялось лишь въ виду предстоявшей въ то время всеобщей народной переписи, каковое препятствіе теперь не существуетъ, и что нужды оцѣночнаго обслѣдованія края въ цѣляхъ установленія правильнаго земскаго обложенія и понынѣ не устранены, докладчикъ предложилъ возбудить ходатайство о производствѣ помянутаго изслѣдованія въ настоящее время. Исходя затѣмъ изъ отсутствія въ краѣ какого либо ученаго общества, имѣющаго своею цѣлью изслѣдованія экономическаго быта и этнографіи столь обширнаго, густонаселеннаго и разнообразнаго края, какъ Юго-Западный, Л. С. Личковъ, въ качествѣ дѣйствительнаго члена ИМПЕРАТОРСКАГО Географическаго Общества, предложилъ возбудить ходатайство объ учрежденіи Юго-Западнаго Отдѣла Географическаго Общества, а для формулировки обоихъ его предложеній избрать коммиссію подъ предсѣдательствомъ Д. И. Пихно, въ составъ которой предложилъ Н. П. Василенко, Т. И. Осадчаго, Н. И. Борисова, А. С. Бориневича, В. Е. Постникова и А. А. Русова.

Собраніе единогласно приняло предложеніе докладчика, просило поименованныхъ лицъ образовать коммиссію и просило его, г. Личкова, войти въ составъ коммиссіи въ качествѣ члена таковой. Примѣчаніе. Засѣданіе происходило въ присутствіи 118 членовъ и до 80-ти гостей".

II) „Протоколъ засѣданія подсекціи статистики 27 августа (выписка). [1])

Д. И. Пихно доложилъ собранію протоколъ избранной въ засѣданіи 26 августа коммиссіи по докладу Л. С. Личкова. Коммиссія, при участіи предсѣдателя секціи географіи, этнографіи и антропологіи, профессора В. Б. Антоновича, соглашаясь съ соображеніями докладчика, предложила подсекціи: 1, признать необходимымъ производство сплошного статистическаго и оцѣночно-экономическаго обслѣдованія Юго-Западнаго края, 2. обратиться чрезъ секцію географіи, этнографіи и антропологіи въ Распорядительный Комитетъ X съѣзда съ просьбою о возбужденіи ходатайства передъ ИМПЕРАТОРСКИМЪ Географическимъ Обществомъ относительно учрежденія Южнаго Отдѣла Географическаго Общества въ г. Кіевѣ для губерній Юго-Западныхъ, Малороссійскихъ и Новороссійскихъ. Предложенія эти при

[1]) Тамъ же, стр. 785.

няты Собраніемъ единогласно. Примѣчаніе. Засѣданіе происходило въ присутствіи 115 членовъ и 48 гостей".

III) «Протоколъ засѣданія секціи Географіи, Статистики и Антропологіи 27 Августа (выписка).[1]) Завѣдывающій секціею проф. В. Б. Антоновичъ вноситъ на обсужденіе секціи предложеніе подсекціи Статистики войти съ заявленіемъ въ Распорядительный Комитетъ о томъ, чтобы онъ ходатайствовалъ передъ ИМПЕРАТОРСКИМЪ Русскимъ Географическимъ Обществомъ объ открытіи въ Кіевѣ Южнаго отдѣленія этого Общества. Предложеніе это единодушно принято, и секція проситъ завѣдующаго секціей войти съ этимъ ходатайствомъ чрезъ посредство Распорядительнаго Комитета въ Географическое Общество».

IV) «Протоколъ Четвертаго Общаго Собранія 30 августа (выписка).[2]) Секретарь съѣзда доложилъ нижеслѣдующія ходатайства и предложенія различныхъ секцій, заслушанныя и одобренныя Распорядительнымъ Комитетомъ въ засѣданіи 28 сего августа». «Отъ секціи Географіи, Этнографіи и Антропологіи: Статистическая секція, обсуждая пріемы для возможно успѣшнаго изученія края въ отношеніи географіи и входящихъ въ ея составъ областей знанія, пришла къ заключенію, что огромную пользу въ этомъ отношеніи могло-бы оказать учрежденіе большого количества областныхъ отдѣловъ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества, въ которомъ могли бы сосредоточиваться мѣстныя научныя силы и стремиться къ вышеуказанной цѣли по выработанной программѣ и при взаимномъ гармоническомъ содѣйствіи своихъ членовъ. Желая въ возможной мѣрѣ осуществить эту мысль, подсекція Статистики предложила Географической секціи обратиться въ Распорядительный Комитетъ X съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей съ покорною просьбою принять на себя трудъ ходатайствовать предъ Географическимъ Обществомъ объ открытіи въ Кіевѣ Южнаго Отдѣла этого Общества. Географическая секція, выслушавъ въ своемъ засѣданіи 27 августа предложеніе статистической подсекціи, нашла это предложеніе въ высокой степени полезнымъ для научнаго изученія края и постановила единогласно присоединиться къ нему и просить Распорядительный

---

[1]) Тамъ же, стр. 786.

[2]) Тамъ же, стр. 786.

Комитетъ X съѣзда не отказать принять на себя трудъ ходатайства передъ ИМПЕРАТОРСКИМЪ Русскимъ Географическимъ Обществомъ объ учрежденіи въ Кіевѣ Южнаго Отдѣла этого Общества. Къ этому постановленію примкнула и подсекція статистики".

„Общее собраніе утвердило всѣ эти ходатайства и постановило представить тѣ изъ нихъ, которыя не могутъ быть исполнены Распорядительнымъ Комитетомъ, на благоусмотрѣніе г. Министра народнаго Просвѣщенія„ [1]).

22 Января 1899 года послано было изъ Кіева на имя Географическаго Общества нижеслѣдующее заявленіе [2]).

V) „Въ ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Географическое Общество.

Нижеподписавшіеся, всецѣло присоединяясь, на основаніи мотивовъ, изложенныхъ въ постановленіяхъ Общаго Собранія членовъ X съѣзда естествоиспытателей и врачей, секціи географіи, этнографіи и антропологіи и подсекціи статистики, къ состоявшемуся 30 августа 1898 г. рѣшенію X съѣзда возбудить ходатайство объ учрежденіи въ Кіевѣ Южнаго Отдѣла Географическаго Общества для губерній Новороссійскихъ, Малороссійскихъ и Юго-Западныхъ,—имѣетъ честь покорнѣйше просить ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Географическое Общество о зависящемъ распоряженіи относительно скорѣйшаго открытія областнаго Отдѣленія названнаго Общества въ Кіевѣ и о зачисленіи насъ, нижеподписавшихся, какъ лицъ, желающихъ принять посильное участіе въ предстоящихъ научныхъ работахъ проектируемаго Отдѣла, въ число членовъ-учредителей его, съ правами членовъ-сотрудниковъ Общества на точномъ основаніи его устава". „(Далѣе слѣдуетъ 74 подписи членовъ мѣстной администраціи, профессоровъ университета [3]) и преподавателей другихъ учебныхъ заведеній)».

Это заявленіе доставлено было въ Географическое Общество черезъ меня, а нижеслѣдующее—чрезъ профессора Н. П. Яснопольскаго.

---

[1]) Это постановленіе общаго собранія съѣзда, какъ видно изъ самой его формулировки, относится вообще ко всѣмъ ходатайствамъ, представленнымъ Общему Собранію разными секціями и получившимъ, его одобреніе. См. Дневникъ X съѣзда, стр. 509—510 и стр. 511.

[2]) Извѣстія, т. XXV, 1889, вып. VII, стр. 784.

[3]) и Кіевскаго политехническаго института.

VI) «Въ Императорское Русское Географическое Общество» [1]).

«При громадности Россіи, при большомъ природномъ и культурномъ ея разнообразіи, уже давно обнаружилось, что одному столичному учрежденію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества безъ содѣйствія мѣстныхъ его органовъ не подъ силу справиться съ обширною его задачею. Между тѣмъ какъ на страницы исторіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества занесено уже не мало цѣнныхъ для науки открытій цивилизованному міру очень мало ему до того извѣстныхъ пустынныхъ окраинъ дальняго востока и сѣвера Имперіи и даже мѣстностей, лежащихъ внѣ ея предѣловъ,—та часть территоріи Россіи, на которой проживаетъ главная масса ея русскаго населенія, и донынѣ остается недостаточно изслѣдованною въ географическомъ отношеніи. Восполнить этотъ пробѣлъ въ дѣятельности Общества призваны именно мѣстные его органы, какъ могущіе стать ближе къ населенію и странѣ въ разныхъ ея частяхъ. Сознаніе этой потребности уже привело къ образованію отдѣловъ названнаго Общества въ нѣсколькихъ, даже малокультурныхъ частяхъ Имперіи. Между тѣмъ югъ Европейской Россіи, богатый природными дарами и населеніемъ, особенно въ послѣднее время быстро прогрессирующій въ промышленномъ отношеніи, обладающій тремя университетскими центрами, нынѣ не имѣетъ ни одного Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, хотя онъ уже давно созналъ потребность въ подобныхъ учрежденіяхъ, выразившуюся въ образованіи сначала коммиссіи для описанія Кіевскаго учебнаго округа, а потомъ Юго-Западнаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества, не функціонирующаго уже болѣе двухъ десятилѣтій. Послѣ столицъ, Кіевъ обладаетъ самымъ многолюднымъ университетомъ и еще двумя высшими, многими средними учебными заведеніями и многими же учеными обществами. Одно уже это свидѣтельствуетъ объ обиліи въ Кіевѣ такихъ значительныхъ интеллигентныхъ силъ, которыя могли-бы принять участіе въ изслѣдованіи тѣхъ краевъ родной страны, которые къ нимъ гораздо ближе, знакомѣе имъ, чѣмъ это оказывается для отдаленнаго столичнаго учрежденія—Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Хотя было бы желательно, чтобы въ каждомъ университетскомъ центрѣ Россіи

[1]) Извѣстія, т. XXV, 1899, вып. VII, стр. 787.

основалось свое отдѣленіе И. Р. Географическаго Общества, но, пока это еще не осуществилось, Кіеву, какъ крупнѣйшему и культурному и окружному центру юга Европ. Россіи, слѣдовало-бы взять на себя инціативу въ географическомъ изслѣдованіи юга Евр. Россіи, а для этого включить въ раіонъ дѣятельности проектируемаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества весь этотъ югъ, т. е. *приблизительно* три учебные округа—Кіевскій, Харьковскій и Одесскій. Это географическое расширеніе задачи южнаго Отдѣла тѣмъ болѣе умѣстно, что прилегающія къ Черному и Азовскому морямъ степи экономически тѣсно связаны съ густонаселенными мѣстностями Кіевскаго и Харьковскаго учебныхъ округовъ, не распространяясь здѣсь уже о томъ, что *природа и люди* въ плодородныхъ частяхъ бассейна Чернаго и Азовскаго морей, не смотря на все свое разнообразіе въ частностяхъ, носятъ и общій отпечатокъ вліянія юга,—правда, русскаго юга. Въ частности же юго-западный край, окружнымъ центромъ для котораго служитъ Кіевъ, и донынѣ еще лишенъ земскихъ учрежденій, а послѣднія своими статистическими описаніями не мало помогаютъ самопознанію. Поэтому-то основаніе Южнаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества именно въ Кіевѣ оказало бы Юго-Западному краю особенную услугу, хотя отчасти пополнивъ тотъ пробѣлъ, который вызванъ долгимъ отсутствіемъ земства въ Юго-Западномъ краѣ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, нижеподписавшіеся лица имѣютъ честь просить Императорское Русское Географическое Общество сдѣлать зависящее отъ него распоряженіе объ открытіи въ Кіевѣ своего отдѣла, предоставивъ ему возможность распространить свою научную дѣятельность на весь югъ Европ. Россіи въ очерченныхъ выше предѣлахъ. Желая принять посильное участіе въ предстоящихъ научныхъ работахъ Южнаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества, мы просимъ зачислить насъ въ члены этого Отдѣла. (Далѣе слѣдуетъ 40 подписей профессоровъ университета и преподавателей другихъ учебныхъ заведеній)».

Въ результатѣ всѣхъ этихъ ходатайствъ, 17 марта 1899 г. состоялось слѣдующее рѣшеніе Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества:

VII) «Постановлено возбудить ходатайство объ учрежденіи въ Кіевѣ новаго отдѣла Общества подъ названіемъ Южнаго» [1]).

---

[1]) Отчетъ И. Р. Геогр. О. за 1899 г., стр. 23.

При личномъ моемъ свиданіи въ Петербургѣ въ 1900 году съ г. вице-предсѣдателемъ Географическаго Общества П. П. Семеновымъ выяснилось, что во исполненіе этого постановленія Совѣтъ Общества просилъ г. вице-предсѣдателя лично поддержать это ходатайство передъ г. Министромъ внутреннихъ дѣлъ, но до того времени (февраль 1900 г.) личное ходатайство это еще не было возбуждено.

Л. Личковъ.

4-го декабря 1900 г.

Текущія извѣстія.

Памятникъ Т. Г. Шевченку. Въ общемъ собраніи союза взаимопомощи русскихъ писателей 28 ноября рѣшено ходатайствовать установленнымъ порядкомъ объ открытіи всероссійской подписки на памятники: а) писателю Бѣлинскому и б) *Малороссійскому писателю* Шевченко,—послѣднему на берегу Днѣпра въ Кіевѣ. (С.-Петерб. Вѣдомости).

Памятникъ П. И. Нищинскому. На засѣданіи «Виділу наукового товариства імени Шевченка» 31 октября постановлено оказать матеріальную поддержку для постановки памятника покойному талантливому композитору и писателю П. И. Нищинскому и обратиться къ инымъ обществамъ и заграничнымъ землякамъ съ приглашеніемъ принять участіе въ пожертвованіяхъ. (Літер.-Науковый Вістник, кн. XII).

Дѣятельность „Українсько—руської Видавничої Спілки“. Основанная во Львовѣ два года тому назадъ „Видавнича Спілка“ до сихъ поръ ограничивалась изданіемъ книгъ для интеллигенціи. Имѣя возможность расширить въ настоящее время объемъ своей дѣятельности, „Видавнича Спілка“, не оставляя серіи начатыхъ ею изданій, открываетъ рядъ новыхъ изданій подъ общимъ названіемъ „Літературно-Наукової Бібліотеки“, предназначающейся для крестьянъ, мѣщанъ, молодежи и менѣе состоятельной интеллигенціи. „Літературно-Наукова Бібліотека“ будетъ заключать въ себѣ все, что мо-

жетъ заинтересовать русинское общество. Въ программу ея входятъ: 1) Оригинальная и переводная беллетристика: повѣсти, разсказы, драматическія произведенія и стихотворенія наилучшихъ украинскихъ и иностранныхъ писателей, 2) Оригинальныя и переводныя статьи изъ сферы общечеловѣческаго знанія и науки,—популярныя, по возможности,—изъ области естественныхъ и общественныхъ наукъ, изъ исторіи, политики и др.

„Літературно-Наукова Бібліотека" будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ отдѣльными книжками, въ среднемъ—въ объемѣ двухъ печатныхъ листовъ. Подписная цѣна за годъ—5 коронъ. Для первыхъ выпусковъ „Літ.-Наукової Бібліотеки" приготовлены слѣдующія произведенія, которыя будутъ изданы въ теченіе перваго года: 1) М. Грушевський. Хмельницький і Хмельниччина. 2) Мирний. Лови. 3) Курцій Руф. Фільотас, 4) І. Франко. Із моіх споминів, 5) Ів. Пулюй. Непропаща сила, 6) Короленко. Ліс шумить, 7) Волод. Барвінський. З поля статистики, 8) Золя. Напад на млин, 9) Драгоманов. Жите Костомарова, 10) Костомаров. Про Кирило-Методіеве товариство, 11) М. Левицький. Спілковий договор для селян, 12) Куліш. Орися, 13) Волод. Наумович. Про сонце, 14) Чехов. Каштанка, 15) Лассаль. Що таке конституція, 16) М. Грушевський. Бех—Аль—Джугур, 17) Франко. Данте Алігіері, 18) Мопасан. Орля, 19) Про поділ Галичини, 20) Достоевський. Великий інквізітор, 21) М. Коцюбинський. Біографія Гарібальді, 22) Гете. Нова Мелюзина, 23) Тайне товариство на Україні в. р. 1846, записки сучасника, 24) Музайос. Геро і Леандер.

Кромѣ того, въ обѣихъ серіяхъ (беллетристической и научной) предположено къ изданію около 30 книжекъ, среди которыхъ намѣчены произведенія Шекспира въ переводѣ П. Куліша (Юлій Цезарь, Антоній і Клеопатра, Ромео и Джуліета, Богато голосу з нечев'я, Король Лір, Міра за міру), Л. Толстого—Відродженне, Крейцерова Соната; Тургенева—Весняні води; Лермонтов—Герой нашого часу; Калевала—фінська епопея в перекладі Евгена Тимченка; Коцюбинского—Оповіданя (третя книжка); Іван Франко—Сім казок,—Оповіданя, Коваль Басссім—поема, з переднім словом А. Кримського; Фламаріон. Про небо; и другіе. (Літерат.—Науковий Вістник, кн. XII).

—

Неудачная реставрація живописи въ Лаврской церкви (въ Кіевѣ). „Спеціальная коммиссія, состоящая изъ художниковъ, осмотрѣвъ живописныя работы по росписи Великой лаврской церкви,

признала ихъ неудовлетворительными, такъ какъ во многихъ случаяхъ эта живопись не соотвѣтствуетъ духу церковныхъ изображеній, слаба по композиціи, страдаетъ рѣзкой, бьющей въ глаза, пестротой тоновъ, уродливостью рисунка фигуръ святыхъ и т. п. Работы эти производились бывшимъ профессоромъ Императорской академіи художествъ Василіемъ Петровичемъ Верещагинымъ. Орнаментныя работы гг. Лазарева и Станищева, по заключенію коммиссіи, также неудовлетворительны, такъ какъ лишены стиля, грубы и безвкусны. На эти живописныя работы Лаврой затрачены огромныя деньги». („Россія").

Интересная находка. Изъ Рима сообщаютъ, что въ одномъ изъ монастырей сѣв. Италіи открыта рукопись на пергаментѣ, заключающая въ себѣ молебны, псалмы и молитвы IX вѣка, также церковный календарь, при датахъ котораго записаны имена умершихъ лицъ. Между этими записанными попадаются имена поляковъ, чеховъ, венгерцевъ и русскихъ. Рукопись эта въ 1000 году была въ Тревизѣ, затѣмъ перешла въ собственность Езона Геренфрида изъ Лотарингіи, а съ дочерью этого послѣдняго, Рыксой, попала въ Польшу. Дочь Мѣшка I и Рыксы вышла замужъ за князя Изяслава Кіевскаго, и съ нею рукопись эта перешла на Русь, гдѣ къ ней прибавлены были новыя миніатюры. Затѣмъ, она была собственностью Ярополка, сына Изяслава, а послѣ его смерти возвратилась обратно въ Польшу, можетъ быть, съ Здиславой, первой женой Болеслава III. Во всякомъ случаѣ, вторая жена этого князя, Саломея, дочь графа Берга, владѣла этой рукописью и около 1140 г. подарила ее монахамъ въ Цвифальтенсъ.

Рукопись украшена многочисленными миніатюрами; болѣе ранніе принадлежатъ къ разряду знаменитыхъ ирландскихъ, а болѣе поздніе вставлены въ рукопись, когда она была на Руси. Эти послѣдніе носятъ на себѣ чисто византійскій характеръ и имѣютъ подписи частію греческія, а частію славянскія. (Одесс. Листокъ, № 319).

Племянникъ Т. Г. Шевченко. 24 ноября въ херсонскомъ окр. судѣ предстояло къ разбору дѣло по иску крест. Кіевской губ. нѣкоего Андрея Шевченко къ О. В. Фальцъ-Фейну въ суммѣ 4800 руб. за увѣчье, полученное сыномъ Андрея, Митрофаномъ, служившимъ въ качествѣ ученика въ слесарной мастерской Фальцъ-Фейнъ, гдѣ ему оторвало лѣвую руку, впослѣдствіи ампутированную до плеча.

Дѣло разборомъ отложено за неявкой свидѣтелей со стороны Шевченка. Старикъ Андрей—родной племянникъ «соловья Украины», поэта Тараса Григорьевича Шевченко. У поэта, какъ извѣстно, кромѣ трехъ сестеръ Ирины, Катерины и Маріи, были два брата, Никита и Осипъ; отъ послѣдняго именно и происходитъ Андрей, котораго судьба привела къ судебной тяжбѣ съ г. Фальцъ-Фейнъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Андрей, по окончаніи военной службы, оставилъ родное село и сталъ служить прикащикомъ по различнымъ экономіямъ. Въ 1898 году Андрей нанялся сторожемъ въ портъ Харлы, а сынишку своего Митрофана отдалъ въ ученье въ слесарную мастерскую въ имѣніи «Преображенка» той-же владѣлицы. Тутъ-то и постигло Митрофана Шевченка несчастье, а съ нимъ и Андрея, съ тѣхъ поръ совершенно выбитаго изъ колеи и въ настоящее время въ чужомъ городѣ вынужденнаго вмѣстѣ съ калѣкой Митрофаномъ терпѣть холодъ, голодъ и всѣ лишенія заброшенной сиротской жизни (Югъ).

—

Субсидія на ученый трудъ. Св. правительствующій синодъ ассигновалъ субсидію въ 6,000 р. кіевской духовной академіи на изданіе новой крупной ученой работы—«Историческіе памятники православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII вѣкахъ». Это изданіе, подъ ред. доцента Ѳ. Титова, должно составить 6 громадныхъ томовъ и послужить основаніемъ для составленія исторіи церкви отъ 1686 до 1795 гг.—труда, предпринятаго по предложенію оберъ-прокурора св. синода К. Побѣдоносцева. (Бир. Вѣд., № 333).

—

Юбилейный сборникъ. Весною 1901 г. исполнится 30-лѣтіе научной и общественно-публицистической дѣятельности профессора Императорскаго московскаго университетв Н. И. Стороженко. Его ученики и почитатели рѣшили издать ко дню юбилея научно-литературный сборникъ. Всѣ расходы по изданію должны быть покрыты по подпискѣ. Лица, желающія принять участіе въ изданіи сборника, приглашаются обращаться на имя И. И. Иванова (Москва, Воздвиженка, гост. «Петергофъ») или М. Н. Розанова (Москва, Поварская, Трубниковскій пер., д. Игнатьева).

—

Выборы въ Галиціи. На выборахъ V и IV Куріи въ Галиціи въ число пословъ до Рады Державной оказались избранными со стороны галичанъ-русиновъ—изъ IV куріи: Юліанъ Романчукъ, Олександеръ Барвинскій, др. Михайло Король, Василь Яворскій, свящ. Корнило Мандычевскій, др. Иванъ Длужанскій, др. Омелянъ Гладишовскій, и изъ V: др. Андрій Косъ. („Руслан," ч. 274).

—

Украинская пѣсня на китайской границѣ. Въ № 306 газ. «Сѣверный Курьеръ», г. г. Д. П. и Р., въ описаніи своихъ дорожныхъ впечатлѣній на китайской границѣ, между прочимъ даютъ интересный образчикъ того, какъ украинская пѣсня, неизвѣстно какимъ образомъ занесенная къ сибирскимъ козакамъ, выродилась въ обыкновенную солдатскую пѣсню. На просьбу авторовъ спѣть что-нибудь, козаки начали:

«Засвистали козаченьки
Въ паходъ съ палуночи,
Заплакала Марусеночка
Свои ясни очи.
Не плачь, не плачь, Марусеночка,
Мы вазьмемъ тебя съ собою,
Мы вазьмемъ тебя съ собою—
Назовемъ родной сестрою.
Не сестрою тебя, не родною—
Жоной бравой, молодою».

—

Труппа М. Л. Кропивницкаго (подъ управленіемъ Н. К. Садовскаго и А. К. Сагсаганскаго). Лѣтомъ минувшаго года въ жизни украинскхго театра произошла важная перемѣна: лучшія артистическія силы—М. Л. Кропивницкій, М. К. Заньковецкая, И. К. Карпенко-Карый, Н. К. Садовскій и А. К. Саксаганскій пришли къ взаимному соглашенію и составили одну труппу—М. Л. Кропивницкаго, подъ управленіемъ Н. К. Садовскаго и А. К. Саксаганскаго. Соединеніе первостепенныхъ артистическихъ талантовъ—выдающихся сценическихъ дѣятелей, смотрящихъ въ высшей степени идейно на служеніе искусству, образцовая постановка и выборъ пьесъ, прекрасная обстановка—естественно обусловливаютъ выдающійся

успѣхъ этой труппѣ. Репертуаръ ея значительно расширился, представляя, главнымъ образомъ, соединеніе пьесъ г.г. Карпенка-Караго и Кропивницкаго; въ числѣ послѣднихъ между прочимъ оказываются «Глытай або-жъ Павукъ» и «Доки сонце зійде, роса очи выйисть» — снятыя со сцены около 10 лѣтъ тому назадъ и въ минувшемъ году снова разрѣшенныя.

Новинкой является только что разрѣшенная драматической цензурой новая пьеса г. Карпенка-Караго «Хозяинъ», представляющая по идеѣ какъ бы продолженіе извѣстной комедіи того-же автора,— «Сто тысячъ». Труппа соединенныхъ выдающихся артистовъ—«корифеевъ» украинской сцены,—начала свою дѣятельность 29 іюня минувшаго года въ Полтавѣ, затѣмъ побывала въ Николаевѣ, Екатеринославѣ (до 19 октября), съ 22 и по 2 ноября въ Лубнахъ, затѣмъ до 15 ноября въ Нѣжинѣ и, наконецъ, съ 16 ноября и по настоящее время даетъ спектакли въ Кіевѣ, въ театрѣ Бергонье. Кромѣ упомянутыхъ уже «корифеевъ», въ труппѣ состоятъ немалоизвѣстные артисты и артистки—г-жи и г.г. Линицкая, Суслова, Тобилевичъ; Вукотичъ, Загорскій, Зайченко, Панькивскій, Чечорскій и друг.

—

Послѣднее стихотвореніе Я. И. Щоголева. Отъ М. И. Лободовскаго въ ред. «Южн. Края» получено съ просьбой напечатать слѣдующее письмо:

«Многоуважаемый г. редакторъ! Въ 1893 г. мною изданъ 2-й томъ стихотвореній украинскаго поэта, покойнаго Якова Ивановича Щоголева, на малорусскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Слобожанщина». По поводу изданія «Слобожанщины» мнѣ приходилось часто бесѣдовать съ Яковомъ Ивановичемъ. На мой вопросъ, всѣ ли написанные имъ стихи вошли во 2-й томъ, онъ мнѣ сказалъ, что только, *одно* не вошло, такъ какъ было написано зимой 1898 г., т. е. въ годъ изданія этого 2-го тома, когда уже получена была рукопись изъ цензуры съ разрѣшеніемъ печатать. Слѣдовательно, это *одно* стихотвореніе было написано имъ за 3—4 мѣсяца до его смерти, такъ какъ Я. И. умеръ 28 мая 1898 года. Онъ мнѣ прочелъ это стихотвореніе на память, а я попросилъ позволеніе списать его; у него-же въ домѣ оно и было мною списано. Чтобы не затонуло это предсмертное твореніе глубокоуважаемаго поэта въ житейскомъ морѣ, имѣю

честь покорнѣйше просить Васъ, милостивый государь, напечатать его въ уважаемой вашей газетѣ. Вотъ оно:

Янголъ смерты.

Хто бъ не бувъ ты: сыльный свита,
Велетъ той, передъ котрымъ
Безъ прывита и одвита
Мы занедбано стоимъ;
Хто бъ не бувъ ты: старець бидный,
Що не знае, де и якъ
Прымостыты въ скрынци мидній
Десь загореный пятакъ;
Хтобъ не бувъ ты: юнакъ смилый,
Зачарованый кругомъ,
Лада въ шати снижнобилій,
Корунована винкомъ,—
Не жахайтеся вы сылы,
Що не знать въ который часъ
Налитае видъ могылы
Несподиванно на насъ:
То оману, то дурныцю
Намъ малюнокъ напысавъ,
Що таемну чаривныцю
Кистякомъ колысь вражавъ;
Тая сила—Янголъ Божый,
Якъ вси Янголы Ёго:
Духомъ смырный, выдомъ гожый,
Вирный кметъ Царя Свого;
Темнымъ флересомъ повытый,
Промижъ намы винъ лита,
Кладучы покою миты
На змовкаючи уста,
И говоре: „якъ-бы жало
Те, якымъ я жалю васъ,
Та вражаты перестало,—
Пожалилы бъ вы не разъ!
Я беру зъ земли никчемнисть—

Ту, що долею зовуть,
И веду васъ у таемнисть
Свита иншого нижъ тутъ...
Такъ лита посланець Божый
Зъ краю въ край и день за днемъ,
Той и любячый, и гожый,
Що дарма мы смертью звемъ.

Щоголевъ.

(Южн. Край, № 6872).

Библіографія.

Materyały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, wydawane staraniem Komisyi Antropologicznej Akademii Umiejętności w Krakowie. Tom IV. *W Krakowie. 1900.*

Матеріалы означеннаго тома касаются украинско-русскаго народа и мѣстностей, занятыхъ имъ, лишь въ отдѣлахъ антропологическомъ и археологическомъ.

Изъ антропологическихъ работъ на первомъ мѣстѣ стоитъ работа *Talko-Hryncewicza—Przyczynek do poznania świata kurhanowego Ukrainy.* Объ этомъ изслѣдованіи, вышедшемъ раньше отдѣльнымъ оттискомъ, В. Б. Антоновичемъ было сдѣлано сообщеніе въ одномъ изъ засѣданій Общества Нестора Лѣтописца, переданное затѣмъ вкратцѣ и на страницахъ Кіевск. Старины («Археологич. Лѣтопись», іюнь п. г.), такъ что снова говорить о работѣ г. Талько-Гринцевича не приходится.

Maryan Udziela въ статьѣ *Trwanie życia w Janowie na zasadzie wykazu zmarłych w ciągu lat 110 (1785—1894)*, имѣя подъ руками метрики мѣстныхъ приходовъ, какъ католическаго, такъ и уніатскаго, различнымъ образомъ комбинируетъ тѣ данныя, которыя представили метрики, и приходитъ къ нѣкоторымъ выводамъ. Онъ даетъ общія цифры умершихъ въ Яновѣ (мѣстечко возлѣ Львова, называемое также «Русскимъ Яновомъ») за 110 лѣтъ, причемъ наибольшая смертность падаетъ на десятилѣтіе 1845—54, а также на годы эпидемій (1831, 1848, 1855 и 1872), приводитъ далѣе таблицы умершихъ, съ подраздѣленіемъ на возрасты и таблицы смертности

по отношенію къ живущимъ. Всѣ эти цифровыя данныя расположены отдѣльно для поляковъ и отдѣльно для русиновъ. Что до итоговъ, то они не въ пользу русиновъ: продолжительность жизни у нихъ меньшая, чѣмъ у поляковъ, смертность дѣтей на первомъ году жизни большая, хотя въ дальнѣйшіе годы смертность у поляковъ большая, чѣмъ у русиновъ. Поражаетъ средняя продолжительность жизни какъ у русиновъ, такъ и у поляковъ: у первыхъ она равняется всего 23, 4 год., у вторыхъ—24, 6; главной причиной этого факта является упоминаемая авторомъ страшная бѣдность, гнетущая мѣстное населеніе.

На основаніи данныхъ, полученныхъ при призывѣ къ отбыванію воинской повинности, *Leon Magierowski*, въ отвѣтъ *Wzrost ludności w powiecie Sanockim*, устанавливаетъ средніи для роста поляковъ, русиновъ и евреевъ въ этомъ уѣздѣ. Ростъ поляковъ оказался ниже средняго, ростъ русиновъ и евреевъ—низкимъ. Именно: у поляковъ, при измѣреніи 304 человѣкъ, онъ равнялся 164,5 стм., у русиновъ, при 415 измѣреніяхъ,—159,5 стм., у евреевъ, при 61 измѣр.,—162,7 стм. Эти цифры получились при измѣреніи роста новобранцевъ (21 года), для людей-же болѣе взрослыхъ ихъ нужно увеличить приблизительно на 3,3 стм. Г-нъ Магеровскій распредѣляетъ затѣмъ ростъ по мѣстностямъ. У поляковъ, жителей Санока и селъ преобладаетъ ниже-средній ростъ, у жителей-же мѣстечекъ—высокій. У русиновъ—въ Санокѣ и мѣстечкахъ—ниже средняго, въ селахъ—низкій.

Настоящій томъ даетъ массу данныхъ по доисторической археологіи Галичины. Благодаря неутомимой энергіи и вполнѣ научному отношенію къ дѣлу д-ра В. Деметрыкевича, секретаря коммиссіи, начинаетъ понемногу освѣщаться доисторическое прошлое этого края (имѣемъ въ виду Восточную Галичину), оказывающагося не менѣе богатымъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ и другія, сосѣдящія съ нимъ, страны. Для насъ изслѣдованіе даннаго края представляется тѣмъ болѣе интереснымъ и важнымъ, что черезъ него проникали и къ намъ (по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени) тѣ вліянія западно-европейскихъ доисторическихъ культуръ, слѣды которыхъ все съ большей и большей ясностью начинаютъ обнаруживаться и на обширной территоріи южной Россіи. Что касается Подольской губерніи, то эти взаимныя вліянія установлены для нея уже давно, но интересно, что теперь, однородность культуръ прослѣживается и

дальше, напр. въ предѣлахъ Кіевской и Херсонской губерніи. Вслѣдствіе этого, для всѣхъ, интересующихся древностями нашего юга, необходимо внимательно слѣдить за открытіями въ этой области на территоріи Галичины.

Имѣя это въ виду, мы постараемся вкратцѣ отмѣтить всѣ тѣ факты, которые собраны г. Деметрыкевичемъ въ данномъ томѣ матеріаловъ.

Уже въ протоколахъ засѣданій Коммиссіи, которыми начинается томъ, есть интересныя свѣдѣнія объ изслѣдованіяхъ г. Деметрыкевича. Такъ, имъ продолжались раскопки въ пещерѣ Вертеба въ *Бильчѣ Златомъ*, начатыя еще покойнымъ Г. Оссовскимъ. Здѣсь открыта новая сѣть ходовъ со слѣдами многочисленныхъ кострищъ, со скелетами и расписной посудой до-микенскаго типа. Въ ходахъ средней части встрѣтились еще болѣе интересныя находки: посуда того-же типа, но лучшей выдѣлки, съ орнаментомъ, иногда изображающимъ звѣрей—лисицъ, бѣлокъ, оленей, издѣлій изъ кости и, наконецъ, нѣсколько орудій и буссъ изъ чистой мѣди.

Посѣтилъ г. Деметрыкевичъ и *с. Михалковъ* для обслѣдованія на мѣстѣ найденнаго тамъ новаго цѣннаго клада [1]). На основаніи сходства посуды, въ которой найденъ кладъ, съ посудой скифскаго типа изъ сосѣдняго села (Ивань Пустый), г. Деметрыкевичъ говоритъ, что михалковскія находки имѣютъ близкую связь съ т. н. скифской культурой. Намъ кажется, что одного сходства посуды еще не достаточно, сами-же предметы представляютъ мало аналогій съ многочисленными извѣстными предметами скифской культуры.

По сосѣдству съ Михалковомъ г. Деметрыкевичъ сдѣлалъ развѣдки и въ другихъ мѣстахъ. Въ *с. Сапоговѣ* ему удалось удостовѣриться, что нѣкогда вывезенныя отсюда г. Киркоромъ вещи, имѣющія характеръ скифскихъ, происходятъ изъ 3-хъ кургановъ, заключающихъ погребенія и сожженія. Въ *с. Крывчѣ* открыто существованіе пещеръ въ гипсовыхъ скалахъ, ожидающихъ подробнаго изслѣдованія. Въ *с. Монастыркѣ* осмотрѣнъ гротъ въ скалѣ, считавшійся языческой святыней; г. Деметрыкевичъ считаетъ несомнѣнной принадлежность его къ христіанской эпохѣ, когда гротъ служилъ для цѣлей церковныхъ. Въ *с. Бедрыковцахъ* изслѣдованъ могильникъ, заключавшій погребальныя ямы, иногда прикрытыя каменными пли-

[1]) См. Кіевск. Стар., февраль 1900 г., Археол. Лѣт.—Михалковскій кладъ.

тами; могильникъ относится къ концу доисторическаго періода по переселеніи народовъ.

Среди статей, г. Деметрыкевичу принадлежатъ двѣ. Въ первой — *Korony bronzowe przedhistoryczne, znalezione na obszarze ziem dawnej Polski*, мы имѣемъ обстоятельную монографію, посвященную этимъ рѣдкимъ памятникамъ доисторическаго прошлаго. Бронзовыя короны довольно часто встрѣчаются на сѣверѣ — въ Швеціи, Норвегіи, Даніи и Сѣверной Германіи; южнѣе ихъ было найдено всего 2 въ Познанскомъ в. и одна въ Галичинѣ, въ с. Залѣсьѣ надъ Збручемъ. Авторъ опровергаетъ существующее объясненіе этихъ коронъ г. Садовскаго, считавшаго ихъ «corona vollaris», выдававшихся римскимъ воинамъ за взятіе окоповъ, а также мнѣнія скандинавскихъ ученыхъ, считающихъ ихъ шейными украшеніями, и предлагаетъ свое, несомнѣнно наиболѣе правдоподобное. Именно, корона, найденная въ Залѣсьѣ, снабженная довольно высокими и острыми зубцами, не могла служить украшеніемъ шеи, а служила скорѣе всего украшеніемъ головы, и предназначалась для скрѣпленія волосъ. Что касается эпохи, то г. Деметрыкевичъ относитъ короны къ концу бронзоваго вѣка и къ т. н. періоду La Tène.

Прибавимъ къ этому, что на территоріи южной Россіи намъ извѣстны два случая находокъ такихъ коронъ. Одна найдена въ м. Новомъ Дашевѣ, Липовецкаго у., и хранится въ Церковно-археолог. музеѣ при Кіевск. Дух. Акад., другая найдена въ Подольской губ. — къ сожалѣнію не знаемъ точно мѣста находки и не имѣемъ свѣдѣній, куда она поступила отъ любителя, пріобрѣвшаго ее.

Результатомъ цѣлаго ряда археологическихъ изслѣдованій г. Деметрыкевича въ Трембовельскомъ уѣздѣ явилась другая его статья — *Poszukiwania archeologiczne w powiecie Trembowelskim w Galicyi wschodniej*. Авторъ дѣлится тѣми наблюденіями, какія онъ вынесъ изъ посѣщенія и осмотра той или другой мѣстности; послѣдуемъ и мы за нимъ.

Въ самомъ г. *Трембовлѣ*, при проведеніи желѣзной дороги, открыты т. н. пашенныя ямы съ остатками проса и гречихи; вблизи этого мѣста обнаружены погребенія съ глиняными и стеклянными сосудами. Къ сожалѣнію, съ обѣими этими находками поступили по варварски: ихъ совершенно уничтожили; но на основаніи нѣкоторыхъ находокъ — вышеупомянутыя погребенія нужно отнесть къ римской эпохѣ

(II—III в. по Р. Х.) [1]). Далѣе, у *с. Подгорья* также встрѣченъ могильникъ римской эпохи но уже съ обрядомъ сожженія.

Рядъ интересныхъ наблюденій и открытій дало *с. Зеленче* и его окрестности. На плоской возвышенности, на берегу Серета, здѣсь обнаружены слѣды поселенія княжеской эпохи (интересны находки сосудовъ, наполненныхъ стекляными браслетами и кольцами). Въ другомъ мѣстѣ, на той-же возвышенности, встрѣченъ цѣлый рядъ остатковъ жилищъ неолитической эпохи съ расписными сосудами и глиняными статуэтками. Здѣсь легко было установить присутствіе этихъ остатковъ: послѣ свѣжей вспашки поля, если еще прошелъ частый дождь, можно было замѣтить на полѣ большія пятна квадратной или четыреугольной формы, отличавшіяся отъ остальной поверхности болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ,—эти пятна и служили указаніемъ присутствія остатковъ жилищъ. Находки представляютъ обычные типы: расписные и нерасписные сосуды, глиняныя грузила, встрѣчающіяся иногда цѣлыми массами, такія-же статуэтки, кремневыя орудія—все это въ слоѣ пережженной глины. Описывая свои находки, г. Деметрыкевичъ попутно опровергаетъ теорію г. Оссовскаго, принимавшаго совершенно аналогичныя находки въ Бильчѣ и Васильковцахъ за погребальныя поля съ погребальнымъ обрядомъ, по которому въ сосуды помѣщали прахъ не всего покойника, а лишь по одной пережженной косточкѣ. Г. Деметрыкевичъ вполнѣ правильно считаетъ эти остатки разрушившимися жилищами, а куски обожженной глины съ отпечатками—обмазкой стѣнъ; послѣднее положеніе, намъ кажется, еще требуетъ болѣе вѣскаго подтвержденія. По поводу этихъ-же самыхъ находокъ авторъ дѣлаетъ упрекъ русскимъ ученымъ, удивляясь, что послѣдніе менѣе всего занимались обслѣдованіемъ этого рода памятниковъ. Но г. Деметрыкевичу вѣроятно неизвѣстно, что присутствіе этихъ памятниковъ на территоріи Россіи (главн. обр. въ Кіевской губ.) установлено всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ и что научное изученіе ихъ только-лишь начинается...

Тѣ-же наблюденія, что и у Зеленча, удалось сдѣлать г. Деметрыкевичу и подъ *м. Будзановымъ*, т. е. такіе-же остатки жилищъ съ расписной посудой.

---

[1]) У насъ большую аналогію съ ними представляютъ погребенія и сожженія, открытыя между сс. Жуковцами, Веремьемъ и Черняховомъ, Кіевск. у. (см. «Лѣтопись», іюнь 1900 г.).

На пространствѣ той-же гмины Зеленче, на правой сторонѣ Серета, произведены раскопки городища, и обнаружены слѣды нѣсколькихъ доисторическихъ эпохъ.

Въ *с. Подгайчикахъ Юстыновыхъ* открыты слѣды неолитическихъ поселеній того-же типа и могилы II—III в. по Р. Х. Въ *с. Семеновѣ* раскопано 6 славянскихъ могилъ, къ той-же эпохѣ г. Деметрыкевичъ относитъ и погребенія, открытыя въ одномъ изъ двухъ большихъ кургановъ, расположенныхъ на возвышенности возлѣ села, но, пожалуй, твердыхъ основаній для такого опредѣленія эпохи и не имѣется, такъ какъ единственная находка—сосудъ грубой выдѣлки можетъ указывать и на болѣе раннюю эпоху.

Опуская цѣлый рядъ мѣстностей, гдѣ встрѣчены болѣе или мѣнѣе мелкія находки или гдѣ о памятникахъ упоминается лишь вскользь, отмѣтимъ еще раскопку одного кургана у *с. Глещавы*, заключавшаго въ себѣ каменную кисту съ покойникомъ. Къ сожалѣнію, погребеніе было уже кѣмъ-то нарушено, но кое-какія находки даютъ возможность опредѣлить его время—II—IV в. по Р. Х.

Просматривая работы г. Деметрыкевича, оставляя въ сторонѣ ихъ несомнѣнное научное значеніе, проникаешься невольнымъ уваженіемъ къ автору, какъ представителю цѣлой группы лицъ, за то отношеніе къ памятникамъ старины, которое чувствуется въ нихъ. Дѣйствительно, каждый фактъ, какъ бы ни былъ онъ незначителенъ, тщательно отмѣчается, взвѣшивается, оглашается. Не то у насъ. При массѣ производимыхъ раскопокъ, большинство ихъ гибнетъ безслѣдно для науки, и въ результатѣ изслѣдованіе памятниковъ древности превращается въ уничтоженіе ихъ.

Н. В.

Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества. Т. 12 й. *Харьковъ 1900 г.*

Новый томъ «Сборника» знакомитъ насъ: а) съ состояніемъ и дѣятельностью историко-филологическаго общества вообще (въ отчетѣ за 1898—99 годъ) и б) съ трудами нѣкоторыхъ его членовъ. Въ обозрѣніи состоянія и дѣятельности будемъ слѣдовать порядку изложенія въ отчетѣ. Средства общества очень небольшія: поступило 876 руб. 53 к.; израсходовано 501 р. 93 к., въ остаткѣ 364 р. 80 к.

Источники средствъ обычные: съ трудомъ выжимаемые членскіе взносы да продажа изданій общества. Обычны также и расходы: устройство засѣданій и печатаніе „Сборника". Необычайнымъ источникомъ средствъ служитъ субсидія отъ университета въ размѣрѣ 1000 рублей, изъ нихъ расходуется на изданіе трудовъ общества 400 руб. и на жалованье архиваріусу Харьковскаго архива («историческаго»)—600 руб. Случайнымъ источникомъ является доходъ отъ публичныхъ лекцій, читанныхъ членами Общества; суммою однако очень невеликъ—83 рубля. Всего получено за лекціи 942 р., но изъ нихъ 856 р. ушло на расходы по устройству лекцій; правда, 30 руб. 86 коп. пожертвованы въ пользу голодающихъ. Въ отчетѣ приведенъ списокъ лекторовъ, количество лекцій и сумма сбора, сдѣланнаго каждымъ лекторомъ. Лекторовъ было 7 (г.г. Рѣдинъ, Сумцовъ, Тимофеевъ, Маляренко, Котовъ, Масловъ, Риттеръ). Наибольшій сборъ дали лекціи г. г. Рѣдина и Риттера; наименьшій—Маслова. Первые имѣли каждый около 200 слушателей, а послѣдній—около 60 (предполагая цѣну билетовъ въ 1 руб. и въ 50 коп.). Вообще, успѣхъ лекцій не великъ для такого многолюднаго города, какъ Харьковъ, да еще при обстановкѣ лекцій картинами волшебнаго фонаря. Гдѣ лежитъ причина этой неудачи? Къ сожалѣнію, отчетъ не объясняетъ этого и не даетъ матеріала для разрѣшенія.

Составъ общества не означенъ, вѣроятно по недосмотру редактора.

Дѣятельность общества выразилась въ 11 засѣданіяхъ, въ которыхъ прочтено 18 сообщеній; изъ нихъ исторіи южной Руси коснулись 6 сообщеній, т. е. $^1/_3$. Вотъ ихъ краткое содержаніе: г. Дриновъ, разобравъ румынскую надпись на иконѣ Богоматери, находящейся въ с. Рогани (Харьков. губ.), нашелъ, что икона эта—копія чудотворной иконы Нямецкаго (въ Молдавіи) монастыря; написана копія не позже XVII в. и принесена молдавскимъ господаремъ Димитріемъ Кантемиромъ, которому принадлежало с. Рогань.

А. Сумцовъ, посвящая свое чтеніе «памяти Калнишевскаго», описываетъ печальное состояніе могильнаго памятника послѣдняго кошевого атамана Запорожья и предлагаетъ южно-русскимъ историческимъ обществамъ (въ томъ числѣ и кіев. обществу Нестора-Лѣтописца) принять участіе въ исправленіи памятника.

Гг. Рѣдинъ и Федоровскій, описавъ раскопку «могильникъ курнана (sic) слободы Сенькова, Купянскаго уѣзда», пришли, на основа-

яіи добытыхъ данныхъ, къ заключенію, что въ предѣлахъ Харьковской губерніи жилъ какой-то народъ, въ періодъ болѣе древній, чѣмъ «желѣзный» (г. Федоровскій) или, точнѣе, въ періодъ, когда наряду съ предметами каменными, кремневыми, были въ употребленіи бронзовые (г. Рѣдинъ).

Г. Халанскій въ двухъ своихъ докладахъ «о происхожденіи имени и прозвищъ Ильи Муромца» и «о происхожденіи названія Муравскаго шляха» старается доказать, что Илья Муромецъ—Олегъ Мурманскій, вѣщій Олегъ, а Муравскій шляхъ—Мурманскій.

Наконецъ г. Савва сообщилъ о выходѣ въ свѣтъ перевода г. Муркоса «Путешествіе патріарха Макарія въ Москву, описанное сыномъ патріарха архидіакономъ Павломъ Алепискимъ». Критики этого описанія путешествія, судя по изложенному содержанію доклада, все-таки нѣтъ въ послѣднемъ, а она была-бы весьма необходима, такъ какъ при массѣ впечатлѣній, при постоянной перемѣнѣ мѣста, при невозможности записывать впечатлѣнія немедленно по ихъ воспріятіи, составитель описанія многое записывалъ по памяти и неизбѣжно долженъ былъ впадать въ неточности и путаницу.

Изъ статей, помѣщенныхъ полностью въ настоящемъ томѣ «Сборника», должно отмѣтить двѣ—г. Федоровскаго: «Могильникъ кургана Слободы Сеньковъ Купянского уѣзда», сущность которой передана нами выше; она не требуетъ болѣе подробнаго изложенія, такъ какъ состоитъ изъ описанія самого могильника и добытыхъ въ немъ предметовъ, и г. Амфіана Лебедева: «Іоасафъ Горленко, епископъ бѣлгородскій и обоянскій (съ 2 іюня, 1754 г. до 10 декабря 1754 г), которая написана по неизданному архивному матеріалу и даетъ точные факты для характеристики Іоасафа Горленка, какъ самостоятельнаго епархіальнаго правителя. Авторъ не ставитъ своей цѣлью полной біографіи или полной оцѣнки пастырской дѣятельности Горленка; онъ сообщаетъ лишь немногіе факты, но за то факты характерные, благодаря которымъ личность этого общественнаго дѣятеля очерчивается довольно ясно и отчетливо. Горленко принималъ энергическія мѣры въ видахъ уничтоженія безпорядковъ въ церкви, поднятія умственнаго и нравственнаго состоянія духовенства, уничтоженія въ народѣ остатковъ языческой старины, строго преслѣдовалъ несоблюденіе постовъ, отступленія отъ нравственной жизни и проч.; лица, подпадавшія его суду, наказывались весьма строго; такъ, напр., у одного сельскаго священника вмѣсто купели онъ нашелъ нѣчто въ родѣ

рукомойника для крещенія на дому дѣтей; за это нарушеніе церковнаго устава священникъ былъ наказанъ въ духовномъ правленіи плетьми. Или еще: монахини Троицкаго монастыря въ Курскѣ безъ его епископскаго указа выбрали себѣ игуменью; за это епископъ Іоасафъ приказалъ 18 избиравшихъ монахинь наказать плетьми. Къ наказанію плетьми прибавлялось часто отлученіе отъ церкви и проклятіе; онъ не щадилъ даже дѣтей: учениковъ, убѣгавшихъ отъ тогдашней суровой школы, онъ велѣлъ наказывать розгами и сковывать ноги учениковъ по-парно. Картина, нарисованная г. Лебедевымъ, производитъ удручающее впечатлѣніе на современнаго читателя, но, при оцѣнкѣ дѣятельности надо имѣть въ виду жестокіе нравы начала и первой половины XVIII в., когда жилъ и дѣйствовалъ Іоасафъ Горленко. Остальныя статьи хотя и очень крупныя (напр. «Леонардо да Винчи» г. Сумцова),—не имѣютъ отношенія къ южно-русской исторіи.

Въ этомъ же томѣ продолжается печатаніемъ сырой матеріалъ: «Экстрактъ о изнеможеніи слободскихъ полковъ», добрая половина котораго съ удобствомъ для изслѣдователя (такъ какъ и читателя онъ приводитъ въ изнеможеніе) могла-бы быть опущена, и «Опись» «историческаго архива»; полнота описи оставляетъ желать одного—чтобы надъ описью каждаго документа въ дѣлѣ обозначался бы и листъ (т. е. его цифры).

Внѣшность книги производитъ пріятное впечатлѣніе, и только виньетка на обложкѣ и заглавномъ листѣ, хотя и очень поэтичная, но мало соотвѣтствуетъ содержанію книги и характеру изданія. Не лучше ли было бы замѣнить ее «портретомъ миѳическаго Харька, якобы основавшаго г. Харьковъ», каковой портретъ, вѣроятно, будетъ доставленъ на выставку XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ въ 1902 году и окажется ея гвоздемъ.

И. Каманинъ.

Приходскія фундушевыя училища въ Юго-Западномъ краѣ: ихъ возникновеніе и средства содержанія. *Кіевъ, 1900, стр. 1—171. («Приложеніе къ Циркуляру по Управленію Кіевск. учебн. округомъ за 1900 годъ»).*

Неизвѣстный авторъ настоящаго интереснаго изданія, составленнаго на основаніи извлеченныхъ изъ архивовъ университета св.

Владиміра и Канцеляріи Управленія Кіевскаго учебнаго округа свѣдѣній о приходскихъ фундушевыхъ училищахъ въ Юго-Западномъ краѣ, ближайшей цѣлью въ своемъ трудѣ поставилъ—возможно обстоятельное разъясненіе о времени и причинахъ происхожденія и назначенія состоящихъ въ вѣдѣніи Управленія округа капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ училищамъ, о порядкѣ распоряженія ими, о способахъ взысканія платежей и полной комбинаціи имуществъ,—затрагивая попутно и нѣкоторыя другія стороны жизни означенныхъ училищъ. Самъ авторъ въ своемъ предисловіи указываетъ, что „фундушевые документы и дѣла заключаютъ въ себѣ богатѣйшій матеріалъ для исторіи народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ и ждутъ только своего изслѣдователя, который бы собралъ, привелъ въ порядокъ и освѣтилъ этотъ крайне интересный матеріалъ, между прочимъ, въ бытовомъ и политическомъ отношеніи“ (стр. 3). Въ ожиданіи такого изслѣдователя, авторъ и рѣшилъ взять на себя благодарную задачу—предохранить архивныя дѣла отъ вліянія времени и привести ихъ въ опредѣленный порядокъ, результатомъ чего и явилось лежащее передъ нами цѣнное изданіе, съ важнѣйшими пунктами котораго считаемъ небезъинтереснымъ ознакомить читателей.

Основаніе большинства нынѣ существующихъ фундушевыхъ училищъ Юго-западнаго края было положено въ знаменательные въ исторіи просвѣщенія въ Россіи вообще 1802—1803 года. Обширный планъ устройства училищной части въ Имперіи намѣченъ былъ въ „Предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія“, Высочайше утвержденныхъ 24 января 1803 г., по 3 ст. которыхъ каждый приходъ или два вмѣстѣ должны имѣть хоть одно приходское училище. Понятно, что намѣченный планъ, при его осуществленіи, долженъ былъ встрѣтить большія затрудненія прежде всего въ матеріальныхъ затратахъ, которыя были бы непосильны въ то время для государственнаго казначейства. Въ виду этого въ „Правилахъ“ (ст. 48-я) указывалось на единственно возможный источникъ болѣе широкаго распространенія просвѣщенія—на частныя средства гражданъ, желающихъ пожертвовать частныя выгоды общей пользѣ, за что имъ и должно принадлежать „особенное и преимущественное право на уваженіе своихъ соотчичей“. Такое предположеніе правительства встрѣтило полное сочувствіе и готовность на жертвы интеллигенціи присоединенныхъ отъ Польши областей. Во главѣ движенія въ пользу

открытія школъ стали видные дѣятели и польскіе патріоты—князь Адамъ Чарторійскій, попечитель Виленскаго университета и округа, въ составъ котораго, въ числѣ 8-ми губерній, вошли Кіевская, Подольская и Волынская, и тайный совѣтникъ Ѳаддей Чацкій, получившій должность Визитатора трехъ губерній юго-зап. края. Оба они затратили массу труда и энергіи для осуществленія взятаго на себя дѣла. Въ то же время, во второй половинѣ того-же 1803 г., едва были обнародованы „Правительственныя правила», большинство самыхъ видныхъ представителей общества откликнулось на призывъ, и непосредственнымъ результатомъ явились опредѣленно выраженныя ими желанія открыть въ своихъ имѣніяхъ „парафіальныя школы», при чемъ желанія эти обнаружились не на словахъ только, не въ видѣ обѣщаній, но въ законныхъ документахъ на крупныя пожертвованія. Главнѣйшей, конечно, заботою при открытіи училищъ было снабженіе ихъ достаточными матеріальными средствами,—„фундушами», т. е. движимымъ и недвижимымъ имуществомъ или капиталомъ, доходъ съ которыхъ долженъ поступать, по силѣ извѣстнаго рода документовъ, на поддержаніе тѣхъ учрежденій. Такими документами въ 1803 и 1804 гг. снабжено было 28 школъ Волынской губ. По примѣру свѣтскихъ фундаторовъ, и духовныя лица, и учрежденія, преимущественно капитулы монашескихъ орденовъ, дали обязательство содержать приходскія училища во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не будетъ уѣздныхъ училищъ. Такія училища обязались открыть: *Доминикане*—въ Волынск. губ.—9, въ Подольской—7, въ Кіевской—3, *Кс. Тринитары*: *босые*—въ Волынск.—1, въ Подольской—1; *Монахини Кармелитанки*—въ г. Дубно—приходское женское училище; *Кс. Бернардины*—въ Волынск.—7, въ Подольской—2; *Кс. Капуцины*—въ Волынской—1; *Кс. Францискане*—въ Волынской—4.

Дѣйствительно, въ одной Волынской губерніи до 1831 г. духовенствомъ и учебнымъ вѣдомствомъ открыты были приходскія училища въ 45 мѣстечкахъ и селеніяхъ, не считая губерній Кіевской и Подольской (въ послѣдней—главнѣйшіе пункты: Кіевъ, Лысянка, Бѣлая Церковь; въ Подольской—въ 9 пунктахъ).

Въ виду значительныхъ крупныхъ пожертвованій дворянства и духовенства юго-зап. края, слѣдовало, конечно, считаться съ желаніями жертвователей и съ тѣми правами, которыя они имѣли въ виду предоставить себѣ по отношенію къ открываемымъ на ихъ средства училищамъ. Въ этомъ направленіи Коммиссія училищъ подъ предсѣ-

дательствомъ графа П. Завадовскаго представила въ 1807 году на Высочайшее воззрѣніе «Уставъ для приходскихъ училищъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской», утвержденный 31 августа того же года... Вслѣдъ за утвержденіемъ Устава 1807 г., нѣкоторые владѣльцы рѣшили сдѣлать пожертвованія на основаніи его положеній. Изъ такихъ фундушей отмѣчены: въ Луцкомъ—2, въ Ковельскомъ—1, въ Староконстантиновскомъ—3, въ Ровенскомъ—1. Кромѣ того, подчинившись этому Уставу также нѣсколько училищъ изъ тѣхъ, которыя существовали еще раньше, съ прошлаго столѣтія: Турійское въ Ковельскомъ, Топорищское—въ Житомірскомъ, Выговское въ Овручскомъ и Брусиловское (Ѳаддея Чацкаго) въ Радомысльскомъ у.

Такъ какъ теперь въ распоряженіи Виленскаго округа очутились громадныя имѣнія и капиталы, распоряженіе которыми представляло не мало затрудненій, то Высочайшимъ повелѣніемъ 21 дек. 1807 г. признано было необходимымъ «для приведенія въ ясность фундушевыхъ дѣлъ и для разрѣшенія споровъ» учредить двѣ Коммиссіи—въ Вильнѣ (для губерній Бѣлорусскихъ, Литовскихъ и Минской) и въ Кременцѣ (для Волынской, Подольской и Кіевской). Послѣдняя, упраздненная въ 1829 г., въ теченіе своей, хотя непродолжительной, дѣятельности, оказала громадныя услуги въ дѣлѣ матеріальнаго обезпеченія и возникновенія нынѣ существующихъ фундушевыхъ училищъ. Ей же всѣ существующія училища обязаны тѣмъ, что, благодаря ея вліянію, фундушевыя записи получили окончательное значеніе безспорныхъ документовъ, будучи внесены въ 1819 г. въ актовыя книги подлежащихъ судебныхъ учрежденій (уѣздныхъ судовъ).

Между тѣмъ, послѣ учрежденія устава 1807 г., правительственныя распоряженія по М. Н. Пр. стали клониться къ тому, чтобы дѣло обученія юношества по возможности привести въ соотвѣтствіе съ общегосударственными интересами; такъ, 25 мая 1814 г. послѣдовало циркул. распоряженіе о желательности большаго распространенія русскаго языка въ школахъ; о томъ, чтобы учитель имѣлъ извѣстный образовательный цензъ и установленное свидѣтельство на право обученія, и др. Но въ особенности на учебную дѣятельность въ юго-зап. краѣ повліяли событія 1830 года: всѣ приходскія училища, состоящія въ вѣдѣніи р.-католич. духовенства, были закрыты, а вмѣсто нихъ, по мѣрѣ возможности, открывались такія же училища при церквахъ греко-россійскаго или уніатскаго исповѣданія. Оффиціальное закрытіе училищъ произошло 4 октября того же 1830

года. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подобная мѣра должна была распространиться и на приходскія училища, открытыя на средства свѣтскихъ лицъ, такъ какъ фундуши ихъ пришли въ окончательное разстройство, а направленіе учебной дѣятельности также не внушало довѣрія. Въ началѣ 1832 г. обнаружилось, что эти училища дальше не могутъ существовать безъ точнаго разъясненія и возстановленія источниковъ ихъ содержанія; естественнымъ выходомъ изъ такого положенія явилось закрытіе всѣхъ ихъ съ мая—іюля 1832 г. по 1834 годъ, пока окончательно не опредѣлилась возможность дальнѣйшаго ихъ существованія. Возстановленіе нарушеннаго порядка пошло съ началомъ дѣйствій вновь учрежденнаго около этого времени (въ 1832 году) Кіевскаго учебнаго округа, въ составъ котораго вошелъ весь юго-западный край. Уже въ началѣ слѣдующаго 1833 г. попечитель фонъ-Брадке командировалъ въ Волынскую губернію двухъ чиновниковъ—Сбитнева и Александра Мицкевича, которые объѣхали всѣ тѣ пункты, гдѣ должны были имѣться фундуши и училища, и въ 1834 г. представили результаты своихъ трудовъ. Пока продолжались работы Сбитнева и Мицкевича, пока учебное начальство разбиралось въ результатахъ этихъ работъ, выяснилось окончательное заключеніе, что учебныя заведенія юго-зап. края должны подчиниться общегосударственнымъ началамъ. Эта необходимость выразилась въ Высочайшемъ указѣ правительствующаго сената 5 іюля 1834 г. о подчиненіи училищъ западныхъ губерній дѣйствію Устава 8 декабря 1828 г. Однимъ изъ главнѣйшихъ отличій этого устава отъ Устава 1807 года является вопросъ о порядкѣ назначенія учителей въ приходскія училища, объ ихъ правахъ и обязанностяхъ, а также о правахъ въ этомъ отношеніи фундаторовъ. Тогда какъ, по прежнему уставу, право назначенія учителей оставалось за «мѣстнымъ начальствомъ», т. е. учредителемъ или въ крайнемъ случаѣ предводителемъ дворянства, теперь «въ учители приходскихъ училищъ опредѣляются штатнымъ смотрителемъ лица всякаго состоянія, но нравственнаго качества и поведенія, при чемъ «общества и помѣщики или иначе частные люди, коими учреждаются или содержатся приходскія училища, *имѣютъ право представлять кандидатовъ въ учителя оныхъ*» Отсюда возникъ одинъ изъ главныхъ поводовъ къ столкновеніямъ между фундаторами и училищнымъ начальствомъ; помѣщики отказывались отъ содержанія училищъ, игнорируя послѣдній уставъ, и твердо стояли на томъ, чтобы внесенное въ записи условіе осталось въ своей силѣ, считая въ противномъ

случаѣ всѣ обязательства утрачивающими силу, разъ условія документа не исполняются заинтересованной стороной. Въ результатѣ—многократные и многочисленные судебные процессы, не оконченные отчасти и по сію пору. Тѣмъ не менѣе, этотъ непрерывный процессъ заканчивается нынѣ все-таки съ значительнымъ для дѣла успѣхомъ: 26 училищъ въ Волынской и 3 въ Кіевской существуютъ и содержатся на фундушевыя средства, и 4 училища, хотя и упразднены, но въ управленіи учебнаго округа хранятся нѣкоторые капиталы, которые въ будущемъ дадутъ основаніе для возстановленія училищъ тамъ, гдѣ они предположены были по записямъ.

Таковы главнѣйшія, интересующія насъ данныя, заключающіяся въ первой общей части настоящаго изслѣдованія. Во второй части, болѣе обширной, излагаются краткіе очерки о фундушѣ каждаго приходского училища въ отдѣльности, составленные преимущественно на основаніи данныхъ изъ отчетовъ упомянутыхъ выше—Сбитнева и Мицкевича. Здѣсь сообщаются данныя объ упраздненныхъ приходскихъ училищахъ Волынской губерніи—Ивановскомъ, Турійскомъ, Мельницкомъ, Топорищскомъ, Выговскомъ, Киселинскомъ, Торговицкомъ и Столинскомъ, затѣмъ о 26 существующихъ въ той же губерніи, о Брусиловскомъ и Бѣлоцерковскомъ—въ Кіевской губерніи и Немировскомъ—въ Подольской.

На этомъ заканчивается данное изслѣдованіе. Авторъ отмѣчаетъ (стр. 33), что въ разсмотрѣнной имъ части архива Виленскаго округа, хранящагося при университетѣ св. Владиміра, и въ дѣлахъ бывшей Канцеляріи Виленскаго Попечителя за время 1803—1831, найдено въ общемъ очень мало данныхъ, касающихся фундушей приходскихъ училищъ, и что въ первомъ случаѣ могутъ быть почерпнуты цѣнныя свѣдѣнія *для общей исторіи приходскихъ училищъ*. На эту то сторону слѣдовало бы обратить вниманіе лицамъ, интересующимся исторіей просвѣщенія въ нашемъ краѣ.

В. Д.

А. П. Добрынъ. Біографіи русскихъ писателей средняго и новаго періодовъ. *Съ алфавитнымъ указателемъ произведеній писателей. С.-Петербургъ, 1900, I—VI, 1—534, 1—49, in 8°. Цѣна 2 р.*

Авторъ задался весьма симпатичной цѣлью «собрать и составить біографіи русскихъ писателей отъ эпохи царствованія Императрицы

Елизаветы Петровны до настоящаго времени, по возможности съ указаніемъ въ систематическомъ порядкѣ произведеній каждаго изъ нихъ». Безъ сомнѣнія, такой трудъ, удовлетворительно исполненный, явился бы немалымъ подспорьемъ для всякаго, желающаго получить справку о литературной дѣятельности того или иного выдающагося русскаго писателя. Выдающихся писателей авторъ насчитываетъ, со времени Елизаветы Петровны и до нашихъ дней, 200 съ лишнимъ, руководствуясь при этомъ, надо полагать, личными симпатіями. Такъ напримѣръ, зачисливъ въ ряды безсмертныхъ Веревкина, Виленкина, Дудышкина и др., авторъ игнорируетъ *П. Кулиша*, *А. Стороженка* и многихъ другихъ малорусскихъ писателей, которыхъ вообще, какъ напр. Гребенку, Котляревскаго, Квитку-Основьяненка, Костомарова, Мордовцева, Шевченка, онъ, повидимому, не исключаетъ изъ числа русскихъ.

Но, впрочемъ, счастливъ ихъ Богъ что они не удостоились быть избранными... Чтобы убѣдиться въ послѣднемъ, обратимся къ тѣмъ біографіямъ малорусскихъ писателей, которыя вошли въ книгу г. Добрыва. Возьмемъ Е. П. Гребенку. Здѣсь мы съ глубокимъ интересомъ читаемъ, что Е. П. въ 1834 году издалъ свои малороссійскія «*Призраки*(!)[1]),—имѣвшія большой успѣхъ и потребовавшія второго изданія», а затѣмъ далѣе, въ перечнѣ произведеній, съ неменьшимъ любопытствомъ находимъ, что Е. П. написалъ романъ «*Нѣжинскій полковникъ Золотоноша*» (?!)[2])... Перейдя къ Н. И. Костомарову, найдемъ, что онъ написалъ драму «Сэвва Шалый», историческую статью: «Иванъ Спиргофскій» и друг. произведенія. Котляревскій также написалъ «*Москаля-Черевника*»—хотя въ особенности прославился «переложеніемъ на украинское нарѣчіе «Энеиды» (*Вергилія*), гдѣ боги и герои античнаго міра дѣйствуютъ среди жизни украинскаго простонародья, въ обстановкѣ *хохлацкаго* быта имѣвшая(?) громадный успѣхъ и популярность на Украинѣ, гдѣ она долго была любимой книгой грамотнаго южанина» и т. д... «Въ этой *породіи*, помимо *своего* интереса, какъ веселой блестящей шутки, имѣется еще немалое значеніе (sic!) какъ вѣрная картина (sic!) украинскаго быта, какъ изображеніе пороковъ и смѣшныхъ сторонъ малороссійскаго народа» Что касается Квитки-Основьяненка, то въ 1833 году вышло „на

---

[1]) См. *Приказки*.

[2]) См. *Золотаренко*.

русскомъ и малороссійскомъ языкахъ одно изъ лучшихъ его произведеній, романъ «Панъ *Холявскій*, въ которомъ Г. Ѳ. неподражаемо, правдиво и картинно изобразилъ помѣщичій бытъ *того* (sic!) времени Въ біографіи Д. Л. Мордовцева можно прочесть, что онъ написалъ разсказъ «Солдатъ» (Салдатка). Не лучше составлена и біографія Т. Г. Шевченка. Разсказывая о его дѣтствѣ, авторъ замѣчаетъ, что положеніе его какъ сироты, у дьячка Богорскаго, «было однимъ изъ худшихъ. Въ два года тяжелаго ученья онъ успѣлъ однако пройти *грамотку*, *числовецъ* и псалтырь». Побывъ нѣкоторое время у Лысянскаго маляра—дьякона, четырнадцатилѣтній мальчикъ «порѣшилъ возвратиться въ родное село, наняться пасти стадо, *разсчитывая на большой досугъ*, *нужный ему для излюбленныхъ занятій*» (sic!). Упоминается, что Шевченко написалъ произведенія: «*Сонъ невольника*» (поэма)(?!), «*Иванъ Гусь*, *Никита Гайдай*»(?!) и друг.

Какъ видимъ, не посчастливилось малорусскимъ писателямъ въ сборникѣ г. Добрыва,—и только имъ спеціально, такъ какъ біографіи русскихъ писателей, насколько мы замѣтили, составлены сравнительно сносно.

В. Д.

Вікъ (1798—1898). *Кыивъ 1900., стр. 1—464, ц. 2 р.*

Минувшій годъ, послѣдній въ девятнадцатомъ столѣтіи, далъ, среди многихъ другихъ изданій малорусскаго слова, изданіе названной въ заголовкѣ книги, подводящей какъ бы итоги цѣлому столѣтію существованія печатной малорусской словесности въ отдѣлѣ стихотворномъ, что почти совпадаетъ съ итогами этого творчества въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Хотя изданіе это, къ сожалѣнію, не имѣетъ никакой вводной статьи, замѣненной мало говорящимъ о сущности дѣла стихотвореніемъ Кулиша, но по самому заглавію его «*Вікъ 1798—1898*)» можно догадываться, что это сборникъ образцовъ изъ малорусскихъ писателей, начиная съ Котляревскаго. Беря въ руки подобную книгу, читатель прежде всего разсчитываетъ увидѣть въ ней образцы малорусской поэзіи, расположенные въ хронологическомъ порядкѣ, чтобы имѣть возможность сдѣлать наблюденія надъ тѣмъ, какъ шагъ за шагомъ шелъ ходъ развитія и роста этой поэзіи въ теченіе, столѣтія,—и онъ не ошибется, такъ какъ, начиная съ Котляревскаго встрѣтитъ здѣсь произведенія 50 авторовъ, включительно до многихъ нашихъ современниковъ, вновѣ выступающихъ въ печати. Но вотъ тутъ-то и встрѣчается первое недоразумѣніе: для читателя, не по-

священнаго въ детали изученія малорусской словесности, остается загадкой, исчерпанъ-ли этими 50-ю авторами весь запасъ опытовъ украинской поэзіи 19 вѣка, или это только лучшіе представители ея? Человѣку, знакомому съ этимъ вопросомъ, сразу станетъ яснымъ, что составителемъ сборника имѣлась въ виду послѣдняя задача, и что помѣщенные въ книгѣ 50 авторовъ есть, по мнѣнію конечно составителя, лучшіе по силѣ своего таланта, такъ какъ къ указаннымъ авторамъ можно было-бы, не особенно долго роясь въ книгахъ, сейчасъ же прибавить еще нѣсколько десятковъ (особенно имѣя въ виду галицкія изданія), оставленныхъ за флагомъ, какъ слабѣйшіе. Мы готовы не оспаривать вкуса составителя сборника по отношенію избранныхъ имъ авторовъ и, признавая, что въ этихъ 50 именахъ отразилось все лучшее въ малорусской поэзіи, посмотримъ, можно-ли опредѣлить по этой книгѣ картину жизни и роста нашей родной поэзіи въ 19 вѣкѣ.

Прежде всего надо замѣтить, что «Викъ» не есть сборникъ однородныхъ по содержанію и характеру піесъ, вслѣдствіе чего трудно улавливать, такъ сказать, переходъ и развитіе историко-литературныхъ теченій, какъ это, впрочемъ, всегда бываетъ въ сборникахъ именуемыхъ *антологіями*, почти приближающимися къ хрестоматіямъ. Тутъ вы найдете и образцы эпическаго творчества въ разныхъ видахъ и формахъ, и лирическія пьесы; тутъ вы встрѣтите и оригинальныя, и подражательныя, и переводныя произведенія,—и все это разбросано по всей книгѣ, стоя въ связи съ разными авторами. Такимъ образомъ, главная задача составителя такого сборника состоитъ въ тщательномъ выборѣ произведеній даннаго автора, давая оригинальное въ творчествѣ каждаго изъ нихъ. Вотъ съ этой-то стороны, намъ кажется, можно сдѣлать маленькій упрекъ составителю сборника, совершенно не обнаруживающему для насъ, какимъ принципомъ онъ руководствовался при выборѣ пьесъ. Для иллюстраціи возьмемъ подборъ пьесъ изъ Шевченка, который, какъ и слѣдовало ожидать, занялъ въ книгѣ по объему первое мѣсто (74—126 стр.). Для такого поэта, какъ Шевченко, удобнѣе всего было-бы избрать хронологическую систему, т. е. дать образцы его поэзіи до 1847 года, пока онъ былъ на свободѣ, затѣмъ—подобрать болѣе оригинальныя по содержанію и тону піесы, написанныя во время пребыванія его въ ссылкѣ, т. е. до 1857 года, и наконецъ—кое-что изъ піесъ послѣднихъ годовъ. Въ сборникѣ-же «Викъ» вы не увидите не только такой системы ознакомленія съ поэтомъ, но даже не встрѣтите въ подобранныхъ піесахъ

ни одного произведенія изъ тѣхъ, которыми поэтъ такъ прославилъ себя въ началѣ 40-хъ годовъ и которыя составляютъ оригинальное явленіе въ его творчествѣ: мы разумѣемъ его лироэпическія поэмы „Тополя", «Прычынна», «Катерына»; нѣтъ также ни одного отрывка и изъ его классической піесы «Гайдамакы». Такое-же точно замѣчаніе можно сдѣлать и относительно нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, какъ напр.—Щоголевъ, Манжура, Руданскій. Что же касается авторовъ, представленныхъ въ 2-хъ, 3-хъ піесахъ (а Морачевскій, Забила, Мова, Шашкевичъ—даже только въ одной), то остается предположить, что составитель сборника считаетъ такихъ авторовъ слишкомъ однообразными и потому выбираетъ для образца только лучшія двѣ-три пьески. Если такъ, то читатель имѣетъ право быть особенно требовательнымъ къ достоинству этихъ піесъ, иначе самихъ авторовъ слѣдовало отнести къ оставляемымъ за флагомъ. Къ этимъ послѣднимъ, напримѣръ, безусловно надо отнести Морачевскаго, который совсѣмъ не можетъ быть характеризуемъ тѣмъ однимъ образцомъ, какой данъ въ сборникѣ (изъ поэмы «До чумака»), такъ какъ личность и авторство Морачевскаго въ напечатанныхъ до сихъ поръ его произведеніяхъ освѣщается далеко не въ томъ видѣ, какой можно представить себѣ по этому образцу: истинное значеніе Морачевскаго станетъ яснымъ тогда, когда будетъ обнародованъ его переводъ Св. писанія, а до тѣхъ поръ лучше его писанія въ сборникъ не вносить. Нельзя не указать еще одного недостатка въ сборникѣ «Викъ»—это внесеніе составителемъ его въ одну общую линію писателей малорусскихъ и галицкихъ. Недостатокъ этотъ уже былъ отмѣченъ г. Сумцовымъ въ его рецензіи, помѣщенной въ «Южномъ Краѣ», гдѣ совершенно вѣрно было указано, что галицкая поэзія, даже въ предѣлахъ народовцевъ, очень разнится и по интересамъ, и особенно по формѣ, отъ нашей малорусской, вслѣдствіе чего смѣшеніе ихъ производитъ впечатлѣніе искусственнаго и случайнаго соединенія. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы мы захотѣли судить о томъ, насколько языкъ и форма поэзіи нашей являются постепенно мѣняющимися, совершенствующимися, то, послѣ образцовъ поэзіи Гулака-Артемовскаго, Гребинки, поэзія М. Шашкевича и Головацкаго окажутся взятыми какъ-бы совсѣмъ изъ другой среды, а между тѣмъ они поставлены рядомъ съ первыми, или, послѣ Шевченка, Кулиша, Щоголева, Глѣбова, Конисскаго, сразу чѣмъ-то инымъ повѣетъ отъ поэзіи Федьковича, гдѣ вы прочтете между прочимъ и такія строки:

Най шташка не тужить, зозуля не *кýе*,
Най такъ *соловіи* не плачуть,
Най руськая *зéмля* Бояна учуе,
Най руськи сыны *йю* зачують!

Однимъ словомъ, галицкая поэзія должна быть выдѣлена въ сборникѣ въ особую группу и представлена въ большомъ количествѣ авторовъ и ихъ образцовъ.

Не смотря на отмѣченные нами недостатки, мы все-же должны сказать большое спасибо составителю сборника «Викъ», дающему намъ возможность увидѣть итоги малорускаго стихотворнаго творчества въ теченіе столѣтія и въ часы досуга не безъ удовольствія перечесть вновь иногда забытые образцы нашихъ давнихъ авторовъ.

Мы слышали, что первое изданіе «Вика» уже почти распродано, и теперь подготовляется второе изданіе. Пожелаемъ-же ему такого-же успѣха, какой имѣло первое, и вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ надѣяться, что въ этомъ второмъ изданіи будутъ сдѣланы значительныя улучшенія въ смыслѣ болѣе обоснованнаго какимъ-нибудь принципомъ выбора авторовъ и ихъ произведеній, а также въ смыслѣ расширенія біографическихъ и библіографическихъ справокъ, въ чемъ ощущаются въ первомъ изданіи большіе пробѣлы.

В. Н.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 12; 2) Русская Старина, № 12; 3) Историческій Вѣстникъ, № 12; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 12; 5) Вѣстникъ Европы, № 12; 6) Русская Мысль, № 12; 7) Научное Обозрѣніе, № 12; 8) Книжки Восхода, № 11; 9) Літературно-Науковий Вістник, № 12; 10) Ateneum, № 12; 11) Biblioteka Warszawska, № 12; 12) Slovanský Přehled, № 12 (3); 13) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 12; 14) Przewodnik naukowy i literacki, № 12); 15) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 10; 16) Русскій Филологическій Вѣстникъ, кн. 3—4; 17) Русская Школа №№ 10—11; 18) Варшавскія Университетскія Извѣстія, кн. VI; 19) Записки Императорскаго Харьковскаго Университета, кн. 4.

Русскій Архивъ, № 12.

Ал. Маркевичъ. Замѣтки къ біографіи М. Ю. Лермонтова (стр. 622—624). Авторъ предлагаетъ нѣкоторыя дополненія къ воспоминаніямъ князя А. В. Мещерскаго (см. въ 10 кн. Р. Арх.), между прочимъ объ имѣніи въ Малороссіи, принадлежавшемъ Лермонтову.

—

Русская Старина № 12.

В. А. Бильбасовъ. Екатерина II и Василій Васильевичъ Каховскій. 1791—1793 (стр. 527—552).

Указы Екатерины II—В. В. Каховскому (№№ 23—65),—весьма интересный матеріалъ для исторіи юга Россіи. Между прочимъ, указы изданы объ Екатеринославскихъ фабрикахъ (въ Дубровкѣ, Купавнѣ и Койдакахъ), о разрѣшеніи молдавскому протопопу Михаилу Стрѣльбицкому завести типографію въ Дубосарахъ, о разведеніи лѣсовъ въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ, объ отводѣ земель и матеріальной поддержкѣ меннонитамъ и друг. колонистамъ, объ открытіи народныхъ училищъ въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ, объ укрѣпленіи границъ отъ Ягорлыка по Днѣпру до устья его, объ учрежденіи межевой экспедиціи въ Екатериносл. намѣстничествѣ, объ отправленіи Черноморскаго войска на о. Фанагорію, о шелковичномъ заводѣ въ Кіевѣ (порученномъ завѣдыванію Василія Капниста, автора „Ябеды"), о штатѣ экспедиціи для производимыхъ въ новоприобрѣтенной области крѣпостныхъ и прочихъ строеній, о ризницахъ и сервизахъ покойнаго Григорія Алекс. Потемкина, два указа о Турбаевцахъ и друг.

Проектъ гр. А. Бенкендорфа объ устройствѣ высшей полиціи стр. 615—616). Объ учрежденіи тайной полиціи въ главнѣйшихъ городахъ Имперіи, въ томъ числѣ Кіевѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Рескриптъ Императора Павла I—генералу Розенбергу отъ 29 сент. 1797 г. (стр. 720). О назначеніи генерала Розенберга военнымъ губернаторомъ и инспекторомъ украинской дивизіи по пѣхотѣ.

Записки Михаила Чайковскаго (Мехмотъ-Садыхъ паши) (Продолженіе) (стр. 721—744). Въ главѣ *LXXVI* есть указаніе, что казакъ Берто деръ-Давидъ отправился, со старинным знаменемъ Запорожской сѣчи, взятымъ изъ патріархата, изъ Стамбула въ Варну, гдѣ ему было приказано сформировать полкъ охотниковъ, прибывшихъ изъ Добруджи.

—

Историческій Вѣстникъ № 12.

1) *А. С—скій. Къ воспоминаніямъ объ Е. П. Гребенкѣ* (стр. 1011—1020). Въ дополненіе къ своимъ воспоминаніямъ, помѣщеннымъ въ IX кн. „Историч. Вѣстника", авторъ сообщаетъ вновь собранный имъ матеріалъ о Е. П. Гребенкѣ и лицахъ, близкихъ ему: дочери Надеждѣ Евгеніевнѣ и женѣ Аннѣ Павловнѣ, урожденной Свѣчка. Наибольшій интересъ представляетъ найденный одной особой рисунокъ, изображающій Гребенку, входящаго въ классъ (рисунокъ приложенъ въ началѣ журнала).

Къ тексту приложенъ также рисунокъ могилы Е. П. Гребенки.

2) *В. Т. Иностранцы о Россіи.* Воспоминанія графа Де-ла-Ферроннэ (стр. 1094—1120).

Воспоминанія, относящіяся къ концу XVIII ст., связаны съ пребываніемъ арміи Кондэ въ г. Дубнѣ (Волынск. губ.) Въ воспоминаніяхъ сообщаются кое-какія свѣдѣнія объ этомъ городѣ.

3) Въ отдѣлѣ „Критика и библіографія" (стр. 1121—1134) даны, между прочимъ, отзывы объ изданіяхъ и книгахъ: „Древности. Труды им. Моск. арх. общ. томъ XVII. Москва, 1900", „Извѣстія общ. любителей изученія Кубанской Области. Выпускъ II. Екатеринодаръ, 1900", „Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко. Кіевъ, 1899—1900".

—

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 12.

В. И. Срезневскій. И. Е. Бецкій—издатель Молодика (стр. 273—304). Разсматривая дѣятельность И. Е. Бецкаго, какъ издателя «Молодика» (Харьковъ, 1843,—на 1843 г.; Харьковъ 1843—на 1844 годъ и СПБ. 1844), авторъ касается произведеній малорусскихъ и имѣющихъ отношеніе къ Малороссіи, помѣщенныхъ въ «Молодикѣ», сообщая попутно нѣкоторыя весьма цѣнныя для исторіи малорусской литературы указанія.

Н. Павловъ-Сильванскій. Иммунитетъ въ удѣльной Руси (стр. 318—365). Въ своемъ очеркѣ феодальныхъ отношеній удѣльной Руси, авторъ спеціально останавливается на иммунитетахъ—тѣхъ обширнѣйшихъ судебныхъ и податныхъ привилегіяхъ, которыя обезпечивались вотчинникамъ жалованными грамотами, льготными и несудными, XIII—XVI столѣтій. Эти привилегіи, по мнѣнію автора, несомнѣнно составляютъ учрежденіе, по существу тожественное съ западно-европейскимъ иммунитетомъ. Сравнивая детально русскія жа-

лованныя грамоты съ иммунитетными дипломами, авторъ приходитъ къ тому убѣжденію, что иммунитетные порядки на Руси и на западѣ совпали во многихъ частностяхъ.

—

Вѣстникъ Европы № 12.

Левъ Жемчужниковъ. Мои воспоминанія изъ прошлаго. Нѣсколько страницъ посвящено пребыванію автора въ Малороссіи въ 1852 году, при чемъ здѣсь кратко разсказано о посѣщеніи имъ Чернигова, Седнева, Батурина, Конотопа, а особенно живо и прочувствованно—Полтавщины (стр. 517—524).

Въ отдѣлѣ «Изъ Общественной хроники» помѣщено письмо изъ Полтавы, гдѣ разсказанъ очень странный инцидентъ съ популярными брошюрами г. *Чикаленка* «Розмова про сильске хазяйство». Первыя двѣ книжки этихъ «Розмовъ» были одобрены въ первомъ изданіи ученымъ комитетомъ министерства земледѣлія и ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, и вдругъ одесская цензура запретила ихъ при второмъ изданіи (стр. 882). Впрочемъ, намъ теперь достовѣрно извѣстно, что въ высшихъ инстанціяхъ послѣдовало разрѣшеніе на второе изданіе, которое на дняхъ должно появиться въ продажѣ.

—

Русская Мысль № 12.

Въ *отдѣлѣ библіографіи* данъ отзывъ объ изданіи: «Изъ украинской старины» (стр. 456—458).

—

Книжки Восхода № 11.

М. Шорръ. Внутренняя организація евреевъ въ Польшѣ (стр. 94—115). (Продолженіе). Третій періодъ,—отъ половины 16 в. до перваго раздѣла Польши. Устройство общины въ этотъ періодъ: общинная администрація, порядокъ выборовъ ея, цехи и другія сообщества. Отношенія между еврейскими цехами и христіанскими.

—

Літературно-Науковий Вістник, № 12.

Нечестиве кохання. Уривки з ліричного роману на трохи декадентській підвалині. Із сирійських згадок А. Кримського (I—XXVII) (стр. 241—250).

Без пуття. Оповіданє по декадентському Івана Левицького (IV—V, конець) (стр. 251—280).

Перехрестні стежки. Повість Івана Франка (LV—LX, конець) (стр. 281—329).

Кленові листки. Оповіданє Вас. Стефаника (I—IV) (стр. 330—337). Въ высшей степени художественная картинка крестьянской тяжелой жизни.

Із оповідань Франсуа Копе: Передмова І. Час спати! П. За столом. Ш. Ходаки малого Вольфа (стр.—338—354).

Привид. Оповіданє Болеслава Пруса (стр. 355—367).

Із переспівів В. Милорадовича: І. Маврський халіф (із Гайне). ІІ. Маврська журба (із ішпанського) (стр. 368).

—

На склоні віку. Розмова в ночи перед новим роком 1901, Івана Франка (стр. 135—149). Бѣглый обзоръ духовныхъ пріобрѣтеній XIX в. и надежды на XX вѣкъ.

Панько Олелькович Куліш. Огляд його діяльности. Написав Осип Маковей (конець) (стр. 150—169). Пребываніе Кулиша во Львовѣ въ 1882 г.—Послѣднія его литературныя произведенія: Магометъ и Хадиза, Байда, Маруся Богуславка, Царь Налывай, Петро Сагайдачный, различные переводы.

З Росийської України. Факт історичної вартости (стр. 170—177). О соединеніи въ одну трупну лучшихъ артистическихъ силъ малорусскаго театра—М. Л. Кропивницкаго, М. К. Заньковецкой, И. К. Карпенка-Караго, Н. К. Садовскаго и А. К. Саксаганскаго.

Хроніка і бібліографія) (стр. 181—200.

—

Ateneum, № 12.

St. Piotrowski. Wspólna własność ziemska w gminie Wielkorosyjskiej (стр. 511—544). Приводятся нѣкоторыя свѣдѣнія о земельномъ положеніи въ древній періодъ русской исторіи на основаніи данныхъ лѣтописи и другихъ историческихъ памятниковъ.

—

Biblioteka Warszawska № 12.

Ksawery Chamiec. Wśród stepow i jarów. Kultura przeddzigejowa (стр. 465—500). (Окончаніе). Авторъ, какъ и въ первой части своей статьи, останавливается главнымъ образомъ на погребеніяхъ въ каменныхъ ящикахъ («кистахъ») во всей Европѣ, и въ частности въ Малороссіи, удѣливъ также нѣсколько мѣста гипотезѣ о происхожденіи

въ нашихъ краяхъ до-микенской культуры съ расписными сосудами (такъ называемыхъ «площадокъ»).

—

Slovansky Přehled, № 3 (12).

Въ отдѣлѣ «Rozhledy a zprávy» (стр. 150) упоминается о юбилеѣ О. Поповича, о почтенной дѣятельности послѣдняго и приводится отрывокъ изъ газеты «Буковина» по поводу славянской взаимности.

—

Труды Кіевской Духовной Академіи № 12.

Свящ. Ѳ. Титовъ. Преосвященный Иннокентій Борисовъ, архіепископъ Херсонскій и Таврическій, какъ ректоръ Кіевской духовной Академіи (15 декабря 1800 г.—15 декабря 1900 г.). (Къ столѣтнему юбилею со дня рожденія его) (стр. 493—521).

Краткій очеркъ жизни и дѣятельности преосвященнаго, главнымъ образомъ въ бытность его ректоромъ Кіевской Академіи. Упоминается о занятіяхъ его церковной исторіей, особенно западно-русской, быть можетъ подъ воздѣйствіемъ митр. Евгенія и М. А. Максимовича, съ которымъ преосв. Иннокентій былъ связанъ узами тѣсной дружбы; а также объ участіи вмѣстѣ съ Максимовичемъ въ возбужденіи вопроса объ основаніи въ Кіевѣ особаго общества исторіи и древностей словено-россійскихъ, для которыхъ вырабатывался въ 30-хъ г.г. XIX в. даже и уставъ.

С. Т. Голубевъ. Гедеонъ Одорскій (бывшій ректоромъ Кіевской Академіи въ началѣ XVIII ст.) (продолженіе) (стр. 567—629).

Назначеніе Одорскаго въ должность ректора. Замѣчанія о матеріальныхъ средствахъ Кіевской Академіи къ началу XVIII вѣка. Заботы Одорскаго объ упроченіи этихъ средствъ. Полученные имъ отъ гетмана Мазепы универсалы на земельныя угодья.—Универсалъ Мазепы 1704 о Корниловской пущѣ. Сооруженіе имъ каменнаго корпуса для Академіи. Изображеніе его на панегирикѣ—гравюрѣ, поднесенной бывшему ректору П. Колачинскому. Евангеліе, пожертвованное въ Академію бывшими учащими и воспитанниками Академіи, и списокъ ихъ, съ указаніемъ ихъ сана (всѣхъ 114 душъ).

—

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 10.

Н. П. Василенко. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка (273—288). (Продолженіе).

—

Записки Императорскаго Харьковскаго Университета № 4.

А. Л. Пельтцеръ. Англійскія и шотландскія баллады по сборнику Чайльда (стр. 89—152). Излагая англійскія и шотландскія баллады, составляющія десятитомный сборникъ Чайльда, авторъ снабжаетъ послѣднія малорусскими аналогіями по сборникамъ Аѳанасьева, Чубинскаго, Головацкаго, Антоновича и Драгоманова и др. русскихъ этнографовъ. Работа г. Пельтцера представляетъ немалый интересъ для лицъ, занимающихся малорусской этнографіей...

Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго Университета (стр. 31—78). (Продолженіе). Состояніе Харьковскаго Округа и Университета при попечителяхъ: Филатьевѣ и Головкинѣ (по 1846 годъ).

Протоколы 4, 5 и 6 засѣданій предварительн. комитета по устройству XII археол. съѣзда въ Харьковѣ и приложенія къ протоколамъ: докладъ *Е. К. Рѣдина.* «Памятники церковныхъ древностей Харьковской губерніи», *Н. А. Ѳедоровскаго.* Древности окрестности с. Райгородки, Изюмскаго уѣзда, *М. Г. Халанскаго:* 1) О нѣкоторыхъ предметахъ древности, на которые желательно обратить вниманіе археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, и 2). Новый списокъ перевода твореній Іоанна Дамаскина, сдѣланнаго княземъ А. М. Курбскимъ, *А. М. Покровскаго.* О раскопкахъ въ с. Прелестномъ, Изюмскаго уѣзда, *И. Ш—ва.* Памятники старины въ Ахтырскомъ уѣздѣ (изъ Хар. Губ. Вѣд. отъ 11 іюля 1900 г.), и *Ю. И Морозова.* О городищахъ Харьковской губерніи (Изъ Х. В. за 1891 г. №№ 43 и 45). (стр. 1—48).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 5 журнала «Кавказскій Вѣстникъ» помѣщена статья проф. грузинской литературы А. Хаханова подъ заглавіемъ „Грузинскіе поэты на малорусскомъ языкѣ" (стр. 168—176). Авторъ разсматриваетъ переводы О. Любенькаго, Б. Грінченка и П. Грабовскаго и отзывается о нихъ съ симпатіей (всѣ переводы дословно выписаны имъ изъ «Зорі», «Правди» и др. журналовъ). Въ заключеніе своей статьи авторъ говоритъ: «Привѣтствуемъ переводы нашихъ поэтовъ на языкѣ Малороссовъ, поэзія и музыка которыхъ имѣютъ такъ много общаго и родственнаго съ нашими. Пожелаемъ, чтобы малорусская литература, такъ роскошно развившаяся, расцвѣтала и впредь».

Такого же содержанія статья, на грузинскомъ языкѣ, помѣщена проф. Хахановымъ въ газетѣ «Иверія».

—

Въ № 12 „Журнала для всѣхъ“ (стр. 1411—1424) помѣщено окончаніе статьи покойнаго А. Я. Конисскаго „Украинскій поэтъ Т. Г. Шевченко“, представляющей обстоятельную біографію поэта. Къ статьѣ приложенъ портретъ Т. Г. Шевченка—въ кожухѣ и черной шапкѣ.

Въ томъ же № даны Ив. Буниным переводы двухъ стихотвореній Шевченка: „Заповитъ“ и „У зеленимъ темнимъ гаи“...

—

Въ №№ 375, 382, 389 газ. „Сѣверный Курьеръ“ г. В. Перетцъ помѣстилъ рядъ *«Очерковъ по исторіи* малорусской литературы». Въ помѣщенныхъ очеркахъ авторъ касается вопроса о времени и причинахъ появленія малорусской литературы, указываетъ образцы богословско-полемическихъ сочиненій и похвальныхъ стихотвореній, начинающихся съ конца XVI в.; останавливается на первыхъ произведеніяхъ Малорусской поэтической литературы—одахъ; излагаетъ процессъ постепеннаго проникновенія школьной и простонародной, духовной и свѣтской малорусской поэзіи въ московскую Русь и вліянія на великорусскую стихотворную литературу, и, наконецъ, даетъ характеристику искусственныхъ пѣсенокъ начала XVIII в., помѣщенныхъ въ сборникахъ того времени.

Продолженіе интересныхъ очерковъ г. Перетца слѣдуетъ.

—

Въ іюньской книжкѣ московскаго журнала «Наблюдатель» помѣщенъ переводъ «Перебенди» Шевченка, принадлежащій Уманову-Каплуновскому; переводъ плохой и совсѣмъ не поэтическій.

—

Въ № 334 газ. «Новости и Биржевая Газета» г. Д. Мордовцевъ въ фельетонѣ помѣстилъ статью *«Романъ Мазепы»*. «Не имѣя подъ рукой книги г. Уманца»,—г. Мордовцевъ полемизируетъ съ послѣднимъ по поводу романа Мазепы съ Мотрей Кочубей, пользуясь замѣткой въ «Библіографическомъ Листѣ» «Ежемѣсячныхъ Сочиненій І. І. Ясинскаго (за іюль мѣсяцъ прошл. года). Авторъ, не ссылаясь ни на одно изъ болѣе новыхъ изслѣдованій о Мазепѣ, основываетъ свои выводы на «Дѣлѣ Кочубея», печатавшемся въ свое время въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древностей».

—

Въ № 1052 газ. «Приднѣпровскій Край» г. Петръ Южный помѣстилъ статью «*Объ архивной коммиссіи*». Послѣ краткаго обзора дѣятельности вообще архивныхъ коммиссій, авторъ переходитъ къ необходимости учрежденія архивной коммиссіи и въ г. Екатеринославѣ, для которой работы найдется порядочно. При этомъ авторъ отмѣчаетъ, въ какихъ архивахъ какіе документы можно встрѣтить.

Въ № 43 еженедѣльнаго польскаго журнала „Prawda" помѣщена статья д-ра В. Морачевскаго подъ загл. „Literatura Małoruska". На самомъ дѣлѣ—въ статьѣ рѣчь идетъ лишь о двухъ писателяхъ: І. Франко и Вас. Стефаникѣ. Статья преисполнена категорическими, но далеко не совсѣмъ правильными утвержденіями, какъ напр., что у насъ нѣтъ повѣсти(!), нѣтъ драмы(!). Для образца приведемъ слѣдующую фразу: Będziemy mieli obraz literatury małoruskiej do ostatnich czasów, literatury roztkliwionej, *wiecznie piszącej wierszami*, o chatach, płotach, chustkach i jaworach (których nikt z piszących na własne oczy nie oglądał), *a prozą*—o przemyśle drobnym, kwestyi kobiecej i powszechnem głosowaniu".

Вридъ ли подобныя сентенціи могутъ претендовать на серьезное значеніе...

Въ № 6856 газ. „Южный Край" въ замѣткѣ „Исторія г. Харькова за 250 лѣтъ его существованія (1655—1904 гг.)"—изложенъ планъ предпринятаго проф. Д. Багалѣемъ труда по составленію всесторонняго изображенія исторіи г. Харькова.

Въ послѣднюю книжку (195-ю) „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ" между прочимъ вошли слѣдующіе матеріалы и изслѣдованія: 1) „Письмо Сардинскаго посла Барона де-ла-Турбіа о Россіи 1796 г. Съ предисловіемъ М. Поліевктова (стр. 1—22), въ которомъ авторъ, проѣхавшій чрезъ Малороссію и Новороссію въ 1796 г., даетъ краткое описаніе видѣнныхъ имъ мѣстностей, порядковъ, сосредоточивъ главное свое вниманіе на описаніи Новороссійскаго края,—и 2) „Литовско-Русскій Сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства—Матвѣя Любавскаго" (главы I—V, стр. 1—508). Въ настоящей части своего огромнаго труда авторъ касается вопросовъ о происхожденіи литов-

ско-русскаго сейма, его состава и функцій въ начальной стадіи его развитія; о національно-политической борьбѣ въ лит.-русск. государствѣ въ XV в. и происхожденіи „великаго вальнаго сойма"; о великихъ вальныхъ сеймахъ при Сигизмундѣ I, ихъ составѣ и функціяхъ; о составѣ и политическомъ значеніи господарской рады при Казимірѣ и его сыновьяхъ; объ организаціи шляхетскаго сословія въ Литовско-Русскомъ государствѣ къ половинѣ XVI вѣка.

—

Въ № 46 газ. «Хуторянинъ» данъ отзывъ объ изданіи «Изъ Украинской Старины (La Petite Russie d'autrefois). Изданіе А. Ф. Маркса, 1900, in folio".

—

Въ № 11 „*Литературныхъ Приложеній* къ Нивѣ" и книгѣ 7 „*Педагогическаго* Листка" (стр. 977) даны отзывы о книгѣ „Т. Г. Шевченко. Кобзарь. Сборникъ произведеній поэта въ переводѣ русскихъ писателей, съ біографіей. Ив. Бѣлоусова. 1900. Ц. 1 р. 50 к.".

—

Въ послѣдней книжкѣ (2-й, тома V) „Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ" помѣщены, между прочимъ:

А. А. Шахматовъ. Симеоновская лѣтопись XVI вѣка и Троицкая начала XV в. (стр. 451—553) (Продолженіе слѣдуетъ)

Авторъ отмѣчаетъ, что описываемая имъ рукопись, которую онъ предлагаетъ назвать по имени владѣльца—печатнаго дѣла „справщика іерея нікифора сумеонова", *Симеоновской*, по сличеніи съ Лаврентьевской отъ 1177 до 1305 г. доказываетъ близость обѣихъ лѣтописей и такимъ образомъ подтверждаетъ мысль о тѣсной связи Симеон. лѣтоп. съ Троицкой, которая, какъ извѣстно, весьма сходна съ Лаврентьевскою. При этомъ, отличія Симеоновскаго лѣтописца отъ Лавр. объясняются именно тождествомъ этого лѣтописца съ Троицкой, которая мѣстами сильно отличалась отъ Лаврентьевской, дополняя и измѣняя ея текстъ на основаніи другихъ источниковъ.

Н. Петровъ. Историко-географическая основа былинъ о побѣдѣ Ильи Муромца надъ Соловьемъ Разбойникомъ (стр. 624—630).

Авторъ высказываетъ предположеніе, что Илья Муромецъ въ своемъ побѣдномъ шествіи направлялся съ сѣверо-востока на ю.-з. изъ Мурома въ Кіевъ, а не обратно. По всей вѣроятности, истори-

ческій Илья Муромецъ и скончался на югѣ Россіи, принявъ, по примѣру многихъ другихъ предковъ нашихъ, передъ своей кончиной иночество.

Въ отдѣлѣ „Библіографіи“ (стр. 705—721), г. А. І. Лященкомъ данъ обстоятельный обзоръ изданій ученаго „Общества имени Шевченка во Львовѣ“ за 1898 годъ и г. Ильинскимъ рецензированы „Юбилейный сборникъ въ честь В. Ѳ. Миллера, изданный его учениками и почитателями подъ ред. Н. А. Янчука. М. 1900“.

—

Въ №№ 7 и 8 журнала „Педагогическій Листокъ“—въ „Библіографическомъ справочникѣ о книгахъ для народнаго и дѣтскаго чтенія по 1898 годъ“ отмѣчены отзывы журналистики о слѣдующихъ книгахъ:

Малороссійскія сказки (бытовыя). Изд. Пряшишника,—Посредств. отзывъ въ „Русск. Мысли“ 1895, № 7.

Братства въ Ю.-З. Руси. С. Р. Изд. Харьк. О-ва Гр-ти.—поср. отзывъ въ „Русск. Мысли“ 1897, № 5 и „Образованіи“, 1896, № 5.

Графъ Ал. П. Разумовскій.—Э. Миллеръ. Изд. Харьк. О-ва, Гр-ти. Цѣна 3 коп.—Высш. отзывъ—въ „Русск. Мысли“, № 4.

Григорій Ал. Потемкинъ.— Фурманъ П. Изд Мартынова. 184 стр. Цѣна 1 р.—Посред. отзывъ въ журн. „Воспитаніе и Обученіе“, 1889 г. стр. 390.

Изъ жизни запорожскихъ козаковъ. Изд. Калмыковой. Цѣна 2 коп. Посредст. отзывъ въ „Русск. Мысли“, 1894, № 1 и „Русск. Школѣ“, 1894, № 3.

Разумовскій А. Г. Изд. Харьков. О-ва—Посредств. отзывъ въ журн. „Образованіе“ 1896 г., № 5.

Сковорода Г. С.—С. Р. Изд. Харьк. О-ва Гр-ти.—Низш. отз. въ „Русск. Мысли“, 1897, № 5 и „Сѣверн. Вѣстникѣ“, 1895, № 5, посредствѣ.—въ „Образованіи“, 1896 г., № 5.

Шевченко Т. Г. Изд. журн. „Мірской Вѣстникъ“. Цѣна 15 к. Посред. отзывъ въ „Воспитаніе и Обученіе“ 1888 г. № 9, стр. 359.

Шевченко Т. Г. (Для юношества), 54 стр., съ 4 рис. Цѣна 1 р. 50 к.—*Е. К. Григорьевой.*—Низшій отзывъ въ „Вѣстн. Воспитанія“, 1897, № 4.

Шевченко Тарасъ Гр. Украинскій поэтъ.—Ч. Вѣтринскій. Изд. Муриновой. 48 стр. Цѣна 4 коп.—Высш. отзывъ—„Міръ Божій“,

1896, № 2; посредств. „Русск. Мысль“, 1894, № 8 и „Всходы“, 1896, № 13; низшій—„Русск. Школа“, 1894, № 11.

Благодатный Край (Малороссія).—П. Александрова. Изд. Панафидина. 32 стр. Цѣна 10 к. Низш. отзывъ въ „Вѣстн. Воспитанія“, 1897, № 8.

—

„*Молода Україна*“, ч. 11.

Зміст: Кілька слів в конечній обороні. *Теофиль Мелень*: Григорий Савич Сковорода. *Степняк*: Софія Перовска. *Лесь На.* У тиху ніч. Хроніка з нашого життя.—Бібліографія.—Дрібні вісти.

—

Списокъ драматическимъ произведеніямъ, разрѣшеннымъ драматическою цензурою къ представленію.

По 1 Октября 1900 г.

1) Марія покрытка (або грихъ и покаяння). Драма у 4-хъ діяхъ съ писнями, хоромъ и танцями (Свята правда). Сочиненіе Митра Свиридовича Тугого (Короля).

2) Тытаривна. Драма в 4 діяхъ (сюжетъ позыченый). В. Ф. Квѣцинскаго (Леонидова). (Правит. Вѣст. № 258).

По 1 Ноября 1900 г.

1) Середъ бури. Драма на пять дій Б. Грінченка. (По печатному изданію „Хвыля за хвылею“).

2) Не въ добрый часъ. (Оповидання Олексы Стороженка, переробленне для сцены). У трехъ картынахъ. Переробывъ Митро Свиридовичъ Тугій (Король).

3) Не задывляйтесь на городянокъ, колы розуму не маете. Русско-малорусска комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе М. Д. Гайсинскаго.

4) Свои ридни--гирше басурмана. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Скомпонувавъ Олекса Карбованець (А. И. Ястребцовъ).

5) Хазяинъ. Комедія въ 4 діяхъ. Ивана Тобилевича (Карпенка-Карого). (Правит. Вѣстн. № 275).

—

Памяти А. Я. Конисскаго, скончавшагося 29 ноября прошл. года въ Кіевѣ, некрологъ и перечень трудовъ котораго помѣщены въ настоящемъ номерѣ, посвящены слѣдующія болѣе или менѣе обширныя статьи и замѣтки: Въ *кіевскихъ* газетахъ: «Кіевлянинъ» (№ 333), «Кіевская Газета» (№№ 351, 352), «Кіевское Слово» (№№ 4635,

4636 и 4652); въ *иногородних*ъ: «Волынь» (№№ 266, 267), «Южный Край» (№ 6862, 6863), «Одесскій Листокъ» (№ 311), «Приднѣпровскій Край (№ 1038, 1040), «Полтавск. Губ. Вѣдомости» (№№ 267, 268), «Биржевыя Вѣдомости» (№ 334, 339), «Югъ» (№ 791), «С.-Петербургскія Вѣдомости» (№ 331), «Новое Время» (отъ 3 Декабря), «Одесскія Новости», «Русскія Вѣдомости» (№ 344), «Крымскій Курьеръ» (№ 279), „Россія»; въ *заграничных*ъ: «Дѣло» (№№ 273, 274, 276), «Руслан» (№№ 271, 275, 276), «Буковина» (№№ 145, 147) и, кромѣ того, своеобразная замѣтка въ № 272 «Галичанина».

Археологическая лѣтопись.

1900 годъ въ археологическомъ отношеніи.

По примѣру прошлаго года, отмѣтимъ вкратцѣ все, болѣе или менѣе выдающееся въ области южно-русской археологіи, что далъ намъ 1900-ый годъ.

Въ обзорѣ за 1899 г., на первомъ мѣстѣ, былъ поставленъ Кіевскій археологическій съѣздъ. И теперь мы начнемъ *со съѣзда, но будущаго, Харьковскаго.* Въ данномъ случаѣ представляется еще новый фактъ, съ очевидностью показывающій какое значеніе имѣетъ для русской археологіи идея покойнаго графа А. С. Уварова—археологическіе съѣзды. Громадное пространство, ограниченное Днѣпромъ и Дономъ, до сихъ поръ мало изслѣдованное, вдругъ какъ-бы ожило. Въ разныхъ частяхъ его образуются общества, комитеты, комиссіи, откликаются люди, начинается энергичная работа по описанію и собиранію памятниковъ старины, —и все это обязано будущему съѣзду. Центральнымъ пунктомъ является Харьковскій предварительный комитетъ по устройству съѣзда, онъ даетъ тонъ работѣ, самъ энергично работаетъ. Нужно замѣтить при этомъ, что археологія является новымъ дѣломъ для Харькова—въ немъ отсутствовали до послѣдняго времени и музеи, и спеціально подготовленныя лица,—теперь устраивается музей, нашлись люди. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,

давая отчетъ о Рижскомъ съѣздѣ, [1]) мы высказали пожеланіе, чтобы на Кіевскомъ съѣздѣ не была забыта и этнографія, такъ хорошо представленная на Латышской этнографической выставкѣ,— но она была забыта. Не забылъ ее Харьковъ—есть полное основаніе надѣятся, что устраиваемая при съѣздѣ малорусская этнографическая выставка соберетъ достаточно матеріала; матеріалъ останется для этнографическаго музея, а выставка дастъ толчекъ для дальнѣйшей работы въ этомъ направленіи, работы необходимой, уже сильно у насъ запоздавшей. Помимо Харькова, устраиваются и дѣйствуютъ филіальныя отдѣленія комитета и встрѣтитъ здѣсь произведенія 50 авторовъ, включительно до многихъ общества въ Воронежѣ, Нѣжинѣ, Полтавѣ, Новочеркасскѣ, Екатеринодарѣ, движеніе по изученію памятниковъ старины охватило около десяти губерній и областей, и, насколько говорятъ факты, движеніе бодрое, живое...

Ученыя общества лѣваго берега Днѣпра, Слободской Украины, Дона и Кубани заняты съѣздомъ; правобережныя, и, въ частности, кіевскія, не отличались особымъ интересомъ къ старинѣ: въ Обществѣ Нестора Лѣтописца и Церковно-археологическомъ было сдѣлано нѣсколько докладовъ, Кіевское общество древностей и искусствъ и въ этомъ году не перешло еще къ активной научной работѣ—устраивало музей. Нужно однако отмѣтить, что состоящая при Обществѣ Нестора Лѣтописца Комиссія по описанію и изданію памятниковъ украинской старины, переживъ, такъ сказать, нерѣшительный моментъ, вызванный повизной дѣла, послѣ экскурсій нѣсколькихъ лицъ, особенно по Волыни и Подоліи, экскурсій, показавшихъ какъ много интереснаго хранитъ еще въ себѣ край, приступаетъ къ болѣе интенсивной дѣятельности. Упомянемъ еще объ одномъ очень отрадномъ фактѣ—вступило въ жизнь Общество Изслѣдователей Волыни, о немъ—немного ниже.

Изслѣдованія и раскопки, произведенныя въ отчетномъ году, носили характеръ или систематическихъ обслѣдованій цѣлаго ряда мѣстностей, или сосредоточивались на какомъ нибудь одномъ пунктѣ. Къ первымъ относятся: экскурсія отъ Городецкаго музея Волынской губ. барона Ѳ. Р. Штейнгель, принявшая

на этотъ разъ довольно обширные размѣры и доставившая много матеріала для музея, затѣмъ, экскурсіи для описанія памятниковъ украинской старины—наша—по Кіевской губ., О. А. Фотинскаго—по Волынской и о. Е. Сѣцинскаго—по Подольской (о ней—см. ниже). Такого рода экскурсіи для нашего края являются еще новымъ дѣломъ; до сихъ поръ вниманіе изслѣдователей привлекала къ себѣ, главнымъ образомъ, отдаленная старина, теперь пришла очередь и для памятниковъ, болѣе намъ близкихъ и по времени, и по характеру ихъ; этихъ памятниковъ, не смотря на интенсивное уничтоженіе, еще много, такъ что къ работѣ слѣдуетъ привлечь возможно болѣе интересующихся лицъ, тогда и собранный матеріалъ будетъ представленъ въ достаточной полнотѣ и, слѣдовательно, будетъ изъ чего выбирать для изданія „Украинскихъ древностей“ [1]).

Раскопки доисторическихъ древностей особымъ обиліемъ въ данномъ году не отличались; достигнутые ими результаты также не блестящи; какъ на болѣе интересныя, можно указать на раскопки похороннаго поля П—III в. по Р. Х. вблизи м. Триполья, на раскопки остатковъ жилищъ и, какъ кажется, кургановъ съ посудой до-микенскаго типа у. с. Колодистаго и на раскопки Ольвійскаго городища, начатыя систематически лишь въ отчетномъ году.

Изъ *случайныхъ находокъ*, самыя выдающіяся падаютъ, какъ этого и слѣдовало ожидать, на г. Кіевъ; всѣ онѣ относятся къ княжеской эпохѣ. Въ „Лѣтописи“ за прошлый годъ мы указали лишь на сравнительно не очень цѣнныя, объ одной-же находкѣ, состоявшей изъ замѣчельнаго клада золотыхъ предметовъ, украшенныхъ перегородчатой эмалью, сканью и жемчугомъ, предметовъ, составляющихъ очень рѣдкій по полнотѣ подборъ украшеній княжескаго періода, мы еще не имѣли возможности сообщить—сдѣлаемъ это въ ближайшемъ будущемъ.

Слѣдуетъ затѣмъ отмѣтить находку въ склепахъ подъ соборной церковью св. Духа въ г. Ромнахъ цѣлаго ряда гробовъ

---

[1]) См. Кіевск. Стар., октябрь 1896 г.

съ сохранившейся на покойникахъ богатой козацкой одеждой,— къ сожалѣнію, цѣнный матеріалъ, какой давала въ руки эта находка, не былъ какъ слѣдуетъ использованъ.

Отчетный годъ показалъ, что мысль о необходимости устройства *музеевъ*, какъ областныхъ, такъ и болѣе частныхъ, получаетъ широкое распространеніе въ нашемъ обществѣ; объ этомъ свидѣтельствуютъ напр. проекты музеевъ въ Каменецъ-Подольскѣ, Екатеринославѣ и Конотопѣ. Существующіе музеи и собранія продолжали дѣйствовать, сообразуясь съ энергіей лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ, и съ имѣющимися матеріальными средствами. Эти послѣднія служатъ обыкновенно очень и очень сдерживающимъ стимуломъ; для примѣра можно указать на Кіевскій Музей Древностей и Искусствъ, который и до сихъ поръ еще не началъ правильно функціонировать.

Что касается *изданій*, посвященныхъ южно-русскимъ древностямъ, то отчетный годъ уступалъ въ этомъ отношеніи предыдущему по продуктивности, хотя и въ этомъ году можно отмѣтить такія цѣнныя изданія, какъ описанія собранія Б. И. и В. Н. Ханенко и II-й томъ Каталога собранія В. В. Тарновскаго.

Н. Бѣляшевскій.

Ученыя общества.

27 ноября прошлаго года состоялось подъ предсѣдательствомъ прибывшей въ Кіевъ гр. П. С. Уваровой засѣданіе *Комиссіи по описанію и изданію древностей Украины.* Въ засѣданіи присутствовало 12 членовъ комиссіи, на обсужденіе которыхъ были предложены нѣкоторые вопросы, касающіеся какъ экскурсій, такъ и изданія.

Н. Ф. Бѣляшевскимъ были демонстрированы фотографическіе снимки (до 50-ти), снятые съ разныхъ памятниковъ старины во время экскурсіи прошлаго лѣта. За отсутствіемъ о. Е. Сѣцинскаго и О. А. Фотинскаго, отчеты объ ихъ экскурсіяхъ, иллюстрируемые снимками, были доложены предсѣдателемъ Общ.

Нестора Лѣтописца проф. Н. П. Дашкевичемъ. К. В. Щербина демонстрировалъ снимки, снятые во время поѣздокъ по Юго-западному краю и Полтавской губ.

Что касается изданія, то, по предложенію гр. П. С. Уваровой, рѣшено отложить его до Харьковскаго съѣзда, т. е. до 1902 г., такъ какъ только къ тому времени можетъ быть собранъ достаточный матеріалъ. При изданіи памятниковъ, руководствоваться распредѣленіемъ ихъ по уѣздамъ, самое же изданіе поручить Обществу Нестора Лѣтописца.

По предложенію Н. Ф. Бѣляшевскаго, рѣшено обратить вниманіе на памятники старины г. Кіева, въ большинствѣ случаевъ еще неописанные и неизданные.

Гр. П. С. Уварова предложила также воспользоваться для изданія матеріалами, хранящимися въ Кіевскомъ Церковно-археологическомъ музеѣ и въ собраніи В. В. Тарновскаго, и для этой цѣли заняться ихъ описаніемъ и фотографированіемъ.

Проф. Голубевъ представилъ замѣтки покойнаго проф. Лашкарева, какъ митеріалъ для будущаго изданія „Древностей Украины".

А. М. Лазаревскій указалъ на важность матеріаловъ Архива Министерства Юстиціи, касающихся кіевскихъ древностей,—гр. П. С. Уварова взяла на себя трудъ обратиться къ управляющему Архивомъ съ соотвѣтственной просьбой о составленіи выборокъ изъ актовъ.

Въ заключеніе, рѣшено пригласить въ члены Комиссіи проф. Н. И. Петрова и Е. М. Кузьмина.

—

2-го декабря, въ Житомірѣ, состоялось первое общее собраніе членовъ *Общества Изслѣдователей Волыни*. Мысль объ учрежденіи общества для изученія Волыни возникла уже давно. Еще въ 1896 г. былъ составленъ проектъ устава Общества Изслѣдователей Волыни. Въ свое время мы подробно познакомили читателей съ этимъ проектомъ; [1]) послѣдній, полу-

[1]) См. Кіевск. Стар., январь 1897 г.

чилъ утвержденіе лишь 14-го апрѣля прошлаго года и въ настоящее время Общество открыто. Напомнимъ вкратцѣ суть устава. Общество имѣетъ цѣлью всестороннее изученіе Волыни, ея прошлаго и настоящаго, поэтому въ предѣлы изученія входятъ и территоріи, составлявшія раньше части Волынской земли и Волынскаго княжества. Сообразно этой цѣли, Общество раздѣляется на 4 секціи: 1) естественныхъ наукъ, 2) этнографическая, 3) экономическая и 4) историческая. Для научныхъ сообщеній Общество устраиваетъ публичныя собранія, можетъ открывать платныя или безплатныя чтенія лекцій, имѣетъ право печатать свои труды безъ предварительной цензуры, получать изъ-за границы научныя изданія безъ цензурнаго просмотра. Изъ вспомогательныхъ учрежденій устраиваетъ библіотеку, архивъ, лабораторію и музей. Въ видахъ охраны предметовъ старины Общество входитъ въ сношенія съ Имп. Археологической Комиссіей, а также и съ другими учрежденіями (для охраны рѣдкихъ видовъ флоры и фауны и т. п.). Вообще нужно замѣтить, что уставъ общества въ основѣ составленъ очень раціонально, Обществу открыто обширное поле дѣятельности.

Первое собраніе, отличавшееся многолюдствомъ (присутствовало до 120-ти человѣкъ), было открыто волынскимъ губернаторомъ І. Я. Дунинъ-Борковскимъ, передавшимъ затѣмъ предсѣдательство спеціально пріѣхавшему для этого засѣданія въ Житомиръ генералу А. И. Косичу, въ теченіи многихъ лѣтъ руководившему работами офицеровъ генеральнаго штаба по изслѣдованію Волыни. Послѣ очень интересной рѣчи А. И. Косича, говорилъ С. А. Уваровъ, выразившій благодарность губернатору І. Я. Дунинъ-Борковскому, содѣйствовавшему учрежденію Общества. Въ отвѣтной рѣчи І. Я. Дунинъ-Борковскій, указавъ на свои многообразныя занятія, выразилъ однако надежду, что ему удастся поставить Общество на правильный путь, такъ что-бы о немъ не имѣли основаній говорить, что оно чахнетъ и влачитъ жалкое существованіе, а наоборотъ, что-бы его можно было поставить въ примѣръ живой и полезной дѣятельности...

Мы, съ своей стороны, отъ всей души привѣтствуемъ открытіе новаго Общества и присоединяемся къ только-что высказанному пожеланію.

Изслѣдованія и раскопки.

Экскурсія о. Е. Сѣцинскаго для описанія памятниковъ старины Подольской губерніи. Историческія судьбы Подоліи не благопріятствовали сохраненію памятниковъ старины, особенно памятниковъ монументальныхъ, художественныхъ. Да и не могло быть здѣсь много такихъ памятниковъ Эта страна была окраинной частью сначала Кіевскаго и Галицкаго княжествъ, затѣмъ литовскаго государства и наконецъ Рѣчи-посполитой и какъ окраина, соприкасающая съ татарскими кочевьями, съ турецкими, молдавскими и венгерскими владѣніями, была въ вѣчной тревогѣ, испытывала постоянныя опустошительныя набѣги татаръ, частыя розорительныя походы другихъ сосѣдей. XVII вѣкъ былъ для Подоліи особенно тяжелымъ, и если вторая половина вѣка стала для южно-русскаго края временемъ „руины", какъ называютъ историки это время, то именно руиной стала въ это время Подолія. Рядъ постоянныхъ разореній страны закончился двадцатисемилѣтнимъ господствомъ турокъ, которые, занявъ страну и не надѣясь долго удержать ее за собой, не заботились о гражданскомъ, а особенно о культурномъ ея преуспѣяніи. Предъ занятіемъ края турками и во время самого владѣнія, почти вся мѣстная интеллигенція ушла изъ Подоліи и увезла съ собой всѣ цѣнности,—книги, рукописи, документы. Остался здѣсь только простой, бѣдный русскій народъ, не имѣвшій средствъ двигаться въ чужія страны. Просматривая архивы церквей и монастырей Подоліи, осматривая ихъ инвентари, вы видите, что будто страна эта начала существовать только съ начала XVIII в.: рѣдко гдѣ можно найти какую-нибудь вещь, икону, рукопись, документъ, древность которыхъ простиралась-бы раньше XVIII в. Если и попадется что древнее, то это принесено сюда уже въ

болѣе позднее время. Особенно это нужно сказать о церковныхъ древностяхъ. Кромѣ вышеуказаннаго, были и позднѣйшія причины того, что въ подольскихъ церквяхъ не сохранилось древностей. Какъ извѣстно, въ Подоліи, съ выходомъ изъ нея турокъ и съ началомъ XVIII в., введена была унія, не допускавшая возврата въ страну православныхъ древнихъ вещей, вывезенныхъ отсюда въ эпоху руины. Затѣмъ, съ конца XVIII в. возстановлено православіе:—и здѣсь, какъ и въ другихъ епархіяхъ, рьяные искоренители уніи изгнали изъ церквей всѣ остатки старины подъ видомъ уніи. Такъ пропало много древнихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, рукописей, иконъ, утвари и др. Даже самыя церковныя зданія трехкупольнаго типа признавались уніатскими и поспѣшно замѣнялись новыми, съ высокими колокольнями, приземистыми куполами и т. п.

—

По порученію Московскаго Археологическаго Общества о. Е. Сѣцинскимъ начатъ прошлымъ лѣтомъ систематическій осмотръ и описаніе памятниковъ старины Подольской губерніи. На этотъ разъ было обращено вниманіе главнымъ образомъ на западную половину Подоліи, и экскурсія охватила сѣверъ уѣздовъ: Винницкаго, Литинскаго и Летичевскаго, отъ г. Винницы, чрезъ м.м. Калиновку и Яновъ и гор. Хмѣльникъ, до Пилявы, а затѣмъ, оттуда, къ югу, по направленію къ Каменцу; совершена также поѣздка по Могилевскому уѣзду, отъ м. Сниткова къ югу, до м. Ярошева и с. Лядавы на Днѣстрѣ. Кромѣ того, посѣщены и нѣкоторыя мѣста восточной Подоліи въ Ольгопольскомъ и Гайсинскомъ уѣздахъ, отъ Бершадскаго монастыря къ Грановскому и затѣмъ, чрезъ г. Гайсинъ, въ м. Лодыжинъ. При этихъ поѣздкахъ осмотрѣны слѣдующіе памятники (съ нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣланы фотографическіе снимки, произведены обмѣры и пр.).

Въ г. *Винницѣ*, изъ немногихъ остатковъ монументальной старины, осмотрѣны высящіяся при въѣздѣ въ центральную часть города опустѣвшія зданія іезуитскаго кляштора, такъ называемые народомъ „муры“, служившіе въ XVII—XVIII вв.

городскимъ замкомъ. Осмотрѣны также монастырище бывшаго здѣсь женскаго монастыря (съ 1635 г.) и четыре городища, изъ нихъ три въ районѣ города и одно въ окрестностяхъ (около с. Соборова). Одно изъ этихъ городищъ представляетъ значительный по размѣрамъ островъ на Бугѣ, съ сохранившимися еще по краямъ острова земляными валами; здѣсь нѣкогда Винницкій полковникъ Богунъ „упремудрывъ“ поляковъ, угостивъ ихъ холодной ванной въ бугскихъ прорубяхъ. Другія два городища, расположенныя въ городѣ на высокихъ берегахъ Буга, представляютъ мѣста бывшихъ древнихъ замковъ города. Въ предмѣстьѣ Старыхъ Хуторахъ осмотрѣна деревянная трехкупольная церковь, построенная въ 1726 г. монахами Винницкаго монастыря. Хотя зданіе это не слишкомъ древнее, но по архитектурѣ представляетъ интересную, типичную южно-русскую трехкупольную церковь, окруженную „опасанемъ“.

На предмѣстьѣ „Старая Винница“ церковь трехкупольная, постройки 1746 г., но въ позднѣйшее время зданіе ея потерпѣло нѣкоторыя измѣненія въ наружномъ видѣ (увеличены окна и т. п.).

Въ *м. Калиновкѣ*, Винницкаго у., осмотрѣно старое зданіе деревянной церкви 1733 г., предназначенное къ разборкѣ.

Въ *м. Яновѣ* сдѣланы снимки мѣстечковой ратуши, представляющей видъ крѣпости съ зубчатыми стѣнами. Кажется, это зданіе, какъ и тамошній дворецъ гр. Холоневскихъ, представляющій видъ стараго затка, не слишкомъ древнее, вѣроятно XVIII в., но интересно по наружному виду. Въ мѣстечкѣ, среди мѣщанъ, сохранилось много обычаевъ бывшаго здѣсь цехового устройства.

Въ *м. Хмѣльникѣ* сдѣланы снимки съ замковой церкви, устроенной въ башнѣ, и отмѣчены также черты цехового устройства среди тамошнихъ ремесленниковъ.

Въ *с. Голодькахъ*, возлѣ Хмѣльника, осмотрѣно монастырище бывшаго здѣсь до половины XVIII в. монастыря. Въ церкви есть чтимая икона Св. Николая хорошаго письма, бывшая раньше, какъ гласитъ прданіе, въ монастырскомъ храмѣ.

Въ *Пилявѣ* (главной цѣли поѣздки въ эту сторону) осмотрѣны и измѣрены развалины замка, памятнаго по знаменитой битвѣ здѣсь Богдана Хмельницкаго съ поляками. Отъ замка, представлявшаго раньше квадратъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ зданіями, стѣнами и башнями, осталась въ настоящее время только одна сторона съ двумя башнями,—остальное все разнесено то помѣщикомъ, то сельскимъ начальствомъ на свои надобности. Возлѣ замка стоитъ старая упразднепная деревянная церковь во имя Успенія Божіей Матери, подлежащая разборкѣ, не древняя (1799 г.), но типичная по архитектурѣ; сдѣланы снимки и этого памятника старины, имѣющаго скоро изчезнуть.

При проѣздѣ черезъ *м. Меджибожъ*, гдѣ, какъ извѣстно, прекрасно сохранился замокъ Синявскихъ, посѣщена Успенская церковь 1669 г., въ *Зиньковѣ* обмѣрена и снята на фотографіе Св. Троицкая церковь 1526 г., осмотрѣны костелъ 1450 г. и остатки замка. Въ *Сутковцахъ* посѣщена церковь XV—XVI в., сдѣланы снимки какъ съ этого памятника старины, такъ и съ остатковъ бывшаго здѣсь замка. Въ *Ярмолинцахъ* отыскана плита одного изъ Ярмолинскихъ, владѣльцевъ этого мѣстечка, и сосѣдняго села Сутковецъ, съ надписью на русскомъ языкѣ (даты нѣтъ,—отбита, но по характеру письма можно отнести къ XVI в.).

Въ Могилевскомъ уѣздѣ осмотрѣна и обмѣрена старая деревянная церковь въ *м. Ярышевѣ*, подлежащая разборкѣ; эта церковь пятикупольная; хотя построеніе ея относятъ къ XVIII в., но по своей архитектурѣ она достойна подробнаго описанія, иконостасъ ея также представляетъ интересъ: интересны на иконостасѣ, надъ царскими вратами, рѣзныя изображенія 4-хъ крылатыхъ евангелистовъ. Въ *Лядавѣ*, на Днѣстрѣ, осмотрѣна пещерная церковь, бывшая когда-то монатырской. Здѣсь есть чтимая древняя икона обрѣтенія главы Св. Іоанна Крестителя.

Въ *с. Курашовцахъ*, Могилевскаго уѣзда, очень интересенъ старый домъ священника, постройки половины XVIII в.; въ немъ имѣются двери и ставни съ разными аллегорическими изображеніями и нравоучительными надписями. Старина не

глубокая, но теперь и такой нигдѣ не отыскать; все подобное замѣняется новымъ,—и этотъ домъ будущей весной будетъ снесенъ. Въ Курашовцахъ издавна священниками были изъ рода Кардасѣвичей; недавно, въ 1900 г., умеръ здѣсь священникъ, священствовавшій болѣе 50 лѣтъ; предъ нимъ, здѣсь же, долго священствовали его отецъ и дѣдъ. Благодаря этому, здѣсь и сохранились старый домъ и амбаръ XVIII в. и вообще живы преданія старины, обычаевъ церковныхъ и общественныхъ. Здѣсь найдено въ церкви нѣсколько рукописныхъ церковно-богослужебныхъ книгъ (поступили въ Каменецкое Древнехранилище Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета) Здѣсь сохранился еще у крестьянокъ обычай повязывать голову „намиткой", носить „запаску" (что въ другихъ селахъ давно изчезло).

Въ *м.м. Снитковѣ и Ярышевѣ*, Могилевскаго уѣзда. есть характерныя по архитектурѣ еврейскія синагоги; особенно интересна синагога въ Ярышевѣ; внутри она вся росписана арабесками; изъ надписи на еврейскомъ языкѣ, находящейся внутри синагоги подъ куполомъ, видно, что роспись ея сдѣлана около 1780 г. Внутри интересна рѣзьба шкафа, въ которомъ хранится свитокъ закона,—рѣзьба, отчасти напоминающая старинную рѣзьбу иконостасовъ: колонки здѣсь сдѣланы также въ видѣ вьющихся виноградныхъ лозъ съ кистями. Въ *Снитковѣ* осмотрѣна коллекція тамошняго доктора г. Монастырскаго, состоящая изъ первобытныхъ древностей, стариннаго оружія и др.

При поѣздкѣ въ Брацлавщину, предполагалось найти что-нибудь въ двухъ монастыряхъ, расположенныхъ на окраинѣ Брацлавщины—*Бершадскомъ и Грановскомъ*; но ожиданія не оправдались. Здѣсь осмотрѣны и архивы, и зданія, и церковная обстановка, но ничего достопримѣчательнаго не найдено,—все новое, благоустроенное, приведенное въ порядокъ... Въ Бершадскомъ монастырѣ есть еще старая, маленькая, древняя церковь, построенная въ послѣдней четверти XVIII в. при возобновленіи монастыря, послѣ его разгрома уніатами и поляками около 1789 г. Въ Грановскомъ монастырѣ была старая церковь XVIII в.,

но она весною настоящаго года разобрана. Въ архивѣ того и другого монастыря нѣтъ ничего ранѣе конца XVIII в. Въ селѣ, лежащемъ близь Бершади, *Беризкахъ Бершадскихъ* осмотрѣны пещеры съ остатками пещерной церкви (кажется, что эти пещеры не древнія и относятся ко времени гоненій на православіе въ Брацлавщинѣ). Въ эту же поѣздку сдѣланы фотографическіе снимки съ нѣкоторыхъ старыхъ церквей трехкупольнаго типа—въ сс. *Гунчь и Кислякъ*, Гайсинскаго уѣзда.

Въ ту же поѣздку посѣщено село *Козавчинъ*, Балтскаго у.,—здѣсь должны были быть татарскія гробницы XIV в., о коихъ упоминаетъ Марчинскій въ своемъ сочиненіи „Statystyka gubernii Podolskiey", изд. въ Вильнѣ 1820—1822 гг. О существованіи этихъ гробницъ повторяли за Марчинскимъ и другіе мѣстные историки, но такихъ гробницъ тамъ не оказалось. Можно думать, что эти памятники, находившіеся, какъ говорятъ, у скалистыхъ береговъ Буга, уничтожены при ломкѣ камня на постройки. Недавно, однако, о. Е. Сѣцинскимъ получено извѣстіе, что въ заборѣ одного крестьянина того села есть большой камень съ какою-то непонятною надписью; этотъ камень привезенъ былъ когда-то изъ окрестностей села. Въ г. *Гайсинъ*, во время этой поѣздки, осмотрѣна значительная коллекція первобытныхъ древностей Г. А. Венгрженовскаго; коллекція собрана въ окрестностяхъ с. Севериновки, Литинскаго уѣзда.

Кромѣ этихъ поѣздокъ, о. Е. Сѣцинскимъ совершались небольшія поѣздки по радіусамъ отъ Каменца—въ близъ лежащія мѣстечки и села, гдѣ имѣлись тѣ или другіе памятники старины, напр. въ Жванецъ, Паневцы, Княжполь и др.

въ П—нѣ появляются подсосѣдки разныхъ владѣльцевъ; по вѣд. 1753 г. ихъ показано 23 дв. и 10 бд. х.; у бунч. тов. Дениса Демяновича было 4 дв., у значк. тов. Григорія Подольскаго—9, а остальные—все больше по одному двору.

Приведенныя свѣдѣнія о П—нѣ даютъ нѣкоторую возможность заключить, что мѣстныя экономическія условія привлекли сюда, уже въ половинѣ XVII в., значительное сравнительно населеніе, которое и держалось въ ней до начала XVIII в., но затѣмъ, при Скоропадскомъ, оно пошло на убыль и *мѣстечко*, обѣщавшее развиться въ значительный центръ,—обѣднѣло. Между прочимъ, изъ вѣдом. 1740 г. видно, что въ это время въ П—нѣ, кромѣ владѣльческихъ 6-ти водяныхъ мельницъ, другихъ, т. е. принадлежащихъ козакамъ или крестьянамъ, уже не было, а прежде онѣ были... Державческій гнетъ былъ повидимому главною причиною обѣдненія П—ны.

Для исторіи П—ны можно добавить, что ок. 1760 г. учреждена была *Переволочанская сотня*, при чемъ сотникомъ въ ней былъ назначенъ младшій сынъ Степана Лукомскаго (с. 136). Въ составъ этой сотни входили слѣд. села: Дѣдовцы, Боршна, Валки, Мольки, Лѣски, Рыбецъ, Красляне, Подища, Ладинъ, Высокое, Смошъ и Калюжинцы.

Д. Мольки, Удай [1]), были свободны („подъ вѣдѣніемъ войсковымъ“) до 1710 г., когда, по свѣдѣнію генер. слѣдствія, Скоропадскимъ были отданы Петру Носенку, у котораго М—ки оставались до 1716 г., а въ этомъ году, по тому же свѣдѣнію, М—ки отданы бы гетманомъ полк. писарю Галенковскому, на рангъ. **Кр. П.** 19 хоз. **А.** 36 д. **В.** 21 д. **В.** 21 д. **Г.** 7 д. 7 х. **Д.** 17 д. 21 х. **Пс.** 2 д. 4 х. **Кв. В.** 11 д. **Г.** 12 д. 12 х. **Д.** 17 д. 32 х. Ранговою маетностью (полк. писарей) М—ки остались и до 1780 г. Уменьшеніе кр—нъ по ревизіи 1740 г. объясняется ихъ уходомъ изъ села, такъ какъ въ продолженіе 1736—40 гг. изъ М—къ, по свѣдѣнію этой-же ревизіи, ушло („без-

[1]) По вѣд. 1740 г.— «подъ тою деревнею за версту идетъ вода чистая р. Удай».

вѣстно“) 7 хозяевъ, оставившихъ „плецы“ свои пустыми. Почему-то Галенковскій не скупалъ здѣсь козаковъ, не смотря на свое особенно авторитетное положеніе въ полку.

С. **Боршна**, Удай, принадлежала къ числу ратушныхъ селъ. По близости къ Густынскому м—рю, послѣдній очень старался захватить Боршенскихъ кр—нъ въ свое владѣніе путемъ „скупли“. Купивъ въ Б—нѣ нѣсколько „плецовъ“ и посадивъ на нихъ кр—нъ, м—рь требовалъ, чтобы Прилуцкая ратуша не „притягала“ ихъ къ общенародньмъ повинностямъ; ратуша возражала, что Боршна—село ратушное, а слѣдовательно всѣ кр—не этого села подлежатъ вѣдѣнію ратуши. Монахи жаловались гетману, который и поручилъ ген. бунч. Лизогубу разслѣдовать дѣло. По разслѣдованію оказалось, что м—рю въ Б—ной принадлежатъ только два двора, которые и были исключены изъ ратушнаго вѣдѣнія. Извѣщая о такомъ результатѣ слѣдствія, гетманъ писалъ Густынскому игумену (14 сент. 1720 г.): „Превелебній въ Богу мосцѣ отче игуменъ м—ря Г—го, велце мосцѣвій господине, отче и ласкавій пріятелю. По супплѣцѣ, при листѣ отъ вашой пр—бности къ намъ присланной, посилаемъ нашъ до п. полк—ка При—го указъ, дабы онъ до людей монастырскихъ въ с. Боршнѣ мешкаючихъ, розискнимъ писмомъ п. бунчучного належати къ обителѣ опредѣленнихъ, а именно до Харка Коваленка и Леска Толоки (якіи до владѣнія писаніемъ тутъ намъ презентованнимъ м—вѣ суть стверженi) не велѣлъ интересоватйся урядникамъ городовимъ Пр—мъ, тилко жъ и ваша превелебность—прикажи болшого числа селянъ Боршенскихъ, ратушевѣ Пр—му отведенихъ, *не привлащати до поданства монастырского, ижъ-бы намъ уже до уставичныхъ трудностей болшъ такіи не заходили жалобливіе, якіе уже и придокучили, апелляціи*, жадаемъ“... [1]). Распоряжаясь, чтобы Пр—ая ратуша „не интересовалась“ до означенныхъ кр—нъ, гетманъ въ своемъ письмѣ по этому предмету къ полковнику добавлялъ: „кромѣ стоялской сустентацѣи, якую сполне зъ селами монастырскими (монастырскіе кр—не) двигати повинни“ [2]).

Не попавъ въ монастырское „послушаніе“, Б—на была назначена въ числѣ прочихъ селъ въ ранговое владѣніе, причемъ въ 1732 г. досталась ген. есаулу Лысенку. Кр. П. 25 хоз. А. 64 д. В. 29 д. В. 57 д. Пс. З. Г. 32 д. 32 х. Пс. 12 х. Д. 27 д. 96 х. 4 бд. х. Пс. 9 д. 12 х. 2 бд. х. Кз. В. 14 д. Г. 31 д. 15 х. Д. 28 д. 73 х. Указанныя въ ревизіи 1740 г. 12 х. подсосѣдковъ принадлежали Густынскому м—рю, причемъ замѣчено, что они имѣютъ „конѣ и волы“, а наличность скота указываетъ, что эти подсосѣдки имѣли не только хаты, но и дворы и что запись ихъ по ревизіи 1740 г.—живущими въ бездворныхъ хатахъ, повидимому, неправильна и сдѣлана съ цѣлію уменьшить тогдашній денежный налогъ [1]).

Борщенскіе ранговые, какъ видно изъ вѣдом. 1740 г., платили „владѣльцу“ Лысенку по сто рублей и затѣмъ личныхъ повинностей должно быть уже не несли; замѣна личнаго крестьянскаго труда денежнымъ платежомъ, сколько намъ извѣстно, въ гетманщинѣ было фактомъ исключительнымъ; относительно ранговыхъ маетностей Прилуцкаго полка—этотъ фактъ мы встрѣтили только во владѣніяхъ Лысенка (см. ниже с. Смошъ) и отчасти генер. есаула Мануйловича. Находился-ли этотъ фактъ въ связи съ личнымъ характеромъ владѣльца или зависѣлъ отъ другихъ причинъ—мы не знаемъ. По смерти Лысенка Б—на пожалована была въ 1744 г. зятю Разумовскихъ Ефиму Дара-

---

[1]) По ревизіи 1753 г. тѣ же самые монастырскіе кр—не, показанные въ числѣ 13-ти хоз., названы *посполитыми* (а не подсосѣдками), живущими въ дворахъ, при чемъ 5 хоз. показаны—„нищетными“, а 7—„крайне нищетными“ и только одинъ хоз.—жилъ въ бездворной хатѣ. Разница въ платежѣ денежнаго налога—на полковыхъ и друг. чиновниковъ,—у подсосѣдковъ и „нищетныхъ“ даже хозяевъ—была оч. значительная. По расположу этого платежа за 1753 г. всѣ подсосѣдки, имѣвшіе лошадей, платили по 1 коп. отъ хозяина, а „посполитые“, какъ „нищетные“, такъ и бездворные—$10^1/_8$ к., а „крайне нищетные“ и бездворные—по $4^1/_2$ коп. Отсюда видно—какъ было выгодно тяглымъ кр—намъ записываться въ ревизіяхъ—подсосѣдками.

гану [1]).—Въ цифрахъ о населеніи Б—ны обращаетъ на себя вниманіе многосемейность въ ней „дворовъ“ и при томъ въ самомъ концѣ XVIII в. Такая многосемейность „дворовъ“ (т. е. отсутствіе дѣлимости семей) видна не только среди козачьяго населенія, но и среди крестьянъ: у послѣднихъ, напр., въ 27-ми дворахъ живетъ 96 семей, (считая на каждую хату по семьѣ), т. е. среднимъ числомъ болѣе чѣмъ по три семьи въ дворѣ...

Д. Манджосовка, Удай, по свѣдѣнію генер. слѣдствія, была отдана Дм. Горленкомъ Прилуцкому полковому „подъесаулію“ Мартыну Рыжему, а потомъ (должно быть его преемнику по уряду) такому же подъесаулію Семену Портянкѣ; засимъ, въ 1707 г., тѣмъ-же Дм. Горленкомъ М—ка отдана Игн. Лисаневичу, въ то время полк. писарю, но въ 1709 г. отъ послѣдняго отобрана Скоропадскимъ и отдана канцеляристу Степану Тарновскому, у котораго и осталась. **Кр. А.** 24 д. **В.** 20 д. **В.** 38 д. **Г.** 37 д. 37 х. **Д.** 37 д. 42 х. **Кз. В.** *нѣтъ*. **Г.** 12 д. 12 х. **Д.** 2 д. 3 х. Козачьяго населенія здѣсь первоначально не было; явилось оно раньше 1731 г., такъ какъ въ этомъ году здѣсь было уже 8 коз. двор. Козаки могли явиться въ М—кѣ во время коллегіи (1722—27), скупивъ здѣсь пустые „плецы“ ушедшихъ кр—нъ. Но коз. населеніе недолго здѣсь продержалось; вѣроятно оно сократилось, когда державцею М—ки сталъ Яковъ Тарновскій, занимавшій какъ извѣстно урядъ генер. бунчучнаго.

С. Валки, Удай. Изъ универсала Б. Хмельницкаго, даннаго Густ—у м—рю въ 1649 г., видно, что право на помолъ въ Валковской водяной мельницѣ отдано было Густ—у м—рю еще при Вишневецкихъ. Право это м—рю Хм—мъ было подтверждено въ октябрѣ 1649 г. [2]), но самимъ селомъ монахи не

---

[1]) Арх. Сената, Ш, № 9332.

[2]) Приводимъ этотъ универсалъ полностью, интересный уже и по времени его выдачи. — «Богданъ Хмелницкій, гетманъ з войскомъ его кор. милости Запорожскимъ. Всемъ вобецъ и каждому з особна, а меновите полковникомъ, сотникомъ, атаманомъ и всему товариству войска нашого до ведомости доносимъ, иж ведлугъ наданъя ясне-освечоныхъ княжатъ ихъ мл. Вишневенъкихъ православныхъ на

успѣли завладѣть, оно вошло въ составъ ратушныхъ селъ. **Кр.** П. *не показаны.* **А.** 102 д. **В.** 54 д. **В.** 78 д. Пс. 1. **Г.** 32 д. 32 х. **Д.** 29 д. 36 х., 2 бд. х. Пс. 5 д. 6 х. 2 бд. х. **Кз. В.** 27 д. **Г.** 39 д. 48 х. **Д.** 47 д. 117 х. Это уменьшеніе кр—скихъ дворовъ за время отъ 1729 по 1740 г. объясняется тѣмъ, что Валки въ 1738 г. отданы были въ ранговое владѣніе генер. судьѣ Михайлу Забѣлѣ, который засталъ въ этомъ селѣ 77 крест. двор. (ревизія 1740 г.); но на другой же годъ послѣ вступленія Забѣлы во владѣніе В—ми, отсюда ушло 32 домохозяина, а въ 1740 г. еще 13, итого за два года ушло—45 домохоз. и налицо, при составленіи въ к. 1740 г. ревизіи, осталось 32 домохоз. [2]). При этомъ изъ 45-ти оставшихся послѣ ушедшихъ „плецовъ", 42 показаны *во владѣніи Забѣлы,* а 3 остались пустыми, вѣроятно потому, что Забѣла не успѣлъ еще, во время составленія ревизіи, зачислить ихъ за собою. Несомнѣнно, что такой повальный уходъ кр—нъ изъ села былъ слѣдствіемъ того порядка въ хозяйствѣ, который установилъ въ немъ Забѣла. Къ сожалѣнію, сущность экономическихъ нововведеній послѣд-

---

месце светое манастыръ Густынский в селе Валкахъ преднейший — кол две млыновыхъ, одно ступное, а другое мучное, с которых вымеры на пожитокъ манастырский маютъ яти, мы реферуючисе во всемъ до права давного, срокго напоминаемъ хто толко товарышомъ нашимъ се менуетъ и зъ месчанъ, жебы жадное перешкоды ни от кого манастыръ Густинский не поносилъ и хто колвек до того млына молоти привез без мерочки звычайное не мололъ, але все зуполна до рукъ отца игумена и братии манастыра Густынского доходило. Ежели-бы хто спротивнымъ былъ сему универсалови нашомъ и вымеры не належне с тыхъ млыновъ бралъ, розсказуемъ пану полковникови Прилуцкому, абы безъ жадное фолгы своеволныхъ сурово каралъ, не одсылаючи до насъ. Данъ в Чигирыне, дня 8 мѣсяца октобра, року 1649.

Богданъ Хмелницкий рука власна". (Съ подлинника, въ Кіевск. центр. арх., въ бумагахъ Густынск. м—ря).

[1]) Свѣдѣнія эти беремъ изъ ревизіи 1740 (оконченной въ ноябрѣ этого года), гдѣ приведемъ *поименный* списокъ кр—нъ, ушедшихъ въ 1739 г. и особо въ 1740 г.

няго въ В—хъ остается неизвѣстною, но подкладкою ихъ была конечно тяжелая „панщина“. В—ки находились во владѣніи М. Забѣлы до его смерти ок. 1740 [1]) Затѣмъ, въ 1743 г. В—ки были отданы Полтавск. п—ку Андрею Горленку, передавшему ихъ своимъ наслѣдникамъ.

С. Смошъ, рч. Смошъ, принадлежала къ числу ратушныхъ селъ до 1732 г., когда была отдана въ ранговое владѣніе генер. есаулу Лысенку. **Кр.** П. 29 хоз. **А.** 43 д. **В.** 40 д. **В.** 82 д. Пс. 5. **Г.** 56 д. 59 х. **Д.** 87 д. 125 х. **Кз. В.** 25 д. **Г.** 19 д. 24 х. **Д.** 22 д. 45 х. По вѣд. 1740 г. количество кр—скихъ дворовъ противъ ревизіи этого же года замѣтно разнится: въ этой вѣд. вм. 56 д. показано 70 дв., т. е. количество ближе подходящее къ цифрѣ 1729 г. Съ этихъ кр—нъ, по той же вѣд., собиралось въ пользу владѣльца 200 р., т. е. и здѣсь, какъ и въ с. Боршной (см. выше), Лысенко вм. „панщины“ облагалъ кр—нъ денежнымъ сборомъ. По смерти Лысенка, Смошъ пожалована была въ 1744 г.—Герасиму, Денису, Андрею, Павлу и Корнѣю Демешкамъ [2]), которые стали позже называться Стрѣшенцами. Все это были братья Натальи Демьяновны Разумовской. Позже Б—ною владѣли только Денисъ Стрѣшенецъ и племянникъ его Кириллъ Герасимовичъ, капитанъ Преображенскаго полка, при чемъ хозяйство у нихъ было раздѣльное. Хозяйство это по Румянцовской описи (составл. въ ноябрѣ 1766 г.) описано такъ: „Господскій домъ, въ которомъ живетъ прикажчикъ Тернопольскій, изъ козачества, служитъ въ годъ, сверхъ пищи, по 10 рубл. Къ тому двору принадлежитъ земли пахотной въ трехъ мѣстахъ (смѣнахъ): 1) за греблею, къ Переволочной,—58 дней, 2) подъ д. Оникіевку,—20 дн. и 3) подъ с. Валки,—27 дн. [3]). На р. Смоши мелница одна, о 2-хъ колахъ мучныхъ, съ коихъ на одномъ колѣ и толчея и валуши; мелетъ во весь годъ поочередно съ мелницею Кирилла Стрѣшенца и съ другими, чрезъ четыре и пять дней; розмѣр-

---

[1]) О Мих. Забѣлѣ см. Опис. Ст. Малороссіи, II, 139.

[2]) Арх. Сената, III, № 9322.

[3]) Мѣра земли *день*=$^3/_4$ десят.

ного хлѣба получается до 15 четв., трингелду [1])—ничего нѣтъ; съ толчей пшена до 2-хъ четвертей, а съ валушнѣ денегъ до 2-хъ рубл. [2]).—Винокурня во дворѣ о 2-хъ котлахъ, въ ней висиживается къ годъ вина по 12 куфъ, въ каждой по 24 ведра.—Солодовня, въ коей солодъ растится толко для господского двора.—Шинкъ, въ коемъ вино продается господское, въ винокурнѣ висижуемое, и съ того въ годъ получается доходу до 100 руб.—Лѣсовъ дровяныхъ три: 1) въ окружности—3 версты 360 саж., 2) на 1 в. 410 саж. и 3)—на 460 саж.".

По вѣд. 1780 г. владѣльцами Смоши показаны гр. Кир. Разумовскій и умерш. тайн. сов. Тепловъ.

О. Калюжинцы, Утка, по свѣдѣн. генер. слѣдствія, первоначально находились во владѣніи Лазаря Горленка, повидимому, безъ гетманскаго универсала; затѣмъ, въ 1705 г., Дм. Горленко получилъ отъ Мазепы на К—цы универсалъ, и владѣлъ ими до измѣны. Въ 1710 г. на К—цы былъ выданъ универсалъ сыну Дмитрія Горленка Андрею (с. 23), у котораго село это оставалось до 1715 г., когда было отобрано и отдано какому то „маршалку Волоскому бану Савину", но послѣдній въ томъ же году „пошолъ въ свою землю", и К—цы были выпрошены у Петра В. другимъ такимъ же авантюристомъ, сербомъ Гавриломъ Милорадовичемъ. По этому поводу Головкинъ писалъ къ Скоропадскому: „г. полковникъ сербскій Гаврило Милорадовичъ, братъ полковника Михаила М—ча, въ случаѣ прошедшей съ турками войны такожде службу свою къ его ц. величеству показалъ и *нѣсколько пожитковъ своихъ притомъ употребилъ*, и не можетъ нынѣ къ дому своему возвратиться; и его ц. величество, за тѣ его Гаврила М—ча службы и въ награжденіе понесенныхъ его убытковъ, повелѣлъ дать ему на Украинѣ въ Прилукскомъ полку село Калюжинцы, бывшее п—ка Прилуцкаго Горленка, которымъ по указу ц. величества владѣлъ волостной (волоскій?) бояринъ Савинъ банъ, и нынѣ онъ отпу-

---

[1]) Слѣдуетъ думать, что подъ трикрельдомъ разумѣется денежная доплата къ «розмѣрному хлѣбу».

[2]) Это та самая мельница, которая Стрѣшенцами отнята у города Прилуки (с. 92).

щенъ во отечество... Ваша вельможность о дачѣ ему Г—лу М—чу вышеобъявленнаго Горленкова села Калюженцовъ изволите учинить по его ц. величеству указу..." [1]) По этому письму К—цы и были отданы М—чу. Какимъ суровымъ державцею явился этотъ авантюристъ въ своихъ маетностяхъ (кромѣ К—цовъ, М—чу дано было еще Сосницкое село Нехаевка), объ этомъ приведены подробныя свѣдѣнія въ другомъ мѣстѣ. [2]) Насилія М—ча получили особую извѣстность, когда онъ сталъ въ 1728 г. Гадяцкимъ полковникомъ. По ходатайству Апостола насилія эти вызвали слѣдствіе, результатомъ котораго было устраненіе М—ча отъ полковничества, но К—цы и Нехаевка остались при немъ.—

Кр. П.? А. 109 д. В. 74. д. В. 63 д. Г. 64 д. 73 х. Д. 100 д. 150 х. Кз. В. 8 д. Г. и Д.—*нѣтъ*. Отсюда видно, что главнымъ результатомъ хозяйничанія М—ча въ К—цахъ было уничтоженіе здѣсь козаковъ, которыхъ въ 1718 г. было еще 8 дв., а въ 1731 г. уже не было ни одного двора [3]). Умеръ М—чъ въ 1730 г., завѣщавъ будто бы, между прочимъ,—„отдати послѣднее свое поклоненіе" тогдашнему гетману. Такъ писала Апостолу вдова М—ча, ходатайствуя, чтобы мѣстныя власти не трогали посаженныхъ умершихъ М—чемъ въ своихъ шинкахъ (въ Калюжницахъ и Переволочной) „жидовъ" [4]). Наслѣдни-

---

[1]) Матеріалы для Отеч. Истор., Судьенка, II, 244.

[2]) Кіевск. Старина 1882 г., мартъ.

[3]) Какъ это видно изъ ревизіи 1731 г.

[4]) Приводимъ здѣсь это прошеніе вдовы М—ча, дающее нѣкоторыя свѣдѣнія о «жидахъ»-шинкаряхъ въ геманщинѣ. «Покойный сожитель мой предъ преставленіемъ своимъ, видячи себе зъ временного житія на вѣчное, спомнивши имены ясн—в—ть вашу, своего добродѣя, приказалъ отдати послѣднее свое ясн—ти вашой поклоненіе, а преставленіе его мѣс. сентеврия зъ 24 числа на 5. Что же до сихъ временъ умедлѣлось жаланіе покойного сожителя моего, тое мусило стать за немалымъ скорбнымъ препятствіемъ, а нынѣ зъ повторительнымъ моимъ нижайшимъ поклоненіемъ до ясн—ти в. отзываючися, доношу, жъ будучи покойній сожитель мой зо мною въ Глуховѣ минувшого времени лѣтняго, надѣючися на тое, же жиди въ Глуховскихъ шинкахъ пребываютъ, такожъ и въ прочихъ владѣлческихъ маетностяхъ въ Мал. Россіи обрѣтаются, приняли и мы въ мает-

комъ Гаврила М—ча былъ его сынъ Антонъ, ограничившійся въ службѣ положеніемъ бунч. товарища. Онъ былъ женатъ на Агафьѣ Степ. Буговичъ (внукѣ генер. ес.) и оставилъ 7 сыновей и 4 дочери; всѣ эти сыновья служили въ военной службѣ.

ность свою Калюжницы едного жида, другого въ мѣст. Переволочную, въ домъ нашъ собственный шинковій, и дали онимъ напитокъ горѣлчаній и медовій. А же п. сотникъ полк. Пр—ій Петро Носенко перво, запечатати приказалъ атаману Переволочанскому въ дворѣ нашомъ напитокъ, въ мѣс. сентевріѣ, и до насъ написалъ не держати жидовъ, а настоящій м—цъ, по указу его, набѣгаючи козаки въ Переволочную и въ маетн. Калюжницы, шинки въ разореніе привели и жидовъ кгвалтомъ побрали... Потимъ, отъѣхавши до Прилукъ зъ жидами, присланъ одъ того сотника указъ до старости подъ штрафомъ, если бы жидовокъ не прислалъ до Прилуки, знать приводячи шинки весьма до разоренія. А выражаетъ въ своемъ указѣ будто до его именемъ ясн—ти в. п. полковникъ Пр—л—цкій пишетъ зъ Глухова о висилцѣ жидовъ зъ полку его, и такового указу намъ не обявляно...» Засимъ вдова проситъ гетмана о выдачѣ ей универсала, чтобы Носенко «впередъ не чинилъ того.» (20 окт, 1730 г.). О результатахъ этого прошенія—свѣдѣній нѣтъ. Къ этому можно добавить, что первое (въ XVIII в.) распоряженіе о высылкѣ евреевъ изъ Малороссіи, сколько намъ извѣстно, относится къ 1721 г., когда Скоропадскимъ былъ изданъ слѣд. универсалъ: «Любо мы за уряду нашего гетманского килкокротные передъ симъ видавали въ полки указы наши, до царск. величетва стосуючіеся, о висилцѣ и вигнаню заграницу жидовъ зъ Украини, однакъ по тому хочай они были зъ иншихъ мѣстцъ вислани, но не отвсюду; теперъ знову ихъ немалое число, якъ слышимъ въ Мал. Россіи обрѣтается и щоразъ еще умножаются; изъ тихъ мѣръ они жъ жида иле богоненавистнии мѣючи зде по городахъ и селахъ шинковые и другіе промисли въ напояхъ и впрочемъ народъ христіанскій напаствуютъ, стараючися зъ природи и злочестивой науки своей всякимъ образомъ христіанъ озлобити, а къ тому между людми вѣрними мѣючи жилища и зборища, свои мерзкими своими жъ обхожденми всякіе чинятъ соблазни. Зверхъ зась того наемные у нихъ въ службѣ домовой христіане, мужеска и женска пола, въ постные седмици имъ потрави жидовские готуючи, безъ осквернения обийтися не могутъ. Прето не хотячи мы болшъ уже тимъ зловѣрнымъ и креста Господня врагамъ жидамъ въ полкахъ рейменту нашего мешкання позволяти, а особливе, когда подъ сее время, черезъ посланыхъ нашихъ з СПБ-рха возвратившихся, именный о томъ получилисмо его ц. величества

С. Высокое, Удай, находилось въ числѣ ратушныхъ селъ до до 1732 г., когда было отдано на рангъ генер. есаулу Мануйловичу. **Кр. П.** 21 хоз. **А.** 45 д. **В.** 28 д. **В.** 29 д. **Пс.** 1 **Г.** 24 д. 28 х. **Д.** 19 д. 20 х. **Пс.** 10 д. 15 х. **Кз. В.** 10 д. **Г.** 16 д.

указъ, дабысмо всячески жидовъ з Малой Россіи презъ границу, зложивши срокъ до которого они з своими панами и заводцами въ порученныхъ себѣ шинкахъ и иншихъ промыслахъ розчислитися и свѣтоватися могуть, висилати велѣли одселя зъ Малой Россіи, чрезъ сей нашъ универсалъ грозно приказуемъ и упоминаемъ подъ неотпустними винами и сродимъ штрафомъ на тихъ, которіи въ городкахъ или селахъ жидовъ держатъ, абы всякъ зъ старшини и державцовъ и хто колвекъ оныхъ подъ своею имѣетъ протекціею, росчисливщися зъ ними и росквитавшися въ промыслахъ ихъ жидовскихъ шинковыхъ чили иншихъ, якіе хто которому жиду полѣцилъ, безъ отлагателства оныхъ за границу висилали, чтобъ ни единъ зъ нихъ до Покрова Пресв. Богородицы, о первыхъ числахъ октоврія, внутръ М. Россіи не остался, развѣ тилко тотъ, хтобы жидовское покинувши невѣріе, восхотѣлъ до христіанства повернутися... А по вийстю помянутого термѣну... пошлемъ одъ себе (въ полки)—охочіе полки сердюковъ при нарочныхъ висланыхъ, для обыску жидовъ и если где у кого мѣлъ бы винайтися жидъ, то той самъ знатного... штрафу и наказанія не увойдетъ, а жида имъ удержаного велимо все его жидовское имѣніе розграбивши зъ безчестіемъ и съ умаленіемъ здоровя, пречъ за рубѣжъ обнаженного вигнати»... *(15 іюля, 1721 г.)* Сборн. универсаловъ Скороп. 1720—722 гг., рукоп. Кіевск. археогр. коммиссіи, № 477. Это «грозное» распоряженіе однакожъ не возымѣло желаемаго результата, такъ какъ Апостолъ въ первый же мѣсяцъ своего гетманства (27 окт. 1727 г.) разослалъ другой о томъ же универсалъ, въ которомъ ссылаясь на высочайшій указъ о высылкѣ изъ М. Россіи всѣхъ жидовъ за границу, приказалъ немедленно исполнить этотъ указъ—«и сего ради велѣли во всѣ полки рейменту послать укази, дабы всѣхъ жидовъ зо всякой маетности выслать за границу всеконечно.» *Матер. для Отеч. Ист.* I, отд. 2-й, стр. 12. Но и это распоряженіе исполнено не было, какъ видно изъ прошенія вдовы Милорадовича, и вѣроятно только дало старшинѣ возможность—«мазать себѣ рукй», какъ выразился гетманъ Апостолъ въ одномъ своемъ универсалѣ, говоря о старшинскихъ поборахъ. Замѣтимъ, что въ одной рукоп. малорос. *кроничкѣ*, подъ 1727-мъ годомъ, замѣчено: «Жиди безъ остатка вси *зъ Россіи* вигнати». Къ Малороссіи это извѣстіе повидимому не относится.

21 х. Д. 26 д. 38 х. Послѣ смерти Мануйловича, В—кое осталось ранговою маетностью ген. есауловъ, какъ значится и по вѣд. 1780 г.

С. Мацѣевка, Удай, извѣстна съ 1619 г., когда была еще хуторомъ, принадлежавшимъ Густынскому м—рю. Черезъ 30 лѣтъ М—ка была уже многолюднымъ селомъ, принадлежавшимъ тому же м—рю. Въ 1649 г. населеніе его хотѣло было, воспользовавшись общимъ возстаніемъ народа противъ державцевъ,—освободиться отъ монастырскаго послушанія, но монахи пожаловались Хмдльницкому и тотъ приказалъ (универсалъ 8 октября 1649 г.) Прилуцкому полк—ку „чтобъ козаковъ и селянъ Мацѣевскихъ смирилъ, которые непослушны м—рю". Изъ этого универсала, полное содержаніе котораго неизвѣстно, видно, что уже въ 1649 г. въ М—кѣ были и *козаки*, какъ отдѣльная группа сельскаго населенія; козаки эти—должно полагать—выдѣлились изъ мѣстныхъ крестьянъ, какъ это происходило тогда во всей лѣвобережной Малороссіи [1]). Распоряженіе Хмельницкаго конечно было исполнено, но Мацѣевскіе кр—не и затѣмъ пытались неразъ избавиться отъ монастырскаго послушанія, при чемъ единственнымъ для этого средствомъ, кромѣ ухода изъ села, представлялась переписка въ козаки. Впрочемъ эта мѣра для кр—нъ возможа была только при условіи, если мѣстные урядники—низшіе и высшіе—не особенно мирволили монахамъ; но когда нельзя было найти управы на самовольство крестьянъ у мѣстнаго полковника, которому постоянныя монашескія жалобы прискучали,—то монахи обращались къ гетману. Послѣднему труднѣе было отстранять эти докуки, вслѣдствіе чего и осталось такое обиліе гетманскихъ универсаловъ, выданныхъ для поддержанія монашеской власти въ ихъ маетностяхъ. Такой универсалъ выданъ былъ Самойловиченъ и Густынскому м—рю (19 апр., 1676 г.) для прекращенія „бунтовъ" Мацѣевскихъ крестьянъ [2]).—Черезъ десять лѣтъ послѣ этого монахи

---

[1]) См. Опис. Стар. Малороссіи, I, 381.

[2]) «Вамъ, всѣмъ жителямъ села Мацѣювки, тымъ нашимъ ознаймуемъ писанемъ, ижъ дойшла насъ отъ велебного въ Богу г. о. ігу-

выпросили себѣ у того же гетмана и право торговли водкою, какъ въ Мацѣевкѣ, такъ и въ сосѣднихъ двухъ селахъ, Половой и Левкахъ, т. е. гетманъ отдалъ монастырю тотъ откупной сборъ съ шинковъ, который шелъ въ войсковой скарбъ [1]). **Кр. П.? А. 79 д. В. 52 д. В. 115 д. Г. 71 д. 80 х. Д. 106 д. 118 х. Пс. 3 бд. х.** Козаковъ въ М—кѣ въ XVIII в. уже *не было вовсе*; значитъ, монахи успѣли отъ нихъ избавиться еще въ XVII в., заставивъ ихъ—или покинуть село или переписаться въ кр—не. Видное изъ приведенныхъ цифръ уменьшеніе населенія въ 1718 г. и затѣмъ увеличеніе его за 11 лѣтъ болѣе

мена Густынского скарга, же вы подлугъ звычаю, якъ належытъ подданымъ, не отдаете монастыровi повинности, бунтуетеся и хочете въ козацтво вписоватися, не порозумѣвшыся, же опрочъ того въ якомъ теперъ зостаете, iншому не можете выдолати поволаню, а надто зосланого его, который загадуетъ вамъ на послушенство, перехваляетеся забити. Прето, яко не помалу насъ тое муситъ обходити, такъ тымъ унѣверсаломъ нашымъ васъ заславшы розсказуемъ, жебысте понехавшы тыхъ бунтовъ, ведлугъ старынного у васъ захованого порядку вшелякое послушенство и повинность монастыреви Густынскому отдавали, а въ козацтво мужики абы не вписовалися и на зосланнаго похвалокъ не чинили, бо и тыхъ трохъ муживковъ, которые своеволно, не хотячи оддавати повинности, въ реестръ козацкій вмазалися, жебы ихъ зъ оного вылучилъ—писалисмо о томъ до п. полковника Прилуцкого». (Съ подлинника, въ Кіевск. центр. архивѣ, бумаги Густынск. м—ря).

[1]) «Ознаймуемъ симъ нашимъ писанемъ кождому кому о томъ вѣдати належитъ, ижъ села Мацѣевку и Половую и Левки, въ области монастыра Густинского найдуючимся, якіе близко тогожъ монастыра маютъ свое положене, уволняемъ отъ аренды. А то взглядомъ того, же превелебний г. отецъ игуменъ зъ братіею—зъ шинковъ тамошнихъ маетъ вспоможенье ку реставрованю будинковъ потребныхъ въ обители своей. Мѣти теды хочешъ, абы, якъ п. полковникъ Прилуцкий, такъ и нѣхто иншій пречоныхъ сюлъ, якъ въ Прилуцкихъ, такъ и въ иншихъ мѣстъ арендовнихъ (въ?) реестръ потягати, явъ теперъ такъ и впередъ, не важился. Данъ въ Батуринѣ, августа 8 д., року 1686». (Оттуда-же).

чѣмъ вдвое—не умѣемъ объяснить. М—ка оставалась въ подданствѣ Густ. м—ря до 1786 г.

С. Ольшаная, вершина Смоши, поселена въ перв. полов. XVII в. Конецпольскимъ, которому и принадлежала до изгнанія поляковъ [1]). Затѣмъ О. была пожалована Лазарю Горленку (с. 9, 15), отъ котораго перешла къ сыну его Дмитрію, а послѣ измѣны послѣдняго, Скоропадскимъ отдана фельдмаршалу Шереметеву въ 1712 г., когда новый гетманъ волею и неволею одѣлялъ „Петровыхъ птенцовъ" украинскими маетностями [2]). **Кр. П.** ? **А.** 230 д. **В.** ? [3]). **В.** 184 д. **Пс.** 3 **Г.** 120 д. 152 х. **Д.** 149 д. 243 х. **Кз. В.** 10 д. **Г.** 23 д. 30 х. **Д.** 29 д. 65 х.

У Шереметевыхъ О. оставалась до 40-хъ г.г. XVIII в., а въ 1744 г. она была пожалована бунч. тов. Власу Климовичу [4]), (позже—Будлянскому), передавшему это село своимъ наслѣдникамъ, за которыми оно показано и въ 1780 г.

Д. Сезьки поселены Лаз. Горленкомъ во время владѣнія имъ с. Ольшаною, къ которой и причислялись; но послѣ измѣны Дм. Горленка, С—ки обособились; исторія этого поселенія разсказана въ прошеніи Власа Будлянского, поданномъ имъ въ 1753 г. гетману: „на принадлежащихъ къ селу Ольшаной поляхъ бывшій полковникъ Прилуцкій Лазоръ Горленко, владѣя онимъ селомъ Ольшаною, устроилъ хуторъ прозваніемъ *Сезьки*, которымъ и владѣлъ; по умертвіи же полковника Лазора, жена его полковница Лазорка владѣла"... Послѣ измѣны Мазепы Сезьки были отданы Скоропадскимъ сотнику Золотаренку, на урядъ, какъ значится въ генер. слѣдствіи. Послѣ Золотаренка Сезьки перешли, при Апостолѣ, къ полк. ес. Панкевичу, тоже на урядъ, а послѣ его смерти сельцомъ этимъ владѣла вдова его, пока у послѣдней Сезекъ не отнялъ владѣлецъ Ольша-

---

[1]) Michałowskiego, Księga Pamiętnicza. Krakow, 1864, стр. 94.

[2]) Матеріалы для Отеч. Исторіи, II, 362.

[3]) По вѣдом. 1718 г. Ольшанскіе кр—не не показаны вѣроятно потому что эта вѣдомость была составлена для раскладки *порцій* и *рацій*, а Ольшанскіе кр—не, должно полагать, были освобождены отъ этого налога.

[4]) Арх. Сената, II, № 9332.

ной—Будлянскій. Однакожъ послѣдній писалъ гетману невѣрно: по его словамъ, Сезьками вдова П—ча владѣла до своей смерти, „а нынѣ, продолжаетъ Будлянскій, оженившійся на Панкевича внучѣ зн. тов. Михайло Марковичъ тѣми Сезьками завладѣлъ (ср. с. 72); а понеже въ рѣшительныхъ пунктахъ, данныхъ гетману Апостолу, велѣно у женъ козачихъ только покамистъ во вдовствѣ будутъ и у дѣтей мужеска полу—не отнимать маетностей, а якъ оной Панкевичъ и жена его померли и мужеска полу никакихъ наслѣдниковъ не имѣется", то Будлянскій и просилъ гетмана—Сезьки отдать ему, „особливо же, что на грунтахъ надлежащихъ къ с. Ольшаной тѣ Сезьки состоятъ". Будлянскій скрывалъ, что въ этотъ моментъ Сезьки были уже имъ отняты, слѣдовательно понималъ свою неправоту, которую и хотѣлъ узаконить гетманскимъ универсаломъ. Разумѣется, просьба зятя Разумовскимъ была удовлетвореня. Кр. А. 26 д. В. 5 д. В. 12 д. Г. [1]) ? Д. 14 д. 16 х. Пс. 1 д. 2 х. Кв. нѣтъ [2]). Сезьки оставались во владѣніи Будлянскихъ и въ 1780 г.

С. **Мошковичи**—теперь не существуютъ, но въ актахъ 1697—1700 гг. упоминаются неразъ („село Мошковичи" или „Мошковцы—области Прилуцкой") [3]). Село это находилось гдѣнибудь недалеко отъ Сезёкъ, потому что ок. этого села и нынѣ—верховьямъ рѣчки Нежеровой (или по теперешнему—Радьковки) присвояется названіе Мошковки [4]). Вслѣдствіе какихъ

---

[1]) Въ ревизіи 1740 г. Сезьки почему-то не показаны, а по ревизіи 1731 г. кр—нъ здѣсь показано 9 дв.

[2]) По ревизіи 1731 г. въ Сезькахъ значится 2 дв. козаковъ. Оч. мож. быть, что Панкевичъ, владѣвшій въ это время Сезьками, позволилъ имъ тутъ поселиться съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи обратить ихъ въ своихъ подсосѣдковъ.

[3]) Бумаги Густынск. м—ря въ Кіевск. центр. арх.

[4]) «Рѣчка Радьковка (притокъ Удая) въ своихъ верховьяхъ, у х. Дзюбина, носитъ названіе *Мошковки*, по причинѣ, какъ объясняли мѣстные жители, обилія мошки». «Прилуцк. уѣздъ», стр. 9. Ср. «Полтавская губернія» въ «Спискахъ насел. мѣстъ», № 3532, *Нежеровскій хуторъ*, состоящій изъ соединенія нѣсколькихъ хуторовъ

причинъ могло совершенно изчезнуть село въ нач. XVIII в.— трудно сдѣлать и предположенія.

Д. Буды, Нежирова (с. 74), судя по названію возникли изъ бывшаго здѣсь поташнаго завода; первымъ ихъ владѣльцемъ, по свѣдѣніямъ генер. слѣдствія, былъ сотникъ Золотаренко, получившій это сельцо на урядъ отъ Мазепы, въ 1690 г. Послѣ З—ка Буды отданы на урядъ Панкевичу (с. 71); а послѣ смерти П—ча Будами владѣла его вдова, у которой они были отняты Будлянскимъ, вмѣстѣ съ Сезьками (с. 72), однакожъ этого сельца Б—ій не успѣлъ укрѣпить за собою, такъ какъ въ 1753 г. здѣшними владѣльцами, были: Густынскій м—рь (6 дв., 8 х.), полк. есаулъ Яковъ Величко (6 дв. 8 х.) и бунч. тов. Петръ Горленко (1 дв.) **Кр. А.** 6 д. **Б.** 6 д. **В.** 23 д. **Пс.** 1. **Г.** 11 х. **Д.** 18 д. 22 х. **Кз.** нѣтъ.

Слободка Нежеровская показана въ вѣд. 1753 г., причемъ владѣльцемъ ея названъ бунч. тов. Андрей Марковичъ (5 д. и 5 бх.). Нѣтъ сомнѣнія, что это бывшій „*хуторъ въ Нежеровѣ*“, о которомъ Ив. Марковичъ упоминаетъ въ своемъ завѣщаніи (с. 118). Въ к. XVIII в. слободка Нежеровская называется уже **с. Радьковкою** (при сліяніи Нежеровой съ Удаемъ), съ обозначеніемъ, что въ ней 21 д. 34 х.—„владѣнія разныхъ чиновъ“; но главными владѣльцами тутъ были Марковичи.

С. Колесники—въ 1711 г., по универсалу Скоропадскаго, отданы Ив. Марковичу (с. 114). Изъ исторіи этого „державства“ интересенъ слѣд. эпизодъ. Ольшанскій приказчикъ графини Шереметевой пожаловался (1725 г.) въ генер. к—рію, что умершій въ 1724 г. судья Прилуцкій Марковичъ забралъ у одного изъ Ольшанскихъ „подданныхъ“ Шереметевой —Карпенка (перешедшаго изъ Колесниковъ въ Ольшаную)—всю „худобу“ и вырубилъ его лѣсъ. Жалоба приказчика отослана была на рѣшеніе Прилуцкаго полк. суда, который вызвавъ вдову М—ча, „велѣлъ ей противъ жалобы отвѣтъ учинити“. Вдова отвѣчала:

(есть тутъ и Дзюбинъ) и заключавшій въ себѣ полвѣка назадъ болѣе 500 жит. Не это ли мѣсто бывшаго с. Мошковичъ... Интересны по этому вопросу мѣстныя розысканія въ преданіяхъ.

„покойного п. гетм. Скоропадского засланны были таковіе указы (*якыхъ и нынѣ держатся*), *абы посполитіе люде що разъ зъ иной маетности въ другую, подъ иншого державцу, ради своей ползи—чимъ бы отъ дачи драгунской и протчіихъ общенародныхъ тяглостей тимъ переходомъ свобождать,—не переходили, а буде которій преслушавши той указъ, перейдетъ, то позволяемъ въ оныхъ всѣ его пожитки державцѣ въ свое владѣніе одибрать и що хотя зъ ними чинити* [1]). По якомъ указу и небожчикъ п. судя, кгды вышписанній Карпенко тайнымъ образомъ зъ ихъ маетности села Колесниковъ въ Олшаную на житло перейшолъ, велѣлъ въ его кгрунтъ иному человѣку на мешканне перейты и его пожитками владѣючи, всякіе зъ того кгрунту отбувать повинности, а зъ худобы его Карпенковой, которіе рѣчи по свѣдителству атамана, войта и протчіихъ Колесницкихъ людей, небожчикъ п. судя до своего двора казалъ забрати, то панѣ судѣна, по смерти небожчиковой, еще въ маи (1725 г.) мѣсяцѣ оніе ему Карпенку поотдавала, а иніе свои господарскіе рѣчи помянутій Карпенко, якыхъ теперъ требуетъ, договорували ему Карпенку свидителѣ, же зъ *Нежеровского* ихъ (Марковичей) *хутора*, пріѣхавши зъ Ольшаной, онъ, Карпенко, побралъ до себе самоволно; лѣсъ и гай, якъ предъ тимъ были цѣліе, то такъ и теперъ найдуются и оними панѣ судѣна ему, Карпенку, *не боронитъ владѣти*, а що за его Карпенка—у войта еи Колесницкого, не вѣдаетъ за що, приказчикъ Олшанскій, еще въ прошлій великій постъ, узявши коня, по сей часъ не отдаетъ, то въ томъ панѣ судѣна просить милости“ [1])... Приведенный отвѣтъ вдовы М—ча указываетъ на полное удовлетвореніе обиженнаго Карпенка: несомнѣнно, что вдова М—ча боялась спорить, зная, что за Карпенка можетъ вступиться, кромѣ Шереметевой, еще и Вельяминовская коллегія... **Кр. П.**

---

[1]) Намъ не приходилось встрѣчать такого универсала, но что онъ могъ быть выпрошенъ у Скоропадскаго—хотя бы однимъ изъ Марковичей—въ этомъ нельзя сомнѣваться. Во всякомъ случаѣ, имѣя такой универсалъ въ рукахъ, державцы могли сильно вліять на свободное передвиженіе крестьянъ.

[1]) Съ подлинника въ наш. б—кѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

4-й годъ изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 4-й годъ изданія.

на 1901 годъ.

на ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

„ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ“,

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Копыловымъ.

Газета будетъ издаваться въ 1901 году подъ тою-же редакціей (В. В. СВЯТЛОВСКАГО), при томъ-же составѣ главныхъ сотрудниковъ и по той-же программѣ.

Въ „Приднѣпровскомъ Краѣ“ будетъ отведено достаточно мѣста для иллюстрацій и рисунковъ. Въ газетѣ принимаетъ участіе цѣлый рядъ профессоровъ, ученыхъ и писателей.

Газета кромѣ телеграммъ Россійскаго телеграфнаго агентства, будетъ помѣщать телеграммы своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ изъ С.-Петербурга и Москвы.

Условія подписки на 1901 годъ. Съ доставкой въ Екатеринославѣ. На 12 мѣс. 10 р. На 9 мѣс. 7 р. На 6 мѣс. 5 р. 50 к. На 3 мѣс. 3 р. 50 к. На 1 мѣс. 1 р. 25 к. Съ пересылкой почтой въ другіе города. На 12 мѣс. 12 р. На 9 мѣс. 9 р. На 6 мѣс. 6 р. 50 к. На 3 мѣс. 4 р. На 1 мѣс. 1 р. 40 к. Съ пересылкой заграницу. На 12 мѣс. 23 р. На 9 мѣс. 17 р. На 6 мѣс. 12 р. На 3 мѣс. 7 р. На 1 мѣс. 2 р. 50 к.

Отдѣльные номера продаются въ Екатеринославѣ и повсемѣстно по 5 к.

1901 ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1901

НА

иллюстрированный популярно-научный журналъ

Энциклопедія

24 книги въ годъ,

выходящихъ 10 и 25 числа каждаго мѣсяца.

Задача популярно-научнаго журнала „*Энциклопедія*“—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе по всѣмъ отраслямъ знаній, слѣдить за движеніемъ современной мысли и знакомить читателей съ современной литературой и искусствомъ. Статьи будутъ иллюстрированы художественными рисунками, необходимыми для наглядnаго объясненія текста.

Особенно богатый біографическій отдѣлъ будетъ давать обстоятельные отчеты, съ необходимымъ краткимъ изложеніемъ содержанія, о новыхъ выдающихся произведеніяхъ русской и иностранной литературы, такъ что каждый читатель всегда будетъ въ курсѣ современной литературы, науки и искусства всего цивилизованнаго міра.

Такимъ образомъ журналъ „*Энциклопедія*“ представитъ собою дѣйствительную энциклопедію современныхъ знаній, давая резюме современнаго движенія науки, литературы и искусства въ общедоступномъ, но строго-научномъ изложеніи. Ничто такъ не полезно и интересно, какъ такое резюме, въ которомъ откинуто все скучное и узко-спеціальное и оставлено лишь то, что представляетъ дѣйствительную важность и жизненный интересъ. Весьма важнымъ подспорьемъ для наглядnаго ознакомленія съ предметомъ являются художественныя иллюстраціи, которыми будутъ снабжены многія статьи журнала.

Не смотря на свою низкую стоимость, журналъ „*Энциклопедія*“ дастъ много весьма интереснаго и поучительнаго матеріала какъ для каждой образованной, такъ и для всякаго, желающаго пополнить чтеніемъ свое образованіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ „*Энциклопедія*“ съ пересылкой: на годъ—*6* руб.; за-границу—*10* руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—*2* руб., въ Мартѣ—*2* руб., въ Іюнѣ—*2* руб., или первые шесть мѣсяцевъ по *одному* рублю.

Цѣна отдѣльной книги—*50* коп., съ пересылкой—*70* коп.

Контора журнала: С.-Петербургъ, Рижскій пр., 48.

2—3

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1901 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи; представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія: библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя

зрѣнію коллекціи и состоянію учебно-воспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, библіографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники, историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованые.

Учебныя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7р. Отдѣльныя книжки можно получить изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко*

2—3

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи изданія журнала

Труды Кіевской Духовной Академіи

въ 1901 году.

(Годъ изданія сорокъ второй).

Журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“ будетъ издаваться и въ 1901 г. по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Дух. Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по содержанію общедоступныя большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „*Библіотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ*“

Журналъ выходитъ *ежемѣсячно* книгами отъ 10—15-ти и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб., а за границу 8 руб.

За прежніе годы „Труды“ продаются *по уменьшеннымъ цѣнамъ*, именно: за 1860—1878 гг. по 5 р., за 1879—1883 гг. по 6 р., за 1885—1897 гг. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 руб. съ перес. Экземпляры „Трудовъ“ за 1867—68 и 1884 гг. распроданы.

Кромѣ того въ конторѣ редакціи продаются между прочимъ слѣдующія книги: „*Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ*:“ а.) св. Кипріана, еп. Карѳ., части 1 и 2, б.) блаж. Іероним,а ч. ч. 1—15 и в.) блаж. Августина, ч. ч. 1—8. Цѣна каждой части *2 р.* съ перес., кромѣ 9-й и 15-й частей твореп. блаж. Іеронима, цѣна которыхъ по *1 р. 50 к.*

«*Опытъ правосл. догматическаго Богослуженія*» еп. Сильвестра, т. 1 (изд. 3-е) ц. *1 р. 70 к.*, т. 2 (изд. 3-е ц. *3 р. 30 к.*, т. т. 3, 4 и 5 (изд. 2-е) по *3 р.* каждый.

Съ требованіями относительно журнала и книгъ редакція проситъ обращаться *непосредственно* къ ней по слѣд. адресу:

Въ редакцію журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи“ въ г. Кіевѣ (Ильинская, д. № 5).

Редакторъ *профессоръ В. Ѳ. Пѣвницкій.*

2—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1901 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція „Русской Старины“ будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и худож-

никовъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе быть русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будетъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. №145,

2—3

Открыта подписка на 1901 г. (8 г. изд.)

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

Изданіе П. П. СОЙКИНА

подъ редакціей д-ра философіи М. М Филиппова

„Научное Обозрѣніе" не спеціальный, но общій журналъ, имѣющій въ виду всѣхъ читателей, интересующихся успѣхами науки, а также выдающимися литературными явленіями.

Журналъ остается вѣрнымъ своимъ завѣтамъ, т. е. по прежнему будетъ органомъ прогрессивнаго направленія, исключающаго всякій школьный догматизмъ и рутину.

Вступая въ XX-й вѣкъ, одной изъ задачъ котораго является распространеніе научнаго образованія въ возможно широкихъ

кругахъ общества, *журналъ нашъ посвятитъ особое вниманіе вопросамъ самообразованія.*

Съ этою цѣлью *редакція „Научнаго Обозрѣнія“ рѣшилась присоединить къ журналу* рядъ популярныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ знаній, подъ общимъ заглавіемъ:

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

Къ концу года это прилож. сост. большой томъ въ *40 печ. лист.* т. е. *640* страницъ.

Сочиненія и статьи, напечат. въ *„Народномъ Университетѣ“ будутъ доступны* даже для читателей, обладающ. самой элементарн. подготовкой.

Завѣдываніе этимъ отдѣломъ принялъ на себя извѣстный популяризаторъ *В. В. Битнеръ.*

Для печатанія въ „Народномъ Университетѣ“ предпол., между прочимъ слѣдующее:

Происхожденіе животнаго міра.—Міръ въ каплѣ воды.—Невидимые враги.—Происхожденіе и значеніе денегъ.—Чудеса электричества.—Мозгъ, какъ органъ мышленія.—Прогулки по небу. Доисторическій человѣкъ.

Текстъ будетъ поясненъ чертежами, рисунк. и хромолитогр.

По примѣру прежнихъ лѣтъ въ „Научному Обозрѣнію“ будутъ приложены капитальныя переводныя сочиненія:

Авенаріусъ. Міропониманіе.—*Тардъ,*—Соціальный законъ, и одно сочиненіе *Джона Стюарта Милля*, еще не бывшее въ русскомъ переводѣ.

Въ историческомъ отдѣлѣ приметъ ближайшее участіе выдающійся историкъ и популяризаторъ проф. *А. С. Трачевскій.* Здѣсь, между прочимъ, будутъ печататься: Историческая хроника Меримэ и статьи по исторіи инквизаціи.

Отдѣлъ обзора журналовъ русскихъ и иностранныхъ *будетъ значительно расширенъ*, что дастъ читателямъ возможность

въ сжатомъ видѣ слѣдить за современнымъ движеніемъ человѣческой мысли, открытіями, новостями литературы, искусства и науки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ безъ дост. въ Спб. 6 р. 50 к. Съ доставкою и пересылкою по всей Россіи—7 руб. За границу 10 рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1 іюля остальные, или по одному рублю, начиная съ декабря.

Адресъ конторы: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная, 12, соб. домъ.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЫНЬ“

(Двадцать третій годъ изданія)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 12 мѣс. . . .	6 руб.	На 3 мѣс. . .	1 р. 50 к.
На 6 мѣс. . . .	3 руб.	На 2 мѣс. . .	1 р. 10 к.
На 4 мѣс. . . .	2 руб.	На 1 мѣс. . .	— р. 60 к.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА №№ ПО 5 КОП.

Подписка принимается въ г. Житомірѣ, въ главной конторѣ редакціи, по Б.-Бердичевской ул., въ Архіерейскомъ домѣ. *Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку газеты лишь въ томъ случаѣ, если подписка принята въ Главной Конторѣ.*

Контора газеты открыта ежедневно, за исключеніемъ дней праздничныхъ, отъ 9 час. утра до 6 час. пополудни.

Редакторъ-издатель *Г. И. Коровицкій.*

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

НА

„СѢВЕРЪ"

XVI-ый годъ изданія

еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный

ЖУРНАЛЪ

Въ 1901 году гг. подписчики *„Сѣвера"* получатъ: *52 №№* роскошно иллюстрированнаго журнала, въ литературномъ и художественномъ отдѣлахъ котораго, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будутъ печататься произведенія нашихъ извѣстныхъ писателей и художниковъ; *52 №№* еженедѣльнаго обозрѣнія политической и общественной жизни, въ форматѣ газеты, составляющей отдѣлъ журнала *„Сѣверъ"*; *12 №№* журнала *„Парижскія моды, Хозяйство и Домоводство"*, со множествомъ новѣйшихъ модныхъ рисунковъ и полезныхъ указаній, необходимость для хозяйства и домашняго обихода; *12 №№* выкроекъ на отдѣльныхъ большихъ листахъ, съ узорами и рисунками дамскихъ рукодѣлій; кромѣ того, на основаніи пріобрѣтеннаго отъ автора права печатанія всѣхъ вышедшихъ въ свѣтъ его произведеній, редакція, не останавливаясь передъ значительными денежными затратами, дастъ въ теченіе одного 1901 года, въ книгахъ *„Библіотеки Сѣвера"*, на глазированной бумагѣ, съ портретомъ автора.

24 ТОМА СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **24 ТОМА**

Д. Л. МОРДОВЦЕВА

Въ отдѣльной продажѣ сочиненія эти стоятъ 20 руб.

Кромѣ всего этого, гг. годовые подписчики получатъ роскошный альбомъ:

„Галлерея русскихъ писателей и художниковъ",

въ который войдутъ исполненные фототипогравюрой портреты нашихъ извѣстныхъ художниковъ слова, кисти и рѣзца, съ ихъ біографіями и характеристиками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ—*6 р.*; безъ доставки въ Москвѣ: 1) въ конт. Л. и Э Метцль и К°; 2) въ книжн. маг. Альшвангъ и Герлахъ (прот. мал. театра)—*6 р. 25 к.*; безъ доставки въ Одессѣ въ кіоскахъ Г. В. Свистунова—*6 р. 50 к.* Съ пересылкой во всѣ города и мѣстн.—*7 р.*

На ½ года съ дост. и перес. 3 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 75 к., на 1 мѣс.—60 к. За границу—11 р.

Разсрочка допускается по полугодіямъ, четвертямъ года и помѣсячно. Поручительствъ гг. казначеевъ и управляющихъ не требуется. Подписки въ кредитъ не принимаются. Подписавшіеся съ разсрочкою и уплатившіе къ концу года подписную плату сполна получатъ премію наравнѣ съ гг. годовыми подписчиками. Подписки просятъ адресовать въ Главную контору журнала „Сѣверъ“ (СПБ., Невскій пр., 170) на имя изд. *Ник. Ѳед. Мертца.*

Пробный № высылается безплатно.

2–3

Газета политическая, общественная и литературная

ХАРЬКОВСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ

Выходитъ ежедневно.

Постоянныя рубрики газеты слѣдующія: 1) передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики. 2) Отдѣльныя статьи, обсужденію мѣстныхъ вопросовъ. 3) Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ. 4) Послѣднія извѣстія (мѣропріятія слухи, проекты и т. п.) 5) Телеграммы. 6) Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной). 7) Корреспонденціи, 8) Новости науки, литературы и искусства. 9) Театръ и музыка. 10) Внутреннія извѣстія. 11) Земская и городская хроника. 12) Внѣшнія извѣстія. 13) Судебный отдѣлъ. 14) Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критическія статьи, научные очерки и проч.). 15) Библіографическія замѣтки. 16) Смѣсь. 17. Справочный отдѣлъ.

Подписка принимается въ Харьковѣ, въ конторѣ „Харьк. Вѣд".

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ перес. иногородн.: на 12 мѣс. 10 р., на 9 мѣс. 8 р., на 6 мѣс. 5 р. 75 к., на 3 мѣс. 3 р. на 2 мѣс. 2 р. 10 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к. Съ доставкой: на 12 мѣс. 9 р. 25 к., на 9 мѣс. 7 р., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 2 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 1 р. Безъ доставки на 12 мѣс. 8 р. 25 к., на 9 мѣс. 6 р. 50 к., на 6 мѣс. 4 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. 25 к., на 2 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 80 к.

Редакторъ Ефимовичъ.

2—3

„НЕДѢЛЯ"

ринимается подписка на 1901 г. (тридцать четвертый годъ изданія).

„НЕДѢЛЯ" состоитъ изъ двухъ изданій, еженедѣльной общественно-политической газеты „НЕДѢЛЯ" и ежемѣсячнаго литературнаго журнала „КНИЖКИ НЕДѢЛИ" и редактируется при ближайшемъ участіи *М. О. Меньшикова* и *П. Е. Накрохина.*

Въ послѣдніи годы въ „Недѣлѣ" и „Книжкахъ Недѣли" печатались произведенія В. П. Авенаріуса, К. Д. Бальмонта, А. Н. Будищева, И. А. Бунина, проф. Н. П. Вагнера (Кота Мурлыки) В. Л. Величко, Ѳ. Ѳ. Воропонова, П. П. Гнѣдича, В. М. Грибовскаго, В. Л. Дѣдлова. Г. Р. Карграмъ, А. Ф. Кони, проф. А. Н. и П. Н. Красновыхъ, Ѳ. Ѳ. Крыштофовича, М. А. Лофицкой, Евг. Л. Маркова, В. Микуличъ, С. Пругавина, О. П. Руновой, С. А. Рапопорта, И. Е. Рѣпина, К. К. Случевскаго, Влад. С. Соловьева, П. А. Тверскаго. В. А. Тихонова, К. И. Ттра К. М. Фофанова, Ант. П. Чехова, А. К. Шелера (Михайлова), Т. Л. Щепкиной-Куперникъ, И. И. Янжула и др.

Соединеніе еженедѣльной общественно-политической газеты съ ежемѣсячнымъ литературно-критическимъ журналомъ даетъ возможность редакціи „НЕДѢЛИ" служить всѣмъ интересамъ текущей жизни опираясь на тщательно выборный и провѣренный матеріалъ.

Цѣна газеты „НЕДѢЛЯ“ съ КНИЖКАМИ „НЕДѢЛИ“ *девять* рублей въ годъ съ пересылкой и доставкой.

Въ уплатѣ подписной суммы допускается разсрочка: при подпискѣ—5 руб. и къ 1-му іюня—4 р., а также и на другихъ условіяхъ по соглашенію съ конторой редакціи.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „НЕДѢЛИ“ Фонтанка, 37, въ кн. магазинѣ И. Глазунова, Невскій 27, въ кн. Складѣ Т-ва „Трудъ,“ Фонтанка, 86, въ Москвѣ въ конторѣ Печковской, кн. магазинѣ В. В. Думнова. Мясницкая д. Обидиной и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ Россіи.

Редакторъ-издатель В. П. Гайдебуровъ.

2–3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЗДАНІЕ

Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества

„НАЧАЛЬНОЕ НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ РОССІИ“

подъ редакціей членовъ И. В. Э. Общества

Г. А. Фальборка и В. И. Чернолускаго.

Въ программу изданія, являющаго результатомъ перваго, охватывающаго всю Имперію, изслѣдованія положенія въ Россіи народнаго образованія, входитъ изученіе школъ всѣхъ типовъ, положенія и состава учителей и учащихся въ нихъ, средствъ содержанія, постановки учебно-воспитательной, административной и финансовой стороны народной школы и т. д. Все изданіе заключаетъ въ себѣ *свыше 200 печатныхъ листовъ большого формата въ 8 томахъ in folio* и состоитъ изъ текста, многочисленныхъ діаграммъ и картограммъ, статистическихъ таблицъ по губерніямъ, районамъ, уѣзднымъ городамъ Имперіи.

Цѣна за все изданіе по подпискѣ: 25 рублей, въ прочныхъ папкахъ 28 рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ *15* рубл., а по выходѣ третьяго и четвертаго томовъ по *5* рубл. По закрытіи подписки цѣна будетъ повышена.

Первые два тома изданія (LIX+825 стр. вышли изъ печати и немедленно высылаются подписчикамъ. Цѣна каждаго тома въ отдѣльной продажѣ 6 рублей. Слѣдующій томъ печатается.

Подписка на изданіе принимается: въ С.-Петербурѣ, въ И. В. Э. Обществѣ (Забалканскій пр., д. 33) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 3-й ГОДЪ

(съ октября 1900 по октябрь 1901)

Ежемѣсячнаго Иллюстрированнаго Изданія:

ИСКУССТВО

и

Художественная Промышленность,

подъ редакціей Н. П. СОБКО,

съ снимками въ черномъ видѣ и въ краскахъ, какъ въ текстѣ, такъ и на особыхъ листахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ годъ *за 12 выпусковъ съ особыми приложеніями* (въ общемъ *до 1000 стр.* текста и *около 500 снимковъ*), безъ дост. *8 р.*; съ дост. и пер. *10 р.*; за гран. *12 р.*

Въ отдѣльной продажѣ—отъ *75 к.* до *1 р.* за выпускъ, при чемъ 1-я книжка высылается *наложеннымъ платежомъ* за *2 руб.* съ зачетомъ этой суммы въ послѣдствіи при подпискѣ.

Иногородные подписчики, во избѣжаніе излишнихъ проволочекъ въ доставкѣ подписки черезъ книжные магазины, благоволятъ обращаться *преимущественно* въ Главную Контору: *С.-Петербургъ, Мойка, 83.*

Книгопродавцамъ дѣлается уступка *отъ 40 до 60 коп.* съ годового экземпляра, смотря по роду подписки.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ *полные экземпляры* первыхъ 2-хъ лѣтъ продаются по *10 руб.*, съ перес. по *12 руб.*

2—3

Открыта подписка на

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Журналъ безъ предварительной цензуры.

Цѣна съ пересылкой и доставкой на годъ 10 р., на полгода 6 р., на три мѣсяца 3 руб., на мѣсяцъ 1 рубль.

Для лицъ духовнаго званія, преподавателей среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ *пониженіе цѣны допускается по соглашенію съ редакціей.*

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ нихъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ объ этомъ въ конторѣ журнала.

Въ виду многочисленныхъ запросовъ, поступающихъ въ контору редакціи со стороны читателей, заявляемъ, что нынѣшнее издательство журнала ничего общаго съ прежнимъ не имѣетъ.

2—3

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901 года.

(Годъ 39-й)

„Русскій Архивъ“ въ 1901 году будетъ выходить по прежнему *двѣнадцатью выпусками*, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1901 году съ пересылкой и доставкой *девять* рублей. Для чужихъ краевъ—*двѣнадцать* рублей.

Подписка принимается въ *Москвѣ*, въ конторѣ „Русскаго Архива“ на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ кни-

жныхъ магазинахъ „Новаго времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы 1890, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы 1898 и 1899 по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна *три* рубля.

Составитель и издатель «Русскаго Архива» **Петръ Бартеневъ.**

3—3

ЗАПИСКИ
Императорскаго Харьковскаго Университета

(Адресъ Редакціи Харьковъ, Университетъ).

ВЫХОДЯТЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ ГОДЪ

(*1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября*).

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Часть *оффиціальная*: извлеченія изъ протоколовъ Совѣта, а также и другіе оффиціальные акты и документы.

2) Часть *неоффиціальная*: а) научный отдѣлъ (ученыя изслѣдованія, сообщенія и наблюденія, публичныя чтенія, отчеты объ ученыхъ командировкахъ и т. п.); б) критика и библіографія; в) Харьковская университетская лѣтопись (статьи и матеріалы по исторіи Харьковскаго Университета, біографіи и некрологи профессоровъ и почтенныхъ членовъ Университета, отчеты о диспутахъ и пр.); г) приложенія, заключающія въ себѣ болѣе обширные труды, какъ-то: *диссертаціи*, *курсы*, *каталоги*, *описи музеевъ*, *архивовъ* и пр.

Подписная цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5 руб. съ пересылкою, въ годъ; для студентовъ Харьковскаго Университета 2 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Овсянико-Куликовскій.**

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1901 годъ
(32-й годъ изданія)
на еженед. иллюстрированный
ЖУРНАЛЪ
со многими приложеніями

„НИВА"

Гг. подписчики „НИВЫ" получатъ въ теченіе 1901 года:

52 №№ художественно-литературн. журнала „НИВА" (около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ). Въ нумерахъ журн. между прочимъ, появятся: 1) еще нигдѣ не напечатанные посмертн. произвед. **Д. В. ГРИГОРОВИЧА:** *„Очерки Венеціи"* и *„Изъ записной книжки"* (характеристика выдающихся современ. русскихъ дѣятелей и анекдоты изъ изъ жизни); 2) рядъ статей со множествомъ рисунковъ картъ и пр. подъ заглавіемъ: **„XIX ВѢКЪ"** Эти статьи дадутъ читателю полную картину истекающаго столѣтія и составятъ отдѣльный роскошный томъ.

24 ТОМА Полн. собранія СОЧИНЕНІЙ **Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО**

съ портретомъ, факсимиле и біографическ. очеркомъ. Полное соб. соч. Г. П. Данилевскаго, *стоящее въ отдѣльной продажѣ* 15 руб, будетъ отпечатано на хорошо глазированной бумагѣ и будетъ приложено при „Нивѣ" въ теченіе одного 1901 года подъ заглавіемъ: „Сборникъ Нивы", въ 24 томахъ по два тома въ мѣсяцъ, такъ что „Сборникъ Нивы" 1901 года, по количеству матеріала для чтенія, значительно превзойдетъ „Сборники" всѣхъ прежнихъ лѣтъ.

Назовемъ здѣсь только крупнѣйшія изъ произведеній Данилевскаго: I. РОМАНЫ: 1) **Бѣглые въ Новороссіи**, въ 2 частяхъ. 2) **Воля**, въ 2 ч. 3) **Новыя мѣста**, въ 2 ч. 4) **Девятый валъ**, въ 3 ч. 5) **Мировичъ**, въ 3 ч. 6) **Черный годъ**, въ 3. ч. 7) **Восемьсотъ двадцать пятый годъ**, (отрывки).—II. ИСТОРИЧ. РОМАНЫ: 8) **На Индію при Петрѣ I**, въ 2 ч 9) **Княжна Тараканова**, въ 2 ч. 10) **Потемкинъ на Дунаѣ**. 11) **Сожженная Москва**, въ 2 ч.—III. ИСТОРИЧ ПОВѢСТЬ: 12) **Уманская рѣзня**.—IV. ПОВѢСТЬ: 13) **Не вытанцовалось**, въ 2 ч.—Затѣмъ слѣдуетъ множество V. РАЗСКАЗОВЪ и ОЧЕРКОВЪ отдѣльныхъ и подъ общими заглавіями, напр.: „Семейная старина", „Слобожане", „Святочные вечера", „Изъ литературныхъ воспоминаній", „Украинская старина", и проч.—VI. СТИХОТВОРЕНІЯ—VII. ПИСЬМА ИЗЪ ЗАГРАНИЦЫ. —VIII. ДРАМЫ ШЕКСПИРА: **„Цимбелинъ"**, и **„Жизнь и смерть короля Ричарда Третьяго"**. Переводы.—IX МЕЛКІЯ СТАТЬИ и пр., и пр.

12 КНИГЪ **„ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ"** содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи и проч современныхъ авторовъ.

12 №№ **„ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ"**, выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ по фасонамъ лучшихъ мастеръ въ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и

12 ЛИСТОВЪ до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

„СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ" на 1901 г., отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годовое изданіе со всѣми приложеніями: **безъ доставки**: 1) **въ Спб.**—5 р. 50 к. 2) **въ Москвѣ**, въ конт. Н. Н. Печковской (Петровск. линіи)—6 р. 25 к. 3) **въ Одессѣ**, въ кн. маг. **„Образованіе"** (Ришельевск. № 12)—6 руб. 50 коп. **Съ доставкой въ С.-Петербургѣ**—6 руб. 50 коп. **Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи** 7 руб. **Заграницу** 10 руб.

Требованія адресовать въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журн. „НИВА", (А. Ф. Марксу), **Малая Морская, д № 22.**

ОБЪ ИЗДАНІИ

КІЕВСКИХЪ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1901 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподователяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонних слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—о ф ф и ц і а л ь н у ю и протоколы, отчеты и т. п. 2)—н е о ф ф и ц і а л ь н у ю (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*,—заключающимъ къ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1901 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шести рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. О г л о б л и н у, въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ **В. Иконниковъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ".

ВЪ 1901 Г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ казенныхъ прибавленій. Съ доставкой по гор. почтѣ на годъ **16** р.; на 6 мѣс. **9** р.; на 3 мѣс. **4** р. **50** к.; на 1 мѣс. **1** р. **80** к. Съ пересылкой иногородн. на годъ **17** р.; на 6 мѣс. **10** р.; на 3 мѣс. **5** р. **50** к.; на 1 мѣс. **2** р. За границу на годъ **26** р.; на 6 мѣс. **14** р.; на 3 мѣс. **8** р.; на 1 мѣс. **3** р.

Съ казенными прибавленіями. Съ доставкой по гор. почтѣ на годъ **18** р.; на 6 мѣс. **10** р. Съ пересылкою иногородн. на годъ **19** р.; на 6 мѣс. **11** р. За границу на годъ **28** р.; на 6 мѣс. **16** р.

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ чрезъ гг. казначеевъ (по особому съ ними соглашенію); для частныхъ же лицъ, обращающихся прямо въ контору редакціи: 7 руб. при подпискѣ, 5 руб. въ концѣ марта и 5 руб. 1 августа.

Для духовныхъ лицъ, воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, преподавателей народныхъ училищъ и всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а равно для общественныхъ библіотекъ и читаленъ подписная цѣна: **12** руб. въ годъ или по **1** руб. въ мѣсяцъ (исключительно черезъ контору „СПБ. Вѣдомостей"). Подписчикамъ, не внесшимъ въ срокъ подписныхъ денегъ, высылка газеты прекращается.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", Шпалерная 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской; *иногородные адресуютъ:* Петровскія линіи № 61. С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь **Э. Э. Ухтомскій**

3—3

Подписка на 1901 годъ

(XIX годъ изданія)

на ежедневную политическую, экономическую и литературную газету

„ЮЖАНИНЪ".

Въ 1901 году газета вступила въ новый фазисъ своего существованія съ обновленнымъ и значительно расширеннымъ составомъ редакціи.

Являясь выразителемъ интересовъ южной окраины Россіи, газета свое главное вниманіе обращаетъ на всестороннюю разработку экономическихъ и культурно-общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью избраннаго ею района.

Редакція газеты направляетъ всѣ свои средства къ своевременному и возможно полному сообщенію читателямъ извѣстій о событіяхъ, останавливающихъ на себѣ въ данный моментъ вниманіе всего цивилизованнаго міра. Для этой цѣли редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ столицахъ и въ главныхъ пунктахъ юга Россіи.

Къ участію въ газетѣ приглашены также сотрудники выдающихся столичныхъ изданій.

Газета издается по слѣдующей программѣ:

1) Оффиціальный отдѣлъ; 2) Руководящія статьи по экономическимъ, политическимъ, юридическимъ, земскимъ и сельско-хозяйственнымъ вопросамъ; 3) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и „Россійскаго Телеграфнаго Агенства"; 4) Земскій отдѣлъ; 5) Обзоръ жизни Юга; 6) Корреспонденціи; 7) Хроника; 8) Наша печать; 9) Письма въ редакцію; 10) Мѣстная хроника; 11) Фельетоны общественные, научные, критическіе и литературные; 12) Театръ и музыка; 13) Наука, искусство и литература; 14) Судебная хроника; 15) Спортъ, смѣсь и шахматы; 16) Торговыя свѣдѣнія (по телеграфу и телефону); 17) Справочный листокъ; 18) Объявленія.

Условія подписки на газету „Южанинъ".

Съ пересылкой и доставкой: 1 м.—1 р., 3 м.—2 р. 50 к., 4 м.—3 р., 6 м.—4 р., 8 м.—5 р. 20 к., 10 м.—6 р. 30 к., 11 м.—6 р. 70 к., 12 м.—7 р. Безъ доставки и пересылки: 1 м.—75 к., 3 м.—2 р., 4 м.—2 р. 50 к., 6 м.—3 р. 50 к., 8 м.—4 р. 50 к., 10 м.—5 р. 30 к., 11 м.—5 р. 70 к., 12 м. —6 руб.

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 50 к. въ мѣсяцъ. Подписка принимается только съ 1-го и 15 чиселъ мѣсяца.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы, если объ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, въ два срока: съ доставкою: къ 1-му января—4 руб. и къ 1-му мая 3 руб.; безъ доставки: къ 1-му января—3 р, 50 к. и къ 1-му мая—2 р 50 к.

Редакторъ-Издатель *С. П. Юрицынъ.*

2—3

Общественно-педагогическая и литературная еженедѣльная газета

„Жизнь и Школа"

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

„Школьное Обозрѣніе"

(г. XIII)

подъ редакціей *М. Виноградова.*

Запросы современной жизни и школы съ каждымъ днемъ осложняются, становятся серьезнѣе, острѣе и требуютъ вдумчиваго и трезваго рѣшенія. Мы идемъ на встрѣчу этимъ запросамъ и по мѣрѣ нашихъ силъ служимъ выясненію и удовлетворенію ихъ. Мы не замыкаемся въ узкой рамкѣ будничной „жизни" и въ тѣсныхъ стѣнахъ „школы": шире раздвигаемъ нашъ горизонтъ и смотримъ на жизнь, какъ на школу, а на школу, какъ на жизнь. И поэтому всѣ явленія русской жизни и школы будутъ съ возможною полнотою отражаться въ нашемъ изданіи. Главное вниманіе наше, по прежнему, будетъ обращено на основные вопросы духовной жизни и идеальной школы.

Цѣна за годъ съ перес. и дост. 5 руб., за полгода—3 р. и за 3 мѣс. 2 руб.; для начальныхъ школъ и народныхъ учителей—4 р. въ годъ, за границу 6 руб. Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ Редакціей. №№-въ за прежніе годы „Школьнаго Обозрѣнія" не имѣется. Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные комплекты газеты 1893 г., 1894 г. можно получать по два

руб., и 1895, 1896, 1898 и 1899 г. по 3 руб. за годъ. (Новые подписчики при выпискѣ газеты за прежніе годы, сверхъ того, пользуются 50% уст.). Библіотеки и безплатныя читальни пользуются особой уступкой. Подписчикамъ предоставляется помѣщать безплатно всякія объявленія, относящіяся къ спросу и предложенію труда, а именно: по найму учителей, гувернантокъ, боннъ и т. п., а также по продажѣ изданій, книгъ и проч. Отъ учебныхъ заведеній принимаются объявленія объ условіяхъ пріема и поступленія въ нихъ, а также объ имѣющихся вакансіяхъ учащихъ и учащихся.

Доставившему подписку на десять экземпляровъ — одиннадцатый безплатно.

Подписка принимается въ главной конторѣ „ЖИЗНЬ и ШКОЛА“ и „ШКОЛЬНАГО ОБОЗРѢНІЯ“: С.-Петербургъ, Загородный пр., 34.

2—3

Открыта подписка

на ежемѣсячный литературно-научный журналъ

на 1901 годъ

„КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(годъ второй),

издаваемый въ г. Тифлисѣ В. Д. Кургановымъ, подъ редакторствомъ К. Н. Бѣгичева, по слѣдующей программѣ:

1. Правительственныя распоряженія. 2. Кавказъ и сосѣднія съ нимъ страны въ историческомъ и современномъ отношеніяхъ. Мемуары, записки, воспоминанія, біографіи и некрологи выдающихся дѣятелей. 3. Статьи по различнымъ научнымъ отраслямъ, а также практическаго характера. Протоколы ученыхъ обществъ и общественныхъ учрежденій. 4. Беллетристика: оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, поэмы и стихотворенія. 5. Обзоръ событій мѣстной и европейской жизни. Корреспонденціи изъ Россіи и за-границы, преимущественно имѣющія отношеніе къ Кавказу и сосѣднимъ ему странамъ. 6. Литературная

критика и библіографія. Статьи по искусству. 7. Смѣсь: историческіе эскизы, анекдоты, мелкія беллетристическія произведенія и т. п. 8. Справочный отдѣлъ. 9. Объявленія.

По мѣрѣ надобности статьи въ журналѣ иллюстрируются виньетками, рисунками и портретами, а также къ нимъ прикладываются карты, планы и чертежи.

Для участія въ журналѣ приглашены лучшія научныя и литературныя силы въ Россіи. Для обзора заграничныхъ событій, касающихся Кавказа и сосѣднихъ съ нимъ странъ, имѣются корреспонденты въ главныхъ городахъ Европы.

Редакція помѣщается на Авчальской ул. д. Корганова, № 28.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Городскіе: за годъ—9 р., 1/2 года—5 р., 3 мѣсяца—3 р.
Иногородніе: за годъ—10 р., 1/2 года—6 р., 3 мѣс.—3 р. 50 к.
За-границу: за годъ—12 р., 1/2 года—7 р., 3 мѣсяца—4 руб.

За перемѣну адреса взимается 50 к.

За объявленія, помѣщаемыя въ книжкахъ журнала, взимается за цѣлую страницу 20 р., за 1/2 стр. 12 р., за 1/4 стр. 7 р.

Подписка на журналъ и объявленія принимается въ Тифлисѣ, въ конторѣ журнала „Кавказскій Вѣстникъ“, на Головинскомъ пр., д. № 10, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

(2-й годъ изданія)

на большую ежедневную политическую и литературную газету

безъ предварительной цензуры

СѢВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ.

Въ основу своего міросозерцанія «Сѣверный Курьеръ» полагаетъ идею единства европейской цивилизаціи, не исключающей началъ національной самобытности и ставитъ своей цѣлью добросовѣстное

изученіе русской жизни и освѣщеніе ея въ духѣ справедливости и развитія гражданственностями. Въ этомъ смыслѣ «Сѣверный Курьеръ» направляетъ всѣ усилія, чтобы быть вѣрнымъ выразителемъ прогрессивныхъ стремленій наиболѣе отзывчивой части русскаго общества. Придавая огромное значеніе совершающейся въ Россіи экономической эволюціи въ области земледѣлія и промышленности, «Сѣверный Курьеръ» внимательно слѣдитъ какъ за самымъ процессомъ эволюціи, такъ и за всѣми происходящими на этой основѣ измѣненіями въ духовной жизни народа, всюду выдвигая надъ узко-эгоистическими личными и групповыми интересами благо и интересы трудящихся массъ безъ различія сферы приложенія ихъ труда. Серьезное вниманіе удѣляется выясненію и установленію правильныхъ отношеній между центромъ и окраинами на основѣ полнаго признанія и уваженія правъ личности, національности и началъ вѣротерпимости. «Сѣверный Курьеръ» вѣритъ въ необходимость органическаго роста областного начала, желательность дальнѣйшаго расширенія сферы общественной самодѣятельности и потому отводитъ подобающее мѣсто вопросамъ земскаго и городского самоуправленія, областнымъ интересамъ и нуждамъ. Не меньшее значеніе придаетъ газета успѣхамъ русской школы и просвѣщенія и въ этой области ставитъ своей задачей сплоченіе и объединеніе усилій разрозненныхъ дѣятелей на просвѣтительномъ поприщѣ. Серьезное вниманіе удѣлено также интересамъ науки, искусства и литературы.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ. 10 руб., на 6 мѣс. 5 руб., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 руб. Заграницу: на годъ 16 руб., на 6 м. 8 руб., на 3 мѣс. 4 руб., на 1 мѣс. 2 руб.

РАЗСРОЧКА допускается по четвертямъ, а для служащихъ (черезъ казначеевъ) по 1 р. въ мѣсяцъ (при подпискѣ на годъ въ теченіе первыхъ десяти мѣсяцевъ). Подписка принимается только съ перваго числа каждаго мѣсяца.—Объявленія принимаются во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Бол. Морская ул., 5 (отъ 12 до 4 час. дня). Отдѣленіе Конторы въ въ Москвѣ у. И. К. Голубева, Покровка, д. церкви Іоанна Предтечи.

Издатель *Кн. В. В. Барятинскій*. Редакторы: *Кн. В. В. Барятинскій*. *К. И. Арабажинъ*.

1 Р. 15 коп. три мѣс.

БОЛЬШАЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА и ДВА ИЛЛЮСТРИРОВАН. ЖУРНАЛА

1 Р. 15 коп. три мѣс.

Второе изданіе „Биржевыхъ Вѣдомостей“ и

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ въ своихъ сужденіяхъ, чуждый тенденціознаго извращен я фактовъ и **безусловно независимый органъ печати.** Ярко освѣщая всѣ явленія общественной жизни, имѣя огромную сѣть корреспондентовъ, эта газета, при всей своей **твердости и неуклонности,** справедливая и безпристрастная, уже много лѣтъ является, несомнѣнно

наиболѣе полнымъ

ВЫРАЗИТЕЛЕМЪ НУЖДЪ ПРОВИНЦІИ.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности передовой, политическій, съ театра военныхъ дѣйствій, столичной и провинціальной общественной жизни,

СЪ ЕЖЕДНЕВНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ,

телеграммъ, корреспонденцій и пр.,— по своей **полнотѣ и свѣжести** совершенно отвѣчаютъ подобнымъ же отдѣламъ **другихъ большихъ столичныхъ газетъ** Въ ней нѣтъ ненужныхъ несвязанныхъ, случайныхъ замѣтокъ, а ихъ замѣняетъ

ЖИВОЕ СЛОВО.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ ЖУРНАЛЫ

1) „Новая Иллюстрація“

2) „Огонекъ“

какъ по содержанію, такъ и по характеру своихъ иллюстрацій совершенно **НОВАГО ДЛЯ РОССІИ ТИПА.** Въ живыхъ наброскахъ нашихъ художниковъ и корреспондентовъ, въ нихъ находятъ свои отраженія всѣ

ЗЛОБЫ ДНЯ.

Въ предстоящемъ году напечатаны: **„ПЕТРОВСКІЕ ДНИ“**, историческій романъ эпохи Императрицы Екатерины Великой, **Гр. Е. А Саліаса. „НЕЖДАННО - НЕГАДАННО“**, большой бытовой романъ **Вас. Ив. Немировича-Данченко.**

15 ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ, ПРЕМИРОВАННЫХЪ *на литературномъ конкурсѣ* высшими наградами изъ 1108 произведеній, представленныхъ на конкурсъ.

Главная контора „Биржевыхъ Вѣдомостей“, С.-Петербургъ, Невскій 28.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА второго изданія „Биржевыхъ Вѣдомостей“, вмѣстѣ съ журналами и съ пересылкою: на годъ 4 руб. 60 коп., на 6 мѣсяцевъ—2 руб. 30 коп., на 3 мѣсяца—1 руб. 15 коп., на 1 мѣсяцъ—40 к.

Почтовыя и гербовыя марки въ уплату не принимаются.

Въ 1900 году болѣе 125,000 подписчиковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

1901 НОВЫЙ МІРЪ 1901

иллюстрированный двухнедѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній, издаваемый ТОВАРИЩЕСТВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ, подъ редакціею П. О. Ольхина.

ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ

безъ всякой доплаты за пересылку премій, **подписчики „НОВАГО МІРА“ получатъ въ теченіи 1901 года**, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, слѣдующія **пять** изданій:

1) ЖУРНАЛЪ **„НОВЫЙ МІРЪ“** съ **«Всемірной Лѣтописью»** **24 выпуска** въ форматѣ лучшихъ европейскихъ иллюстрацій.

2) Иллюстриров. журналъ прикладныхъ знаній **„МОЗАИКА НОВАГО МІРА“** (24 выпуска), вмѣщающій въ себѣ 16 рубрикъ.

3) ЖУРНАЛЪ Литературные **ВЕЧЕРА** новаго міра **12 ежемѣсячныхъ** иллюстриров. книжекъ романовъ и повѣстей для семейнаго чтенія.

4) 12 изящно переплетенныхъ книгъ ежемѣсячнаго журнала

„БИБЛІОТЕКА РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ“

въ составъ котораго войдетъ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **М. Н. ЗАГОСКИНА** въ 12 изящно переплетенныхъ томахъ, съ біографіею и портретами писателя.

или

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **ПРЕОСВ. ИННОКЕНТІЯ** въ 12 изящно переплетенныхъ томахъ, съ біографіею и портретами писателя.

Каждому подписчику предоставлено выбрать собраніе сочиненій того или другого писателя.

5) **НОВЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ**

„ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ВѢСТНИКЪ ОТЧИЗНОВѢДѢНІЯ, ИСТОРІИ, КУЛЬТУРЫ, ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССІИ, ИЗДАВАЕМЫЙ ТОВАРИЩЕСТВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ, ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ И. М. ОЛЬХИНА.

Первый русскій журналъ, посвященный исключительно изученію Россіи въ ея прошломъ и настоящемъ и выясненію и обсужденію ея нуждъ и потребностей, **52 №№ въ годъ.**

Въ составъ журнала будутъ входить—въ *первомъ его отдѣлѣ*: статьи и изслѣдованія по всѣмъ вопросамъ русской жизни, описанія выдающихся мѣстностей, путешествія по Россіи, историческія изслѣдованія, соединяющія, вмѣстѣ съ серьезностью научной обработки, общедоступность изложенія; во *второмъ-же отдѣлѣ*: полная лѣтопись всего, что творится изо-дня-въ-день на Руси во всѣхъ уголкахъ нашего отечества, корреспонденціи, сообщенія, замѣтки, обзоры разныхъ сторонъ русскаго быта и хроника русской жизни.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отдѣлѣ принимаютъ участіе лучшія научныя и литературныя силы, посвятившія себя изученію Россіи. Какъ тотъ, такъ и другой отдѣлы будутъ иллюстрированы преимущественно фотографическими автотипіями съ натуры—какъ наиболѣе точнымъ способомъ воспроизведенія дѣйствительности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НОВОМУ МІРУ“ со всѣми преміями и приложеніями, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи на годъ . . . . . **14 р.**

Роскошное изданіе—**18** руб. За границу—**24** руб., роскошное изданіе—**28** руб. Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе **2 руб.**, остальные же деньги могутъ высылаться, по усмотрѣнію подписчика, ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ **14 руб.** При подпискѣ въ разсрочку первая безплатная премія (12 перепл. книгъ «Библіотека русск. и иностр. писателей» высылается только по уплатѣ всей подписной суммы.

Объявленія для помѣщенія въ журналахъ: „НОВЫЙ МІРЪ“ и «МОЗАИКА НОВАГО МІРА»,—принимаются съ платою: сзади текста по **40** коп. за строку нонпарели въ $^1/_5$ ширины страницы «Новаго Міра» или $^1/_3$ ширины «Мозаики Новаго Міра»; передъ текстомъ плата двойная.

Подписка на Новый Міръ» и объявленія принимаются въ конторахъ журнала, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, № 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ № 12, а также въ редакціи «Новаго Міра», въ С.-Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 16 линія, собст. домъ, №№ 5—7.

SLOVANSKÝ PŘEHLED

(Славянское Обозрѣніе),

ежемѣсячный всеславянскій журналъ

въ III-мъ году изданія

будетъ издаваться по прежней программѣ. Журналъ выходитъ книжками въ 3 и больше листовъ, въ первую пятницу каждаго мѣсяца (исключая—августъ и сентябрь), заключая въ себѣ статьи и корреспонденціи, касающіяся культурной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ, сверхъ того будутъ печататься переводы стихотвореній славянскихъ поэтовъ на чешскомъ языкѣ, библіографическія извѣстія изъ всѣхъ славянскихъ литературъ, свѣдѣнія о славянскомъ искусствѣ и пр.

Подписная цѣна для Россіи 3 руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ конторѣ журнала «Slovanský Přehled» въ Прагѣ Чешской (адресъ: Nakladatelstvo *F. Šimáček*, Praha, Jerusalemksù ul. 11).

Издатель *Ф. Шимачекъ*. Редакторъ *А. Черны*.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ V-ЫЙ.

1901 г. **открыта подписка** 1901 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

выходящую ВЪ ОДЕССѢ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ

съ иллюстраціями въ текстѣ:

Рисунки событій дня, портреты общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. под., появляющіеся на отдѣльныхъ листахъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю.

Съ Января 1901 г. въ иллюстр. листахъ будетъ печататься полный переводъ послѣдняго романа Эмиля ЗОЛЯ

„ТРУДЪ".

Подписная цѣна на газету „Южное Обозрѣніе": Въ Одессѣ съ дост. на домъ на годъ 6 р., 6 мѣс. 3 р. 50 к., 3 мѣс. 1 р. 80 к., 1 мѣс. 60 к. На города (съ пересылкой) на годъ 8 р., 6 мѣс. 4 р., 3 мѣс. 2 р., 1 мѣс. 70 к. Допускается разсрочка платежа.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты „Южное Обозрѣніе", при типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная ул., соб. домъ.

Редакторы: *В. Н. Маракуевъ. Н. П. Цакни.*

Издатель *Г. М. Бейленсонъ.*

Годовые подписчики „Южнаго Обозрѣнія" имѣютъ право пріобрѣтать слѣдующія вновь выходящія въ 1901 году иллюстрированныя изданія по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ:

„ЖЕНСКІЙ АЛЬМАНАХЪ"

подъ редакціей проф. А. Н. Деревницкаго и Н. Т. Герцо-Виноградскаго.

Въ „Женскомъ Альманахѣ" принимаютъ участіе: А. Е. Богрова, З. А. Венгерова, П. И. Вейнбергъ, М. Л Волкова, И. А. Гриневская, Л. Я. Гуревичъ, С. П. Даль, В. Каменская, проф. А. И. Кирпичниковъ, Е. Ѳ. Литвинова, М. П. Салтыкова, О. Н. Чюмина, О. А. Шапиръ и др.; составленіе отдѣла по женскому образованію любезно принялъ на себя проф. А. Н. Деревицкій.

Просятъ гг. годовыхъ подписчик. заявлять свои требованія на «Женскій Альманахъ» не позже 15 февраля 1901 г.

ТЕХНИЧЕСКІЙ, городск. и сельского хозяйствъ СБОРНИКЪ

подъ редакціей инженеровъ Г. М. Вольфензона и В. И. Зуева,

Просятъ гг. подписчиковъ заявлять свои требованія на „Техническій Сборникъ" не позже 15 февраля 1901 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901-й ГОДЪ

НА ГАЗЕТУ

„ВОСХОДЪ“

выходящую *два раза въ недѣлю*

и ежемѣсячный журналъ „КНИЖКИ ВОСХОДА“

Восходъ посвященъ интересамъ еврейскаго народа. Онъ стремится къ укрѣпленію внутреннихъ силъ еврейства, подъему культурнаго уровня массы и объединенію силъ интеллигенціи на дружной работѣ на народной еврейской нивѣ; его задача—служить дѣлу національнаго возрожденія, гражданской и общественной эмансипаціи евреевъ среди другихъ народовъ.—Газета выходитъ **два раза въ недѣлю**, разм. въ 2 печ. листа, и имѣетъ слѣд. содержаніе: **руководящія статьи** по всѣмъ текущимъ вопросамъ еврейской жизни въ Россіи и за границей, **хроника** всѣхъ новѣйшихъ извѣстій, **корресп.** изъ провинціи и загран., **сенатская** и судебная **практика** по еврейскимъ дѣламъ (сен. указы), юридич. **безплатная** консультація (отвѣты на юрид. вопросы подписчиковъ въ особомъ отдѣлѣ), **обзоры** евр., русской и польск. **печати**, **фельетонъ** (разск. и проч.), **обзоры общей политич. жизни** Россіи и иностр. государствъ, критика и библіографія.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ—**7 руб.** въ годъ (допуск. разсрочка: при подпискѣ—3 р., къ 1 марта—2 р. и къ 1 іюля—2 р.).

КНИЖКИ ВОСХОДА—выходятъ **ежежѣсячно** въ разм. до 10 печ. лист. **Повѣсти** и **разсказы** изъ евр. жизни, стихотв. и популярн. научныя **статьи по исторіи, литературѣ, религіи, философіи, критикѣ, вопр обществ. жизни**. **Книжки восхода**—**единственный** журналъ, посвященный. еврейской литературѣ и наукѣ, на русскомъ языкѣ. Желая способствовать его широкому, распространенію, новая редакція установила отдѣльную подписку за **крайне доступную** цѣну:

12 книгъ за 3 руб. (съ перес.).

Главная Контора «Восхода» помѣщается въ С.-Петербургѣ, Площадь Большого Театра, д. 2.

Подписчики на оба изданія, **внесшіе до 1 января 1901 г.** всю плату за годъ, получаютъ газету въ этомъ году со дня подписки **безплатно.**

Годовые подписчики на оба изданія получатъ въ 1901 годъ **безплатное приложеніе: Сборникъ повѣстей и разсказовъ** одного изъ талантливѣйшихъ современныхъ беллетристовъ **И. Зангвилля**, въ изящно изданномъ томѣ, разм. до 20 печ. листовъ.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ *(12 годъ изданія)*

На общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА".

Въ теченіе 1900 года въ «Русской Школѣ» напечатаны были между прочимъ, слѣд статьи: 1) Педагогическій съѣздъ въ Одессѣ въ 1881 году. Громака-Громаченка; 2) Въ былой духовной школѣ. М. Куклина; 3) Замѣтки и наблюденія (изъ записокъ бывшаго сельскаго учителя). Дидо; 4) Вспомогательныя школы для отсталыхъ и малоспособныхъ дѣтей на Западѣ Д-ра Щеглова; 5) Положеніе естествовѣдѣнія въ заграничныхъ среднихъ школахъ. Н. Кричагина; 6) Школьный день. А. П. Нечаева; 7) Умственное утомленіе и переутомленіе. Проф. И. Оршанскаго; 8) О постановкѣ преподаванія и воспитанія сообразно естественному ходу умственнаго развитія, Проф. И. Сикорскаго; 9) Средняя школа въ Россіи тридцать лѣтъ тому назадъ. Проф. В. А. Бильбасова; 10) Соображенія школьнаго врача по поводу реформы средней школы. Д-ра А. С. Виреніуса; 11) Наши школьные вопросы. (Изъ посмертныхъ бумагъ). В. Стоюнина; 12) Школьныя противорѣчія. Старова; 13) Наши учителя, ученики и система. П. Головачева; 14) Пансіоны и общежитія А. Анастасіева; 15) Къ вопросу о матеріальномъ положеніи педагоговъ нашей средней школы. Юрія Андреева; 16) По вопросу о положеніи учителей городскихъ училищъ. И. У.; 17) По поводу толковъ о введеніи новаго устава для духовно-учебныхъ заведеній. П. Маркова; 18) Къ вопросу о пересмотрѣ программъ классическихъ гимназій. М. Тростникова; 19) Изъ исторіи народной школы. В. А. Бильбасова; 20) Вліяніе народнаго образованія на народныя богатство, здоровье и нравственность. П. Мижуева; 21) Насущный вопросъ въ области народнаго образованія. И. Бѣло-

конскаго: 22) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1899 годъ. Его-же; 23) Организація книжной помощи народнымъ учителямъ. М. Новикова; 24) На пользу русской народной школѣ. М. Страховой; 25) Вопросъ о всеобщемъ обученіи крестьянскаго населенія въ тверскомъ земствѣ. И. Красноперова; 26) Начальныя народныя училища въ Вятской губерніи. А. А. Красева; 27) Русское начальное народное образованіе на Парижской всемірной выставкѣ. И. Бѣлоконскаго; 28) О преподаваніи педагогики въ женскихъ гимназіяхъ. А. Анастасіева; 29) Критическій обзоръ способовъ обученія правописанію Ап. Соболева; 30) Объ ариѳметическихъ задачахъ алгебраическаго характера. С. Шохоръ-Троцкаго; 31) Объемъ задачи и цѣль пропедевтическаго курса естествовѣдѣнія въ средней школѣ. М. Ускова; 32) О желательной постановкѣ курса средневѣковой исторіи. Проф. Н. И. Карѣева; 33) Опытъ психологіи грамоты. Кл. Тихомирова и многія другія.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Ев. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессіональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб., съ доставкой 7 руб. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкой—восемь руб.; за границу девять руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ**

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ.

Двадцать первый годъ изданія.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ".

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Выходитъ ежедневно безъ предварительной цензуры.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, экономической и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. *Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края" и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства".* V. Послѣднія извѣстія (сообщенія собственныхъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Маленькій фельетонъ. X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстія другихъ газетъ. XII. Извѣстія по горному дѣлу. XIII. Внѣшнія извѣстія: *письма заграничныхъ корреспондентовъ, послѣдняя почта.* XIV. Фельетонъ: научный, беллетристическій, критическій и общественной жизни. XV. Судебная хроника. XVI. Библіографія. XVII. Смѣсь. XVIII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XIX. Почтовый ящикъ. XX. Календарь. XXI. Справочныя свѣдѣнія: засѣданія учебныхъ обществъ, театръ и зрѣлища, дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, и резолюціи по нимъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. XXII. Сторонніе сообщенія. XXIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ очень многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Редакція ежедневно получаетъ извѣстія изъ Петербурга и Москвы отъ собствен. корреспондентовъ.

Въ „Южномъ Краѣ" помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиканки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

Подписная цѣна на 1901 годъ:

съ доставкою въ Харьковѣ:

На 12 м. 10 р., 11 м. 9 р. 50 к., 10 м. 9 р., 9 м. 8 р. 25 к., 8 м. 7 р. 50 к., 7 м. 6 р. 75 к., 6 м. 6 р., 5 м. 5 р. 25 к., 4 м. 4 р. 50 к., 3 м. 3 р. 40 к., 2 м. 2 р. 40 к., 1 м. 1 р. 20 к.

Съ пересылкою иногороднимъ:

На 12 м. 11 р., 11 м. 10 р. 50 к., 10 м. 10 р., 9 м. 9 р. 20 к., 8 м. 8 р. 50 к., 7 м. 7 р. 80 к., 6 м. 7 р., 5 м. 6 р., 4 м. 5 р., 3 м. 4 р., 2 м. 3 р., 1 м. 1 р. 50 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ конторой.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край", на Сумской улицѣ, въ домѣ А. А. Іозефовича, № 13.

„Южный Край" печатается НА РОТАЦІОННОЙ МАШИНѢ МАРИНОНИ, ПОЛУЧЕННОЙ ИЗЪ ПАРИЖА, которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель А. А. ІОЗЕФОВИЧЪ.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

двадцать второй годъ

на ежемѣсячное литературно-политическое изданіе

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Вышла декабрьская (двѣнадцатая) книга журнала. Содержаніе: 1) Тернистый путь. (Разсказъ).—И. А. Салова. Окончаніе. 2) Злая немочь. (Разсказъ).—Н. Анненковой-Бернардъ. 3) Ледъ растаялъ.—Франца Фердинанда Гейтмюллера. (Пер. съ нѣм.).—Н. К. 4) Другъ для друга. (Повѣсть).—И. Н. Потапенка. (Окончаніе). 5) Первое путешествіе, первая ложь. Альфонса Додэ. Пер. съ фр. Макса Ли. (Окончаніе). 6) Будничный день. Новелла Антонія Потоцкаго (Грота).—(Пер. съ польск.) В. М. Л. 7) Всемірный языкъ и народные языки.—В. В. Лесевича.

(Окончаніе). 8) Главнѣйшіе представители Дарвинизма въ западной Европѣ. Августъ Вейсманнъ. М. А. Мензбира. 9) Къ вопросу о нашихъ университетахъ. Стараго профессора. 10) Очерки санитарной статистики. П. И. Курбина. (Окончаніе). 11) Сенъ Симонъ и начатки французскаго позитивизма. И. И. Иванова. (Окончаніе). 12) О нашемъ фабричномъ законодательствѣ. В. П. Литвиновъ-Фалинскій: „Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи". Спб., 1900 г.)—И. О. 13) Фридрихъ Ницше. Аристократическій радикализмъ. Статья Георга Брандеса. Пер. съ датск.—В. С—ой. 14) Письма о западѣ. (Письмо первое). П. С. Когана. 15) Генрикъ Сенкевичъ. (Съ итальянскаго). Е. К. 16) Земскій подвижной школьный музей.—О. К—ской. 17) Возраженіе Г. И. П. По поводу статей г. Хитрово о русск. воен. уголовн. процессѣ и возможной его реорганизаціи. Н. П. Хитрово. 18) Письмо въ редакцію. По поводу книги д-ра П. И. Якобія: „Основы административной психіатріи.—Д-ра Вл. Яковенка. 19) Со стороны (Письма изъ деревни).—Веталиса. 20) Внутреннее обозрѣніе. 21) Иностранное обозрѣніе.—В. А. Г. 22) Письма о современномъ искусствѣ. 23) Горе героямъ! (Письмо въ редакцію).—Ив. И. Иванова. 24) Библіографическій отдѣлъ. 25) Объявленія.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи: на 12 м. 12 р., 9 м. 9 р., 6 м. 6 р., 3 м. 3 р., 1 м. 1 р. Заграницу: на 12 м. 14 р., 9 м. 10 р. 50 к., 6 м. 7 р. 3 м. 3 р. 50 к., 1 м. 1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го апр., 1-го іюля, 1-го октября по 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 р. 30 к. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ полнаго годового экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается. Подписка принимается: въ Москвѣ, въ к-рѣ журнала. Шереметевскій пер., д. гр. Шереметева, кв. 30., въ Спб. въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Кіевѣ, въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ, въ кн. маг. Н. Ц. Карбасникова, въ Вильнѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова.

При редакціи находится магазинъ русск. и иностр. книгъ. (Уг. Б. Никитской ул. и Леонтьевск. пер., д. Хилатова) съ пріемомъ подписки на всѣ журналы, газеты и словари Брокгауза и Гренатa. Кн. маг. принимаетъ на коммиссію истор. изданія и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, принимаетъ на себя составленіе народн. и другихъ библіотекъ на какія угодно суммы, даетъ справки по открытію библіотекъ и складовъ для продажи книгъ.

Редакторъ-Издатель **В. М. Лавровъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. П. А. КУЛИШЪ. Біограф. очеркъ. Гл. I—V. **В. Шенрока.** 153—179

II. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе).* **Ор. Левицкаго.** . . . . . 180—216

III. УКРАИНСКАЯ ВѢДЬМА. (Очеркъ). **В. Милорадовича.** 217—233

IV. НАША ДОЛЯ—БОЖА ВОЛЯ. Повисть. *(Продолженіе).* **Д. Яворницкаго.** . . . . . 234—282

V. ПИСЬМА М. М. ЛАЗАРЕВСКАГО КЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКУ (1857—1859 г. г.). **В. Н.** . . . . . 283—300

VI. ПАМЯТИ В. С. ГНИЛОСЫРОВА. **В. Науменка.** . . . 301—307

VII. М. Т. СИМОНОВЪ (НОМИСЪ). Некрологъ. **В. Н.** . . . 308—311

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Нѣкоторыя данныя для біографіи Т. Г. Шевченка. **В. Д.**; б) Письмо А. Л. Метлинскаго къ Н. И. Костомарову о проектѣ общества для изданія малорусскихъ народныхъ книгъ; в) Письмо В. В. Тарновскаго къ Т. Г. Шевченку; г) Вѣнчаніе вокругъ «дижи». Сообщ. **В. Доманицкій**; д) Къ бытовой исторіи малорусскихъ монастырей; е) Переселеніе малороссіянъ въ Тамбовскій край въ полов. XVIII в.; ж) Къ исторіи народнаго волненія, бывшаго въ гетманщинѣ вслѣдъ за поставленіемъ Мазепы гетманомъ; з) Походное вооруженіе гетманскаго козака; и) Литература народнаго самоврачеванія въ Малороссіи; і) Два универсала Спиридону Шираю, 1688 г.; к) Опись домашнихъ вещей бунч. тов. Григорія Фридрикевича; л) Могила подъ Любаромъ; м) Справка **В. Срезневскаго.** 65—84

Текущія извѣстія . . . . . 84—91

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. XXXVII и XXXVIII. **В. Д.**; б) А. Я. Ефименко. «На Украинѣ». Очерки и разсказы. **В. Д.**; в) Указатель къ матеріаламъ, собраннымъ г. Чубинскимъ въ «Трудахъ этнограф.-статистической экспедиціи Имп. Русск. Геогр. Общ. въ загадно-русскій край». **Кіяшина**; г) Свящ. о. Игнатій Лотоцкій. Виннице-Браиловскій женскій монастырь и его святыни. **В. Д**; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . 92—120

Археологическая лѣтопись. . . . . . 121—130

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго.** Листъ 12-ый. . . . . 177—192